

Инновационная парадигма развития системы права

**Гомель
2021**

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Ташкентский государственный юридический университет

**ИННОВАЦИОННАЯ
ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ПРАВА**

Международная научно-практическая конференция

(Гомель, 19 февраля 2021 года)

Сборник материалов

Научное электронное издание

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2021

ISBN 978-985-577-758-9

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет
имени Франциска Скорины», 2021

УДК 34.04:001.895

Инновационная парадигма развития системы права
[Электронный ресурс] : Международная научно-практическая конференция (Гомель, 19 февраля 2021 года) : сборник материалов / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Ташкентский гос. юрид. ун-т. ; редкол. : И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.]. – Электронные текстовые данные (3,55 МБ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – Системные требования : IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер; скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана.

Материалы Международной научно-практической конференции содержат доклады, сообщения ученых и практических работников, посвященные исследованию тенденций развития системы права в контексте формирования инновационного общества, проблемам правоприменения и способам их преодоления.

Издание может быть полезно научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, практическим работникам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией при участии издательства.

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (главный редактор),
В. А. Брилёва (заместитель главного редактора),
Н. В. Копыткова, Е. А. Ковалёва

ГГУ им. Ф. Скорины
246028, Гомель, ул. Советская, 104,
Тел.: (0232) 51-03-26, 51-02-97
<http://www.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Абраменко Е. Г. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ).....	9
Алексеева Н. И. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ.....	11
Арсентьев Г. В., Пожарная О. В. ПЕРВАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РЕШЕНИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА США.....	14
Баринов А. М., Евстратчик С. В., Меньшикова Г. А. ДОСЬЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	17
Брилёва В. А., Сопот Г. К. ИСТОЧНИКИ ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	21
Брилёва В. А., Сычева В. А. ОБ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ И МЕТОДАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА.....	23
Брилёва В. А., Сычев Н. Д. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ФУНКЦИЙ ПРАВА.....	27
Брилёва В. А., Ярошонок З. Э. О ПОНЯТИИ СУЩНОСТИ ПРАВА.....	29
Васильев И. А. СПОРТИВНОЕ ГРАЖДАНСТВО В ФУТБОЛЕ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЯ ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАНИЯ СПОРТСМЕНА.....	31
Елаев А. А. НАГРАЖДЕНИЕ ЗНАКОМ «ЖИТЕЛЬ ОСАЖДЁННОГО СЕВАСТОПОЛЯ» КАК НОВОЕ ОСНОВАНИЕ ОТНЕСЕНИЯ ЛИЦ К КАТЕГОРИИ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	34
Mozhayeva A. A. THE COMMUNITY LEVEL PREVENTION OF CHILDHOOD OBESITY... ..	38
Мытник Е. В. К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ОГРАНИЧЕНИЯ АВТОНОМИИ БЕССАРАБИИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1813–1818 гг.....	42
Нерад А. С., Ленцевич О. М. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XIX в.: СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА.....	44
Погорлецкая И. И. ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА XVI–XVII ВЕКОВ.....	47
Ставиного В. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИТАРНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ.....	50
Сенькова Т. В. ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	53
Хамякова А. А. ПАЛТЫКА-ПРАВОВЫЯ ПОГЛЯДЫ ВАСЛЯ ЦЯПІНСКАГА.....	56
Чертова Н. А., Ершова И. В., Жура С. Е. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.....	58
Чинчикова Г. Б. ОБ АНАТОМИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА СУБЪЕКТОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ).....	60
Шафалович А. А. ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ТИП ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА.....	63

СЕКЦИЯ 2

КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Бурцева С. С. ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.....	67
Буткевич И. А. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	70
Денисенко Н. В. К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЗДНОСТИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	71
Иванчикова Л. Д. ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ.....	74
Калугин Д. А. ИЗГОЙ-ОДИН: ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАК НОВАЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ.....	77
Каравая Е. М. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ: БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	80
Kobets P. N., Krasnova K. A. ENSURING THE SAFETY OF TOURISTS IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: EXPERIENCE OF RUSSIA	83
Поливода Я. В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ПАРЛАМЕНТАРИЕВ В СТРАНАХ СНГ.....	87
Супрун С. С. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	90
Трощинский П. В. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ.....	92
Усова Е. И., Жукова А. В. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	95
Эсмантовіч Я. І., Эсмантовіч І. І. МЯСЦОВАЕ САМАКІРАВАННЕ І ГРАМАДЗЯНСКАЯ СУПОЛЬНАСЦЬ ЯК НАЙВАЖНЕЙШЫЯ ФАКТАРЫ ЁСТОЙЛІВАГА РАЗВІЦЦЯ	98

СЕКЦИЯ 3

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

Афонченко Т. П., Жук Я. В. О ПРОЯВЛЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И ЕГО НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ.....	101
Безгинский Б. Г. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ.....	104
Ерофеева Е. А. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	106

Качалова О. В. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ	109
Киш К. А., Полещук О. О. ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ТРУДАХ В. Д. СПАСОВИЧА.....	112
Конин В. В. ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ....	114
Крышевич О. В., Ершова И. В. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТИРОВАНИЯ....	116
Кузьмичёв С. А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ, ВЕДУЩИХ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС.....	120
Лобач Д. В. УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	123
Лупачев П. В. К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИКРОФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	127
Марковичева Е. В. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: КРИЗИС И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ.....	130
Машинская Н. В. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.....	131
Михневич В. Н. ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА КАК ПОДЭЛЕМЕНТ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ (НА ПРИМЕРЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ).....	134
Мотин А. В. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ.....	136
Набатова А. Э. К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ГЕНДЕРНОЙ КРИМИНОЛОГИИ: ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ.....	139
Нагорнов К. И. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПЫТА БЕЛОРУССИИ, РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА.....	141
Rakhmanova E. N. LIABILITY FOR DOPING IN AMATEUR SPORTS.....	144
Резюк В. И. ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ.....	147
Решняк М. Г. УНИФИКАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ.....	149
Рытиков Т. А. СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....	153
Синица И. М. К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ВЗЯТКИ.....	157
Скрипченко Н. Ю. «НЕРАЗЪЯСНЕННЫЕ» ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ ТОВАРОВ, ВЫПОЛНЕНИЕМ РАБОТ, ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ.....	159

Старикова Е. В. РАВЕНСТВО ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ И РАВЕНСТВО ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ.....	161
Сунгурова Е. Д. ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СТАТЬЕ 235 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	164
Фазульянов О. Б. НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ СО СКЛОНЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ К САМОУБИЙСТВУ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ.....	167
Храмов С. М. СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ОСНОВА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	169
Хроменков И. Р. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: МНОГООБРАЗИЕ РАКУРСОВ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ.....	172
Черноокая Т. В. ХИЩЕНИЕ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	175
Черноудова М. Г. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	178
Цыкунова И. Н. ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	181
Эйвазов А. Х. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ.....	184

СЕКЦИЯ 4

ГРАЖДАНСКОЕ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ, ТРУДОВОЕ, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Апенюк А. Г. ПРЕЗУМПЦИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТРУДОВОГО ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	186
Батура С. П. О РАЗВИТИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В СИСТЕМЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.....	189
Безносик Н. П. ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	192
Белюсова В. Д. ПАЛЛИАТИВНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	194
Березюк Л. А. ОСОБЕННОСТИ ДЕЛЕНИЯ РАБОЧЕГО МЕСТА МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ С НЕПОЛНЫМ РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ.....	195
Гапоненко Д. В. ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ СУДЕБНОГО ДЕЛА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	198
Горбунов М. С. О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МАНИПУЛИРОВАНИЮ РЫНКОМ КРИПТОАКТИВОВ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИНСАЙДЕРСКИХ ОПЕРАЦИЙ.....	200
Греченков А. А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТПУСКОВ В ТРУДОВЫХ КОДЕКСАХ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	204

Гурская С. П. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	207
Зайчук Г. И. ПРУД-КОПАНЬ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.....	210
Зинкевич Е. В. НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ЧЛЕНОВ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ.....	213
Kleralova Y. I. ON THE ISSUE OF AGE DISCRIMINATION К ВОПРОСУ	215
Ковалёва Е. А. ИЗМЕНЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ И УЗБЕКИСТАНА.....	219
Ковалёва Н. П. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	222
Ковалёва Н. П. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПЕНСИЮ В СВЯЗИ С СЕМЕЙНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ.....	224
Ковалёва Т. В. МЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....	227
Копыткова Н. В. ПРАВО ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК В СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ.....	230
Колодинская И. В. ПООЩРЕНИЕ РАБОТНИКОВ, СОВМЕЩАЮЩИХ РАБОТУ С ПОЛУЧЕНИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ.....	232
Ленцевич О. М. КРИТЕРИИ ПРИЗНАНИЯ ДОЛЖНИКА – ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА БАНКРОТОМ.....	234
Можаева Л. Е., Новицкая Е. Н. ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ВИД ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	237
Можаева Л. Е., Петроченко Ю. С. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОШЛИНА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	239
Можаева Л. Е., Смага Д. А. НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	242
Парукова Е. В. ОТКАЗ ОТ ЮРИСДИКЦИОННОГО ИММУНИТЕТА КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТОРА.....	245
Парукова Е. В., Сакунова Ю. Ю. СУПРУЖЕСКАЯ ДОЛЯ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ.....	248
Пенязькова А. И. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ.....	250
Рожкова А. Ю. К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОМ ПРОФИЛЕ РАБОТНИКА.....	252
Ранько Е. Л. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА НА КОМПЬЮТЕРНУЮ ПРОГРАММУ В СВЕТЕ ПРИНЯТИЯ НОВОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ.....	256
Svarchevsky K. G., Lonskaya V. V. CONVALIDATION OF NULL AND VOID TRANSACTIONS FOLLOWING THE ESTOPPEL PRINCIPLE	258
Serenko S. B. THE INFLUENCE OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES DEVELOPMENT ON THE FORM OF A CIVIL LAW TREATY	260
Силивончик А. Г. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ БАНКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН.....	263
Скуратов В. Г. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАЛОГА ПРИ ЭМИССИИ ОБЛИГАЦИЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	266

Субботина Л. А., Федорова Д. А. К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.....	269
Федотов В. А. УСЛОВИЕ О ВЫВОЗЕ ТОВАРОВ ЭКСПОРТНОГО ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ.....	272
Халецкая Т. М. О РАЗДЕЛЕ СУПРУЖЕСКИХ ДОЛГОВ.....	274
Шелков О. В. АУТСОРСИНГ В БЕЛАРУСИ: ЗА И ПРОТИВ.....	277
Юдин Е. В. СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В МЕДИЦИНСКИХ ЦЕЛЯХ КАК ФАКТОР, ВЫЗЫВАЮЩИЙ НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДАННОЙ СФЕРЕ.....	280

СЕКЦИЯ 1

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Е. Г. Абраменко

канд. полит. наук, доц.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Обеспечение гендерного равенства является одной из приоритетных сфер государственной политики. Государственная гендерная политика — это деятельность государственных институтов, направленная на осуществление и обеспечения равных прав, свобод и возможностей для женщин и мужчин, утверждение гендерной демократии и формирования гендерной культуры в обществе. Ее составляющими являются:

политика в отношении женщин, обеспечивающая им равный социальный статус с мужчинами путем гарантирования возможностей для их равноправного развития как социально-демографической группы;

политика в отношении мужчин, формирование у них гендерного сознания, культуры гендерного поведения, ориентации на паритетность отношений с женщиной;

государственно-правовое регулирование гендерных отношений;

содействие развитию гендерной демократии и гендерной культуры в обществе

В основе гендерной политики Республики Беларусь лежат общепринятые международные нормы, закрепленные в Конвенциях ООН и других международных документах, направленные на преодоление всех форм и проявлений дискриминации по половому признаку и создание условий, дающих каждому человеку право, независимо от пола, на всестороннюю реализацию личностного потенциала: Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к ней, Декларация и платформа действий Всемирной конференции по улучшению положения женщин (Пекин, 1995 г.), Декларация ООН об искоренении насилия в отношении женщин.

В Республике Беларусь вопросами гендерного равенства занимаются:

- Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь, который является постоянно действующим органом по вопросам государственной политики в сфере гендерного равенства.

- Постоянная комиссия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по демографической безопасности и социальному развитию;

- Постоянная комиссия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по охране здоровья, физической культуре, делам семьи и молодежи;

- Управление социально-культурной сферы Аппарата Совета Министров Республики Беларусь;

- Министерство труда и социальной защиты (отдел народонаселения, гендерной и семейной политики).

На сегодняшний день, основным документом, который призван обеспечить гендерное равенство в Республике Беларусь является Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2021-2025 гг. Это уже шестой программный документ в области гендерной политики (первый Национальный план был принят в 1996 г.). Его цель – внедрение в реализацию государственной политики гендерного фактора как неотъемлемого условия равноценного развития человеческого капитала женщин и мужчин. Для ее достижения предусматривается решение следующих задач:

1) совершенствование институционального механизма по обеспечению гендерного

равенства; 2) выравнивание социально-экономических возможностей мужчин и женщин, содействие совмещению родительских и профессиональных обязанностей; 3) обеспечение гендерно-ориентированной охраны здоровья; 4) противодействие насилию в семье и торговле людьми; 5) информационно-просветительское сопровождение мер, направленных на обеспечение гендерного равенства [1].

Осуществление принципа равноправия обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, реализации права на труд и вознаграждения за него, общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин. Принцип равенства прав, свобод и возможностей мужчин и женщин закрепляется Конституцией Республики Беларусь, а также в отдельных кодексах и законах: Кодекс о браке и семье, Трудовой кодекс, Уголовный кодекс, Гражданский кодекс и др. Стоит отметить, что в Республике Беларусь нет отдельных нормативно-правовых актов регулирующих вопросы гендерного равенства.

В Республике Узбекистан положения о равенстве прав человека независимо от пола и иных признаков закреплены Конституцией (ст. 46) и практически всеми законами, регулиющими права человека, в том числе: в Избирательном, Гражданском, Семейном, Трудовом, Уголовном кодексах и др.

Вопросами гендерного равенства занимаются:

- Министерство по поддержке махалли и семьи, основным направлением работы которого является разработка и реализация единой государственной политики в сфере поддержки и защиты интересов семьи, женщин и престарелых, установление сотрудничества с органами самоуправления граждан.

- Уполномоченный Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека, который осуществляет сотрудничество со всеми республиканскими, международными и неправительственными органами и организациями по правам человека, включая обеспечения реализации прав женщин.

- Комитет Сената по вопросам женщин и гендерного равенства, основная цель которого разработка рекомендаций по государственной политике в области гендерного равенства и активного участия женщин в общественно-государственной работе.

2 сентября 2019 г. были приняты законы «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» и «О защите женщин от притеснения и насилия». Ст. 3 закона «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» закрепила определения понятий «прямая дискриминация по признаку пола» и «косвенная дискриминация по признаку пола». Ст. 6 закрепляет государственную гарантию равноправия при осуществлении личных, политических, экономических, социальных и культурных прав. Также закон определяет основные направления гендерной политики: формирование и совершенствование нормативно базы, реализацию государственных программ, и стратегий, обеспечение равного участия женщин и мужчин в управлении делами общества и государства, равных прав и возможностей в совмещении трудовых и семейных обязанностей, формирование соответствующей правовой культуры и др. Законом закрепляются основные направления полномочия Кабинета Министров, уполномоченного органа и других государственных органов и институтов гражданского общества по предупреждению и недопущению дискриминации в отношении женщин в различных сферах жизни общества.[2] Закон «О защите женщин от притеснения и насилия» от 2.09.2019 г. определяет понятия полового, физического, экономического и психологического насилия (ст.3). Субъектами борьбы с притеснением и насилием в отношении женщин согласно закону являются не только правоохранительные органы, но и органы исполнительной власти в центре и на местах, органы в сфере образования, труда, здравоохранения, женские и иные негосударственные организации, органы самоуправления граждан, специальные центры по оказанию помощи жертвам насилия.

Ст. 5 закона определяет основные направления государственной гендерной политики в данной сфере. [3]

Таким образом, процесс обеспечения фактического гендерного равенства требует государственных гарантий, определяемых гендерной политикой государства, которая направлена как на расширение доступа женщин к услугам и ресурсам, так и на изменение социальных норм закрепляющих неравенство. Безусловно, формирование гендерной политики должно сочетать международные опыт и национальные традиционные ценности.

Список использованных источников

1. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2021-2025 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 декабря 2020 г. № 793 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000793&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 24.01.2021.

2. О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан, 02 сент. 2019г, №ЗРУ-562 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/4494873>. - Дата доступа: 24.01.2021.

3. О защите женщин от притеснения и насилия [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан, 02 сент. 2019г, №ЗРУ-561 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://www.lex.uz/docs/4494712>. - Дата доступа: 24.01.2021.

Н. И. Алексеева

канд. юрид. наук, доц.

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ

Национальная правовая система – это комплексная категория, представляющая собой совокупность взаимосвязанных правовых явлений, обусловленных конкретной социально-исторической реальностью, отражающих всю правовую организацию общества и характеризующих уровень развития той или иной страны.

Правовая система – это сложное, многоуровневое динамическое образование, в структуре которого можно выделить отдельные элементы: нормативный (система права и система законодательства, источники права и основные принципы права), институциональный (институты государства и политической системы общества) и социологический (правосознание и правовая культура, юридическая практика, система правоотношений).

Развитие национальной правовой системы обусловлено совокупностью различных факторов (экономическим, политическим, духовным и др.), а также определенными закономерностями: преемственность в развитии правовых систем, прогрессивное развитие правовых систем в соответствии с потребностями общества и др. [1, с.61].

Как эволюционирует система права и правовая система на современном этапе и чем обусловлены изменения?

Проблема кризиса в праве – это одно из направлений в юридической науке, которое разрабатывается в отечественных и зарубежных исследованиях, как в общетеоретическом,

так и в отраслевом аспектах. Кризис в праве констатируют не только ученые, но и практикующие юристы, поскольку его проявления наблюдаются как в самой науке, так и в правоприменительной практике.

Однако относительно понимания кризиса среди исследователей нет единства. Для одних ученых кризис ассоциируется с негативными тенденциями, проявляющимися в невозможности права выполнять основные свои функции, в несовершенстве правовой базы, в несоответствии между закрепленными нормами права в текстах правовых актов и реальными потребностями общества, в снижении авторитета и влияния принципов и норм международного права, в низком уровне правосознания. Для других – кризис права – некий поворотный момент в развитии правовой системы [2].

Некоторые ученые, называя причины кризиса права и определяя его как диссонанс между правовыми нормами и потребностями общества, проявляющийся не только в конфликте ценностей, но и в конфликте между различными принципами, о чем свидетельствуют межотраслевые противоречия и снижение эффективности регулятивной роли права, считают, что преодоление кризиса в современном праве невозможно без выхода человечества из кризиса системы общественных отношений [3, с. 21-26].

Таким образом, кризисные явления – это один из факторов, обуславливающих изменения в системе права на современном этапе развития, другим фактором, оказывающим влияние на трансформацию правовой системы в целом и системы права в частности, является цифровизация.

Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, в зарубежных исследованиях этой проблеме давно уделяется внимание, цифровизация рассматривается как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы в современную эпоху, в отличие от отечественных исследований, в которых освещаются отдельные аспекты указанного явления, в частности использование цифровых технологий в правовой сфере [4].

Несмотря на то, что в исследованиях рассматриваются различные аспекты цифровизации, однако данное понятие еще не устоялось, нет его единого понимания среди ученых. Так, профессор А.А. Дорская выделяет три подхода к пониманию цифровизации государственно-правовой сферы: инструментально-технологический, организационно-управленческий и процедурно-процессуальный [5, с. 11-12].

Говоря о цифровизации права, по мнению А.В. Малько, необходимо выделять два аспекта: 1) разработку «сопровождающего» права, исследование его элементов с точки зрения цифровой эпохи; 2) автоматизацию правовой отрасли [6, с. 8].

Неизбежность трансформации правовой среды была признана на международном уровне еще в начале XXI в., о чем свидетельствует Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая 22 июля 2000 г., первая статья которой гласит, что «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в.».

Цифровизация – это использование цифровых технологий в различных сферах жизни с целью повышения ее качества, а также для развития экономики.

Первоначально внедрение информационных технологий охватило сферу экономики. На государственном уровне была разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в качестве главной цели которой было определено построение экономики инновационного типа. Также в рамках программы была обозначена необходимость создания ключевых институтов (нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов) и инфраструктурных элементов цифровой экономики (информационная структура и информационная безопасность) [7].

Анализ программы позволяет заключить, что праву отводится важное место, поскольку нормативное регулирование значится среди базовых направлений развития, целью которого становится создание «новой регуляторной среды». При этом «право предстает как средство, но не объект цифровизации» [8, с. 88].

Цифровые технологии затрагивают все сферы жизнедеятельности общества и государства, оказывают влияние не только на производственные и социальные процессы, но также меняют политические и культурные традиции. Благодаря цифровым технологиям оформляется цифровая реальность, которой присуще большие данные (Big Data), искусственный интеллект (ИИ), технологии блокчейн, самоисполняющиеся контракты, электронные базы данных, роботы, Интернет вещей, беспилотные системы и т.д.

В связи с цифровизацией экономики и использованием цифровых технологий в других сферах жизни общества происходит трансформация существующих правовых связей и изменения в реализации права. В современном мире под воздействием мощных информационных потоков заметна очень быстрая смена общественных отношений. В связи со стремительным развитием технологий наблюдается прогрессивное отставание правовых норм от потребностей реальной жизни.

Так, примером взаимосвязи прогресса в сфере технологий и права может служить ситуация с использованием QR-кодов для перемещения по г. Москва во время пандемии. С их применением возник ряд вопросов, начиная от идентификации личности до взаимодействия технологий с правами человека. И на данный момент это один из главных вопросов.

Таким образом, технологический фактор оказывает влияние не только на общественные отношения, но и на систему традиционного права. Так, по мнению Э.В. Талапиной, информационные технологии обуславливают трансформацию отдельных элементов системы права. В частности, это привело к появлению нового субъекта права наряду с человеком – «цифровой личности», что требует разрешения проблемы ответственности за действия роботов, а также определения статуса информационных посредников (провайдеров, блогеров и иных субъектов) в отдельных отраслях права. Цифровизация способствует трансформации объектов права, среди которых важное место начинает занимать информация, имеющая значение, как для частного, так и для публичного права. В связи с этим встает вопрос, связанный с доступом к информации, которая в ст. 128 Гражданского кодекса РФ определяется как объект гражданского права. Также меняются и сами правоотношения, которые смещаются в виртуальную реальность. В свою очередь юридическая сила виртуальных действий закреплена на законодательном уровне [9, с. 9-10].

Анализ исследований, позволяет заключить, что трансформация в системе права на современном этапе, с одной стороны, обусловлена кризисными явлениями в праве, а с другой – цифровизацией. Это приводит к изменениям не только количественного характера (появление новых норм, институтов и отраслей права), но и качественного (изменение субъекта права, правосознания и правового поведения).

Цифровизация оказывает воздействие на большинство сторон общественной жизни: экономику, социальную среду, государственные институты, методы государственного управления, а также на правопорядок [10]. По мнению профессора Д.А. Пашенцева, эти процессы будут сопровождаться также преобразованием механизмов правотворчества и правоприменения [11, с. 36-37].

Внедрение информационных технологий приводит к трансформации системы права, что отражается на развитии отдельных правовых институтов, и проявляется в таких отраслях права, как конституционное и гражданское право [5, с. 15], а также на основных признаках права, которые утрачивают свой прежний смысл. Все это наблюдается не только в юридической практике, но и оказывает влияние на теорию права.

В связи с этим на современном этапе развития национальных правовых систем актуальным становится ряд проблем: от трансформации правовых ценностей, преобразования системы права, изменения субъекта и объекта права в связи с использованием информационных технологий, использования больших данных, обмена информацией, идентификации субъекта до перспектив профессии юриста в будущем.

Список использованных источников

1. Бошно, С. В. Современные правовые системы // Право и современные государства. – 2018. – № 2-3. – С. 58 – 71.
2. Власенко, Н. В. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43 – 54; Дорская, А. А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти профессора Ф.М. Рудинского. – М., 2020. – С. 84–88.; Игнатъева, М. В. Теоретические и практические аспекты кризиса в международном плане // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 178 – 181.
3. Краснов, Ю. К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21 – 28.
4. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровизации. Избранные лекции Университета. Вып. 189. – Спб.: СПбГУП, 2019 – 36 с.
5. Дорская, А. А. Трансформация права в условиях цифровизации общественных отношений: кризисные явления и новые возможности // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография. – Казань: Отечество., 2020. – С. 11. – 15.
6. Малько, А. В., Солдаткина, О. Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 5 – 19.
7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017. г., № 1632-р // Информационно-правовой портал «Гарант» – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> – Дата доступа: 31.01.2021.
8. Хабриева, Т. Я., Черногор, Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 85 – 102.
9. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5 – 17.
10. Залоило, М. В., Пашенцев, Д. А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 2. – С.196 – 209.
11. Пашенцев, Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4 (40). – С. 32 – 38.

Г. В. Арсентьев

О. В. Пожарная

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

ПЕРВАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РЕШЕНИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА США

Традиционно основополагающие права и свободы человека закрепляются в основном тексте Конституции государства. Своеобразное исключение из этого правила – Конституция США, создатели которой посчитали излишним прописывать в ней положения о правах и свободах личности. При этом «отцы-основатели» исходили не только из естественного характера прав и свобод, исключаящего, по их мнению, необходимость дополнительной законодательной фиксации. Тревожил их и потенциальный факт юридического закрепления четкого перечня прав и свобод,

следствием чего могло стать ограничение и ущемление граждан в контексте реализации ими иных прав, не упомянутых в Конституции. Однако под давлением общественности конституционное законодательство молодого государства все-таки претерпело изменения, когда в 1791 году большинство штатов ратифицировало Билль о правах – первые 10 поправок к Конституции, содержащие открытый перечень личных и политических прав и свобод граждан.

В рамках данного исследования мы рассмотрим первую поправку и ее интерпретации в решениях Верховного суда США. Первая поправка к Конституции США гласит следующее: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [1].

Как видим, в этой статье использованы достаточно абстрактные и широкие по объему юридические категории, которые, очевидно, нуждались в последующей конкретизации. А поскольку США – страна прецедентного права, эта функция по большей части оказалась возложенной на Верховный Суд США. Этот высший судебный орган, наделенный правом контроля над конституционностью законов, при вынесении своих решений должен для начала истолковать четкую, но порой излишне лаконичную норму Конституции или поправки к ней, установив и раскрыв при этом ее истинный смысл и содержание.

Так, свобода слова, закрепленная в первой поправке к Конституции США, предполагает беспрепятственное, без вмешательства со стороны правительства, выражение гражданами своих мыслей, суждений и соображений в качестве субъектов демократического общества. Однако абсолютная свобода – это, скорее, философская категория, с юридической же точки зрения, определенные ограничения свободы личности, не только возможны, но порой необходимы.

Подтверждением этого тезиса выступает, например, факт того, что материалы, относящиеся к категории непристойных и неприемлемых, в США исторически исключались из-под защиты первой поправки. Аналогичное правило действует и в отношении высказываний, содержащих угрозу, провоцирующих непристойное поведение или совершение поступков, представляющих общественную опасность [2].

Свобода прессы (печати) является своеобразной разновидностью свободы слова и реализуются посредством размещения публикаций в печатных средствах массовой информации, а также в электронном формате. И здесь также есть определенные ограничения, выводящие из-под действия первой поправки как материалы, которые носят лживый, дискредитирующий или клеветнический характер, так и информацию, позорящую или бесчестящую конкретное лицо.

Сложившаяся практика такого, более широкого, понимания первой поправки к Конституции США, тем не менее не снимает всех возможных вопросов относительно свободы слова. Это во многом связано с тем, что «непристойное поведение», «клеветнический характер», «угроза безопасности» и иные категории, упомянутые нами выше, являются субъективными и, следовательно, вполне логично предполагают проблемы их четкой квалификации.

Интерпретация положений подобного рода Верховным судом США в рамках отдельных судебных процессов призвана сократить количество спорных вопросов и привести некое единообразие в понимание основных положений поправок федеральной Конституции. Деятельность, осуществляемая высшей судебной инстанцией страны в этом направлении, может быть проиллюстрирована конкретными примерами из практики.

Из многочисленного перечня судебных прецедентов, связанных с толкованием первой поправки в контексте использования свободы слова, выделим дело «*Schenk v. United States*» 1919 года, когда Верховный суд оставил в силе судебный приговор в отношении активиста Социалистической партии Чарльза Шенка, обвиненного

в распространении листовок, содержащих призыв к молодым людям уклоняться от службы в армии во время Первой мировой войны. Мотивируя свое решение, Верховный суд обратил внимание на то, что у в условиях военного времени подстрекательство к сопротивлению воинскому призыву может представлять серьезную угрозу для национальной безопасности, а, следовательно, в этом случае допускается ограничение свободы слова граждан со стороны государства [2].

Сформулированная в рамках дела «Schenk v. United States» идея «прямой и явной угрозы» («clear and present danger») национальной безопасности как основания ограничения свободы слова легла в основу ряда более поздних судебных решений. Но в некоторых случаях Верховный суд США все-таки ставил свободу слова (печати) и право граждан на получение достоверной информации выше, нежели потенциальную угрозу государственным интересам.

Подобное решение было принято в ходе рассмотрения дела «New York Times Co v. United States», когда высшая судебная инстанция страны позволила газетам «New York Times», «Washington Post» опубликовать секретные документы Пентагона касательно участия США в войне во Вьетнаме без риска, что на эти публикации распространится действие государственной цензуры. Верховный суд посчитал, что, во-первых, администрации президентов Гарри Трумана, Дуайта Эйзенхауэра, Джона Кеннеди и Линдона Джонсона вводили общественность в заблуждение относительно степени вовлеченности США в этот военный конфликт, а, во-вторых, не усмотрел в публикациях «New York Times» и «Washington Post» серьезной и непоправимой опасности государственным интересам. При этом в судебном решении было подчеркнуто, что обязанность доказывания возможности причинения вреда национальной безопасности из-за размещения в прессе определенной информации возлагается на руководство страны [2].

Что касается свободы совести, то, гарантируя ее, первая поправка к Конституции США воспрещает правительству устанавливать государственную религию либо же отдавать предпочтение одной религии в ущерб остальным. Хотя и явно не указывая на это, первая поправка также закрепляет общепринятое и освященное временем отделение церкви от государства.

Верховный Суд США сыграл немаловажную роль и в толковании этой части первой поправки. Из судебных прецедентов в данной сфере можно отметить дело «Reynolds v. United States» 1878 года, когда Верховный суд оставил в силе федеральный закон, запрещающий полигамные браки, обозначив тем самым определенные пределы религиозной свободы в Америке. В решении суда указывалось, что первая поправка запрещает государству вмешиваться в вопросы веры, однако это вовсе не исключает его права законодательно определять условия заключения брака [2].

Интересным видится дело «Sherbert v. Verner» 1963 года, истцом по которому выступала Адель Шерберт. Она являлась последовательницей адвентистов седьмого дня и по своим религиозным убеждениям (запрет на работу с субботой) не могла продолжать трудиться по графику шестидневной рабочей недели, на который перешел ее работодатель, что и стало причиной ее увольнения. Не найдя другой работы, Адель обратилась за пособием по безработице, в получении которого ей было отказано. Попытка обжаловать это решение в суде штата Южная Каролина также завершилась неудачно. А вот Верховный суд США принял сторону Адель Шерберт и отменил решения нижестоящих судов, мотивируя это тем, что они являются неконституционными по своей сути, поскольку ограничивали и обременяли свободу исповедания истцом своей религии [2].

Помимо упомянутых выше основополагающих прав американских граждан, первая поправка к Конституции также закрепляет право на свободу собраний, обращение с петициями и выражение протестов. Эти, безусловно, широкие по объему права также были неоднократно истолкованы Верховным судом. В качестве одного из примеров такой интерпретации (весьма громкой и по сей день спорной) приведем дело 1991 года

«Texas v. Johnson». Грегори Ли Джонсон, выражая свой протест против администрации президента Рональда Рейгана, публично сжёг американский флаг. Суд штата Техас признал действия Джонсона незаконными, поскольку они были направлены на осквернение государственной символики. Примечательно, что на тот момент времени в 48 из 50 штатов действовали запреты на аналогичные действия в отношении национальных символов. Тем не менее Верховный суд США посчитал допустимым реализацию гражданином своего права на протест в такой форме и аннулировал законодательные постановления Техаса и ещё 47 штатов, запрещавшие сжигать государственный флаг США. При этом ряд судей, принимавших участие в подготовке и вынесении этого решения, исходили из того, что основной принцип первой поправки к Конституции США предполагает отсутствие у государства права запрещать выражение идей гражданами лишь на том основании, что общество эти идеи по каким-то причинам не поддерживает [2].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Верховному суду США принадлежит ведущая роль в интерпретации текстов поправок к Конституции. В результате этой деятельности удаётся устанавливать все более четкие границы дозволенного поведения граждан страны, в том числе и тех действий, которые попадают под юрисдикцию первой поправки к Конституции США, при неукоснительном соблюдении основополагающих принципов свободы слова, совести, собраний, печати и опротестования решений государства. Такая форма конституционного правотворчества позволяет оперативно приспосабливать достаточно абстрактные нормы основного закона к конкретным жизненным обстоятельствам, к сиюминутным потребностям общества, что, на наш взгляд, является несомненным достоинством правовой системы США.

Список использованных источников

1. Билль о правах. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://photos.state.gov/libraries/adana/30145/publications-other-lang/RUSSIAN.pdf>. – Режим доступа : 23.01.2021
2. History [Electronic resource] : A&E Television Networks Website. – Mode of access: <https://www.history.com/topics/united-states-constitution/first-amendment>. – Date of access: 23.01.2021.

А. М. Баринов

С. В. Евстратчик

Г. А. Меньшикова

Санкт-Петербургский государственный университет

ДОСЬЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Актуальность темы. Траектория формирования законодательной базы РФ существенно отличается от того, как это происходит за рубежом. Там законы принимаются как рефлексия на появление изменений в обществе и отражают легитимацию норм поведения (действий) в новых условиях. В нашей стране (в силу необходимости срочного изменения законодательной базы после отказа от СССР) этот процесс проходит в два этапа. Первоначально принимаются базовые (рамочные) законы, позволяющие хотя бы как-то регулировать отношения, в соответствующих сферах, выявлять акторов и обозначать основы их взаимодействия. Далее по мере накопления информации, отражающей как международный опыт, так и учитывая российские традиции,

культурные и социально-экономические особенности, осуществляется их углубление и расширение.

Соответственно, в России крайне важен институт правового мониторинга (ПМ), как раз и осуществляющий функцию анализа судебных решений как основы для улучшения принятых рамочных нормативных правовых актов (НПА). За рубежом эта технология для совершенствования законодательства практически не применяется. Она существует, но используется для контроля за полицией, как институтом, ответственным за соблюдение норм законодательства. Основой совершенствования НПА там является оценка регулирующего воздействия. Она позволяет, учитывая инициативные предложения населения, законодателей, работников исполнительных органов власти, принимать решения по принятию новых НПА или введения поправок в действующие акты. Решения судов как способ оценки качества НПА анализируются, но как еще один аргумент и не более.

Эта особенность формирования законодательной базы вычленяет развитие конкретного НПА как стержень процесса. Соответственно, использование «Досье НПА» или совокупности всей информации о нем более чем разумной технологией, особенно в условиях цифровизации.

Обоснование необходимости. Досье (от фр. «Dossier») – совокупность документов и материалов, относящихся к какому-то конкретному делу или вопросу. О необходимости создания системы досье НПА указывают аналитики из Центра Законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права) при Совете Федерации РФ. Его создание рассматривалось как необходимое условие формирования информационного банка законодательных актов уже в 2009 г. [1, ч.2]

На практике (в усеченном виде) технология «досье» уже применяется. Так, при подготовке законопроекта его разработчики представляют так называемую «паспортчику»: пояснительную записку, экспертное заключение.

К внедрению досье как технологии, обеспечивающей рост качества НПА, призывали многие ученые. Так, Веселов И.Г. [2, с.213] (эксперт правового управления Аппарата ГД РФ) предлагает указывать в досье фамилию разработчика проекта НПА и его принадлежность к соответствующей структуре государственной службы, с тем чтобы усилить его персональную ответственность за созданный документ. Другой исследователь – Колесник И.В. указывает, «такое досье должно исходить не только из содержания НПА, но и выяснения причин, побудивших его разработку, а также содержать интерпретацию основных положений. Это должна быть постоянная работа, направленная на изучение практики его применения, реализации положений НПА в ссылочных и бланкетных нормах, в других документах нормативно правового характера» [3, с.215].

Многие исследователи, критикуя действующую практику ПМ и предлагая направления ее совершенствования, не используя понятие «досье НПА», предлагают меры, формирующие аргументы в его пользу. Так, Лукьянова В. Ю. [4, с.26] призывает систематизировать, провести «комплексный анализ», действующих НПА. Еще более активно идею систематизации продвигает Арзамасов Ю. Г. [5], предлагающий особую область юридического образования нормографию – учебный курс о правилах нормотворчества и нормоприменения. Основоположники проведения правового мониторинга – Черногор Н. Н., Залойло Н. В. [6, с.9] – настаивают на необходимости принять закон о НПА, регулирующий процедуру их разработки, корректировки и отмены. Клейменов М. П. и др. [7, с.126] доказывают необходимость новой профессиональной юридической деятельности – юрист-аналитик. Думается, что именно они и могли бы специализироваться (помимо прочего) на ведении этих досье.

Технология досье организует процедуру контроля за нормативной базой, решает многие методические вопросы, на которые указывают юристы. Во-первых, она способствует преодолению несоответствий между положениями схожих НПА, регулирующих проблему на разных уровнях управления. Сведение законов в один пакет

помогает выявить и несоответствие, и причину разногласий. Во-вторых, она дает основу для регулярного мониторинга оценки эффективности НПА. В-третьих, введение в досье портала общественных предложений и замечаний, позволяет активизировать населения, полнее использовать его суждения.

Приведем высказывание Глазковой М.Е. об идеальном механизме МП, как условия совершенствования законодательной базы: «Это – отлаженное движение информации о действиях правовых норм между звеньями, участвующими в проведении мониторинговых исследований, постепенном преобразовании в ходе аналитико-оценочной деятельности и последующем использовании для корректировки нормотворчества и правоприменения, а также прогнозирования потребности в правовом регулировании» [8, с.96]. Понятно, что при таком понимании механизма МП, досье НПА – стержневой канал информации, русло которого соответствует интересам общества; оно постоянно углубляется и расчищается, пополняясь новыми идеями, отражающими новые реалии.

И ранее (особенно этим была знаменита школа СПбГУ) [9, 29], и теперь делаются попытки обосновать систему показателей [10, с.145], оценивающей качество и эффективность как законодательства в целом (или по отраслям права), так и отдельных НПА, но если «ранее эти попытки в большей мере носили доктринальный характер, то теперь делаются попытки обосновать наличие неких конкретных индикаторов, критериев, мер, параметров, показателей». По мнению одного из признанных лидеров российской юридической науки – Хабриевой Т.И., именно оценка эффективности правовых норм и правоприменительной деятельности – цель правового мониторинга (наряду с выявлением коллизии, дублирования и пробелов в правовом регулировании общественных отношений, определения степени урегулированности предметов ведения, закрепленных в Конституции РФ, выявления векторов развития отраслей российского законодательства, анализа и обобщения опыта зарубежного регулирования социальных отношений для последующего использования в законотворческой деятельности в РФ) [11, с.4]. Все это облегчается при введении практик досье НПА.

Структура и содержание досье. Оно должно стать частью информационной платформы «Единая законодательная система РФ», доступ к которой открыт каждому. Законы в ней должны быть распределены по видам (юридическому статусу и направлениям регулирования) и уровням пространства, на которое они распространяются: общенациональные, НПА субъектов Федерации или местного самоуправления.

Досье НПА, как представляется, должно состоять из двух полей. Первое – основное – подлежит заполнению юристами – профессионалами (аналитиками), ответственными за правотворческую и правоприменительную деятельность в рамках данного НПА. Второе – дополнительное. Право на его заполнение может быть предоставлено любому жителю страны, зарегистрированному в системе. Его цель – сбор предложений населения по совершенствованию законов. Сюда же можно вносить итоги проведенных публичных слушаний или инициативных правовых мониторингов. Ответственные за досье отвечают за сбор и публичное озвучивание информации о количестве посетителей сайта, отслеживают правильность заполнения поля добровольными участниками обсуждения.

Исходя из сложившейся практики законодательной аналитики, содержание основного поля может быть сгруппировано в четыре блока. Первый – информация, предоставленная разработчиком проекта закона, включая правки текста, которые были сделаны в ходе его обсуждения и принятия. Помимо текста НПА, он может включать справку о прохождении ОРВ или конкретные документы в виде обоснования НПА: справки о фактическом состоянии решения проблемы, альтернативные варианты текста проекта, результаты публичных слушаний и проведенных социологических исследований по оценке эффективности отдельных положений.

Второй блок – результаты экспертизы НПА, проведенные в ходе правового мониторинга. Он выполняется в плановом или инициативном режиме и включает выявление лексических ошибки, коллизий по уровням применения НПА, разночтений в

формулировке понятий и другие. В случае надобности эксперты-аналитики на основании представленной информации могут проводить оценку эффективности НПА.

Третий блок включает информацию, полученную в ходе мониторинга правоприменения. Он должен отразить итоги практики применения НПА, выявив спорные статьи, наличие жалоб юридических или физических лиц. Основа этой информации содержится в ежегодных отчетах по результатам ПМ, составленных правоохранительными органами РФ.

Заключение. Представляется, внедрение новой технологии –досье НПА более, чем оправдано. Оно аккумулирует всю информацию о законе: его разработчиках, целях, поставленных при его разработке, наличие альтернативных вариантов, ходе процедуры принятия, равно как и экспертизы специалистов по поводу качества законодательного оформления, а также замечаний в ходе практики его реализации, выявленных правоохранительными органами (судами). Современный уровень цифровизации обеспечит разумность затрат на его создание, при этом рост публичности законотворческого процесса существенно возрастет.

Список использованных источников

1. «О состоянии законодательства РФ», ч.6. «Совершенствование законодательства – стратегический приоритет государственной политики по формированию нового качества жизни», ч.2.// Доклад Совета Федерации Федерального собрания РФ 2009 г. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=525046#01564293728112336>
2. Веселов, И.Г., С.А. Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ч.1) / И. Г. Веселов, С. А. Комаров // Вестник КГУ им. Некрасова, Юридические. Науки. – 2016. – № 3. – С. 213-245.
3. Колесник, И.В. Технологии мониторинга правоприменения / И.В. Колесник // Наука, Мысль. – 2016. – № 3. – С. 214-237.
4. Лукьянова, В.Ю. Юридические технологии правового анализа / В.Ю. Лукьянова // Журнал российского права. – 2018. – №11. – С.26-34.
5. Арзамасов, Ю.Г. Нормография. Теория и технология нормотворчества / Ю.Г. Арзамасов. М., 2020.
6. Черногор, Н.Н., Залойло, Н.В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития / Н.Н. Черногор, Н.В. Залойло // Вестник областного ун-та Серия «Юриспруденция». – 2018. – № 3. – С. 9-14.
7. Клейменов, М.П., Иванов, Е.С., Козловская, М.Г. Системный подход к технологиям МП / М.П. Клейменов, Е.С. Иванов, М.Г. Козловская // Вестник Омского университета, «Право». – 2017. – № 4 (53). – С.123-129.
8. Глазкова, М.Е. Органы судебной власти в механизме МП и мониторинга процессуальных норм / М.Е. Глазкова // Журнал российского права. – 2012. – № 6. – С.96-102.
9. Никитинский, В.И., Глазырин, В.В., Казаринова, С.Е. О методике измерения эффективности правовых норм / В.И. Никитинский, В.В. Глазырин и др. // Советское государство и право. – 1975. – № 9. – С. 27-30.
10. Лаврентьев, А.Р. Измеримые показатели качества норм права: юридические аргументы / А.Р. Лаврентьев // Юридическая техника. – 2013. – №7 (ч.1). – С.144-156.
11. Хабриева, Т.Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения / Т.Я. Хабриева // Эффективность законодательства и современные юридические технологии (материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва, 29–31 мая 2008 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2009.

В. А. Брилёва

канд. юрид. наук, доц.

Г. К. Сопот

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ИСТОЧНИКИ ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Каждая правовая система любой страны имеет определенные способы закрепления правовых норм. Поэтому можно сказать, что для каждой правовой системы характерны свои формы закрепления этих норм. Республику Беларусь относят к странам с континентальной правовой системой. На это есть свои аргументы. Шматков И.И. говорит, что белорусская правовая система исторически складывалась как система писаного права, и поэтому она относится к модели романо-германского типа [7, с. 18]. Для романо-германской правовой семьи характерны такие источники права, как правовые обычаи, нормативные правовые акты, нормативные (юридические) договоры; общие принципы права, нормы международного права, правовые доктрины. Для системы права Республики Беларусь характерны следующие источники: правовой обычай, нормативный правовой акт, нормативный договор, общие принципы права.

Правовой обычай является самым древним из существующих правовых источников. Важно понимать значение этого термина, ведь из-за его широкого применения в прошлые времена, местные обычаи в некоторых странах стали называть правовыми. Такая тенденция характерна для стран с англо-саксонской правовой системой, так как это был и остается один из основных источников этой семьи наряду с судебным прецедентом. Местный обычай – правило поведения, вошедшее в привычку спустя длительный промежуток времени, вследствие его многократного применения. Правовой же обычай – правило поведения, вошедшее в привычку и санкционированное государством. Из этого можно сделать вывод, что правовой обычай гарантируется государственным принуждением и является источником права. Как уже было сказано, правовой обычай получил свое распространение в англо-саксонской правовой семье, однако и в романо-германской имеет место, но, стоит сказать, не так распространен. В Республике Беларусь его применение нашлось во внешней торговле, морских перевозках, а также в международно-правовых отношениях. Еще одним примером может послужить статья 1093 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, в которой Республика Беларусь признает действие международных обычаев, относящихся к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом.

Вторым источником права белорусской правовой системы является нормативный правовой акт. Для континентальной правовой системы именно такая форма права является основной, так как данная семья зарождалась в качестве письменной правовой системы, как это уже упоминалось ранее. Определение нормативного правового акта закреплено в статье 2 Закона «О нормативных правовых актах»: «Нормативный правовой акт – официальный документ установленной формы, принятый (изданный) нормотворческим органом (должностным лицом) в пределах его компетенции или референдумом с соблюдением предусмотренной законодательством процедуры, который направлен на установление, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия норм права как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на индивидуально не определенный круг лиц и неоднократное применение»[3]. Вишневецкий А.Ф., толкуя определение нормативного правового акта, приходит к следующим выводам: «Нормативный правовой акт – акт правотворческой деятельности компетентных государственных органов, в некоторых случаях – непосредственно народа (при референдумах), который устанавливает, изменяет или дополняет нормы права» [5, с. 132]. Основными видами нормативных правовых актов являются: Конституция Республики

Беларусь – основной закон государств с романо-германской правовой системой; решения, принятые республиканским референдумом; законы Республики Беларусь; декреты, указы Главы государства; постановления палат Парламента; постановления Правительства; нормативные правовые акты Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры, нормотворческих органов, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь; нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления; решения, принятые местным референдумом, решения органов местного управления и самоуправления; нормативные правовые акты иных нормотворческих органов (должностных лиц); технические нормативные правовые акты. Одними из основных преимуществ нормативных правовых актов является их четкость и ясность в трактовке прав и обязанностей человека по сравнению с правовыми обычаями. Как пример данного факта можно привести обычай делового оборота, который может и не быть закреплен в нормативном правовом акте, но он не должен противоречить закону. В таком случае при судебном разбирательстве, стороны имеют право ссылаться на него и доказывать свою правоту с помощью экспертов, знакомых со сферой его применения.

Третьим источником права в Республике Беларусь является нормативный договор. Их роль в последние годы продолжает расти. Это можно объяснить тем, что одной из разновидностей нормативных договоров является международный договор, который предусматривает соглашения международных субъектов по поводу возникновения и прекращения прав и обязанностей между ними. Увеличению количества таких договоров можно объяснить происходящей мировой глобализацией. Однако не все договоры являются источниками права, как не все договоры создают нормы права. Поэтому по мнению Вишневецкого А. Ф. источником права является только такой договор между различными субъектами права, в котором содержатся правила общего характера [5, с. 134 – 135].

Последним официальным источником права в Республике Беларусь являются общие принципы права. Под ними понимают основополагающие идеи и начала правового регулирования. В качестве примера может быть приведена статья 8 Конституции Республики Беларусь, которая закрепляет признание приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства [2]. Еще одним примером закрепления общих принципов права в законодательстве может служить статья 970 Гражданского Кодекса Республики Беларусь «Способы и размер компенсации морального ущерба», которая гласит: «При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости» [1].

Еще одним поводом для острой дискуссии является вопрос о признании судебного прецедента в качестве источника права Республики Беларусь. Поводом для такой полемики стала нарастающая тенденция внедрения судебного прецедента как основного источника права среди стран с континентальной правовой системой. Яркими сторонниками такого нововведения являются Василевич Г. А. и Сильченко Н. В. Василевич Г. А. считает, что судебный прецедент имеет место быть сразу по нескольким причинам: судебный прецедент создает правовые положения, которые отсутствуют в нормативном правовом акте и тем самым восполняет пробелы в законодательстве, а также содержит разъяснение (толкование) нормативного правового акта [4]. Сильченко Н. В. же полагает, что «правовой прецедент в белорусской правовой системе может существовать только в качестве временного источника права» [6, с. 94]. Время существования юридического прецедента определяется временем, когда было вынесено решение об обязательности использования фактически созданного прецедента в качестве нормы действующего права; временем, когда компетентный орган государства ликвидирует пробел в праве путем издания нормативного правового акта. Противники судебного прецедента приводят следующие аргументы: судебный прецедент противоречит принципу разделения властей, романо-германская правовая система не признает судебный

прецедент источником права, признание судебной практики как источника права противоречит правотворческой деятельности парламента [4].

Однако важным преимуществом судебного прецедента является тот факт, что единообразные решения по аналогичным делам, в конце концов, приведут к повышению шансов защиты для тех, кто ее ищет у правосудия. Еще одним важным преимуществом судебного предписания будет возможность самостоятельная оценка конкретных обстоятельств судьей, что, несомненно, приведет к независимости и справедливости решения.

Таким образом, в правовой системе Республики Беларусь существуют такие источники права, как правовой обычай, нормативный правовой акт, нормативный договор, общие принципы права. Однако не стоит забывать и про судебный прецедент, который может претендовать в ближайшем будущем на место среди источников белорусского права.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г.; № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.08.2020 г. // Консультант плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. И доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. И 17 отк. 2004 г. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.

3. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З //Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Василевич, Г. А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г. А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 135 с.

5. Вишневский, А.Ф. Общая теория права : курс лекций / А.Ф. Вишневский. – 4-е изд., испр. И доп. – Минск : Тесей, 2010. – 368 с.

6. Сільчанка, М.У. Тэорыя крыніц беларускага права / М. У. Сільчанка. – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2013. – 253 с.

7. Шматков, И.И. Основы права: курс лекций / И. И. Шматков [и др.]. - Витебск: УО «ВГТУ», 2009. - 115 с.

В. А. Брилёва

канд. юрид. наук, доц.

В. А. Сычева

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ОБ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ И МЕТОДАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Чтобы проникнуть в суть процесса реализации права, необходимо несколько слов посвятить самому праву. Концентрируя внимание на таком важнейшем цивилизационном феномене, как право, и последовательно переходя к уяснению сущности процесса его реализации, становится возможным уяснение объективной сверхценности данного процесса, его необходимости, полезности и обязательности для дальнейшего гармоничного сосуществования людей в социуме.

Право представляет собой универсальный социальный регулятор, призванный служить высоким идеалам и ценностям человека, общества, государства. Если более детально, то *право* – это система государственно-определённых нормативных правовых

актов, юридически оформляющих изволение народа путём осуществления правотворческой деятельности законодательных структур и несущих соразмерность гуманистических начал, свободы, справедливости, равенства. Главная его миссия – достижение равновесия интересов различных социальных общностей, иными словами, баланса, представляющего собой акт торжествования общесоциальной и политической справедливости. Всё это во имя недопущения хаоса в цивилизованном и высокоразвитом обществе [1].

Таким образом, *цель* права – упорядочивать всевозможными законными способами общественные отношения. Упорядочивать означает регулировать. Правовое регулирование проходит несколько стадий, и первая из них – фиксация правил человеческого общежития в форме правовой нормы, или законотворчество. Так вот, всё выше перечисленное становится абсолютно бессмысленным, а главное – бессильным, и сродни сказочному повествованию, если бы не тот факт, что любая правовая норма как единичный выразитель права издаётся с целью регулирования, организации, совершенствования и т.д. отношений между людьми в обществе посредством процесса «оживления» правовой нормы, а значит, и права в целом (т.к. норма права аналогична его структурной единице), который в теории именуется *реализацией права*. Иными словами, стадия «оживления» права является необходимой, ключевой и центральной.

Реализуясь, право переливается из идеальной модели поведения, которая нашла своё отражение лишь в символично-знаковой письменной форме, путём правомерного поведения людей, регулируемого внешними и внутренними блюстителями, в реальные правоотношения, субъекты которых, вступая во взаимодействие, руководствуются предписанными нормами права, зафиксированными в законах, кодексах, конституциях и т.д. Правовая норма превращается из желаемого в действительное, из требуемого в выполненное, из задуманного в сотворённое. Замысел внедряется в жизнь. Только реализуясь, право действительно остаётся правом, на деле работают его принципы и функции, а его предназначение, таким образом, оправдывается.

Однако как бы ни было объективно право, само реализоваться оно не способно. Весь этот многосторонний и сложный процесс его «оживления» носит как объективный, так и отчётливо субъективный характер, так как проходит через сознание, психику, эмоции, чувства, поведение, менталитет и деятельность людей, выступающих в роли его субъектов. В таком случае действенной должна оказаться саморегуляция людьми своего поведения. Это возможно при совпадении желаний адресатов права и государства. Между тем качество реализации права, да и сама такая его возможность быть реализованным напрямую зависит от качества правосознания индивидов, их включённости в процесс, уровня нравственности, преисполненности явлениями правовой жизни общества [3].

Основные формы реализации права

«Вдыхание жизни», осуществляемое различными способами в разнообразных формах, подвластно либо конкретным индивидам, либо в случае их нежелания участвовать в данном процессе государственно-властным структурам, предстающим в лице правоохранительных органов, путём осуществления принудительной деятельности по отношению к «нежелающим».

Формы реализации права – это определённые действия по образцу, направленные на осуществление субъективных прав и юридических обязанностей и совершаемые в очерченных законом рамках субъектами права, являющимися адресатами данных прав и обязанностей, путём законопослушного поведения. Другими словами, формы реализации права – это пути, по которым предписанные общеобязательные правила трансформируются в конкретные правоотношения.

Право реализуется в основных трёх формах: *соблюдение, исполнение и использование* – и четвёртая особая форма, такая, как *применение* [4].

Первые три формы реализации права соотносятся со способами правового регулирования: соблюдение запретов, исполнение обязанностей и использование субъективного права.

Соблюдение – это основополагающая и общезначимая форма реализации права, носящая зачастую пассивный характер и заключающаяся в воздержании от действий, описанных законом и охарактеризованных как правонарушения. *Соблюдение запретов есть то, ради чего эти запреты устанавливаются*, конечная цель запретов, заложенная в них государством. Соблюдение реализуется посредством запрещающих и охранительных норм. Проблема соблюдения запретов выражена в простом их игнорировании и, как следствие, нарушении, что вытекает, на мой взгляд, из недостаточного осознания субъектами права того смысла и предназначения, которые несут в себе данные нормы. Из-за неудовлетворительного уровня правосознания люди, недооценивая значимость запретов, с легкостью их нарушают, пытаясь избежать неблагоприятной ответственности, установленной государством. С нашей точки зрения, одной принудительной силы и факта наступления санкций в случае нарушения правовых норм недостаточно: угроза ответственности не может искоренить правонарушения, а лишь способствует сокращению их числа. Поэтому, чтобы запреты соблюдались, адресатам необходимо, прежде всего, понимать и осознавать их суть, то, с какой целью они были установлены, достижению какого блага они служат [1].

Исполнение – активная форма реализации права, характеризующаяся императивностью, при которой субъекты, наделённые юридическими обязанностями, выполняют определённые действия на пути к их совершению, таким образом, претворяя в жизнь обязывающие предписания законодательства. Исполняя, адресат отдаёт долг закону и поддерживает всю систему правоотношений, потому как правоотношения строятся на том, что одна сторона имеет определённые права, а другая – соответствующие обязанности. Следовательно, первая сторона, наделённая правами, может ими воспользоваться только в том случае, если вторая исполнит все свои обязанности, поддерживающие права первой стороны. В этом выражается конкретная значимость рассматриваемой формы реализации права [5].

Исполнение и соблюдение совокупно являются важнейшими условиями процветания общественного правопорядка и фактического существования законности в государстве.

Использование – добровольная форма реализации права, подразумевающая возможность адресатов управомочивающих норм воспользоваться предоставленными им правами, то есть такая форма, которая нацелена на осуществление лицами своих правомочий и основана на личных интересах, усмотрениях и возможностях субъектов права.

Как упомянуто выше, использование права одних лиц возможно лишь в том случае, если другие будут регулярно и на должном уровне исполнять свои обязательства, тем самым не нарушая закон, а значит, его соблюдая. В этом заключается взаимосвязь всех трёх форм реализации права, с моей точки зрения.

Применение – это особая многоэтапная форма реализации права, осуществляющаяся с помощью правоохранительных и иных государственных и негосударственных органов каждый раз, когда нормы права не исполняются или нарушаются, и без вмешательства государственной силы требование закона не реализуется [1].

Несмотря на то, что все правовые предписания носят общеобязательный характер, обеспеченный охранительной силой государства, их игнорирование некоторыми адресатами права существует как факт. В таких случаях нормы права не исполняются, становятся бессильными, а право, соответственно, нереализованным. Не исполняются нормы еще по ряду причин, например, по поводу правового спора, где стороны не могут договориться сами, или в случае необходимого установления факта наличия или

отсутствия конкретных обстоятельств. При данных условиях действует применение законодательства.

Применение закона является с одной стороны факультативным, а с другой – необходимым для конкретных правоотношений и всего процесса реализации права.

Методы реализации права

Метод – путь, способ, вариант, инструмент, с помощью которого будет достигаться поставленная цель. Метод – показатель эффективности достигаемого результата. В нашем случае речь пойдёт о методах обеспечения правильного протекания реализации права.

Основными государственными методами, обеспечивающими должный переход правовых норм в реальное поведение субъектов права, являются метод *убеждения* (вознаграждение за правомерное поведение) и метод *принуждения* (предостережение об ответственности за неправомерное).

Регуляция индивидами собственного поведения основывается на внутренних и внешних бюстителях. *Внутренними* выступают, как упоминалось ранее, качество правосознания, особенности психики, уровень нравственности, знание или незнание законов. *Внешними* регуляторами должны выступать государственно-властные структуры, которые будут основываться в своей деятельности на угрозу применения физической силы и других санкций по отношению к лицам, преступившим границы закона, используя, таким образом, такой метод обеспечения реализации права, как принуждение, и на поощрительные меры по отношению к лицам, следующим общеобязательным правилам поведения, используя при этом метод убеждения.

Метод убеждения – способ, благодаря которому государство с помощью обещаний вознаграждений за правомерное поведение прививает гражданам дальнейшее признание права как главенствующего регулятора их поведения с целью непосредственной его реализации в поведении субъектов. Данный метод выполняет стимулирующую функцию.

Метод принуждения – способ, благодаря которому государство, опираясь на предупреждения о наступлении неблагоприятных последствий в случае совершения действий, отклоняющихся от правовых предписаний, а также на само применение физической силы, оказывает реабилитационное воздействие на правонарушителей и наставительное – на других граждан [2].

Таким образом, каждый гражданин наделён определёнными субъективными правами и юридическими обязанностями, а государство здесь должно выступать как создатель всех предпосылок для использования субъективных прав, соблюдения запретов, исполнения обязанностей, а в случае нарушения законодательства – для применения закона.

В заключение следует ещё раз обратиться к особой значимости всего процесса реализации права как необходимого условия нормального функционирования всей правовой системы в целом. Реализация права – это не просто бездумное осуществление каких-либо предписаний, это шаг на пути к всеобщему развитию, к комфортному проживанию миллионов людей, отношения которых будут упорядочены, гармонизированы и усовершенствованы не на листах бумаги, а в жизни, в реальных связях между людьми.

Список использованных источников

1. Общая теория права: учебное пособие / Д. М. Демичев, А. А. Бочков. – Минск : Вышэйшая школа, 2019. – 480 с.
2. Теория права и государства: Учебник/Под ред. проф. Т11 В.В. Лазарева. – М.: Новый Юрист, 1997. – 432 с.
3. Решетов, Ю. С. Характерные черты реализации права / Ю.С. Решетов // Вестник экономики, права и социологии. -2013. – № 3. – С. 152 – 158.

4. Решетов, Ю. С. Содержание и формы реализации права / Ю.С. Решетов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 57 – 63.

5. Мельников, С. А К вопросу о формах реализации права // С. А. Мельников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. -2015. – № 6 (107). – С. 68 – 72.

В. А. Брилёва

канд. юрид. наук, доц.

Н. Д. Сычев

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ФУНКЦИЙ ПРАВА

Понятие функций права очень многосторонний и многогранный вопрос, одновременно с этим, он весьма однороден, так как определению этого понятия между учеными царит довольно редкое единство. Оно состоит в том, что понятие функций права сокрыто в его роли и назначении. Ученый-правовед Кудрявцев В. Н. в своей статье «О правопонимании законности» описывал назначение права следующим образом:

«Его основное назначение состоит в создании и обеспечении той части общественного порядка, в которой заинтересованно, наряду с другими субъектами, государство и которая в соответствии с определяющими его правовыми нормами называется правопорядком» [1, с.6].

Достижение определенного правопорядка в различных обществах и государствах может осуществляться по-разному.

В обществах, где доминирует и обостряется классовый антагонизм правопорядок обеспечивается путем различного рода подавлений представителей, не являющихся элитой данного общества. В обществах, основой которых является классовое сотрудничество установление правопорядка осуществляется путем учета интересов, солидаризма и координации целей различных слоев и групп населения, а также компромиссов.

Таким образом, понятие о функциях права, его роли будет совершенно разным, однако в 21 веке модель правовых государств превалирует, следовательно рассмотрение понятия функций права будет актуально в контексте современных социально-правовых моделей.

В контексте темы понятия функций права, а значит и его назначения нельзя забывать и его роли. Правовед Абарамов в статье «Понятие функций права» писал следующее: «Функция права в ее классическом понимании представляет собой единство двух моментов: а) роли права в обществе; б) основных направлениях его воздействия на общественные отношения. Подобный подход, предложенный Т.Н. Радько синтезирует, в сущности, взгляды ученых, которые данную категорию сводят к одному из вышеуказанных компонентов. Так некоторые авторы при определении функций права акцентируют внимание на их «ролевом» аспекте. По мнению Ю.Г. Ткаченко, под функциями права следует понимать конкретную роль права по организации общественных отношений» [2, с.71].

Говоря о роли права в управлении социумом, важно выделить, что правотворчество должно осуществляться только государством. Даже общественные объединения не могут принимать участие в данных процессах, так как они являются элементами, автономными от государственного механизма, создаются без его санкций и решают проблемы и конфликты, которые до какого-то времени игнорируются механизмом государства.

Утверждение выше относится только к демократическим государствам, так как в тоталитарных и авторитарных режимах существовало какое-либо одно общественное объединение, которое не базировалось на принципах плюрализма и имело монополию,

фактическим трансформируясь в государственный придаток и постепенно сращиваясь с государственным аппаратом. Общественные организации и объединения созданы для защиты интересов граждан и даже от посягательство государства, но это не отменяет того факта, что государство есть правовой и политический монополист, т.к. только ему свойственна нормотворческая деятельность. Следовательно государство понимает право и его функции как элемент воздействия, особенность этого понимания права состоит в взаимозависимости государства и права, так как право исходит от государства и без него не существует, но право определяет специфику деятельности и характеристику государства в целом. Право также обладает только ему присущими социальными функциями.

Правовед В.В. Лазарева определяет функции права как основные направления воздействия на общественные отношения, обусловленные сущностью и социальным назначением права в жизни общества [3, с.223]. Функции права характеризуют деятельность и непрерывность регулятивного воздействия права на общественные отношения. При этом в них, зачастую отражается существо, некая природа права, обусловленная строением общества и взаимоотношениями различных социальных групп в социуме, его политических и других образований. Функции права - это то, что выражает потребность в самом его существовании и природе как социального явления. В этих функциях реализуется назначение права, посредством их решаются задачи, стоящие перед аппаратом государства. Содержание этих функций может быть совершенно различным в зависимости от сущности той или иной правовой системы и от особенностей каждого конкретного государства.

Таким образом, на основании вышеперечисленного возможно представить функции права как внутренне, присущее только праву явление, определяемое ролью права и понятием о праве в конкретном социуме, представляющее собой главное направление его воздействия на объективную реальность и выражающее связь права с действительностью в принципе. Функции права способствуют познанию сущности права и предопределяют содержание и виды функций различных правовых явлений.

Выше описаны различные понимания функций права, они все в той или иной степени полны, самодостаточны и автономны, так как содержат два важных элемента для функции права в принципе – это роль и права в обществе и направление его воздействия на общественные отношения.

Однако стоит отметить, что данные понимания функций права обращают наше внимание только на социальный аспект права, в них не учтен важный философский элемент функции права. С точки зрения философии функция есть «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в какой-то сфере отношений». Сущность функции как научной категории выражается в том, что она выражает отношение одного предмета к другому, также и право на практике взаимодействует с обществом, как общество с правом, подчиняясь законам, исходящим от механизма государства. Таким образом определение функции права как направление правового воздействия на общественное отношение в любом случае сильно локализирует и сужает понятие о функции права. Для более широкого понимания функции права корректнее использовать формулировку объективной реальности, чем общественных отношений, поскольку объективная реальность охватывает намного больший радиус правового воздействия, следовательно понятия о функциях права различаются не только в зависимости от систем, где действует та или иная правовая база, но и пониманием масштаба и границ их действия.

Непосредственное воздействия права осуществляется через различные виды его функций. Анализ функций права как единой целостной системы позволяет не просто сгруппировать, упорядочить знания при изучении отдельных функций. Такой анализ дает приращение знаний, позволяет глубже, полнее понять содержание каждой из функций. Известно, что возможности познания остаются малоэффективными, если они ограничиваются уровнем единичности, если за отдельными элементами они не стремятся

выявить их систему. В реальной жизни функции права не существуют изолированно друг от друга, они тесно взаимосвязаны между собой. Ни одна из них не может быть изучена достаточно глубоко и полно без выяснения ее взаимодействия с другими функциями, т.е. без того, чтобы изучить ее в системе.

Таким образом, если подвести итог обо всем выше перечисленном, то понятия о функциях права одновременно и практически тождественны и в это же время совершенно различны, тождественны, так как право в различных формулировках понятий о его функциях выступает тем элементом, который воздействует на отношения или же на объективную реальность, различны, так как функция права может существовать в различных системах и иметь в различных системах свою неповторимую форму, также функция права может пониматься не только в узком правовом контексте, оно может иметь очень широкие границы, где речь идет об объективной действительности и реальности и где грань правового воздействия на отношения в социуме значительно больше. Все практическое действие права сводится к его функциям.

Список использованных источников

1. О правопонимании законности / В. Н. Кудрявцев // Российская академия наук. — 1994. — № 3. — С. 3-8.
2. CYBERLENINKA [Электронный ресурс] / CYBERLENINKA. — Москва, 2006. — Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-funktsii-prava-1/viewer>. — Дата доступа: 10.02.2021.
3. Вишневский, А. Ф. Функции права. Ценность права / А. Ф. Вишневский // Общая теория государства и права: учеб. Пособие / А. Ф. Вишневский. — 1-ое изд., 1998. — С. 223.

В. А. Брилёва

канд. юрид. наук, доц.

З. Э. Ярошонок

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

О ПОНЯТИИ СУЩНОСТИ ПРАВА

Несмотря на то, что право возникло ещё в древние времена, современные учёные, правоведы и научные руководители до сих пор занимаются проблемой права, его сущности, причин возникновения и рядом других вопросов. Не только правоведы занимаются изучением права, а также им занимаются философы, социологи, психологи и т. д. Существенный ряд причин мог повлиять на возникновение проблем, которые связаны с понятием права и, вследствие этого, возникают споры и разногласия среди исследователей.

Для того, чтобы разобраться в понятии «право» и понять его назначение и сущность, нужно сначала узнать цель его создания.

Право возникает вместе с государством, следовательно, можно понять, что право является неотъемлемой частью государства. Государство не может функционировать без права и, наоборот, право не может существовать без государства. Главной задачей права является регулирование отношений в обществе, оно помогает государству управлять поведением населения. Оно обеспечивает ту часть общественного порядка, в которой заинтересовано. Право имеет общеобязательный характер, т.е. каждый человек, находящийся на территории определенного государства либо в политико-правовой связи с ним, должен соблюдать его нормы и правила поведения независимо от того, желает он этого или нет. Это правило распространяется как на граждан государства, так и на всех должностных лиц. Этот факт может говорить о том, насколько важно право в государстве

и уклонение от него может привести к печальным последствиям, что существенно влияет на поведение людей. Вырабатывается определенная система официального воспитания населения и их уважения закона, существуют государственные поощрения за добросовестное исполнение закона государства.

Права человека затрагивают такие сферы общественной жизни, которые являются неотъемлемыми в их жизни, следовательно, к ним должен быть определенный и осторожный подход, так как они являются самыми важными в жизни любого человека. Они включают такие права, как право на жизнь и свободу, право на труд и образование, свободу мнений и убеждений и т.д. Этими правами должны обладать все люди, независимо от их пола, расы, религии и какой-либо другой дискриминации. Правовые нормы затрагивают в себе сферу политических интересов государства, понятия властных отношений. Как говорилось ранее, власть является основой политики, а политика не может существовать без права. Право закрепляет в себе такую важную сферу жизни общества и государства как экономика. Оно закрепляет сложившуюся экономическую систему и способствует появлению новых экономических отношений. На право также может оказать влияние культуры и моральных ценности государства и его народа.

Право и составляющие его правовые нормы всегда трактуются в точной форме, которая выражена в официальной письменной форме. Это могут быть различного рода нормативно-правовые акты (законы, указы, постановления и т.д.). Такая формулировка придаёт праву точность и формальную определённость. Все правовые нормы в государстве принимаются строго определенными государственными органами в строгом порядке. Все нормативно-правовые акты обладают юридической силой, что означает их значимость в системе права.

Право обладает качеством динамизма. Такое свойства ему придаёт тот факт, что в каждом государстве по истечению времени появляются новые проблемы и возникает необходимая нужда в их пресечении. Это и описывает тот факт, что право является постоянно обновляющейся системой, которая не стоит на месте и не является «мертвой». Изменения в праве способны эффективно содействовать социальному прогрессу и процветанию государства.

Право выполняет определенные функции. В этих функциях реализуется суть существования права, так как посредством их решаются задачи, которые стоят перед государством. Оно направляет правовое воздействие на общественные отношения.

Правовые нормы должны быть справедливыми. В первую очередь справедливость можно сравнить с равенством. Справедливость в праве определяет его качество и влияет на степень осознанности правовых норм людьми. Справедливость и гуманность влияет на степень понимания и принятия правовых норм людьми, определяет баланс как между самими гражданами, так и между гражданами и государством.

Исходя из того, что перечислено выше можно сделать вывод о сущности права и о его назначении. Сущность права заключается в том, чтобы с его помощью в государстве процветал правопорядок, население добровольно следовало правилам, выраженным в законах и нормативно-правовых актах. Право является неотъемлемой частью государства, которая обязана быть справедливой и гуманной, не должна содержать в своём содержании идей насилия. Право необходимо как институт для функционирования всех сфер жизни общества.

Список использованных источников

1. Акименко, К. В. Конституционно–правовые основы защиты прав и свобод человека / К. В. Акименко; под ред. Д. М. Демичева. – Минск : Право и экономика, 2006. – 146 с.
2. Белякович, Н. Н. Права человека и политика: философско–правовые основы / Н. Н. Белякович. – Минск : Амалфея, 2009. – 411 с.

3. Вишнеvский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишнеvский, Н.С. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского ; М-во внутр. дел Респ.Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд.– Минск : Акад. МВД, 2014. – 479 с.

4. Романчук И.С. Правовое государство в политической системе современного общества: миф или реальность? // Правовое государство: теория и практика. – 2010. – № 1 (19). – С. 59-61.

И. А. Васильев

канд. юрид. наук, доц.

Санкт-Петербургский государственный университет

СПОРТИВНОЕ ГРАЖДАНСТВО В ФУТБОЛЕ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЯ ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАНИЯ СПОРТСМЕНА

18 ноября 2020 г. Конгресс ФИФА принял изменения в Регламент по применению устава данной международной федерации, впервые скорректировав правила получения и изменения спортивного гражданства футболистами [1]. Но мы не будем перечислять все появившиеся новации, которые более чем досконально разобраны в опубликованном в январе 2021 г. комментариях ФИФА [2]. В настоящем исследовании мы обратимся к проблеме так называемой территориальной аффилиации футболиста в силу его проживания в определенной локации. Одним из ключевых изменений ФИФА в своем подходе к спортивному гражданству являлось как раз разрешение проблемы содержания эластичного понятия «проживание на территории национальной ассоциации» (далее – проживание). Появились условия, позволяющие юрисдикционным органам национальных футбольных федераций однозначно отвечать на вопрос о действительном или мнимом проживании спортсмена с точки зрения смысла (цели) ФИФА как нормотворческой инстанции по установлению критериев спортивного гражданства.

Спортивное гражданство (*sporting nationality*) называется некоторыми спортивными юристами в качестве одного из принципов *lex sportiva* – элементов автономии режима правового регулирования спорта [3, с. 718]. Многие из нас слышали словосочетание «натурализованный игрок», то есть спортсмен, который приобрел спортивное гражданство конкретной национальной федерации. Установление критериев получения и смены такого гражданства осуществляется в интересах спортивных федераций для участия в соревнованиях (выступления за сборную национальной федерации по виду спорта), а также соответствия определенным стимулирующим механизмам при наличии таковых в национальных спортивных юрисдикциях (определения наличия или отсутствия статуса «легионер», то есть наличия или отсутствия права выступления за сборную). Важно подчеркнуть, что спортивное гражданство и гражданство (подданство) государства не являются тождественными. Последнее выступает только необходимым пререквизитом для первого – без наличия гражданства или подданства спортсмен не может претендовать на получение и спортивного гражданства национальной федерации, распространяющей свою юрисдикцию, по общему правилу, на территорию публичного образования – государства. И здесь нам следует обратить внимание на две проблемы территориальной аффилиации футболиста.

Во-первых, область юрисдикции спортивной федерации и территория государства могут не совпадать. Примером является территория Крыма (Республика Крым и город федерального значения Севастополь), которая 4 декабря 2014 года была признана Исполнительным комитетом УЕФА в качестве особой футбольной территории: «This means concretely that this 'zone' will be supervised by a member of the committee, František Laurinec; that the three clubs currently playing in the Russian leagues from Crimea will have to

stop playing in these competitions as of 1 January next year; and, most importantly, that UEFA has decided to help the financing of youth football in Crimea with some special projects, which we will consider in further committee meetings» [4]. В Крыму создан своя футбольная ассоциация для обеспечения развития футбола при координации УЕФА и данная футбольная территория находится вне спортивной юрисдикции Российского футбольного союза (РФС) [5]. Соответственно, все футболисты, которые имели гражданство Украины и приобрели российское гражданство и прожили требуемый в соответствии с п. «d» ч. 1 ст. 7 Регламента ФИФА по применению устава срок на территории Республики Крым или города Севастополь не могут установить спортивное гражданство Российского футбольного союза, поскольку данный срок проходил не на территории под юрисдикцией РФС. При этом в отношении иных критериев названной нормы Регламента ФИФА также важен факт осуществления футбольной федерацией, спортивное гражданство которой запрашивается, своей юрисдикции сегодня, а не ранее в определенный исторический момент. В то же время объективно может наличествовать и разница подходов международных спортивных федераций к определению критерия территории в целях установления спортивного гражданства. Например, Всемирная ассоциация легкоатлетических федераций (World Athletics) в п. «a» ч. 1.2.1 ст. 1 Правил по участию за национальную сборную (Eligibility to represent a member rules) оперирует понятиями «страна или территория» (country or territory) применительно к определению локации места рождения спортсмена, его родителей, бабушки или дедушки [6]. Тем самым спортивная федерация признает в качестве критерия территорию юрисдикции государства, а не определенной национальной федерации-члена. Близким, но не идентичным обоим представленным подходам является позиция Международной федерации плавания (FINA) в положениях ст. 2.6 Общего регламента (General rules), согласно которой для приобретения нового спортивного гражданства лицо должно проживать определенный период времени на территории государства, а также находиться, как минимум в течение 12 месяцев, под юрисдикцией соответствующей национальной федерации [7]. В отношении обоих критериев в Регламенте представлен закрытый перечень условий, позволяющих подтвердить их выполнение. К примеру, состояние под юрисдикцией национальной федерации, в соответствии со ст.2.6.2 Общего регламента может быть доказано членством в спортивном клубе; подтверждением от члена национальной федерации; результатом на национальных, региональных или международных соревнованиях за клуб [7].

Во-вторых, подтверждение периода проживания на территории государства или под юрисдикцией национальной федерации может осуществляться в соответствии с разными условиями. Факта наличия гражданства или подданства государства недостаточно для презюмирования проживания на необходимой территории. Рассматриваемый пример ФИФА отражает достаточно позднее реагирование на ситуацию злоупотребления пробельностью Регламента по применению устава, когда ранее не были юридически определены условия подтверждения «проживания». До внесения изменений в названный акт было возможным гибко определять в каждом конкретном случае содержание понятия «проживание», особенно учитывая рассмотрение таких заявлений Комитетами по статусу запрашиваемых футболистом национальных федераций: интерес по привлечению перспективных игроков мог превалировать над смыслом (целью) действовавшего регулирования ФИФА. Футболист мог приобрести гражданство страны, но физически не присутствовать в ней более нескольких месяцев в течении каждого из требуемого количества лет или даже только иметь недвижимость с посещением по праздникам. В новой редакции Регламента ФИФА по применению устава перечисленные возможности злоупотребления правилами приобретения спортивного гражданства пресечены. Ознакомившись с условиями установления факта «проживания», можем констатировать, что ФИФА только отчасти использует опыт регулирования других международных федераций. Так, приведенная нами в качестве примера FINA в

положениях ст. 2.6.1 Общего регламента называет местом проживания локацию, в которой спортсмен «живет и ночует и где может быть найден в течение большинства дней года» (lives and sleeps and where he/she can be found in the majority of days of the year) [7]. Это может быть подтверждено, например, школой или университетом, трудовым договором или любой иной относящейся к факту проживания документацией. Вспоминая регулирование World Athletics критерия территории для определения спортивного гражданства, в п. «d» ст. 7 Регламента мы можем обнаружить требование последовательного проживания в течение определенного срока (has lived continuously) [6]. Такой подход немногим отличается от нормы Регламента ФИФА по применению устава в предыдущей редакции с точки зрения возможностей для широкого усмотрения как злоупотребления: последовательность проживания может выражаться и в периодах пребывания, следующих в каждом из требуемых годов. В свою очередь, ФИФА в действующем Регламенте по применению устава, сохраняя прежнюю формулировку, что проживанием является «физическое присутствие на территории ассоциации» (a period of physical presence on the territory of that association), дополнила ст. 5 двумя новыми нормами: условиями, которые прерывают период физического присутствия, и которые не влияют на него [1]. В первом случае представлен закрытый перечень обстоятельств, начиная от «коротких отсутствий по личным причинам» (short absences abroad for personal reasons) до отъездов в связи с футбольной деятельностью за клуб (travel abroad as a result of football employment). Во втором случае ФИФА называет условием, прерывающим период физического присутствия на территории переход (трансфер) в клуб под юрисдикцией другой футбольной ассоциации и любые иные причины.

В новой редакции Регламента по применению устава ФИФА, несомненно, сделала шаг вперед по преодолению опасной эластичности критерия «проживания» за счёт сужения дискреционных полномочий юрисдикционных органов национальных федераций, ранее имевших право вкладывать в содержание приведённого понятия собственное и вполне «уникальное» прочтение. На первый взгляд, сейчас правоприменительной инстанции национальной футбольной ассоциации потребуется ответить на вопрос о доказанности легальности периода или периодов отсутствия спортсмена на территории ассоциации, если таковые будут установлены, то есть соответствия исключениям, представленным в положениях ч. 4 ст. 5 Регламента ФИФА. Вместе с тем, пока остаётся без правового разрешения (или хотя бы, для первого шага, – фиксации в положениях Устава УЕФА как Союза европейских футбольных федераций) и другое измерение проблемы территориальной аффилиации игрока – особые футбольные территории.

Список использованных источников

1. FIFA Regulations Governing the Application of the Statutes [Electronic resource]. – Mode of access: <https://resources.fifa.com/image/upload/1732-amendments-to-the-fifa-statutes-the-regulations-governing-the-application-o.pdf?cloudid=rdiewqddif6qqfzcn9i9>. – Date of access: 31.01.2021.
2. Commentary on the Rules Governing Eligibility to Play for Representative Teams [Electronic resource]. – Mode of access: <https://resources.fifa.com/image/upload/commentary-on-the-rules-governing-eligibility-to-participate-for-representative-.pdf?cloudid=ro8mje8vw98yp3rvfbmi>. – Date of access: 31.01.2021.
3. Parrish, R. Lex sportiva and EU sports law / R. Parrish // European Law Review. – 2012. – Vol. 37, № 6. – P. 716–733.
4. “Exciting period” in prospect [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.uefa.com/insideuefa/about-uefa/news/0253-0d7fd85e5d7d-ca12c9f6e102-1000--exciting-period-in-prospect>. – Date of access: 31.01.2021.

5. Крымский футбольный союз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cfu2015.com>. – Дата доступа: 31.01.2021.

6. World Athletics` Eligibility to represent a member rules [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.worldathletics.org/download/download?filename=d00b323c-c9e1-4987-b56b-ecea5b4e76a8.pdf&urlslug=C3.2%20-%20Eligibility%20to%20Represent%20a%20Member%20Rules> – Date of access: 31.01.2021.

7. FINA General Rules [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.fina.org/sites/default/files/fina_generalrules.pdf. – Date of access: 31.01.2021.

А. А. Елаев

Исполнительный комитет Калининградского регионального отделения Ассоциации юристов России

НАГРАЖДЕНИЕ ЗНАКОМ «ЖИТЕЛЬ ОСАЖДЁННОГО СЕВАСТОПОЛЯ» КАК НОВОЕ ОСНОВАНИЕ ОТНЕСЕНИЯ ЛИЦ К КАТЕГОРИИ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В настоящей статье автор рассматривает лиц, награждённых знаком «Жителю осаждённого Севастополя», как новое основание отнесения лиц к категории ветеранов Великой Отечественной войны, введённое в законодательство Российской Федерации в 2020 году, проводя аналогию со статусом лиц, награждённых знаком «Жителю блокадного Ленинграда» в целях совершенствования указанной подкатегории ветеранов Великой Отечественной войны.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ от 14.03.2020 г. [2] в число конституционных норм было внесено почитание памяти защитников Отечества, обеспечение защиты исторической правды, а также недопустимость умаления подвига народа при защите Отечества (часть 3 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в новой редакции [1]). Е.В. Сазонникова относит указанные нормы Конституции Российской Федерации к конституционным ценностям Российской Федерации [13]. Раскрытие указанных положений Конституции Российской Федерации, с учётом систематического толкования указанной статьи Основного Закона, осуществляется путём принятия как федеральных законов, так и законодательства субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон «О ветеранах» [4] в целях учета заслуг по защите Отечества, безупречной военной службы, иной государственной службы и продолжительного добросовестного труда установил, наряду с иными категориями ветеранов, категорию ветеранов Великой Отечественной войны (статья 1). Указанный закон не закрепляет единой категории «ветеран» [14], таким образом критерии отнесения тех или иных лиц к ветеранам определяются законодателем в описании конкретной категории ветеранов, правовое состояние «ветеран» зависит от отнесения лица к определённой категории ветеранов, указанной в статье 1 Федерального закона «О ветеранах». При этом Федеральный закон «О ветеранах» определяет федеральные категории ветеранов, определяемые для правоотношений в отношении всей территории Российской Федерации, которые следует отличать от региональных категорий ветеранов (например, ветеранов труда Ленинградской области, ветеранов становления Калининградской области и других).

Перечень лиц, относимых к категории ветеранов Великой Отечественной войны, устанавливается из статьи 2 Федерального закона «О ветеранах» и состоит из четырёх подкатегорий указанной категории: (1) участников Великой Отечественной войны из 9 оснований отнесения, (2) лиц, которые в ходе войны были задействованы для нужд обороны или осуществляли свою деятельность на военных объектах [15]; (3) лиц,

награждённых знаком «Жителю блокадного Ленинграда» и знаком «Жителю осаждённого Севастополя»; (4) лиц, проработавших в тылу не менее шести месяцев или награждённых орденами и медалями за труд в период Великой Отечественной войны (до 1995 года указанных лиц именовали «труженики тыла»).

Стоит отметить, что доктрина не содержит устойчивого наименования для всех подкатегорий категории ветеранов Великой Отечественной войны, что зачастую вносит путаницу при определении льгот конкретных лиц, что для некоторых критериев отнесения лиц к той или иной категории вносит путаницу при определении статуса лица и его права на льготы, а также составлении проектов правовых актов о социальной поддержке ветеранов, особенно для лиц, имеющих удостоверения участников Великой Отечественной войны, но не относящихся к событиям 1941-1945 годов, например – участников боёв на острове Даманский в 1969 году или не являющихся ветеранами Великой Отечественной войны лиц, относящихся к событиям 1941-1945 годов, например – малолетних узников фашистских концлагерей или категории детей войны.

В отличие от первой, второй и четвёртой подкатегорий категории ветерана Великой Отечественной войны третья категория не связана с непосредственным осуществлением деятельности лицом в период Великой Отечественной войны, а связана с награждением определённым знаком.

Федеральным законом от 22.12.2020 г. № 431-ФЗ [4] наряду с лицами, награждёнными знаком «Жителю блокадного Ленинграда» в указанную подкатегорию включены лица, награждённые знаком «Житель осаждённого Севастополя», что требует доктринального анализа внесённых изменений, а также определения порядка отнесения тех или иных лиц к указанному основанию. Также было установлено, что указанные лица имеют право на ежемесячную денежную выплату (пп. 5 п. 1 ст. 23.1 ФЗ «О ветеранах») и меры социальной поддержки (ст. 18 ФЗ «О ветеранах»).

Проект федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отнесения лиц, награжденных знаком "Жителю осажденного Севастополя", к ветеранам Великой Отечественной войны и установления им правовых гарантий социальной защиты" был разработан в целях исполнения указания Президента Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № Пр-546.

Как указано в пояснительной записке к законопроекту [16] до разработки законопроекта в целях определения статуса категории граждан "Житель осажденного Севастополя" и сохранения объема мер социальной поддержки, ранее установленных указанным гражданам Законом Украины от 22 октября 1993 г. № 3551-ХІІ "О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты", а также учреждения знака «Жителю осажденного Севастополя» был принят Закон города Севастополя от 20 апреля 2017 г. № 339-ЗС «О жителях осажденного Севастополя», в соответствии с которым реализовывались меры социальной поддержки лиц, награжденных знаком "Жителю осажденного Севастополя" и проживающих в городе Севастополе.

На основании закона города Севастополя № 339-ЗС и в соответствии с порядком, установленном Постановлением Правительства Севастополя от 27 апреля 2017 года N 341-ПП [9] знаком «Жителю осажденного Севастополя» награждены граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, которые во время обороны города Севастополя с 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г. проживали на его территории.

Таким образом, исходя из обоснования авторов законопроекта, целью принятия федерального закона о введении нового основания отнесения лиц к ветеранам Великой Отечественной войны было восстановление указанных лиц в статусе ветеранов Великой Отечественной войны, который они ранее получили в соответствии с законом Украины, действовавшим на территории города Севастополя до вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации в 2014 году.

В соответствии с заключением Правительства Российской Федерации на законопроект, направленным письмом от 09.12.2020 г. № 8226п-П12 [16], законопроект направлен на предоставление мер государственной поддержки 1217 лицам.

При этом, федеральный законодатель, вводя новое основание отнесения лиц к подкатегории категории ветеранов Великой Отечественной войны, не урегулировал порядок награждения указанными в новом основании нагрудных знаков, включая в себя уровень государственной власти и государственные органы, имеющие право на принятие решения о награждении, основания награждения и иные элементы наградного правоотношения. Указанный нагрудный знак также не входит в государственную наградную систему Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации».

Таким образом, отнесение лиц, проживавших в городе Севастополе с 30.10.1941 г. по 04.07.1942 г. на территории города Севастополя к категории ветеранов Великой Отечественной войны осуществляется не автоматически на основании факта проживания на территории, а на основании награждения указанных лиц органами исполнительной власти Севастополя знаком «Жителю осаждённого Севастополя» на основании правовых актов Севастополя.

То есть, правоотношение по поводу присвоения федерального звания ветерана Великой Отечественной войны в настоящее время включает в себя, помимо материально-правовой составляющей (факта проживания лица на территории города Севастополя в указанный период) также процессуально-правовую составляющую в сфере наградных правоотношений субъекта Российской Федерации, находящуюся в дискреции законодателя субъекта Российской Федерации.

Аналогичное основание присвоение федерального звания, основанное не на объективных критериях, установленных федеральным законом, а на принятии решения органами власти субъекта Российской Федерации в соответствии с порядком, устанавливаемым органами власти субъекта Российской Федерации, в настоящее время установлено также и для другого нагрудного знака, указанного в третьей подкатегории категории звания ветерана Великой Отечественной войны нагрудного знака «Жителю блокадного Ленинграда». Вручение нагрудного знака «Жителю блокадного Ленинграда» осуществляется на основании решения Исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов от 23 января 1989 г. N 5 органами государственной власти Санкт-Петербурга [11], критерии вручения указанного знака в федеральном законодательстве отсутствуют, что приводит к фактическому установлению оснований присвоения федерального звания ветерана Великой Отечественной войны по данному основанию не к федеральным полномочиям, а к полномочиям субъекта Российской Федерации.

Согласно п. 1 Положения о знаке «Жителю блокадного Ленинграда», знак «Жителю блокадного Ленинграда» вручается проживавшим не менее 4 месяцев в Ленинграде в период блокады (с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г.) детям до семи лет, школьникам, учащимся школ ФЗО, ремесленных училищ и техникумов, студентам и другим гражданам, не награжденным медалью «За оборону Ленинграда».

Таким образом, если на федеральном уровне, исходя из названия знаков, установлен и буквально воспринимается единый критерий, объединяющий третью подкатеорию ветеранов Великой Отечественной войны – проживание лиц в определённом городе (Ленинграде или Севастополе) в определённый период (блокады или осады), то фактическое воплощение указанного требования в законодательстве Санкт-Петербурга и Севастополя определяет различные критерии присвоения звания ветерана Великой Отечественной войны в зависимости от срока проживания, что, в отсутствие прямого указания федерального законодателя в отношении установления различных критериев органами государственной власти

субъектов Российской Федерации, может восприниматься как нарушающий конституционный принцип недопустимости умаления подвига народа при защите Отечества в отношении жителей блокадного Ленинграда.

Если даже для двух населённых пунктов – Севастополя и Ленинграда – определение единых критериев в законодательстве субъектов федерации не удалось реализовать, то при возможном расширении перечня населённых пунктов, население которых проявляло массовый героизм в годы Великой Отечественной войны и достойно присвоения звания ветеранов Великой Отечественной войны по факту проживания в городе, выработка единых федеральных критериев присвоения звания по указанным основаниям принимает важное политико-правовое значение.

На основании вышеизложенного, предлагаются следующие меры совершенствования законодательного регулирования подкатегории «жители определённых местностей» категории ветеранов Великой Отечественной войны:

(1) отказ от критерия награждения знаком в пользу установления в федеральном законе конкретных критериев проживания лиц на определённой территории в годы Великой Отечественной войны;

(2) принятия федерального подзаконного акта в форме постановления Правительства Российской Федерации о порядке определения лиц, подпадающих под критерии проживания в указанных городах, чтобы указанное определение могло осуществляться на всей территории Российской Федерации, а не только органами власти соответствующих субъектов федерации;

(3) установить единый критерий отнесения к ветеранам Великой Отечественной войны для жителей осаждённого Севастополя и блокадного Ленинграда, связанный с фактом проживания в указанных городах в период осады (блокады).

Введение указанных изменений в правовом регулировании критериев отнесения жителей определённых местностей к ветеранам Великой Отечественной войны будет способствовать единству понимания заслуг указанных в лиц в годы Великой Отечественной войны и в полной мере будет соответствовать части 3 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС Консультант Плюс.

2. О поправке к Конституции РФ: Закон Российской Федерации от 14.03.2020, № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // СПС Консультант Плюс.

3. О ветеранах: Федеральный закон от 12.01.1995, № 5-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС Консультант Плюс.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отнесения лиц, награжденных знаком "Житель осажденного Севастополя", к ветеранам Великой Отечественной войны и установления им правовых гарантий социальной защиты: Федеральный закон от 22.12.2020, № 431-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

5. Устав города Севастополя от 14.04.2014, № 1-ЗС, принят Законодательным Собранием г. Севастополя 11.04.2014 // СПС Консультант Плюс.

6. О жителях осаждённого Севастополя: Закон города Севастополя от 20.04.2017, № 339-ЗС // СПС Консультант Плюс.

7. О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан, проживающих на территории города Севастополя: Закон города Севастополя от 23.01.2015, № 106-ЗС // СПС Консультант Плюс.

8. О выплате разовой денежной помощи (выплаты) отдельным категориям жителей города Севастополя ко Дню Победы в 2020 году: Постановление Правительства Севастополя от 26.03.2020, № 85-ПП // СПС Консультант Плюс.

9. Об утверждении порядка изготовления и выдачи удостоверения и нагрудного знака «Житель осажденного Севастополя»: Постановление Правительства Севастополя от 27.04.2017 № 341-ПП // СПС «Консультант Плюс».

10. Социальный кодекс Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга (с изменениями на 24.12.2020) // СПС Консультант Плюс.

11. О знаке "Жителю блокадного Ленинграда: Положение Утверждено решением Исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов от 23.01.1989, № 5 // СПС Консультант Плюс.

12. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2013, № 78-КГПР13-25 // СПС Консультант Плюс.

13. Сазонникова, Е.В. Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как конституционные ценности / Е.В. Сазонникова // Конституционное и муниципальное право. –2020. – № 10. – С. 29-32.

14. Белянинова, Ю.В., Гурина, О.А., Захарова, Н.А. Комментарий к Федеральному закону от 12.01.1995 № 5-ФЗ "О ветеранах" (постатейный) / под ред. Т.С. Гусевой // СПС Консультант Плюс.

15. Слобцов, И.А., Шашкова (Кузнецова), О.В., Шашмурина, Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 12.01.1995, № 5-ФЗ "О ветеранах" (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отнесения лиц, награжденных знаком "Житель осажденного Севастополя", к ветеранам Великой Отечественной войны и установления им правовых гарантий социальной защиты: Законопроект № 1019797-7 (в архиве) // Система обеспечения законодательной деятельности <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1019797-7> (дата обращения - 12.01.2021 г.).

A. A. Mozhayeva

Belarusian State Medical University

A. A. Можяева

Белорусский государственный медицинский университет

THE COMMUNITY LEVEL PREVENTION OF CHILDHOOD OBESITY

ОБЩЕСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕТСКОГО ОЖИРЕНИЯ

В статье рассматривается общественный уровень профилактики детского ожирения. Характеризуются меры, принимаемые Всемирной организацией здравоохранения и Республикой Беларусь в области борьбы с детским ожирением. Подчеркивается важность законодательных ограничений рекламы продуктов питания, способствующих развитию ожирения у детей, а также увеличения социальной рекламы активного образа жизни.

One of the main problems of the 21st century is the increasing number of overweight and obese people, and this pathology tends to spread not only among adults but also among children. Table 1 shows the dynamics of the number of overweight and / or obese people in the world.

Table 1 – Total number of overweight and / or obese people in the world [1,2]

Age	0-5 years		5-19 years		19 years and over	
Year	1990	2016	1975	2016	1975	2016
Number (million people)	32	41	11	124	100	671

As follows from the data provided the number of obese children between the ages of 5 and 19 has increased worldwide more than 10 times. There is also an increase in the number of obese and overweight children under the age of 5, but to a lesser extent.

This problem is also relevant for Belarus. Thus, in 2015, about 300,000 persons had excess body weight or were obese. Screening data show that 5.7 per cent of Minsk pre-school children had overweight bodys and 4.6 per cent were obese. This figure is higher among school-age children. Thus, 18.6 per cent of schoolchildren are overweight and 9.6 per cent are obese [3].

In the 21st century, thanks to the development of science like medicine, many causes of obesity are already known. In particular, they include low levels of physical activity, endocrine diseases, central nervous system pathologies, etc. Childhood obesity can affect virtually all organ systems and can cause diseases such as hypertension, dyslipidemia, diabetes, etc. Therefore, it is important to create new methods for the prevention and treatment of this pathology.

Prevention is now seen as the best way to stop the growing global spread of childhood obesity. Despite the seeming attractiveness of prevention, today there is a limited amount of data on the most effective means of preventing the development of obesity in children. In order for the effectiveness of prevention to be higher, it must be multilevel and measures must be taken at the individual, household, institutional, and community levels.

Without denying the importance of the complexity of prevention measures and taking into account the potential of measures taken by society and states, we consider the community level of prevention of childhood obesity to be one of the most effective and to be a subject to more detailed research.

The community level of childhood obesity prevention includes actions by society, international organizations, in particular the World Health Organization (hereinafter - WHO), and different states.

The WHO Global Strategy on Diet, Physical Activity and Health was adopted by the World Health Assembly on 22 May 2004. It includes measures to support healthy eating and regular physical activity. WHO has also developed the Global Action Plan for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2013-2020. It was aimed at stabilizing the global rate of obesity at its 2010 level [4].

Since there is no consensus in the world on the most productive methods of preventing childhood obesity, in 2014, in order to systematize the opinions of experts from all over the world and create a unified strategy to regulate this problem, the Commission on Ending Childhood Obesity was established. As the problem of childhood obesity is not exclusively medical, this Commission was assisted by two working groups. One of them researched all the data on the prevention and treatment of childhood obesity. The other developed the methods for effective monitoring and testing of results on this problem. Thanks to the joint work of the groups, in 2016 the Commission on Ending Childhood Obesity presented The Report of the Commission on Ending Childhood Obesity Commission on Ending Childhood Obesity, which contains six recommendations for tackling the conditions conducive to obesity and critical periods of life to tackle childhood obesity [5].

In 2019, WHO issued Guidelines on physical activity, sedentary behaviour and sleep for children under 5 years of age. Recommendations are grouped for children under 1 year old, 1 to 2 years old and 3 to 4 years old and relate to physical activity, sleep duration, periods of limited mobility (for example, in bassinets, strollers, child seats). It is noteworthy that the Guidelines

specify specific limits on the amount of time children can spend in front of TV screens and other devices [6].

Based on the research carried out, WHO adopted Guidelines on physical activity and sedentary behaviour in 2020. These Recommendations are also developed for children aged 5 to 18 years. They relate primarily to the issues of their physical activity. Due to the lack of research, this document does not contain specific recommendations regarding the duration of sedentary periods, especially leisure time in front of a TV screen, computer or other device, which requires further clarification [7].

Of course, measures to combat childhood obesity taken at the level of international organizations are not enough to achieve the set goals. In this regard, it is important to take measures of the community level for the prevention of childhood obesity, taken by specific states, in particular, the Republic of Belarus.

So, in 2016-2020. in the Republic of Belarus there was a State program "People's health and demographic security of the Republic of Belarus", approved by the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 200 dated March 14, 2016. This State Program provided for activities to promote a healthy lifestyle and nutrition, including children. Currently, by the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated January 19, 2021, No. 28, a new State program "People's health and demographic security" for 2021–2025 was approved. One of the objectives of subprogram 2 "Prevention and control of noncommunicable diseases" of this state program is to reduce the impact of risk factors for non-communicable diseases by creating a unified preventive environment. This task also includes the prevention of childhood obesity. Within the framework of this subprogram, the main direction in the fight against childhood obesity is information and educational work with the population. And if the republican Internet portal "Healthy People" [8] is used to promote a healthy lifestyle and proper nutrition for children, then the resources of social advertising are not used enough.

Moreover, in the Republic of Belarus there are no restrictions on advertising of unhealthy foods. The Law of May 10, 2007 No. 225-3 "On Advertising" in the Republic of Belarus establishes certain restrictions on advertising in the media in relation to children. Thus, Article 11 of this Law prohibits interruptions by advertising or combination with advertising, including advertising in the form of overlays, including in the form of "creeping line", children's programs and programs lasting less than 15 minutes. However, educational programs with a duration of 15 minutes or more, as well as children's feature films, may be interrupted by advertising immediately at the beginning and before the end of the program for a period not exceeding 60 seconds. The object of advertising and the content of such advertising must correspond to the characteristics of a child and teenage audience.

We believe that these restrictions are not sufficient and the Republic of Belarus should continue to improve its legislation in the field of advertising, based on the experience of other states.

For example, in the United States, studies have shown that children under the age of 8 are unable to critically analyze television advertisements, and therefore it is believed that children may develop unhealthy eating habits. For this reason, the American Psychological Association is proposing to ban advertising directed at children under 8 years of age. At the moment, advertising for children under the age of 12 for goods and services ordered by phone is prohibited in the United States. In addition, the United States has a special agency for the control of children's advertising (the Children's Advertising Review Unit - (CARU)), which monitors many television advertising messages, including viewing print ads and advertisements on the Internet.

Existing in Australia children's television standards prohibit advertisements in preschool programs and products that have been officially declared unsafe by the health service or other authorized agency.

In the UK, in addition to the already existing restrictions on advertising on children's programs as part of the anti-obesity program, from April 2022 it will ban "buy one, get a second

free” promotions for foods high in fat, sugar and salt, and will also ban advertising of such products on TV and on the Internet until 21.00, will limit the placement of advertising campaigns for unhealthy foods.

It should be noted that there is no common European opinion regarding advertising for children. The level of regulation of advertising to children differs from country to country. Therefore, in order to create a unified advertising policy in the fight against childhood obesity, WHO developed the Set of Recommendations on the Marketing of Foods and Non-alcoholic Beverages to Children, which was approved in May 2010 at the 63rd World Health Assembly. This set of recommendations is intended to provide guidance for developing new and / or strengthening existing food marketing communications policies to reduce the impact on children of advertising for foods high in saturated fat, trans fatty acids, sugar or salt.

Thus, the prevention of childhood obesity and related diseases should be carried out in a comprehensive manner with the participation of specialists in various fields and the mandatory implementation of measures at the state level. In particular, the Republic of Belarus should introduce restrictions on advertising of food products that contribute to the development of obesity in children, as well as intensify social advertising of an active lifestyle.

List of sources

1. Tenfold increase in childhood and adolescent obesity in four decades: new study by Imperial College London and WHO [Electronic resource] // World Health Organization. – Mode of access: <https://www.who.int/ru/news/item/11-10-2017-tenfold-increase-in-childhood-and-adolescent-obesity-in-four-decades-new-study-by-imperial-college-london-and-who>. – Date of access: 15.02.2021.

2. Факты и данные о детском ожирении [Electronic resource] // Всемирная организация здравоохранения. – Mode of access: <https://www.who.int/end-childhood-obesity/facts/ru/>. – Date of access: 15.02.2021.

3. В Беларуси около 300 тыс. детей имеют избыточную массу тела или страдают ожирением [Electronic resource] // БЕЛТА. – Mode of access: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-okolo-300-tys.-detej-imejut-izbytochnuju-massu-tela-ili-stradajut-ozhireniem-162124-2015/>. – Date of access: 15.02.2021.

4. Global Action Plan for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2013-2020 [Electronic resource] // World Health Organization. – Mode of access: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/94384/9789241506236_eng.pdf;jsessionid=8DB8D31860BCEEC43BADA2B295CD4B14?sequence=1. – Date of access: 15.02.2021.

5. Report of the Commission on Ending Childhood Obesity Commission on Ending Childhood Obesity [Electronic resource] // World Health Organization. – Mode of access: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/204176/9789241510066_eng.pdf?sequence=1. – Date of access: 15.02.2021.

6. Guidelines on physical activity, sedentary behaviour and sleep for children under 5 years of age [Electronic resource] // World Health Organization. – Mode of access: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311664/9789241550536-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Date of access: 15.02.2021.

7. WHO guidelines on physical activity and sedentary behaviour [Electronic resource] // World Health Organization. – Mode of access: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/336656/9789240015128-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Date of access: 15.02.2021.

8. Информационный интернет-портал «Здоровые люди» [Electronic resource]. – Mode of access: <https://24health.by/>. – Date of access: 15.02.2021.

Scientific adviser: S. V. Keegan

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ОГРАНИЧЕНИЯ АВТОНОМИИ БЕССАРАБИИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1813–1818 ГГ.

С переходом в мае 1812 года населения Бессарабии под юрисдикцию Российской империи, перед последней закономерно встала необходимость реформирования управленческого аппарата присоединенной территории и установления правовых основ его деятельности в интересах царизма.

Исследователями отмечается, что благосклонная организация государственного управления в первой половине XIX века привела к активному заселению данной территории различными народностями (молдаванами, сербами, гагаузами, русскими, украинцами, армянами, болгарами, немцами и другими) [1, с. 228].

Это позволяет отметить, что в рассматриваемый период население Бессарабии представляло собой разрозненную этническую группу, уже не связанную с Молдавским княжеством. Отсутствие бессарабской знати как социального слоя усложнило налаживание контактов царского правительства с местной элитой для ее интеграции в состав российского дворянства, требовало поиска индивидуального подхода к управлению, отличного от управления иными присоединенными территориями [2, с. 108].

Вопрос выбора дальнейшего взаимодействия права империи и права присоединенной территории, выходил за рамки системы управления для центральных губерний, сформированной 7 ноября 1775 года в «Учреждении для управления губерний Российской империи» [3, с. 229].

Установление автономистских начал в Бессарабии в 1812-1813 гг. стало результатом гибкой политики Российской империи в отношении Бессарабии. В 1812 году по поручению российского адмирала П.В. Чичагова графом Каподистрия (приверженцем местных обычаев в управлении Бессарабией) был подготовлен и представлен в Петербург проект Правил временного управления Бессарабской областью. А в 1813 году указом сената учреждается Временное правительство Бессарабии по гражданскому управлению, главой которого назначен Скарлат Стурдза - молдавский боярин, ранее принявший российское подданство [4, с. 3-4].

Временные правила 1813 года оставляли широкие полномочия для местной власти. Согласно Правилам, областное правительство Бессарабии возглавлялось молдавскими боярами, а также молдавскими и русскими чиновниками, а управление осуществлялось посредством старых феодальных обычаев.

Анализ административного устройства Бессарабии с 1813 года, свидетельствует о восстановлении Временными правилами структуры управленческих учреждений, разрушенной в результате турецких захватов, что имело положительное значение для самого края и подчеркивает автономистскую направленность структуры государственно-управленческого аппарата.

Реализация позиций верховной власти была четко изложена во Временных правилах 1813 года, которыми Александр I закрепил намерение «оберегать национальную самобытность жителей покоренного края посредством сохранения их законов и прежних основ правовой жизни». В данном вопросе, по утверждению Л.А. Кассо были применены принципы, лежавшие в основе управления польской и финляндской окраинами [5, с. 5], что выражалось в сохранении на начальном этапе за присоединенной территорией собственных законодательных и институциональных основ управления. Положительный опыт Царства Польского и Великого княжества Финляндского, характеризующийся созданием условий для инкорпорации в имперскую политическую элиту местной знати с одновременным дарованием ей прав российского дворянства, послужил основой для применения данной модели управления и в отношении Бессарабии.

Следует отметить, что на протяжении всего XIX века в Российской империи сохранялась такая практика управления, подкрепляемая лояльностью местных высших сословий в отношении центральной императорской власти, что служило гарантией сохранения данного положения.

Стратегические последствия такой политики связывались с поднятием престижа Российской империи для несвободных от турецкого ига народностей, единоверных с ней.

Соглашаясь с исследованиями Я.С. Гросула, В.Я. Гросула, развитие и процветание Бессарабии после ее присоединения имели для Российской империи принципиально важное политическое значение.

Б.Э. Нольде, характеризуя систему управления 1812-1813 годов, подчеркивал, что Империя транслирует малое желание управлять Бессарабским краем, оставив в нем все старые установления, закрепив, что управление гражданского и публичного права подчинено старым молдавским законам, а высший орган представлен должностными лицами, назначаемыми центральной властью из числа местных помещиков [6, с. 426].

Таким образом, Временные правила 1813 года, закрепившие автономистские основы управления в Бессарабии, стали несомненным шагом вперед для развития Бессарабского края, поскольку предусматривали усовершенствование областного управления, по сравнению с существовавшими при султанском режиме порядками.

Однако, кроме сохранения местного закона, Правила сохранили и недостатки старого режима, выраженные во вседозволенности и произволе молдавских чиновников, которые абсолютизировали вверенную им власть и чаще всего поступали лишь в собственных интересах. Несмотря на благосклонную политику империи, чиновничий произвол, взяточничество, поборы, истязания крестьян, приводили к эмиграции населения с территории Бессарабии. Об этом императору неоднократно докладывали в 1813 году Гартинг, Н. Байков, П.С. Свиньин (направленный в 1815 году в Бессарабию для инспектирования дел на месте), П.Д. Киселев (по итогам инспекционной поездки в 1816 году) и другие специально уполномоченные лица, командированные Александром I на протяжении 1813–1816 годов, для расследования местных беспорядков.

Результатом инспектирования стало появление докладной записки на имя князя Куракина - министра внутренних дел. В ней отмечалось, что Скарлат Стурдза не способен эффективно управлять по причине слабости, отсутствия опыта, старости и мягкости, а молдавские исправники, осуществляющие внутреннее руководство, не компетентны в законах, руководствуются старыми обычаями, применяя кодифицированные акты лишь в случае, если хотят выдать свой произвол за закон.

Итак, в докладах российских чиновников 1813-1816 гг. местная администрация характеризуется весьма негативно, что послужило толчком для укрепления позиции российского дворянства о необходимости сужения и ограничения полномочий местной власти с параллельным введением имперских законов.

О некоторой поддержке данной позиции царем свидетельствуют действия, выраженные в отставке в 1813 году Скарлата Стурдзы и закреплении военных и гражданских полномочий за генералом Гартингом, настроенным на жесткое сужение автономии и представившим министру юстиции проект нового управления Бессарабией с учетом установления общерусских законов на ее территории. Это стало предпосылкой установления почвы для наместничества в Бессарабии в 1816 году и свидетельствует о поиске и применении нестандартных форм управления на окраинных территориях империи.

22 февраля 1816 года принимается решение о направлении в Бессарабию нового высокопоставленного чиновника в должности наместника – руководителя областью [7, с. 212]. Параллельно Александром I направлялось послание молдавским боярам, с убеждением в сохранении за ними привилегий и наследственных прав в ходе реорганизации административного управления.

Несмотря на скептический настрой имперской элиты, царем продолжается курс на сохранение автономии, что находит отражение в разработке и принятии в 1818 году «Устава

образования Бессарабской области». Уравнивание в 1818 году политических прав с русским дворянством гарантировало молдавским боярам и духовенству возможность дальнейшего своевольного принуждения крестьян [8, с. 112]. Это еще раз породило противоречия между подходами к управлению со стороны империи и местной власти, продолжавшей руководствоваться обычаями, частично унаследованными из турецко-фанариотского режима.

Характеризуя временной промежуток основ государственного управления в 1813-1818 гг. представляется, что политический настрой Александра I на установление автономии в Бессарабии не изменялся в течение всего периода его правления. Причины этого как внутренние, так и внешние неоднократно исследовались в историко-правовой науке. Следует отметить, что XIX век в целом для исторического пути Российской империи характеризуется временем, когда многие политические замыслы так и остались лишь идеями и проектами, не осуществилось крупных преобразований. По словам С.В. Мироненко именно период Александровского времени заложил фундамент для проблем, которые явственно обнаружались во второй половине XIX века и стали их предвестниками [9, с. 6].

Несмотря на предпосылки ограничения автономных начал в управлении Бессарабией, в исследуемый период принципиальных действий не произошло. А период смены политики империи к централизации административного регулирования наступил лишь с приходом к власти Николая I.

Список использованных источников

1. Кодан, С. В., Февралев, С. А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX в. – М. : Юрлитинформ, 2016. 288 с.
2. Мытник, Е. В. Формирование государственного управления Бессарабии с 1812 по 1818 годы в период интеграции в состав Российской империи/ Е. В. Мытник // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации : материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нефтекамск, 13 ноября 2020 г. / отв. редактор И. Ф. Сагитова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. – С. 108.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XX. №14392. – 1034с.
4. Центральный государственный архив МССР, ф. 5, оп. 3, д. 1, л. 3-4.
5. Кассо, Л. А. Византийское право в Бессарабии. 1907. – 77 с.
6. Нольде, Б. Э. Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – Санкт-Петербург : Типография издательства «Правда», 1911. – 555 с.
7. Кассо, Л. А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. – М., 1913. – 230с.
8. Гросул, Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812-1861 гг). Кишинев, 1956. – 400 с.
9. Мироненко, С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М. : Наука, 1989. – 240 с.

А. С. Нерад

О. М. Ленцевич

канд. юрид. наук, доц.

Белорусский государственный экономический университет

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XIX в.: СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА

Вопрос о такой составляющей государственного устройства, как форма правления, остается актуальным в теории права и сегодня. Если рассматривать идеи ученых, философов и правоведов любой исторической эпохи о государстве и праве, в большинстве концепций прослеживается попытка осмысления различных форм осуществления государственной власти. Современный исследователь встретит в них анализ

существовавших на тот момент форм правления, их сравнительную характеристику, а также тенденции их сменяемости по степени целесообразности и общественной полезности, как для конкретного государства, так и для соответствующего исторического периода.

Как известно, и в современном мире существуют такие формы правления, как республика и монархия, прошедшие проверку временем, имеющие длительный период существования, начиная с эпохи Древних цивилизаций. В современном мире встречаются как абсолютная, так и ограниченная формы монархии. Сама по себе монархическая форма правления является своего рода пережитком прошлого и в большинстве случаев имеет представительный характер. Это означает, что монарх сам не принимает важных стратегических внутри- и внешнеполитических решений, а выступает в качестве представителя государства на международной арене. Ярким примером такого государства на сегодняшний день является Великобритания. Однако в мировой практике такое положение вещей было не всегда. Монархия как форма правления начала активно отмирать только в XX веке; до этого же она пользовалась большой популярностью не только в странах Европы, но и во всем остальном мире [1, с. 23].

Говоря об абсолютной монархии, следует отметить, что исторически данная форма правления была более популярна, чем ограниченная. Это обусловлено рядом объективных причин, связанных с различными сферами жизни общества для конкретного исторического этапа. Так, для абсолютной монархии XIX века, когда речь идет о формировании современных государств, были характерны следующие черты: наивысшая степень централизации государственной власти; контроль над всеми сферами жизни общества; сосредоточение всей полноты законодательной и исполнительной власти в руках монарха. Для XIX века наиболее ярким представителем государства с такой формой правления принято считать Российскую империю [2, с. 47].

В настоящее время абсолютная монархия воспринимается как нечто архаическое, как правило, с негативной оценкой. При этом любое государственно-правовое явление следует рассматривать с разных сторон. Обратимся к выявлению положительных черт абсолютной монархии XIX в.

1) Эффективность в принятии решений. Очевидно, что если в государстве появляется какая-либо проблема, требующая немедленного разрешения, намного проще и быстрее это будет осуществляться одним человеком, нежели целым собранием людей, высказывающих свои «за» и «против». Однако стоит иметь в виду, что данный плюс может быть применен только к тем государствам, которые имеют сравнительно небольшие территориальные размеры. Например, к Российской империи это не относилось; наоборот, на большой территории эффективность централизованного управления существенно снижается, так как один человек чисто физически не в состоянии полноценно углубиться в проблемы каждого региона огромного государства [2, с. 251].

2) Легче осуществляются долговременные государственные преобразования, потому что курс редко меняется, чаще всего со смертью монарха или его свержением. Известно, что для проведения любого рода реформ нужно определенное количество времени, поэтому при частой сменяемости власти эта деятельность становится затруднительной.

3) Логично, что монарх не будет улучшать свое благосостояние за счет государственного бюджета, потому что он является государством. Это значит, что исключается вероятность коррупции и воровства среди огромного государственного аппарата.

4) Власть передается наследственным путем, что уменьшает вероятность политических кризисов. После смерти правителя в любом государстве самым актуальным вопросом становится вопрос, кто же займет его место. При абсолютной монархии такой вопрос исключается. Так, после смерти монарха, его место по наследству передается его

потомкам. Даже если таковые будут отсутствовать, трон займет любое лицо, чаще всего мужского пола, связанное с монархом кровным родством.

5) Исключается пришествие к власти случайного человека. Это значит, что каждого монарха еще с раннего возраста готовят к занимаемой им должности. Его цель – не сама власть, а улучшение и развитие государства.

Наряду с перечисленными плюсами, абсолютная монархия имеет и ряд отрицательных черт.

1) Вероятная некомпетентность наследника в делах государственного управления. Несмотря на усиленную подготовку и обучение будущего монарха, он может просто не иметь врожденных способностей для такой власти. Такая ситуация была при правлении Николая II, который из-за отсутствия правильного политического мышления потерял контроль над государством, в результате чего был свергнут. Также, если преемников нет, то династия прерывается и возникает политический кризис, которого бы не было, если бы глава государства избирался посредством выборов. Так, например, сын Ивана Грозного Федор, который, по словам своего отца, был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рожденный», из-за слабого физического и психического здоровья рано умер, не успев оставить наследников, из-за чего пресеклась московская линия династии Рюриковичей [3, с. 34].

2) Пожизненное государственное обеспечение делает монарха далеким от реальности, в которой живет его народ и все государство. Ближнее окружение абсолютного монарха очень часто окружает его иллюзией реальности, в которой нет никаких серьезных проблем. Однако истории известны и исключения, например, правитель Российской империи XIX века Александр II, знал о проблемах обычных людей и в связи с этим принял манифест об отмене крепостного права [3, с. 15].

3) Единство и централизация власти не способны эффективно решать проблемы на большой территории. Для Российской империи данная проблема была наиболее острой, нежели в других странах. Это обуславливалось ее огромными территориями, из-за чего многие локальные проблемы (особенно при отсутствии местного самоуправления) оставались нерешенными [2, с. 252].

4) Правитель не несет ответственности перед народом или кем-либо еще, потому что его никто не выбирал, более того, он даже не считает нужным корректировать свой режим, потому что его действия могут не отвечать общественным интересам. То есть, фактически, при абсолютной монархии правитель может делать абсолютно все, вплоть до казни и жестоких пыток, при этом не нести никакой ответственности за это.

5) Тотальная диктатура, при которой люди становятся не полноправными гражданами государства, а личной бесправной собственностью монарха.

Таким образом, абсолютная монархия, несмотря на наличие определенных положительных аспектов, все-таки не является идеальной формой правления. Ее самыми главными недостатками видятся отсутствие элементов демократии, централизация управления, вседозволенность и ненаказуемость монарха. Наличие таких серьезных минусов в конечном итоге привело к практически полному свержению абсолютной монархии. В настоящее время подобная форма правления существует в таких государствах как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Катар, Бруней и Ватикан. Вечное стремление людей к свободе, плюрализму и демократии повлекло за собой отказ от монархической формы правления, в частности абсолютизма. Тем самым возросла популярность народовластия, которое нашло свое отражение в республиканской форме правления. Такие стремления народа считаются прогрессивными в современном мире, особенно на Западе. Так, можно проследить закономерность, что только консервативные в данном вопросе страны Востока все еще придерживаются традиционной формы правления, а именно абсолютной монархии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кареев, Н.И. Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества старого порядка / Н.И. Кареев. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – VIII, 452 с.
2. Ландина, Л.В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начале XXI в. / Л.В. Ландина; под науч. ред. В.С. Кошелева. – Минск: Энциклопедикс, 2020. – 815 с.
3. Орловский, Е.Ф. Исторические основы русского самодержавия / Сост. Е. Орловский. – Гродно: тип. Губ. правл., 1893. – 43 с.

И. И. Погорлецкая

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА XVI–XVII ВЕКОВ

Обычное право выступает в качестве первой формы правовых отношений, которые складываются в обществе. А. Боршевский, Б.Сосна определяют обычное право как «совокупность норм, которые вырабатываются в течение длительного времени в какой-нибудь общественной сфере и становятся юридическими, получив закрепление тем или иным способом со стороны органов государственной власти, обеспечивающих своей принудительной силой их закрепление и соблюдение» [1, с.43].

Среди исследователей обычного права средневековой Молдавии нет единства взглядов относительно правовой природы юридического обычая, его места и роли среди источников права. П. Даневский, Л. Кассо, В. Линовский, М. Шимановский фактически отрицали юридический обычай в качестве источника права средневековой Молдавии.

После подписания Бухарестского мирного договора 16 мая 1812 года Бессарабская область была закреплена за Российской Империей. Принятый после присоединения Устав Образования Бессарабской Области от 29 апреля 1818 года предписывал правительственной власти «о сохранении прежнего порядка» [2, с. 6]. Устав 1818 года говорит, что в Верховном Совете «гражданские, тяжбные и межевые дела судятся по основанию законов и обычаев молдавских», и что кроме того во всех делах даже уголовных и административных должны быть сохранены эти же права и обычаи земли «в отношении в отношении защищения частной собственности» [3, с.9].

Между тем, «говоря о местных законах, правительство знало лишь, что есть какие-то особливые законы, которыми руководствуются в присоединенной области, но не знало, какие же это законы» [2, с.8]. Большой проблемой было и описание обычаев Бессарабской области, по той причине, что какого-либо письменного закрепления они не получили.

Следует сказать, что источники права Молдавского княжества периода XVI – XVII веков, отличались не только многообразием, но и неопределенностью. На «эту неопределенность местных источников права и невозможность их проверки стал ссылаться Гартинг (бессарабский губернатор, назначенный в 1813 году – примеч. автора) в своих донесениях министрам и иногда в довольно резкой форме, осуждая кроме того вообще пригодность тогдашнего местного строя Бессарабии для дальнейшего его преуспеяния...» [3, с.6]. В письме и.д. Министра Юстиции Болотникову от 10 декабря 1813 г. он же указывает на то, что «надлежит утвердиться во мнении, что в Молдавии вовсе нет никаких законов, ни земских положений твердых, и что при образовании Бесс. Области заимствоваться чем либо для руководства, не томко от молдавских бояр, столь с худой стороны сделавшихся известными, для коих кроме интереса ничего святого нет,

но и вообще от того княжества, которое всегда угнеталось беззакониями и разорениями, произведенными со стороны самих же правителей, было бы неприлично и вредно для государства» [3, с.6].

В. Линовский со ссылкой на ученых иностранцев, которые долго проживали в Молдавии отмечает, что... молдаване ссылаются «на так называемые «обычаи помынтуле» (обычаи края – примеч. автора), основанные на простых местных обычнностях и произвольных преданиях; судьи определяются без всякого разбора по одному княжескому произволу...В Молдавии и Валахии все тяжбы решаются по княжескому произволу, основанному на его выгодах или на происках его министров...Все доказательства и законность требования не имеют никакого веса у судей. Приговоры издаются словесно, редко бывают они письменные; если же иногда и набросят их на летучий листок, в том небольшая польза; нет нигде архива или канцелярии, куда бы можно внести его» [4, с.41]. Что же касается обычаев, продолжает М.В. Шимановский, то они не только не известны, но и не могли быть изучены. А если и были постановления, объясняющие местные права и обычаи, они состоялись по частным гражданским делам и находятся в руках частных лиц.

Схожее мнение о фактическом отсутствии обычного феодального права в молдавском обществе прослеживается у ряда американских, английских, французских и итальянских авторов: (Л.Тилет, А. Мазур, В.Мишел, Д.Берти, Л.Ставрианос и др. [5, с.28]. Турецкие исследователи А. Дабинович, О. Баркан, Э. Карала, И. Узунчаршылы и др. хоть и не отрицают наличие обычного права, но рассматривают его сохранение в период османской зависимости как некое благодеяние со стороны Порты.

Известный государственный деятель и ученый XVII-XVIII веков Дмитрий Кантемир в своем труде «Описание Молдавии» пишет, что молдавский народ «придерживался различных обычаев, заимствованных от соседей и сохранившихся во время его переселения и изгнания, как-то: право наследования, завещания, распределения наследственного имущества среди наследников, определение границ земельных владений, выполнение повинностей, которые есть почти у каждого народа» [6, с.124]. Иногда в документах обычаи указываются как «старый закон» (*legea veche*) [7, с.37].

Известный советский исследователь истории права П.В. Советов указывает на «историческую особенность правового развития феодальной Молдовы – широкое распространение обычного права и его действие в качестве правового источника до позднейшего времени (19 век)» [8].

А. Боршевский, Б. Сосна признают существование юридических обычаев средневекового Молдавского государства, хотя и указывают на то, что они не были однородными и могли отличаться в зависимости от региональности, «когда определенные нормы Нижней Молдовы оказывались неприемлемыми для Верхней Молдовы, и наоборот. Однако эти различия не существенны» [1, с.45].

А.И. Галбен также не отрицает наличие юридического обычая, отмечая при этом, что обычное право было «архаично, страдало партикуляризмом. Содержало противоречия, пробелы, неясности и много других недостатков» [5, с.19]. Кроме того, А.И. Галбен указывает, что в литературе не содержится четкого разграничения понятий «право», «закон» и «обычай», а порой они и вовсе отождествляются.

Тем самым, вопрос о существовании обычаев края является дискуссионным и до конца не решенным и до настоящего времени. Представляется, что все же нельзя в полной мере отрицать наличие сложившегося юридического обычая в средневековой Молдавии. В целом средневековое крестьянское общество оставалось безграмотным, крестьяне и большая часть феодалов не умело читать и писать. В повседневной жизни они руководствовались обычаями, и письменные законы вообще имели мало смысла. Поэтому «даже тогда, когда многие положения права были зафиксированы на практике, они соотносились не столько с буквой закона, сколько с духом юридических обычаев, т.е. люди руководствовались памятью о том, как в подобных случаях поступали прежде,

как трактовали юридические обычаи «законноговорители» [5, с.39], что подсказывало в конкретной ситуации юридическое сознание и, конечно, социальные позиции. Кроме того, составлявшие грамоты включали в себя нормы обычного права, превращая их в писанную норму права.

В этой связи обычное право Молдавии можно считать являлось одним из источников вещного, семейного, наследственного, и даже уголовного и процессуального права средневекового государства. В качестве источников права обычаи ложились в основу судебных актов. Нормы обычного права широко применялись в сфере регулирования гражданско-правовых отношений, в частности регулировали куплю-продажу, организацию публичных торгов с аукциона, продажу недвижимости, семейно-брачных отношений, в том числе наделение приданным, порядке наследования, которое возникает еще до образования молдавского государства. Нормы обычного права регулировали ряд уголовных и процессуальных правоотношений. В качестве обычного права применялся судебный поединок, когда, например, ответчик обвинял истца в намеренной лжи.

При этом обычное право начинает приобретать кодифицированный характер лишь в XVIII – начала XIX веках. Как отмечает А. Боршевский, Б. Сосна «важно иметь в виду, что сам акт записей правового обычая, сохранившегося до этого лишь в памяти его знатоков – «законоговорителей», знаменовал начало обособления от народа обычного права, так как до тех пор пока оно опиралось на устную народную традицию, оно могло изменяться, отражая, наряду со старым, и новые моменты. Фиксация же части обычного права в сборниках, анафорах, изводах и т.д. придавала ему окончательный, неизменный характер» [1, с.46].

Со временем обычаи, которые складывались веками, находили закрепление в письменных законах страны. Именно по причине закрепления обычаев в сознании народа, а не памятниках права приводило к тому, что для них характерна «неполнота и фрагментарность, противоречивость отдельных положений.

К концу позднего феодализма неписанные обычаи теряют силу как источники для принятия решений в судебной практике, однако в общественной жизни продолжают активно применяться. Основной причиной данного явления были «Османская империя и господствующие классы страны. Турция возражала против выработки в Молдове собственных законов, а господствующие классы были неспособны составлять кодификацию законов на основе местных юридических обычаев» [1, с.46].

Исследование показало, что, несмотря на неоднозначность в понимании места юридического обычая среди источников права средневекового Молдавского княжества, полностью отрицать его роль как источника права было бы не верным. Данный вопрос требует дальнейшего всестороннего изучения.

Список использованных источников

1. Боршевский, А., Сосна Б. Юридические аспекты применения норм обычного права в Молдове/ Боршевский, А., Сосна Б.// REVISTA NAȚIONALĂ DE DREPT. – 2009. – 9 (108). – С. 43.

2. Пергамент, О. Я. О применении местных законов Арменопула и Донича / [Соч.] О.Я. Пергамента, присяж. пов., Округа Одес. судеб. палаты. - Санкт-Петербург: типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1905. - 42 с.

3. Кассо, Л.А. Византийское право в Бессарабии / Л.А. Кассо, профессор Московского университета. – М.: Типография Московского Университета, 1907. – 71 с.

4. Шимановский, М. В. О местных законах Бессарабии: Сообщ., сдел. Одес. юрид. о-ву тов. пред. М.В. Шимановским. Вып. 1-2. - Одесса: тип. «Одес. вестн.», Общие вопросы. 1887. -79 с.

5. Галбен, А.И. Из истории феодального права Молдовы конца XVIII - начала XIX века (турецко-фанариотский период). Кишинев, 1998. - 384 с.
6. Кантемир, Д. Описание Молдавии. Кишинев. 1973. - 255 с.
7. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер; Под ред. А. И. Вицына; С испр. и доп. А. Х. Гольмстена. – Изд. 10-е. – Петроград: Изд. юридического книжного магазина Н. К. Мартынова: Типография «Двигатель», 1914. – 682 с.
8. Галбен, А. Обогнавший время. Павел Васильевич Советов – выдающийся теоретик исторической мысли XX века [Электронный ресурс] / А. Галбен. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/26316628-Obognavshiy-vremya-pavel-vasilevich-sovetov-vydayushchiysya-teoretik-istoricheskoy-mysli-xx-veka.html>

В. Ставинога

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИТАРНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

В настоящее время в Европе насчитывается 8 непризнанных государств, в которых проживает более 6,5 млн. человек. Непризнанные государства, как Республика Южная Осетия - государство Алания, Республика Абхазия, Республика Арцах (также называемое Нагорным Карабахом), Турецкая Республика Северного Кипра, Приднестровская Молдавская Республика, Луганская Народная Республика и Донецкая Народная Республика фактически существуют, но они не признаны в качестве государств и поэтому не могут ратифицировать договоры, обеспечивающие защиту прав человека, например, Европейскую конвенцию по правам человека, а также не могут присоединяться к региональным или международным организациям, осуществляющим мониторинг соблюдения прав человека (например, Совет Европы). Возникает вопрос, в какой степени и на какой основе непризнанные государства обязаны обеспечивать права человека лицам, подпадающим под их юрисдикцию, с учётом их конкретного статуса. Существует ли возможность признания непризнанных государств в качестве носителей обязательств в области прав человека вопреки тому, что они не были созданы в соответствии с международным правом?

Одной из существенных особенностей непризнанного государства является то, что по сравнению с какой-то повстанческой группировкой, группой террористов или неорганизованным военным движением, оно стремится выглядеть как любое другое государство со всеми обязательными институтами, сложной системой законов, судебной системой и т.д. Естественно, любое непризнанное государство не считает себя незаконным и не хочет создавать впечатление какой-то аномалии в своих внутренних делах. Поэтому, несмотря на то, что оно не является частью какого-либо международного договора по правам человека, непризнанное государство, как правило, имеет весьма демократичные проекты конституций, в которых правам человека уделяется большое внимание.

Например, в преамбуле Конституции Турецкой Республики Северного Кипра провозглашается цель:

«создание демократического и светского государства с плюралистической сопричастной системой, основанной на социальной справедливости и направленной на защиту прав и свобод человека, верховенства закона и мира, благосостояния человека и общества»[1].

В Статье 16 Конституции Приднестровской Молдавской Республики («Приднестровье») говорится об этом:

«Человек, его права и свободы имеют высшую ценность для общества и государства. Ответственность государства заключается в защите прав и свобод человека и гражданина»[2].

Роль народа в создании непризнанного государства и тот факт, что государственная власть исходит от народа, подчеркивается в нескольких статьях почти каждой конституции непризнанного государства. Это наиболее значимо, например, в Конституции Китайской Республики («Тайвань»), которая состоит из 175 статей, а слово «народ» упоминается сорок раз. В статье 1 этой конституции закреплен следующий основополагающий принцип:

«Китайская Республика, основанная на Трех принципах народа, является демократической республикой народа, управляемой народом и для народа»[3].

Имеет ли непризнанное государство правоспособность предоставлять лицам, находящимся на его территории, некоторые права человека? Если мы предполагаем, что каждое непризнанное государство не является законным в силу своего незаконного создания, может ли оно иметь возможность связывать себя обязательствами в области прав человека, закрепленными в действующей Конституции? Вероятно, нет, поскольку не только непризнанное государство, но и его законы и конституции не признаются на международном уровне, что вытекает из статьи 41 (2) Проекта статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, которая гласит, что *«ни одно государство не признает законной ситуацию, создавшуюся в результате серьезного нарушения обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права, и не оказывает помощи или содействия в сохранении такой ситуации»[4].*

Серьезное нарушение закреплено в пункте 2 статьи 40 Проекта статей, определяемом как *«грубое или систематическое невыполнение обязательства ответственным государством»[5].* В судебном деле, касавшемся Намибии, Международный Суд ООН в 1971 году четко вызвал к непризнанию ситуации возникновения незаконного государства. А также в резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, касающихся ситуации в Родезии, было подчеркнуто, что *«эти примеры отражают принцип, согласно которому, если серьезное нарушение по смыслу статьи 40 Проекта статей привело к ситуации, которая в противном случае могла бы потребовать признания, то в этом все же следует отказать. Представляется, что коллективное непризнание является необходимым предварительным условием любой согласованной реакции сообщества на такие нарушения и знаменует собой минимально необходимую реакцию государств на серьезные нарушения, о которых говорится в статье 40 Проекта статей»[6].*

Мы доказали, что из законов и конституций непризнанных государств не вытекает их обязанности обеспечивать права человека лицам, попадающим под их юрисдикцию, поскольку эти законы и конституции являются недействительными по международному праву. Но это не значит, что непризнанные государства остаются совсем без международно-правовых обязанностей.

Каждая сторона в вооруженном конфликте немеждународного характера, включая непризнанные государства, обязана применять, как минимум, основополагающие гуманитарные положения международного права, содержащиеся в общей статье 3 Женевских конвенций 1949 г., которая гласит, что *«во время вооруженного конфликта следует проводить различие между теми, кто принимает активное участие в военных действиях, и теми, кто их не принимает».* Эта статья рассматривается как «общий принцип гуманитарного права» и даже как *jus cogens*[7]. В сущности, это представляет собой некое исключение из общей нормы обязательства, изложенной в статье 34 Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 года, которая гласит: *«Договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия»[8].* Но эта статья в любом случае относится только к

государствам, но не к непризнанным государствам. Обязательства непризнанного государства по выполнению своих гуманитарных обязательств, изложенных в международных договорах, участниками которых оно не является, более точно поддерживаются в статье 2 (6) Устава ООН – «*Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими Принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности*»[9].

Так, например, особое обязательство непризнанного государства требуется для детей-солдат в статье 4 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающейся участия детей в вооруженных конфликтах, от 2000 г., согласно которой: «*Вооруженные группы, отличные от вооруженных сил государства, ни при каких обстоятельствах не должны вербовать или использовать в военных действиях лиц, не достигших 18-летнего возраста*»[10].

Непризнанные государства обязаны гарантировать своим гражданам определенные права человека и гуманитарные права на основе толкования международных договоров (прежде всего Устава ООН и Женевских конвенций 1949 г.). Согласия непризнанного государства в форме присоединения к международному договору не требуется. Даже одностороннее присоединение непризнанного государства к такому договору является с точки зрения международного права недействительным, так как все непризнанные государства не являются законными, включая их законы и конституции.

Список использованных источников

1. Преамбула Конституции Турецкой Республики Северного Кипра от 5.5.1985 года. Доступно: http://www.uniset.ca/microstates2/trnc_const_en.pdf
2. Ст. 16 Конституции Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровье) от 30.6.2000. Доступно: <http://mfa-pmr.org/en/bht>
3. Ст. 1 Конституции Китайской Республики (Тайвань) от 1.1.1947. Доступно: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?rcode=A0000001>
4. Ст. 41(2) Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. Доступно: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf
5. Ст. 40(2) Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001. Доступно: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf
6. Materials on the Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, In: *United Nations Legislative Series*. 2012, New York. 269 p., pp. 465. Доступно: <https://legal.un.org/legislativeseries/book25.shtml>
7. ESSEN, Jonte van. De Facto Regimes in International Law. *Merkourios*. 2012, том. 28, выпуск 74, 34 ст. 31-49 Доступно: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2017736
8. Ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Доступно: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf
9. Ст. 2 (6) Устава ООН. Доступно: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/un-charter-full-text/>
10. Ст 4(2) Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах 2000г. Доступно: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/OPACCRC.aspx>

Т. В. Сенькова

канд. юрид. наук, доц.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Государственная служба как профессиональная деятельность в Республике Беларусь начала формироваться с принятием в 1993 году Закона «Об основах службы в государственном аппарате» [1], который действовал до 14 июня 2003 года и утратил силу в связи с принятием Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» [2], действующего до настоящего времени. За этот период сформировалась система государственных органов, наработана обширная нормативная база, регулирующая вопросы правового статуса государственных служащих, поступления на государственную службу, ее прохождения и прекращения. Однако развитие социально-экономических отношений, стремление к оптимизации системы государственной службы, повышению эффективности деятельности государственных органов определяет дальнейшее совершенствование института государственной службы.

В этой связи 16 декабря 2020 года депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении рассмотрели проект закона «О государственной службе» (далее – Проект закона) [3]. Проект закона предусматривает ряд принципиально новых положений, связанных с определением системы государственной службы, а также видов государственных должностей и в целом, более комплексно подходит к регулированию института государственной службы в Республике Беларусь.

Так ключевым моментом является закрепление в ст. 2 Проекта закона единой системы государственной службы в Республике Беларусь, которая включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу и службу в военизированных организациях. Исходя из видов государственной службы, сформулирована и система государственных должностей, включающая гражданские, воинские должности и должности начальствующего и рядового состава военизированных организаций.

В соответствии со ст. 4 Проекта закона под *государственной гражданской службой* понимается вид государственной службы, представляющий собой профессиональную деятельность граждан Республики Беларусь на государственных гражданских должностях, а также на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами, и должностях среднего, старшего и высшего начальствующего состава при их занятии в установленном законодательством порядке государственными гражданскими служащими в государственных органах.

Военная служба, согласно ст. 5 Проекта закона, в свою очередь представляет собой профессиональную деятельность граждан Республики Беларусь на воинских должностях в составе Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований Республики Беларусь, а также не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных законодательными актами.

Профессиональная деятельность граждан Республики Беларусь на должностях начальствующего и рядового состава в органах финансовых расследований Комитета государственного контроля, Следственном комитете, Государственном комитете судебных экспертиз, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, а также не на должностях начальствующего и рядового состава в случаях и на условиях, предусмотренных законодательными актами представляет собой *службу в военизированных организациях*.

Несмотря на закрепление видов государственной службы, Проект закона регулирует за исключением общих положений порядок прохождения государственной

службы государственными гражданскими служащими, т.е. сфера действия закона в целом не меняется. К отношениям же связанным с поступлением, прохождением, прекращением военной службы и службы в военизированных организациях, применяются специальные акты законодательства.

Проектом закона также подвергнуты корректировке основные принципы государственной службы. Так, общеправовой принцип гуманизма и социальной справедливости не указан в предполагаемых изменениях, однако сохранен принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации. Прежде всего, под гуманизмом следует понимать мировоззрение, согласно которому человек представляется высшей ценностью. Принцип гуманизма, как один из исходных положений права, вытекает из ряда международных правовых актов, принятых с целью защиты прав и свобод человека. Как отмечается в юридической литературе сущность принципа гуманизма как социального и правового явления составляет выраженное в нем отношение к человеку как к социальной ценности и формирование поведения людей, соответствующего интересам человеческой личности [4, с. 104]. В этой связи может быть оправдан подход законодателя по данному вопросу, поскольку принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации можно рассматривать как выражение принципа гуманизма, а его формулировка представляется более понятной, что может иметь большое значение в правоприменительной деятельности.

Также из перечня принципов государственной службы исключен принцип единства системы государственной службы и ее дифференциации исходя из концепции разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, что, полагаем, обусловлено введенной системой государственной службы. Указанный принцип демонстрирует классический, но уже не всегда соответствующий современной практике подход в организации государственной службы. Очевидно, что не всегда система государственных органов вкладывается в традиционный подход о разделении властей только на три ветви власти. Однако такая составляющая принципа, как единство системы государственной службы, на наш взгляд, должна быть сохранена, поскольку предполагает в первую очередь единство целей и задач государственного управления, независимо от структуры государственной службы.

Принцип гласности в новом Проекте заменен принципом открытости и прозрачности. В Законе «Об основах службы в государственном аппарате» принципу гласности бала посвящена ст. 6. Гласность обеспечивается открытостью формирования и деятельности государственных органов, их взаимодействием с гражданами, средствами массовой информации, гарантированием прав граждан на получение достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов.

При обсуждении Проекта закона высказывались критические замечания в связи с тем, что при закреплении принципа подотчетности государственных служащих, подконтрольность не отражена. В юридической литературе существуют разные точки зрения по поводу данных принципов, от недопустимости их разделения и придания каждому из терминов самостоятельного значения, до синонимирования понятий. В целом следует согласиться с тем, что принципы подконтрольность и подотчетность отражают порядок осуществления государственной службы, связаны с иерархичным построением государственного аппарата и его подотчетностью и подконтрольностью в целом народу Республики Беларусь [5, с. 95-96], поэтому полагаем, что они могут считаться взаимопоглощаемыми и не требовать отдельного выделения.

Проект закона также не предусматривает в качестве принципа государственной службы добровольность поступления граждан на государственную службу. Данный подход также можно считать оправданным, так как указанный принцип вытекает из конституционных положений о гарантиях права на труд, выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой [6, ст. 41].

В качестве еще одного из существенных изменений в законодательстве о государственной службе необходимо отметить новый подход, касающийся классов государственных служащих. Проект устанавливает для гражданских служащих высший класс, состоящий из 3 рангов, и 9 классов, из которых 9-й класс является низшим. Представляется, что в данной редакции законодатель учел существующий в действующем Законе «О государственной службе в Республике Беларусь» порядок присвоения классов государственным служащим и порядок в соответствии с которым, устанавливаются персональные звания должностных лиц таможенных органов [7].

Более детально урегулированы Проектом закона вопросы ведения кадровых резервов, прав гражданских служащих и иных граждан, включенных в резерв кадров, основания исключения из резерва кадров. Предусмотрен порядок формирования резерва руководящих кадров и перспективного кадрового резерва, а также специальной группы резерва для отбора кандидатов на любую вакантную руководящую гражданскую должность. Важным моментом является то, что не предусмотрено исключение из резерва кадров граждан, которым установлена инвалидность I или II группы, что может свидетельствовать о развитии инклюзивных процессов в государстве.

Изменения коснулись также обязанностей, ограничений, связанных с государственной службой и дисциплинарной ответственности гражданских служащих, введено понятие служебной дисциплины. Так государственный служащий обязан соблюдать ограничения, предусмотренные законодательством о борьбе с коррупцией, в этой связи существенно сокращен перечень ограничений в ст. 27 Проекта закона, а также обязан сообщать о выходе из гражданства Республики Беларусь (его утрате) или приобретении гражданства другого государства. Более детально проработаны вопросы установления предварительного испытания при поступлении на гражданскую службу, заключения и расторжения контрактов, аттестации гражданских служащих и их перевода на другую должность или в другую местность. Некоторые изменения коснулись стажа, материального и социального обеспечения гражданских служащих.

Новшеством стало урегулирование в отдельной главе Проекта закона положений об особенностях поступления, прохождения и прекращения гражданской службы, а также дисциплинарной ответственности лиц, занимающих гражданские должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь. Также особое внимание следует уделить закреплению в Проекте Общих требований служебной этики государственных гражданских служащих, которые разработаны в соответствии с национальным и международным законодательством, с целью формирования публичного поведения государственных служащих в интересах личности, общества и государства.

Таким образом, отметим, что изменения законодательства о государственной службе призваны структурировать систему государственной службы Республики Беларусь, обеспечить единство и эффективность правового регулирования. Новая редакция закона о государственной службе, безусловно, потребует приведение в соответствие и других нормативных правовых актов в данной сфере. Кроме того, открытым и достаточно активно обсуждаемым остается вопрос о кодификации института государственной службы.

Список использованных источников

1. Об основах службы в государственном аппарате: Закон Респ. Беларусь от 23 ноября 1993 г. № 2581-ХП // Информационно-правовая система Нормативка.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500046011>. – Дата доступа: 15.02.2021.

2. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З (с изм. и доп. от 23 июля 2019 г. № 231-3) // Национальный

правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300204>. - Дата доступа: 15.02.2021.

3. О государственной службе: Проект закона Респ. Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2020085007>. – Дата доступа: 15.02.2021.

4. Филимонов, В.Д. Гуманизм как принцип права / В.Д. Филимонов // Государство и право. – 2013. – № 1. – С.102-108.

5. Чуприс, О.И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О.И.Чуприс // Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2009. – 310 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. и 17 окт. 2004 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> – Дата доступа: 15.02.2021.

7. О некоторых вопросах таможенных органов: Указ Президента Респ. Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228 (с изм. и доп. от 5 октября 2017 г. № 362) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30800228> – Дата доступа: 15.02.2021.

А. А. Хамякова

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт

ПАЛІТЫКА-ПРАВОВЫЯ ПОГЛЯДЫ ВАСІЛЯ ЦЯПІНСКАГА

Вывучаючы сучасныя палітыка-правовыя ідэі вельмі важна разумець, адкуль яны бяруць свой пачатак, што паўплывала на іх фармаванне. Каб прасачыць гісторыю іх развіцця, неабходна звярнуць увагу на працы і дзейнасць вядомых беларускіх мысляроў, думкі каторых на працягу ўсяго гістарычнага перыяду нашай краіны з'яўляліся адлюстраваннем сучасных палітычных, культурных і грамадскіх працэсаў, а раз-пораз нават апераджалі свой час. Адным з найбольш яркіх дзеячаў эпохі Рэфармацыі з'яўляецца Васіль Цяпінскі.

Васіль Цяпінскі – беларускі пісьменнік, асветнік, гуманіст, які большую частку свайго жыцця прысвяціў кнігадрукаванню. Нарадзіўся на землях Вялікага Княства Літоўскага ў 1530х–40х гадах, якое ўжо бліжэй да канца XVI стагоддзя, аб'яднаўшыся з Польшчай, стала называцца Рэччу Паспалітай. У часы ўраджэнца вёскі Цяпіна, што на Лепельшчыне, на тэрыторыі сучаснай Беларусі адбываліся вельмі важныя гістарычныя падзеі, у якіх вядомы гуманіст-асветнік прымаў непасрэдны ўдзел.

Звесткі аб яго дзейнасці, і тым больш поглядах, вельмі нешматлікія. Васіль Цяпінскі – просты шляхціц, які сэнсам жыцця бачыў служэнне свайму народу. Некаторы час служыў у падканцлера Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) Астафея Валовіча, аднаго з асноўных аўтараў Другога і Трэцяга Статутаў ВКЛ. Асветнік пісаў, што ён «яко спрыязливый, простый и шириий, правдиве, верне, а отвористе, з зычливости ку моей отчизне, ...з убогое своее маетности народу моему услугую» [1, с. 47]. Яго падыход да адной з самых складаных і супярэчлівых тэм для дыскусій і па сённяшні дзень – рэлігіі ў цэлым – быў рацыяналістычным і талерантным. Рэлігійную адукацыю ён звязваў з асветай наогул. Перакладзенае на родную мову Евангелле адрасаваў і дарослым, і дзецям, і кальвіністам, і праваслаўным, і ўсім, хто хоча чытаць гэтую кнігу.

Пісьменнік з выключным абурэннем казаў пра неадукаванасць і рэнегацтва праваслаўнага духавенства, якое адмаўлялася ад роднай мовы, лічачы яе занадта грубай

для храма, у той час як само дрэнна валодала прынятай у набажэнстве царкоўнаславянскай. Цяпінскі прытрымліваўся ідэі аб тым, што царква губляе былую значнасць і не адказвае ўсім патрабаванням праваслаўнай рэлігіі. «Тонкае сэрца патрыёта адчувала новую бяду. На Беларусь насоўвалася культурная і духоўная цемра. Тыя, хто называўся пастырам народа, не неслі яму святло, не адчынялі «школы ку науце». Многія з паноў і шляхты закінулі «народе езыка своего славного». Духоўнае адзічанне люду паспалітага, культурная асіміляцыя шляхетнага панства былі куды больш небяспечны, чым варожыя нашэсці. І трэба было ратаваць краіну ад цемры невуцтва, ад здрады роднай культуры і мове. І фронт гэтай барацьбы пралёг праз сэрца і душы людзей. Тут шабляй ня пасячэш» [2, с. 51].

Грунтуючыся на вышэйпаказанай думцы Васіля Цяпінскага, можна зрабіць адназначную выснову, што пісьменнік вельмі баяўся адсутнасці жадання ў народа і царквы адукоўвацца і выкарыстоўваць сваю родную мову, што смела можа прывесці да знікнення нацыянальнай культуры, а з ёй і дзяржавы ў цэлым. На думку гуманіста, гэта страшней, чым варожае нашэсце ці вайна. Прынамсі, насамрэч такая небяспека ўжо складалася (землі Вялікага Княства Літоўскага сталі часткай Рэчы Паспалітай), а нашмат пазней і спраўдзілася, калі старабеларуская мова ў справаводстве была заменена ў 1696 г. на польскую.

Цяпінскі быў прыхільнікам новай хрысціянскай плыні – пратэстантызму. Пратэстантызм пранік на тэрыторыю ВКЛ дзякуючы нямецкім каланістам, а атрымаў распаўсюджванне ў большасці сваёй у форме кальвінізму, паколькі набыў папулярнасць сярод магнатаў. Дадзены кірунак хрысціянства стаў следствам духоўнага развіцця грамадства, распаўсюджваннем гуманістычных ідэй і развіцця адукацыі. Менавіта пратэстанцкія ідэі роўнасці ўсіх вернікаў перад богам сталі перадумовамі тэзісу аб роўнасці ўсіх перад законам.

Не выключана, што адной з крыніц гуманістычных ідэй у межах пратэстантызму на беларускіх землях было веравызнанне Цяпінскага. Пісьменнік большую частку свайго жыцця прысвяціў асвеце народа. Ён лічыў, што царква – гэта састарэлая форма атрымання адукацыі і трымання ўлады. Пратэстантызм, на думку Цяпінскага і яго паплечніка Сымона Буднага, мог даць больш свабоды думкі, суправаджаючыся верай у тое, што жыццё чалавека – гэта самая галоўная каштоўнасць.

Цяпінскі хацеў, каб царква магла даваць добрую адукацыю сваім парафіянам. З другога боку, ён падтрымліваў ідэю адкрыцця школ, у якіх навучанне адбывалася б не на польскай ці лацінскай мовах, а на роднай старабеларускай [3, с. 127].

Здаецца, што намаганні Васіля Цяпінскага па захаванню старабеларускай мовы ў вельмі складаны для беларускага народа час, у перыяд апалячвання, з'яўляюцца правільнымі і абгрунтаванымі. Нацыянальная мова любой дзяржавы з'яўляецца ключавой часткай культурнай спадчыны краіны, а яе страта можа неспрыяльна адбіцца на пачуцці самавызначэння. Больш за тое, вельмі важна выкарыстанне роднай мовы на практыцы, а не фармальнае замацаванне ў заканадаўчых актах.

Цяпінскі адстойваў пазіцыю, якая заключаецца ў тым, што валодаць маёнткамі і зямлёй, а таксама ўдзельнічаць у справядлівых войнах супраць нашэсцяў і пагрозы тыраніі – гэта не грэх і не супярэчыць Бібліі, як лічылі крыне левыя антытрынітары. Мяркуем, што гэта сучасны падыход, які з'яўляецца следствам гуманістычнага светапогляду Цяпінскага. Аднак любыя канфлікты могуць быць вырашаны мірным шляхам, без прымянення гвалту. І сіла, у любой яе праяве, павінна прымяняцца толькі ў крайніх выпадках.

Такім чынам, асветніцкая праграма Васіля Цяпінскага была разлічана на ўздым нацыянальнай культуры, школьнай адукацыі, пісьменства, кнігадрукавання, ўзмацнення пазіцыі старабеларускай мовы, абуджэнне грамадзянскай актыўнасці народа і нацыянальнай самасвядомасці. У яго творчасці прысутнічаюць яскравыя дэмакратычныя тэндэнцыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Рэфармацыя і залаты век Беларусі: Матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 1 чэрв. 2002 г. / Уклад. С. Акінчыц. – Мінск: МГА Бел. кнігазбор, 2002. – 95 с.
2. Палітычныя мысліцелі і гуманісты Беларусі / Г. С. Авакян, М. В. Кузняцоў, М. П. Сінькевіч. – Мінск: ТАА Элайда, 2002. – 96 с.
3. Клімаў, І. П. Выражэнне асобы ў прадмове Васіля Цяпінскага / І. П. Клімаў // Матэрыялы XIX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытаньняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 22-24 мая 2013 г.) : у 2 ч. / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры. – Мінск, 2013. – Ч. 2. – С. 127 – 130.

Навуковы кіраўнік: В. М. Лянцэвіч,
канд. гіст. навук, дац.

Н. А. Чертова

д-р юрид. навук, проф.

И. В. Ершова

канд. филос. навук, доц.

С. Е. Жура

канд. экон. навук, доц.

Высшая школа эканомікі, управлення і права Севернаго (Арктическаго) федэральнаго універсітэта імені М. В. Ломаносова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В настоящее время все более активно обсуждается вопрос создания правовой модели международного научно-технического сотрудничества (далее, МНТС). По итогам проведения комплексного анализа правового регулирования сферы МНТС авторы выделяют следующие положения:

1. Арктическая зона Российской Федерации представляет собой особый объект государственного управления и отдельный макрорегион. Отнесение Арктической зоны к числу федеральных территорий возможно только в экономическом плане, установление механизма прямого федерального управления Арктической зоной, которая полностью или частично охватывает территорию 9 субъектов, не соответствует Конституции Российской Федерации и принципам федеративного устройства российского государства.

2. Оценивая итоги реализованных «арктических мегагрантов», следует отметить, что деятельность в рамках международного научно-технического сотрудничества должна быть системной и долговременной, приводить к созданию новых научных и направлений и школ. В существующей непростой финансовой и социально-экономической ситуации условием продолжения деятельности создаваемых в рамках мегагрантов международных научных лабораторий, сохранения сложившихся коллективов является коммерциализация исследований.

3. В 2009 году Президент объявил о развитии формы международного научно-технического сотрудничества. Был принят федеральный закон, регламентирующий создание и функционирование инновационного центра «Сколково», представляющего, в соответствии с приведенной в законе дефиницией, совокупность инфраструктуры территории инновационного центра и механизмов взаимодействия лиц, участвующих в реализации проекта, в том числе путем использования этой инфраструктуры. На

сегодняшний день в инновационном центре международное сотрудничество остается приоритетом: в 2019 году подписано соглашение между Сколковским институтом науки и технологий, Массачусетским технологическим институтом и Фондом «Сколково» о сотрудничестве до 2024 года, Центр городских исследований «Сколково» с 2017 года участвует в разработке Индекса городского устойчивого развития Арктики в рамках международного проекта.

4. Национальный проект «Наука» закрепил новые формы научной и научно-производственной кооперации, значимые для развития Арктической зоны: создание научно-образовательных центров мирового уровня, создание центров компетенций Национальной технологической инициативы. Наряду с созданием НОЦ паспорт национального проекта «Наука» предполагает создание научных центров мирового уровня трёх типов: центры геномных исследований, международные математические центры, центры, выполняющие исследования и разработки по приоритетам научно-технологического развития (именно к этой категории относятся исследования в сфере освоения Арктики, но потенциал данной формы научно-технологического развития и сотрудничества пока не реализован).

5. Одной из традиционных и наиболее значимых форм международного научно-технического сотрудничества является обеспечение международной мобильности научных кадров. Мобильность кадров способствует обогащению методологии, комплексное изучение Арктики в рамках междисциплинарных исследований предполагает взаимодействие с зарубежными коллегами. Наука в современном мире становится «мягкой силой», инструментами которой являются международная академическая мобильность, университетские рейтинги, коммерциализация результатов научно-исследовательской деятельности, популяризация её результатов.

6. Основные параметры научно-технического сотрудничества в макрорегионе определяют соглашения Российской Федерации с иными арктическими государствами. Соглашение о сотрудничестве в Арктике и на Севере определяет не только формы и механизмы, но и приоритетные области сотрудничества. В целом можно говорить о формировании договорных основ научно-технического сотрудничества, при этом большая часть соглашений о научно-техническом сотрудничестве в Арктике подчеркивают тесную связь научно-технической и экономической сфер взаимодействия, необходимость государственного стимулирования прямых научно-технических связей, коммерциализации результатов исследований. Исследование подтвердило перспективность дальнейшего «дотраивания» модели научно-технического сотрудничества России с арктическими государствами в двухстороннем формате. Представляется необходимым включить в Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации до 2035 года раздел, посвященный международному научно-техническому сотрудничеству. При этом важно предусмотреть не только формы, принципы, направления, но и, с учетом зарубежного опыта, определить перспективы развития многостороннего и двухстороннего научно-технического сотрудничества в Арктике с конкретными государствами.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что формирующаяся в течение последнего десятилетия российская правовая модель регулирования международного научно-технического сотрудничества в сфере комплексного изучения Арктики нуждается в существенной корректировке:

1. Деятельность в рамках международного научно-технического сотрудничества должна быть системной и долговременной, приводить к созданию новых научных и направлений и школ. Созданные механизмы сотрудничества (например, предоставление мегагрантов) с учётом непростой финансовой и социально-экономической ситуации должны предполагать коммерциализацию результатов исследований.

2. Практика создания и развития инновационных научно-технологических центров свидетельствует о необходимости:

а) предварительной оценки рисков функционирования центра и рисков международного научно-технического сотрудничества (в том числе определения экономической обоснованности расходов);

б) четкой регламентации результатов научно-технического сотрудничества, в том числе установления плановых целевых показателей и механизмов контроля за их достижением, определение показателей коммерциализации исследований;

в) учёта как положительного, так и негативного опыта создания и функционирования инновационных научно-технологических центров в

4. В актах стратегического планирования необходимо определить пространственные параметры взаимодействия научно-образовательных центров (в том числе НОЦ мирового уровня), а также отразить роль научно образовательных центров в Стратегиях социально-экономического развития соответствующих субъектов Российской Федерации, включив положения о коммерциализации результатов исследований.

5. Необходимо сформировать и реализовать региональную программы грантовой поддержки научных исследований и академической мобильности в арктическом макрорегионе. В стратегиях социально-экономического развития субъектов Арктической зоны, нормативных актах, регламентирующих реализацию научно-технической политики, следует отразить приоритетную для региона тематику и механизмы поддержки научных исследований. Кроме того, следует заимствовать положительный зарубежный опыт информационного обеспечения и поддержки международного научного сотрудничества.

6. Большая часть соглашений о научно-техническом сотрудничестве в Арктике подчеркивают тесную связь научно-технической и экономической сфер взаимодействия, необходимость государственного стимулирования прямых научно-технических связей, коммерциализации результатов исследований. Исследование подтвердило перспективность дальнейшего «достраивания» модели научно-технического сотрудничества России с арктическими государствами в двухстороннем формате.

Г. Б. Чинчикова

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова

ОБ АНАТОМИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА СУБЪЕКТОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА (на примере Чувашской республики и Гомельской области)

В статье дискретно анализируется социальная сущность и политико-правовая анатомия конструирования региональной системы права и вектор его развития на примере субъектов Союзного государства (РФ + РБ). Делается вывод о том, демонтаж советского культурного пространства, как некий апофеоз развала Союза ССР, привел не только к абсолютизации политической суверенизации и реинкарнации идей капитализма, но и подавлению национальных правовых культур и межнациональных связей в соответствующих ареалах их обитания. Поэтому и необходима политико-правовая терапия механизма интеграции связей между парламентами Чувашской Республики РФ и самой большой областью РБ, Гомельской области, как некоего политико-правового фрагмента братских отношений между братскими народами.

Всякая система права – это, как известно, внутреннее его строение, которое немислимо без его содержания и внешних форм. Правовая же система права союза государств, предполагая соответствующие имманентные consistency, должна исходить также и из корпоративных интересов, как общей формы их особенных интенций. Структурно слагаясь из ряда известных компонентов (нормы права, правовые институты, субинституты права, правовые отрасли и подотрасли права), эта классическая дефиниция

носит не только исторический, но и современный характер, раскрываясь в соответствующих солидарных универсалиях и корреляльных референциях. И ее осмысление с диалектических позиций, априори предусматривает обращение к адекватным философским категориям («время», «история», «народ», «пространство», «союз», «суверенитет» и т.д.) и фундаментальным ментальным координатам («культура», «равенство», «самобытность» и т.д.). Отсюда, региональные системы права – это, с одной стороны, часть национальной правовой системы, а, с другой, элемент системы права союзного государства. И будучи комплексом правовых норм, регулирующих разнообразные отношения в масштабах региона, региональное право является одновременно и правовым инструментом нормативной институционализации этнических и полиэтнических правоотношений (в т.ч. и в сфере идеологического и воспитательного их сегмента в конкретном субъекте РФ). И его социально-политическое умаление или игнорирование сродни политической глупости и недалекости.

Демонтаж советского культурного пространства, как некий апофеоз развала Союза ССР, привел не только к абсолютизации социально-политической суверенизации и разрушению единого социально-экономического пространства, реинкарнации и канонизации идей капитализма, но и подавлению национальных правовых культур в соответствующих ареалах их обитания. Именно поэтому для их купирования был заключен Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии 8 декабря 1999 года, вступивший в силу 26 января 2000 года. И к 3 сентября 2019 года был подготовлен проект программы действий по интеграции РБ и РФ на основе принципа «две страны – один рынок», утверждён перечень дорожных карт. И День единения народов Беларуси и России, отмечаемый 2 апреля 1997 года, стал межгосударственным праздником.

Он дал старт совершенствованию «общей» правовой системы, нивелированию последствий верховенства иноземной юрисдикции на ее территории, дальнейшему преодолению различных искусственных препятствий и, наконец, использованию всего ценного для свободного и суверенного развития братских народов в целом и отдельными его национально-политическими частями, в частности. Это, конечно же, предполагает формирование политико-правового механизма интеграционных связей на локальном уровне, в т.ч. и между парламентами и жителями, например, Чувашской Республики РФ и самой большой областью РБ, Гомельской области, как своеобразных картофельных столиц Союзного государства. И в этом отношении весьма своевременным стал Указ Президента РБ от 1 января 2021 г. № 1 «Об объявлении 2021 года Годом народного единства» [5]. Очевидно, что его идеи о консолидации общества, сплочения белорусского народа на основе идей суверенитета и независимости страны, актуальны и в отношении интеграции регионов РБ и РФ, Гомельской области и Чувашской Республикой. И, возможно, при помощи принятия законодательными органами этих субъектов права соответствующих нормативно-правовых актов. Ибо, между Чувашией и Беларусью много общего и как подчеркнул Президент РБ А. Лукашенко: «Мы абсолютно похожи – природой, традициями, народными промыслами, даже узорами на национальных костюмах. И я уверен, что вы чувствуете себя в Беларуси как дома [4].

Однако, демократия, как власть народа, не устанавливается политической синекурой, а межгосударственные отношения не учреждаются чередой ритуальных экскурсий политиков за бюджетный счет. Этот социально-значимый кейс утопично создавать в атмосфере бюрократической иерархии и политического фарисейства. Его можно и нужно развивать только на основе неформальных отношений, при государственной и правовой поддержке.

Преломляя общее в частное, подавляя различные искажения и отклонения, они актуализируют исторический опыт в соответствующие современные сенсорные национальные модусы, в нечто единое, общее и ценное. Они позволяют вербализировать

и вербовать также и правовое осознание действительности в общественную поддержку, понимать значение межнационального сотрудничества и межнациональных контактов. Иначе говоря, необходим системный политико-правовой подход к активизации межнациональных связей Белоруссии и России, как условия развития Русского мира. Нужно преодолевать глупость разрушения и ущербность провинциальной ментальности, развивать корпоративное политико-правовое мышление, институты гражданского общества, свободы связей и общения. Ибо, мудрость разумного человека – понимание пути своего[3].

Проблема становления межнациональной части региональной системы права является сложной и во многом противоречивой и, особенно, в финансово-экономическом смысле. Однако историческая составляющая многонационального государства объективно детерминирует и нивелирует возможные политико-правовые коллизии и форсирует усилия по познанию и признанию межнациональной правовой специфики ее современного бытия. И эта научная констатация позволяет утверждать верность фразы известной формулы Г.В.Ф. Гегеля о том, что самосознание народов «состоит ... в том, чтобы созерцать себя в других народах» [2. С. 342]. Поэтому, этнокультурные ингредиенты региональной системы права диктуются не мнимыми, а реальными интересами, языком, нравственными представлениями и культурой народов РБ и РФ.

Итак, региональная система права выступает как объективный правовой индикатор и регулятор, ценностный ориентир и важнейший структурный компонент правовой идеологии и культуры союзного и многонационального государства. Поэтому региональная система права – это не только правовая реальность политической конфедерации, но и направление ее межнациональной миссии, отражающих его историческое, социально-политическое, духовное и правовое содержание, уровень и особенности духовного и исторического развития различных национальных образований.

В этой связи, нельзя не вспомнить заветы замечательного чувашского ученого-педагога, автора научных трудов мирового значения Г.Н. Волкова о том, что этнопедагогика должна быть средством воспитания и охраны морально-этических и эстетических воззрений народа, энциклопедией народной педагогики и современных условий [1. С. 3]. Иначе говоря, региональная система права должна быть наполнена идеями совместной истории, социально-политической и экономической целесообразности, в т.ч. и в сфере правового урегулирования взаимоотношений Чувашской республики РФ и Гомельской области РБ.

Антрополого-историческая и национально-политическая трактовка анатомии и квинтэссенции региональной системы права демонстрирует диалектическую связь этнических и коллективных начал, органическое единство национальных скрижалей РБ и РФ. Как политическая и социокультурная способность этнической самооценки, она в современном правовом смысле реализуется в форме как национальной правосубъектности, так и суверенной правосубъектности в международных правоотношениях. И каждый гражданин РБ и РФ должен чувствовать себя также и гражданином Союзного государства, представителем многонационального народа, объединенного единой судьбой. Формирование такого менталитета несколько не мешает одновременно такому гражданину быть представителем и определенного народа. И в этом смысле, региональная система права, являясь продуктом этнической культуры, выступает также и консеквенцией межнациональных отношений. Поэтому и необходима правовая фиксация ее социально-политических и ментальных особенностей в специальных актах, как форма легитимация межнациональной правовой субъектности. Конечно, такая экстраполяция ее социально-политической значимости обуславливает преференцию соответствующих актов и активность соответствующих государственных и общественных

институтов. Она позволяет усиливать и углублять культурную идентификации наших народов, развивать палитру межнациональных отношений.

Являясь концептом социально-политического суверенитета, она приобретает особую значимость в спектре международных связей РБ и РФ, в целом, и ЧР и Гомельской области, в частности. Поэтому здесь необходима патерналистская позиция власти, соответствующая правовая идеология государства. Отсюда важны и специальные научные исследование, различные формы научного и студенческого сотрудничества, в т.ч. и на уровне контактов между коллективами Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины и Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова. Конечно, его содержание, моральные и этические идеалы, научные подходы должны быть основой в понимании значения этнической мозаики, роли отдельного этноса в тысячелетней русской истории, политико-правовой эволюции государства, познании и конструировании этноправовых норм, мерилем свободы отдельного этноса и свободой гражданского общества РБ и РФ.

Таким образом, признание консолидации регионального права субъектов разных государств единого народа, является формой легитимации исторических, социально-экономических и культурных связей народов РБ и РФ. Вывод: региональной системы права – это социально-политическая субстанция субъекта Союзного государства в родственной мультинациональной социально-политической среде, источник многогранной информации, нормативной аккумуляции и правовой регуляции межнационального сотрудничества.

Список использованных источников

1. Волков, Г.Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. Заведений / Г.Н. Волков. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. - 168 с.

2. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. Полн. собр. соч. Т. 3 / Г.В.Ф. Гегель. М.: Мысль, 1990. - 524 с.

3. «Мудрость разумного человека – понимание пути своего» // Библия. Притчи Соломона. Гл. 14.

4. Беларусь и Чувашию связывают не только узоры на вышивке // Советская Чувашия. - 2015.- 10 апреля.

5. Об объявлении 2021 года Годом народного единства : Указ Президента РБ от 1 января 2021 г., № 1 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.12.2020.

А. А. Шафалович

канд. юрид. наук, доц.

Белорусский государственный экономический университет

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ТИП ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА

Несмотря на заслуженное возрастание внимания правовой науки на тематику инновационного развития системы права, до сего остаются несистематизированными и нерешенными многие концептуальные вопросы обеспечения адекватного правового регулирования существующим вызовам правовой системе в условиях инновационного развития общества. Этот пробел в правовой науке, думаем, требует скорейшего восполнения. В данной статье предлагается выявить и

систематизировать имеющиеся вопросы в данной сфере, а также дать на них, в меру возможностей, авторское решение.

Основным существенным требованием к правовому регулированию в условиях инновационного развития общества является достижение опережающего эффекта от правового регулирования, чего настоятельно требует право инновационного типа.

Если традиционному обществу присуще ретроспективное правовое регулирование, то современному законническому обществу (т.е. обществу, где основным источником права выступает закон в широком смысле слова — нормативный правовой акт) присуще правовое регулирование общественных отношений, имеющих место в настоящем. Отличительным признаком инновационного государства является то, что оно принимает на себя задачу по перспективному правовому регулированию общественных отношений, как существующих, так и пока еще не возникших [1, с. 128]. Говоря словами Л. В. Голоскокова, «оно должно представлять в настоящем интересы будущего, выполняя функцию стратегического ориентирования инвестиционных потоков» [2, с. 22–24], когда «требуется постоянные инновации и с ускорением, с тем чтобы быть к ним готовым заранее, а не как в обычном государстве — реагировать почти всегда *post factum*» [3, с. 41–49].

Средствами, обеспечивающими перспективное правовое регулирование, предполагаем, станут:

- приобретение государством стратегически инновационной функции, т.е. осуществление им инноваций на государственном уровне. Здесь важно понимание инноваций в широком смысле [4]. При этом важно отойти от стереотипа, что инновационное государство, будучи главным инициатором осуществления инноваций, соотносится с типом модернизации, именуемым «модернизация сверху» [5, с. 220–226]. Полагаем, что инновационный тип правового регулирования требует уравнивания обоих типов модернизации, выступающих не конкурентами, а взаимодополняющих друг друга и выполняющих стратегически разные задачи;

- задействие правового прогнозирования, которое до сих пор недооценено даже в довольно «свежем» Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [6];

- постоянная модернизация системы элементов правового регулирования и источников права. Для начала нужна легализация всей системы источников права Республики Беларусь путем законодательного закрепления и признания основных и вспомогательных источников права *де-юре*, а не *де-факто*, как то имеет место сейчас, при отсутствии законодательного закрепления списка источников права, как и отсутствия законодательно закрепленного применяемого на практике типа правопонимания;

- появление нетрадиционных на сегодняшний день гибких источников, заслуживающих статуса вспомогательных источников права, корректирующих и уточняющих действие основных источников права. К ним мы относим общеправовые принципы, смысл законодательства, тенденции развития права, теория юридических фактов (особенно для отраслей права и законодательства с диспозитивным методом правового регулирования) [7, с. 57–59], широкое непозитивистское правопонимание, указывающее вектор правового мышления в правоприменительной и толковательной деятельности, комплексность и предсказуемость правового регулирования. Значение источников права перспективного типа регулирования сможет обеспечить достойную смену традиционным источникам, не способным регулировать систематически появляющиеся нетрадиционные системные образования права (например, конкурентное право), которые не «вписываются» в национальную систему права с ее отраслями и др. элементами правового регулирования и демонстрируют несвойственную для производной от государства системы права динамичность и гибкость;

- переход основной нагрузки в правовом регулировании от государства к негосударственным субъектам (надгосударственным и «подгосударственным») за счет изменения соотношения управления и самоуправления, централизации и децентрализации.

- большее разнообразие и более уравновешенное действие разнообразных источников права и приемов, способов, уровней (общегосударственного, регионального, международного, индивидуального и др.) правового воздействия;

- уравнивание свободы усмотрения субъектов права и их ответственностью;

- «разгосударствление», т.е. переход от фактической государственной монополии на источники права к «частно-государственному партнерству» [2, с. 22], выравнивание и взаимовлияние созданных государством и санкционированных им источников. Если для текущего типа правового регулирования приемлемо обладание государством «практически монополией в области установления основ правового регулирования» [8, с. 59], то для достижения «опережающего эффекта» оно вынуждено будет отказаться от безоговорочного доминирования прямого правоустановления в пользу санкционированного и договорного правотворчества, в пользу сочетания государственного и негосударственного субъектов правового регулирования;

- существенное преобладание сферы дозволения (установления прав) над сферой запрета и позитивного обязывания;

- усиление элементов саморегулирования в механизме правового регулирования и элементов самоуправления в механизме государственного управления инновациями повысит самостоятельность и активность субъектов права [1, с. 133–134].

Далее, для достижения «опережающего эффекта» от правового регулирования особенно актуально требование достижения баланса между динамичностью и стабильностью законодательства как неотъемлемого требования для развития правовой системы в условиях цифровизации. Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ранее рекомендовал стабильность законодательства во времени (временную стабильность) трансформировать в стабильность правового содержания, т.е. в сохранение базовых основ законодательства, преемственность и предсказуемость правового регулирования [9]. Думаем, что в условиях построения права и государства инновационного типа вопрос о соотношении стабильности и динамичности законодательства равнозначен дилемме между традиционностью и инновативностью отраслей законодательства. Ясно, что в современных условиях, когда отдельные отрасли и институты законодательства (например, само информационное право, инновационное право) переживают революционные изменения, нельзя говорить о нестабильности как недостатке правового регулирования.

Интересно другое: даже в наиболее стабильной из отраслей права — конституционном праве — неизбежно должен появиться новый нормативный блок, регулирующий изменения в организации государства и его отношений с личностью в условиях информационного или цифрового (электронного) общества. Новыми объектами правового регулирования в конституционном (или информационном праве — это еще вопрос), в первую очередь, станут цифровой суверенитет, цифровая личность и ее права, электронная демократия, электронное гражданство, электронное государство и др. Таким образом, возникает вопрос выбора вектора развития между переводом новых объектов правового регулирования в рамки традиционных на сегодняшний день отраслей законодательства (например, между конституционализацией цифровой сферы) или информатизацией конституционного права и иных отраслей законодательства. Этот выбор способен существенно изменить традиционный облик отраслей законодательства и всей национальной системы права.

Таким образом, среди средств обеспечения правовым регулированием эффекта «на опережение» от в правовой системе инновационного типа назовем: переход от фактической государственной монополии на источники права к частно-

государственному партнерству, постоянную модернизацию всей системы источников права Республики Беларусь, уравнивание (сбалансированность) таких видов правового регулирования, как: индивидуального и нормативного; долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного; диспозитивного и императивного; государственного и негосударственного.

Полагаем, что обеспечение «опережающего эффекта» от правового регулирования является чуть ли не самым серьезным вызовом праву в эпоху цифровизации, и для ответа на него нужны иные, недетализированные источники права, среди которых велика роль фундаментальных принципов права с их универсальной, «трансграничной» юрисдикцией.

Список использованных источников

1. Шафалович, А. А. Вызовы и перспективы правового регулирования на пути к инновационному типу (на примере Республики Беларусь) / А. А. Шафалович // *Teisė*. – 2018. – Т. 108. – С. 127–134.

2. Мазница, Е. М. Инновационные функции государства и проблемы их реализации в современных условиях / Е. М. Мазница // *Креативная экономика*. – 2009. – Т. 3. – № 5. – С. 22–26.

3. Голоскоков, Л. В. Доктрина виртуального сетевого инновационного государства / Л. В. Голоскоков // *Новая правовая мысль*. – 2014. – № 1. – С. 41–49.

4. Тихиня, В. Г. Инновационные нормы в законодательстве Республики Беларусь: состояние и перспективы / В. Г. Тихиня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29371/1/26_%D0%A2%D0%B8%D1%85%D0%B8%D0%BD%D1%8F.pdf. – Дата доступа: 08.11.2018.

5. Кузнецова, Е. И. К актуальности проблемы определения роли современного государства в экономике / Е. И. Кузнецова, М. В. Кузнецова // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. – 2014. – № 41. – С. 220–226.

6. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.12.2020.

7. Шафалович, А. А. Проблема признания нового источника права — теории юридических фактов / А. А. Шафалович // *Новое в науке и образовании: тезисы докладов Междунар. ежегод. науч.-практ. конф., Москва, 11 апр. 2018 г. / Еврейский ун-т; ред. кол. Ю.Н. Кондракова (отв. ред.) [и др.], М.: МАКС Пресс, 2018, с. 57–59.*

8. Бушнев, В. В. Правовая политика современной России в сфере инноваций: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. В. Бушнев. – Ставрополь, 2017. – 188 с.

9. Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2013. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoretiko-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki/>. – Дата доступа: 5.01.2018.

СЕКЦИЯ 2 КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

С. С. Бурцева

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В последнее время правовая определенность играет важную роль в отправлении правосудия и поддержании стабильности правового регулирования. Состояние принципа правовой определенности в законодательстве вызывает высокий интерес, является актуальным в европейских странах, о чем свидетельствует практика конституционных судов различных государств (например, Белоруссии, Испании, Португалии, России), определяющая его в качестве критерия конституционности нормативных правовых актов. Как отметил судья Конституционного Суда Республики Беларусь Тиковенко А. Г., «соблюдение данного принципа упреждает неоднозначное понимание и, следовательно, неправомерное применение юридических норм, влекущее нарушение прав и законных интересов граждан» [1].

На особую роль принципа правовой определенности неоднократно обращалось внимание Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) в его решениях. В частности, данный принцип представляет собой один из аспектов верховенства права, который в свете преамбулы к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2] признается всеми договаривающимися государствами (п. 116 Постановления ЕСПЧ от 18 июня 2020 г. по делу «Молла Сали против Греции», п. 30 Постановления ЕСПЧ от 08 апреля 2004 г. по делу «Асанидзе против Грузии»); он гарантирует стабильность юридического положения и способствует повышению доверия в обществе к судам (пп. «а» п. 116 Постановления ЕСПЧ от 29 ноября 2016 г. по делу «Приход греко-католической церкви г. Лупени и другие против Румынии», п. 57 Постановления ЕСПЧ от 20 октября 2011 г. по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции»), а также обеспечивает равенство сторон в судебном процессе перед законом (п. 43 Постановления ЕСПЧ от 29 июня 2012 г. по делу «Сабри Гюнеш против Турции», п. 93 Постановления ЕСПЧ от 05 сентября 2017 г. по делу «Фабиан против Венгрии»).

Следует отметить, что принцип правовой определенности не получил прямого закрепления в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В практике ЕСПЧ признается, что рассматриваемый принцип «присущ всем статьям Конвенции и является одним из основных принципов демократического общества» (Постановление ЕСПЧ от 06 декабря 2007 г. по делу «Беян против Румынии»). В целом, его формирование приходится на конец 80-х гг.: в особом мнении судьи Фердроса в Постановлении ЕСПЧ от 21 февраля 1975 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства» правовая определенность была отнесена к категории «соображения» и касалась недопустимости расширительного толкования очерченных прав и свобод; в п. 58 Постановления ЕСПЧ от 13 июня 1979 г. по делу «Маркс против Бельгии» был сформулирован запрет пересмотра судебных решений или ситуаций, имевших место до принятия судебного решения.

Вопрос о том, что в целом представляет из себя правовая определенность, не нашел однозначного подхода в юридической науке и практике ЕСПЧ.

Так, Поляков С.Б. и Сидоренко А.И. выделяют такие компоненты правовой определенности, как неопровержимость судебных решений; недопустимость бездействия государства при отсутствии согласованной компетенции государственных органов;

предсказуемость действия права и защита от судебного произвола; недопустимость действий, которые могут ввести лицо в заблуждение относительно последствий его участия в правоотношении [3, с. 5-10]. Алексеева Т.М. сводит содержание правовой определенности исключительно к *res judicata*, что означает устойчивость, неизблемость, непоколебимость судебного решения, вступившего в законную силу [4, с. 3, 10]. Троицкий С.В. приходит к выводу, что «национальные правовые акты считаются законом, пригодным для достижения целей Конвенции о защите прав человека и основных свобод, когда они в целом отвечают принципу правовой определенности и удовлетворяют следующим основным требованиям: доступности, предсказуемости, четкости определения преступления и наказания за него, наличия оснований и процедуры признания лица виновным в совершении преступления и тому подобное» [5, с. 269].

На наш взгляд, анализ практики ЕСПЧ позволяет выделить следующие элементы принципа правовой определенности:

1. Определенность закона. Данное требование означает формулирование норм закона с достаточной четкостью и точностью, их недвусмысленность (п. 161 Постановления ЕСПЧ от 21 ноября 2019 г. по делу «З.А. и другие против России», п. 111 Постановления ЕСПЧ от 15 ноября 2016 г. по делу «Дубска и Крейзова против Чешской Республики»). Соответствие норм права стандарту «законности», их доступность позволяет избежать любого риска произвола со стороны властей (Постановление ЕСПЧ от 10 июля 2008 г. по делу «Медведев и другие против Франции»). При этом ЕСПЧ, предугадывая возможную чрезмерную жестокость закона в случае его полной определенности, отмечает, что требование «законности» может быть выполнено, если вопросы, которые не могут быть надлежащим образом разрешены на основе материального права, изложены в актах, находящихся на более низкой ступени юридической иерархии, чем законы (постановления ЕСПЧ от 20 января 2020 г. по делу «Венгерская партия двуххвостой собаки против Венгрии», от 17 июля 2001 г. «Ассоциация «Экин» против Франции»).

2. Предсказуемость закона. Данное требование тесно связано с предыдущим и подразумевает под собой два аспекта: каждый должен быть в состоянии предвидеть в разумной степени последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие (п. 124 Постановления ЕСПЧ от 17 мая 2016 г. по делу «Карачонь и другие против Венгрии»); закон не должен быть изменен неожиданно, чтобы не вмешиваться в важные решения, принимаемые отдельными лицами при добросовестном понимании того, что этот закон будет действовать в течение определенного периода (п. 171 Постановления ЕСПЧ от 19 июня 2006 г. по делу «Хуттен-Чапска против Польши»).

3. *Res judicata*. Свойство *res judicata* является, пожалуй, требованием правовой определенности, наиболее изучаемым в юридической науке. *Res judicata* нашло свое выражение в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В общем виде *res judicata* подразумевает недопустимость повторного рассмотрения разрешенного дела. Следует согласиться с мнением Мацкевич П.Н. о том, что «суть необходимости уважения *res judicata* раскрывается через такие категории, как исключительность, неопровержимость и исполнимость судебного решения, поскольку именно эти свойства законной силы в своей совокупности позволяют обеспечить действие судебного решения, его материально-правовой эффект» [6, с. 46].

Между тем, в решениях ЕСПЧ довольно часто указывается на возможные случаи отступления от рассматриваемого требования. Общее правило сформулировано следующим образом: «Отступление от принципа правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера» (Постановление ЕСПЧ от 23 июля 2009 г. по делу «Сутяжник против России»). К числу таких обстоятельств ЕСПЧ относит: необходимость исправления судебной ошибки; ненадлежащее отправление правосудия; наличие доказательств, имеющих решающее значение в деле, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства. Изменение или отмена решения

возможна в целях обеспечения справедливого правосудия или восстановления нарушенного права и улучшения положения лица. Недопустимо производить пересмотр решения только в целях формального обеспечения требования подведомственности или для единообразного применения закона в связи с изменением его толкования, приводящего к ухудшению положение лица (постановления ЕСПЧ от 12 июля 2007 г. по делу «Ведерникова против России», от 13 октября 2005 г. по делу «Васильев против России», от 18 января 2007 г. по делу «Булгакова против России» и др.).

Вышерассмотренные требования правовой определенности активно внедрены как в практику Конституционного Суда РФ (напр., постановления Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П), так и в практику судов общей юрисдикции всех инстанций (Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 15 июля 2020 г. № 33а-707/2020, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06 ноября 2020 г. по делу № 88-22547/2020 и др.).

4. Соответствие внутренней судебной практики и ее соблюдение. Юридическая неопределенность, возникающая в результате несоответствия в практике соответствующих судов, также рассматривается как нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Государства обязаны организовать свои правовые системы таким образом, чтобы избежать принятия противоречивых судебных решений (пп. 54-55 Постановления ЕСПЧ от 20 октября 2011 г. по делу «Недждет Шахин и Перихан Шахин против Турции»). Между тем, в случае, если того требует правовая определенность, возможно отступление от прецедентов, установленных в предыдущих делах, при наличии уважительных причин (п. 150 Постановления ЕСПЧ от 08 ноября 2016 г. по делу «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии»).

5. *Non bis in idem* (запрет двойной ответственности за одно и то же деяние). Несоблюдение данного запрета может стать прямым следствием нарушения правовой определенности в целом (постановления ЕСПЧ от 10 февраля 2009 г. по делу «Золотухин против России», от 08 июля 2019 г. по делу «Михалаке против Румынии»). Примечательно, что, в отличие от ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ выделяет правило *non bis in idem* в качестве независимого конституционного принципа, имеющего общее значение (напр., определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 312-О).

Таким образом, принцип правовой определенности в практике ЕСПЧ объединяет в себе критерии для отправления качественного правосудия и соблюдения права на справедливое судебное разбирательство. Практика ЕСПЧ по формированию и реализации рассматриваемого принципа широко воспринята государствами – участниками Конвенции о защите прав человека и основных свобод и учтена в их законодательстве. Между тем, представляется, что принцип правовой определенности не исчерпывается вышеуказанными категориями, и, следовательно, нуждается в дальнейшем его изучении.

Список использованных источников

1. Тиковенко, А.Г. Правовая политика и ее принципы [Электронный ресурс] / А.Г. Тиковенко // Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и перспективы развития : материалы международно-практической конференции, Минск, 06 декабря 2013 г. / – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-36123>. – Дата доступа: 02.02.2021.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 04.11.1950] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».

3. Поляков, С.Б. Значение принципа правовой определенности в постановлениях Европейского суда по правам человека / С.Б. Поляков, А.И. Сидоренко // Адвокат. – 2014. – № 7. – С. 5-10.

4. Алексеева, Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.М. Алексеева. – Москва, 2015. – 263 л.

5. Троицкий, С.В. Принцип правовой определенности в системе выводов Европейского Суда по правам человека / С.В. Троицкий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17-1. – С. 268-270.

6. Мацкевич, П.Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве : монография / П.Н. Мацкевич. – Москва : Статут, 2020. – 239 с.

Научный руководитель: О. Е. Шишкина,
канд. юрид. наук, доц.

И. А. Буткевич

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В связи с пандемией коронавируса осуществление практически всех видов коммерческой деятельности на сегодняшний день затруднено. В малочисленную группу функционирующих в прежнем режиме организаций входят грузоперевозчики. Невозможно в полной мере описать последствия, к которым приведет остановка движения товаров даже на минимальный срок. В связи с этим международные грузоперевозчики вынуждены привыкать к новым условиям осуществления своей деятельности. Начиная с весны 2020 года, на территории большинства европейских стран введены меры по профилактике вируса COVID-19, которые направлены на уменьшение числа контактов между людьми. В отрасли грузоперевозок эти меры нашли отражение в изменении порядка загрузки и выгрузки товаров. Теперь данные процедуры проводятся без участия водителя, который выступает представителем компании-перевозчика. При осуществлении международной перевозки на перевозчика помимо самой доставки товара получателю ложится обязанность по таможенному декларированию перевозимых товаров. Однако по причине отсутствия на загрузке водителя, контроль за количеством, и наименованием товара со стороны перевозчика фактически утрачен. В такой ситуации водителю остается только довериться товаросопроводительным документам и сотрудникам организации-отправителя, осуществлявшим загрузку товара, что нередко приводит к нарушениям таможенного законодательства, так как ответственность за недекларирование товара, подлежащего таможенному декларированию, согласно ст. 84 Таможенного кодекса ЕАЭС [1], несет декларант таможенной процедуры, которым, как правило, выступает перевозчик.

В результате анализа статистики правонарушений в области таможенного законодательства за 9 месяцев 2020г. замечен рост числа правонарушений, выраженных в недекларировании товаров перевозчиком. Значительная часть данных нарушений связана с отсутствием представителя перевозчика при загрузке товаров в транспортное средство. Таким образом, меры, направленные на профилактику коронавируса, имеют прямое влияние на рост количества таможенных правонарушений. В сложившейся ситуации страдает в первую очередь перевозчик товаров, которому причиняется финансовый ущерб. Водители вынуждены либо пренебрегать мерами безопасности ковид, либо нести ответственность за нарушение таможенного законодательства. В связи с этим организации, осуществляющие международные перевозки, нуждаются в дополнительной защите на законодательном уровне.

Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь был изучен правоприменительный опыт по ст. 14.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Недекларирование либо недостоверное декларирование товаров» [2], а также пожелания перевозчиков. В результате анализа субъектов и предметов административных правонарушений по ч.1 ст. 14.5 КоАП Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь были разработаны рекомендации сотрудникам таможенных органов, которые должны разрешить сложившуюся сложную ситуацию. Так, в случаях выявления признаков правонарушения, указанного в ч.1 ст. 14.5 КоАП, при перевозке товара организацией-перевозчиком сотрудником таможи производится оценка стоимости незадекларированного товара. Если стоимость не превышает 40 базовых величин, сотрудник таможи вправе принять решение, о признании такого правонарушения малозначительным, так как такое деяние по своему содержанию и направленности не причинило и не могло причинить существенного вреда охраняемым КоАП Республики Беларусь правам и законным интересам. Следует отметить, что данное нововведение касается лишь товаров, которые находятся в грузовом отсеке транспортного средства и являются частью коммерческой партии. Целью данной оговорки является недопущение злоупотребления нормами законодательства со стороны водителей. Таким образом, в случае незначительной ошибки при загрузке товара, сотрудники перевозчика освобождаются от административной ответственности.

Список использованных источников

1. Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС [Электронный ресурс] : [заключен в г. Москва 11.04.2017 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Научный руководитель: Д. С. Береговцова,
канд. юрид. наук, доц.

Н. В. Денисенко

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЗДНОСТИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время одной из актуальных проблем является правовое регулирование вопросов в сфере вспомогательных репродуктивных технологий. Подтверждением этого может служить недавнее внесение изменений в законодательство. Так, с 1 января 2021 года бесплатно предоставляется одна попытка экстракорпорального оплодотворения (за исключением экстракорпорального оплодотворения с использованием донорских половых клеток) в государственных организациях здравоохранения при наличии медицинских показаний и отсутствии медицинских противопоказаний, определенных Министерством здравоохранения, исключительно супружеским парам, в которых оба супруга являются гражданами Республики Беларусь и возраст супруги не превышает 40 лет [1]. Не менее дискуссионным является вопрос о возмездности суррогатного материнства.

Согласно абзацу девятому части второй статьи 21 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 года «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ) одним из существенных условий договора суррогатного материнства является стоимость услуги, оказываемой суррогатной матерью по договору суррогатного материнства (за исключением случаев, когда договор суррогатного материнства заключен на безвозмездной основе). Таким образом, договор суррогатного материнства может быть заключен как на возмездной, так и на безвозмездной основе [2].

Согласно части третьей статьи 21 Закона о ВРТ договор суррогатного материнства может быть заключен на безвозмездной основе в случаях, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо родственницей супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой [2].

По вопросу возмездности договора суррогатного материнства есть различные точки зрения. Отличаются подходы к его решению и в законодательстве разных государств.

Так, исходя из анализа национального законодательства государства можно разделить на три группы:

- где суррогатное материнство, в том числе коммерческое, законодательно разрешено (США (в части штатов), Южно-Африканская Республика);

- где разрешено некоммерческое суррогатное материнство (Австралия, Великобритания, Дания (с серьезными ограничениями), Израиль, Испания, Канада, Нидерланды (запрещена реклама суррогатного материнства, предложение услуг суррогатных матерей и их подбор), в отдельных штатах США (Нью-Гемпшир, Вирджиния);

- где суррогатное материнство официально запрещено (Австрия, Германия (причем, наказание несут врачи и посредники, а не родители и суррогатная мать), Италия, Норвегия, Швеция, отдельные штаты США, Франция) [3, с. 38].

Рассмотрим аргументы за и против безвозмездности суррогатного материнства.

С одной стороны, непосредственным результатом проведения процедуры суррогатного материнства является рождение человека, живого существа, и договорные отношения, связанные с манипуляциями с чем-то живым должны быть лишены коммерческой составляющей. Так, как известно, донорство органов и тканей осуществляется на безвозмездной основе, поскольку, согласно части четвертой статьи 5 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» органы и (или) ткани человека не могут быть объектом гражданско-правовых сделок, за исключением сделок, носящих безвозмездный характер [4]. Более того, в Беларуси обсуждаются поправки в Закон «О донорстве крови и её компонентов», согласно которым донорство будет осуществляться на безвозмездной основе [5]. Таким образом, связь суррогатного материнства с живым существом является весомым аргументом отмены возмездного суррогатного материнства.

Суть суррогатного материнства состоит, по существу, в предоставлении суррогатной матерью своего тела для вынашивания ребёнка. Оплата данной услуги означает выплату денежных средств за природную способность родить ребёнка, а не за усилия или навыки суррогатной матери. То есть оплата происходит за предоставление суррогатной матерью своего тела. На наш взгляд, это не соответствует ни моральным, ни этическим нормам.

Нельзя не признать, что распространение данной технологии может способствовать появлению специфического слоя женщин, которые будут вынашивать детей на основании договора суррогатного материнства целенаправленно и это станет для них работой. В отдельных государствах суррогатное материнство стало процветающим бизнесом и рутинной, хотя и высокотехнологичной процедурой. В Индии в одной из клиник репродуктивной медицины такие услуги стоят «30 тысяч долларов, из которой суррогатной

матери достается 8 тысяч. Учитывая, что около трети населения Индии живет за чертой бедности, то женщин, готовых рожать детей для других, более чем достаточно» [6]. То есть запрет коммерческого суррогатного материнства на законодательном уровне может являться объективной необходимостью сегодняшнего дня. О запрещении использования суррогатного материнства в коммерческих целях говорится в Брюссельской декларации Всемирной медицинской ассоциации 1985 г. Возмещаться должны только расходы, непосредственно связанные с беременностью: питание, проживание, медицинская помощь, специальная одежда, а также возмещение утраченного из-за беременности дохода [7, с. 127].

В случае отмены возмездного суррогатного материнства многие пары, которые не могут стать родителями по медицинским показаниям, получили бы возможность прибегнуть к услугам суррогатной матери, не имея для этого больших средств. Ведь оказание услуги суррогатного материнства в Республике Беларусь стоит 20-25 тысяч долларов [8].

Однако установление исключительной безвозмездности суррогатного материнства может привести к нежеланию женщин быть суррогатными матерями. Тогда шанс стать родителями у бесплодных пар будет ещё меньше, чем тот, который они имеют в условиях дороговизны суррогатного материнства. Это весомый аргумент, если учитывать тот факт, что суррогатное материнство не является широко распространенным явлением в Республике Беларусь. Согласно статистике, в 2019 году в Республике Беларусь было заключено 36 договоров суррогатного материнства, из которых 33 – в городе Минске, 2 – в Гомельской области [9]. В свою очередь, по данным архива Гомельской областной нотариальной палаты, в 2014 и 2015 годах договоры суррогатного материнства заключены на территории Гомельской области не были. В 2016 и 2017 годах было заключено 2 договора, в 2018 – 1, что составляет примерно 0,001 % от всех нотариальных действий, совершенных на территории Гомельской области [9]. Таким образом, небольшая востребованность данной процедуры в Республике Беларусь исключает негативные последствия возмездности суррогатного материнства в виде появления специфического слоя женщин, для которых суррогатное материнство является работой.

Более того, беременность – это большой риск и нагрузка на здоровье суррогатной матери, то есть оплата указанной услуги – это возмещение суррогатной матери «неудобств», связанных с беременностью. Более того, оплата суррогатного материнства может являться стимулом для суррогатной матери не совершать действий, которые могут причинить вред ребёнку, а за нарушение обязательств договора можно установить ответственность в виде уменьшения суммы вознаграждения по договору.

Таким образом, мы видим, что есть аргументы как за, так и против возмездности суррогатного материнства. На наш взгляд, нельзя устанавливать исключительную безвозмездность суррогатного материнства. Однако наличие в законодательстве Республики Беларусь условия о том, что договор суррогатного материнства может быть заключен на безвозмездной основе в случаях, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или супруга генетической матери, не дает возможности заключить на безвозмездной основе договор суррогатного материнства с суррогатной матерью, не являющейся родственницей по отношению к указанным лицам, даже если она выразила на это согласие.

Представляется необходимым закрепить возможность заключения договора суррогатного материнства на безвозмездной основе независимо от того, является ли суррогатная мать родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой. Таким образом, считаем необходимым изложить часть третьей статьи 21 Закона о ВРТ в следующей редакции:

«Договор суррогатного материнства может быть заключен на безвозмездной основе при наличии на это согласия суррогатной матери.».

Тем не менее, требования, предъявляемые к суррогатной матери в зависимости от того, является ли она родственницей одного из генетических родителей или нет, должны оставаться различными в соответствии со статьей 22 Закона о ВРТ.

Список использованных источников

1. О социальной поддержке отдельных категорий граждан: Указ Президента Республики Беларусь, 18 мая 2020 г. №171 [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: [http:// president.gov.by/uploads/documents/2020/171uk.pdf](http://president.gov.by/uploads/documents/2020/171uk.pdf). – Дата доступа: 20.12.2020.

2. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Респ. Беларусь, 07 янв. 2012 г. № 341-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.12.2020.

3. Тимофеева, Т.В. Суррогатное материнство в зарубежных странах: мировой опыт правового регулирования // Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции: Инновационный центр развития образования и науки. – 2017. – С. 38-40.

4. О трансплантации органов и тканей человека: Закон: Респ. Беларусь, 04 мар. 1997 г. № 28-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: <http://www.etalonline.by>. – Дата доступа: 20.12.2020.

5. Безвозмездного донора мотивирует идея? [Электронный ресурс] // ГУ «Республиканский научно-практический центр трансфузиологии и медицинских биотехнологий». – Режим доступа: <http://blood.by/news/bezvozmezdno-go-donora-motiviruet-ideya>. – Дата доступа: 20.12.2020.

6. В Индии есть «детские фермы», где нищие женщины вынашивают детей для иностранцев [Электронный ресурс] // Фактрум. – Режим доступа: <https://www.factroom.ru/facts/52013>. – Дата доступа: 20.12.2020.

7. Конституционные основы реализации соматических (личностных) прав: теория и практика: монография / Д. Г. Василевич. – Минск: Адукацыя і выхаванне. – 2018. – 319 с.

8. Двойня на треть дороже: нотариус рассказала о суррогатном материнстве [Электронный ресурс] // Sputnik. – Режим доступа: <https://sputnik.by/society/20180310/1034097113/notarius-surrogatnoe-materinstvo-zakon-belarus.html>. – Дата доступа: 20.12.2020.

9. Архив Гомельской областной нотариальной палаты за 2014–2019 гг.

Научный руководитель: А. Э. Набатова,
канд. юрид. наук, доц.

Л. Д. Иванчикова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Белорусские ученые Л.М. Рябцев и О.И. Чуприс отмечают, что в структуре административного процесса выделяют и административный процесс по делам об административных правонарушениях, который связан с порядком деятельности участников по делу об административном правонарушении от начала этого процесса и до обращения к исполнению принятого по нему решения[1 с. 324].

Говоря о «юрисдикционной» концепции административного процесса, необходимо напомнить, что до середины прошлого века в отечественной науке не было специальных исследований такого правового явления, как административный процесс. Понятие «административный процесс» в законодательстве Республики Беларусь появилось с вступлением в законную силу Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-3 (далее – ПИК_{оАП}) [2].

Концепция понимания административного процесса, оперирует понятиями «процесс» и «производство», вкладывает прямо противоположный смысл в их соотношение. По мнению А. З. Игнатюка, административное производство оказывается явлением более широким, нежели процесс [3 с. 67].

В ПИК_{оАП} в качестве основополагающего используется понятие «административный процесс» содержательно охватывающее порядок деятельности его участников по делу об административном правонарушении, в том числе учитываются основания и порядок привлечения к административной ответственности, но вместе с тем в административном законодательстве имеются отдельные несовершенства и в качестве примера можно привести ст.ст. 9.4 и 17.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [4].

Так, несмотря на снижение абсолютных показателей правонарушений, совершенных несовершеннолетними все более острыми становятся проблемы, связанные с алкоголизацией и наркотизацией молодежной среды. При этом наблюдается устойчивая тенденция к омоложению потребителей спиртного и наркотиков. Изучение дел об административных правонарушениях, связанных с распитием спиртных напитков, потреблением наркотических средств, психотропных веществ несовершеннолетними, свидетельствует, что в практике ведения административного процесса в отношении несовершеннолетних имеются проблемы, связанные с квалификацией правонарушений в данной сфере, а также невозможностью привлечения родителей или лиц, их заменяющих, к административной ответственности за совершение правонарушений их детьми [5].

Национальное административное законодательство предусматривает нахождение в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и нравственность, или распитие спиртных напитков в запрещенных общественных местах, однако на практике указанный признак объективной стороны правонарушения зачастую не учитывается. Так, в материалах чаще всего отсутствуют доказательства, указывающие на состояние, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность и при рассмотрении дела доказывается лишь состояние алкогольного опьянения, что не отвечает принципам административной ответственности. Таким образом, данные деяния не могут быть квалифицированы в соответствии с нормами ст.17.3 КоАП, что исключает возможность применения к несовершеннолетним мер административной ответственности.

Помимо административной ответственности несовершеннолетних, важную роль в профилактике правонарушений, связанных с распитием спиртных напитков, потреблением наркотических средств, психотропных веществ несовершеннолетними отводится родителям и законным представителям, осуществляющим воспитание детей. Так, в случаях совершения правонарушения до достижения несовершеннолетним возраста административной ответственности рассматривается вопрос о привлечении к установленной ответственности родителей по ст.9.4 КоАП, в связи с невыполнением обязанностей по воспитанию детей, повлекшим совершением последним общественно опасных деяний. Как свидетельствует анализ статистических данных, количество административных правонарушений за невыполнение обязанностей по воспитанию детей согласно ст. 9.4 КоАП снизилось с 9 473 в 2015г. до 2 866 в 2019г. Значительная положительная динамика наблюдается и по итогам 2020г. Однако, снижение абсолютных показателей по ст. 9.4 КоАП чаще всего связано с прекращением дел об административных правонарушениях, в связи с недоказанностью виновности лица, в

отношении которого ведется административный процесс. Существующая сегодня система административно-правовых норм фактически минимизирует, а в отдельных случаях исключает возможность привлечения родителей или лиц, их заменяющих, к административной ответственности.

Приведем пример. Несовершеннолетний распивал спиртные напитки, в месте, не предназначенном для распития спиртных напитков, чем совершил административное правонарушение по ст.17.3 КоАП, однако на момент совершения правонарушения не достиг возраста административной ответственности. Согласно действующему законодательству административная ответственность родителей непосредственно связана с административным правонарушением ребенка, и при решении вопроса о привлечении родителей или лиц, их заменяющих, к административной ответственности, должна быть установлена причинно-следственная связь между деянием подростка и неисполнением обязанностей по воспитанию ребёнка. Однако при этом отмечается отсутствие единого понимания вопроса о признаках невыполнения родительских обязанностей, что вызывает трудности при привлечении родителей к административной ответственности. Правом составления протоколов об административном правонарушении по ст. 9.4 КоАП наделены органы внутренних дел, которые часто сталкиваются с непониманием родителей, поскольку многие считают, что они добросовестно исполняют свои родительские обязанности, но ребенок игнорирует их требования, таким образом, они не видят оснований для привлечения их к административной ответственности. Во многом такая ситуация сложилась из-за недостаточности правового регулирования административной ответственности родителей, в связи с этим проблема привлечения к административной ответственности законных представителей несовершеннолетних за ненадлежащее их воспитание остается актуальной, в связи с чем необходимо рассмотреть вопрос о совершенствовании административного законодательства.

Для этого необходимо проанализировать практику привлечения родителей к административной ответственности за невыполнение обязанностей по воспитанию детей на примере опыта зарубежных стран. В частности, в ч.3 ст.127 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за неисполнение родителями или иными лицами, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, повлекшее употребление несовершеннолетним алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. В Республике Узбекистан действует Кодекс об административной ответственности, который принят в 1994 году, согласно которому ответственность за совершение правонарушений наступает в возрасте шестнадцати лет. Согласно ст.47 вышеуказанного Кодекса административная ответственность родителей или лиц, их заменяющих, наступает за невыполнение ими обязанностей по воспитанию и обучению несовершеннолетних, в том числе повлекшее совершение последними административных правонарушений, а также за воспрепятствование получению детьми обязательного общего среднего, среднего специального, профессионального образования. Следует отметить, что, как в Республике Казахстан, так и Республике Беларусь предусмотрена административная ответственность несовершеннолетних за употребление спиртных напитков в запрещенных законодательными актами местах.

С учетом проведенного анализа следует отметить, что, несмотря на повышенное внимание к правовому регулированию вопроса административной ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь наше правовое поле все еще можно совершенствовать. Таким образом, считаем целесообразным ввести ответственность за нахождение несовершеннолетних в состоянии, вызванном употреблением спиртных напитков, психотропных веществ несовершеннолетними, независимо от того, является ли это состояние оскорбляющим человеческое достоинство или нет. Кроме того, необходимо ч.1 ст.9.4 КоАП изложить в следующей редакции:

Невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, в том числе повлекшее совершение несовершеннолетним деяния, содержащего признаки административного правонарушения либо преступления, но не достигшим ко времени совершения такого деяния возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность, в том числе за потребление их детьми алкогольных напитков, наркотических средств и психотропных веществ или нахождение их в состоянии алкогольного опьянения, в состоянии, вызванном, потреблением наркотических средств или психотропных веществ.

Совершенствование системы административно-правовых норм позволит единообразно подходить к пониманию состава правонарушения, влекущего административную ответственность несовершеннолетних и их родителей или лиц, их заменяющих, что будет способствовать неукоснительному соблюдению принципов административной ответственности за правонарушения и снижению уровня правонарушений, связанных с потреблением алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ.

Список использованных источников

1. Чуприс, О.И. Административно-правовое принуждение в государственном управлении Республики Беларусь / О. И. Чуприс [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 384 с.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Республики 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // Консультант плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Административная ответственность и административный процесс: пособие / А.З. Игнатюк, С.М. Забелов, Л.Д. Иванчикова, А.П. Гасанов: под общ. ред. А.З. Игнатюка - Мн.: Издательство «Народная асвета», 2019. - 148 с.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Республики 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // Консультант плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Протоколы заседаний комиссии по делам несовершеннолетних администрации Ленинского района г.Могилева и документы к ним за 2018-2019г.г., архив – (постановления по делам об административных правонарушениях).

Научный руководитель: А. З. Игнатюк,
канд. юрид. наук, доц.

Д. А. Калугин

Юридическая школа Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИЗГОЙ-ОДИН: ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАК НОВАЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

Динамика социальной системы предопределяет корреспондирование активно развивающемуся правовому механизму. От совершенствования уже существующих нормативных моделей до формирования нового правового порядка, института — набор форм и содержания столь многообразен, сколь и разнообразна окружающая нас

действительность. Выбор направления изменения правовой материи требует не только безгранично высокого уровня юридических знаний и соответствующих навыков, но и системного представления о теле права как таковом, о принципах устройства общества и государства и практических аспектах их реализации. Истинность утверждения кратко увеличивается, когда речь идет о конструктах конституционного порядка.

Первая половина 2020 года в отечественном юридическом сообществе была ознаменована стремительной подготовкой изменений в Конституцию Российской Федерации. Обновленный конституционный текст содержит ряд правовых нововведений, которые на этапе разработки либо недостаточным образом обсуждались, либо не обсуждались вовсе. В рамках данной работы речь пойдет об одном из примеров таких нововведений — понятии «федеральная территория».

На момент общероссийского голосования о федеральной территории было известно немного. В официальных информационных материалах о ней речь не шла, опираться можно было лишь на заключение Конституционного Суда Российской Федерации. Впрочем, Суд не столько дал возможность понять, что есть федеральная территория, сколько то, чем она не является. Содержание статьи 67, части 1, по мнению Суда, «не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации». Не нарушают эти положения и принцип федерализма, систему субъектов Российской Федерации, целостности территории Российской Федерации. Более того, состав России как федеративного государства совершенно не тождествен территории Российской Федерации, что вполне резонно. Но федеральная территория, в таком случае, явление, которое стоит рассматривать не с позиций федеративной системы России, сколько с позиций пространственного восприятия. Таким образом, слово «территория» здесь ключевое по мнению Конституционного Суда. Однако, как мы сможем убедиться в последствии, это едва ли так.

Более предметный разговор стал возможен с принятием федерального закона (Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”»), регламентирующего порядок образования и функционирования пока что единственной в своем роде федеральной территории. Индуктивный метод не самый подходящий в рамках правового исследования, но так как один пример составляет всё текущее содержание явления (ситуация потенциально временная, так как правовая ловушка с «автономной областью» не повторилась), то прибегнем к анализу нормативного содержания и сопутствующего ему текста о федеральной территории «Сириус».

Из положений пояснительной записки следует, что «актуальность законопроекта обусловлена необходимостью раскрыть на законодательном уровне понятие федеральной территории как нового вида публично-правового образования», однако ни на одной из стадий законотворческого процесса, ни в одной из версий законопроекта не говорится о признаках, особенностях федеральных территорий как таковых. В пояснительной записке перечисляются признаки федеральной территории «Сириус»: наличие самостоятельных органов публичной власти, полномочия которых включают в себя отдельные полномочия федеральных и региональных государственных органов и органов государственной власти, а также полномочия органов местного самоуправления; наличие экономической, имущественной самостоятельности. Эти два признака, по мнению авторов законопроекта, характеризуют данную федеральную территорию как публично-правовое образование. Цель такой территории сформулирована следующим образом: «обеспечить устойчивое социально-экономическое и инновационное развитие и нормальную жизнедеятельность проживающих в ней граждан». Собственно, это цель государства как такового и всех публично-правовых образований на территории нашей страны. Следовательно, специфика данной территории состоит в том, что достижение обозначенной цели возможно лишь в рамках особого правового режима.

Изучив нормативных текст и содержание сопутствующих законопроекту документов, вполне обоснованно прийти к выводу, что речь идет не о территории в том буквальном смысле, каком её воспринял Конституционный Суд, потому как речь идет не о части территории России как государства, а об особом типе публично-правового образования со всеми вытекающими последствиями — уникальная административная модель и система местного самоуправления, где органы этой территории наделяются триадой публичный полномочий. Впрочем, подобная ситуация лишь затрудняет целостное восприятие федеральной системы России, потому как вне системы субъектов имеет место «бессубъектное» пространство — территория, где принцип федерализма искажается до степени отсутствия.

В подтверждение этого тезиса достаточно указать на процесс создания этой федеральной территории. У одного из субъектов Российской Федерации — Краснодарского края — извлекли, отняли, выделили из него (как угодно) часть территории и образовали на ней отдельный правовой режим с частичным применением законодательства и нормативных правовых актов Краснодарского края. Каким образом было учтено мнение жителей Краснодарского края или жителей потенциальной федеральной территории? Резонно указать, что сделано это с помощью представительного органа, Федерального Собрания, и, в особенности, с помощью Совета Федерации как органа регионального (и немного общероссийского) представительства. На протяжении всего процесса принятия этого закона были вовлечены акторы, которые легитимизованы электоральными процедурами: парламент, президент. Однако почему в случае изменения границ между субъектами требуется согласие представительных законодательных органов этих субъектов? Обоснованно заметить, что это дело двух субъектов, а в данном случае легитимация происходит посредством федеральных органов. Моделируем ситуацию: в случае голосования в Государственной Думе, в Совете Федерации представители Краснодарского края (в числе двух) и несколько депутатов, избранных по мажоритарным округам, голосуют против. Раз, два, три и ничего не происходит, решение всё равно принято. Ровно потому и требуется больший учет мнения граждан, проживающих на этой территории. Однако это справедливо с позиций федерального процесса, а эту территорию воспринимают как «имеющее общегосударственное стратегическое значение», потому решение и принято общегосударственным органов. Но Российская Федерация признала эту территорию таковой в одностороннем порядке, тем самым установим правовые рамки для самой себя при взаимодействии с территорией субъекта федерации.

Это не вопрос допущений и абстракций, это вопрос правовой регламентации как приоритетна над политической конъюнктурой. Правовые преобразования невозможно оправдать «за всё хорошее — против всего плохого» хотя бы потому, что государство по умолчанию должно действовать в интересах граждан, но это не освобождает государство от регулярной «сверке часов» с мнением и запросами общества. Представляется возможным, что имело место так называется федеральная интервенция, когда центральные, федеральные органы вмешиваются в дела субъектах в строго предусмотренных конституцией или законодательством случаях. Как выяснилось, такой порядок теперь предусматривает Конституция Российской Федерации, косвенно и едва ли строго. С этих позиций сложно согласиться с Конституционным Судом: речь не о территории вне федеральной системы.

Впрочем, территориальная тенденция в отечественной правовой системе ясно осязаема. С уходом от преимущественно поселенческого типа местного самоуправления (сельские и городские поселения/муниципальный район — муниципальный округ), смежная по сути трансформация произошла и в административном сегменте: если ранее наиболее важные государственные объекты и комплексы выделялись в формах городов федерального значения или закрытых административно-территориальных образований,

то теперь речь о федеральной территории, которая ранее представляла лишь часть поселения – городского округа.

Конечно, отечественная практика если не изобилует, то представляет в своем многообразии правовые режимы, выпадающие из общего правила регулирования: территории опережающего развития, наукограда, свободный порт, особые экономические зоны, инновационный центр, технопарки и прочее. Однако федеральная территория как правовой институт – это категория конституционного порядка, что предопределяет её не как административное решение исключительно с целью активизации научных или экономических процессов (см. перечисленные выше правовые режимы), а как модель устройства публичной власти с учетом специфики той или иной территории, аккумулируя при этом полномочия всех уровней публичной власти у одних органов и должностных лиц. При этом федеральная территория едва ли самодостаточна на каком-либо уровне, учитывая обязанности органов местного самоуправления и государственной власти субъекта оказывать содействие в существовании этой территории.

Подобные интервенционные решения, нарушающие и без того едва ли стройную федеративную систему России, необходимо принимать, опираясь на широкую общественную и профессиональную дискуссию. Едва ли стоит аргументировать необходимость активизации инновационных процессов, создание точек притяжения, способных стимулировать отстающие пространства, однако не посредством же эрозии основополагающих принципов устройства общества и государства.

Конституционная материя в силу своей определенной абстрактности оставляет возможным гибкость в правовом регулировании, в идеологической и нормативной коррекции содержания, а потому требует бережного отношения. Федеративные отношения особенно чувствительны к политической волатильности, а потому требуют устойчивого каркаса – правовых рамок, границ и основ, которые были бы формализованы наиболее совершенным из возможных образом. Ровно с этих позиций и стоит рассматривать федеральную территорию как новеллу динамично развивающегося (несмотря на старания изобразить статику) федерального процесса. Добавило ли появление федеральной территории предсказуемости нормативному регулированию, правоприменению, взаимодействию на региональном уровне, способствовало ли укреплению федеративных основ, именно федеративных, а не разнородно направленных: от очевидно централизованных до явно обособленных на грани закрытости правовых режимов? Ответ не столь очевиден.

Закончить хотелось бы столь же неочевидно, сколь и вышеприведенный ответ — цитатой известного российского писателя-сатирика: «Что за глупость спорить, как лучше жить: при капитализме или при социализме, — если при социализме еще никто не жил». Видится, что справедливо желание пожить при федерализме в Российской Федерации будь то федеральная территория или нет.

Научный руководитель: О. Е. Шишкина,
канд. юрид. наук, доц.

Е. М. Караваева

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ: БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В Республике Беларусь поощрение материнства, охрана интересов матери и ребенка, укрепление семьи, ее социальная поддержка, обеспечение семейных прав граждан обусловлена исторически: в 1994 году государство заявило себя социальным, что предполагает защиту интересов общества в целом и отдельных категорий населения,

нуждающихся в ней. Так же необходимо отметить, что начиная с 1990-х население Беларуси в течение нескольких лет ежегодно уменьшалось на 50 тыс. человек, а детей с 1995 по 2000 годы ежегодно рождалось меньше на 4–6 тысяч. Чтобы остановить спад рождаемости, в 2007 году была утверждена Национальная программа демографической безопасности. Тогда же молодым и многодетным семьям государство начало предоставлять финансовую поддержку в улучшении жилищных условий, так как сокращение численности новорожденных приводит к снижению экономической активности населения и влечет увеличение государственных расходов на социальное обеспечение.

Всеобщая декларация прав человека впервые закрепила основы защиты государством семьи и материнства [1, ст. 22, ч. 2 ст. 25], которые были дополнены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [2, ст. 10]. Конституция Республики Беларусь, учитывая положения международных нормативно-правовых актов, закрепляет одним из основных направлений социальной политики государства государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства [3, ст. 32].

Особое внимание наше государство уделяет многодетным семьям, законодательно закрепляя льготы и поощрения, как и во многих зарубежных странах.

Отметим, что многодетными в разное время считались разные семьи. В советский период были такие научные категории: малодетная семья, среднететная семья и многодетная семья. Трое детей – это считалось с 50-х по 80-е годы среднететной семьей. А многодетная либо расширенная семья – это от пяти и выше.

В 1999 году в Республике Беларусь приняли Кодекс о браке и семье: в соответствии со ст.65 которого многодетной называют семью, в которой «на иждивении и воспитании находятся трое и более детей».

В настоящее время в Республике Беларусь предоставляется ряд льгот многодетным семьям для облегчения воспитания и содержания детей – жилищные, налоговые, образовательные и другие. Для реализации права на льготы необходимо обязательно иметь удостоверение многодетной семьи.

Так, многодетная семья, стоящая в очереди на жилье, имеет право быть включенной в отдельный список многодетных семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, на внеочередное получение льготных кредитов или одноразовых субсидий. В течение года такой многодетной семье должны предложить участие в долевом строительстве или строительстве в составе ЖСК. При этом преимущество имеют семьи с 4-мя и более несовершеннолетними детьми [4, п. 9].

Многодетная семья имеет внеочередное право на получение льготного кредита или субсидии на жилье [4, пп.1.1].

Нормативы общей площади строящегося жилья в г.Минске для определения величины льготного кредита устанавливаются в размере 20 м² на одного члена семьи [4, пп.1.5].

Многодетные семьи, состоящие на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, могут получить финансовую помощь государства в выплате как льготных, так и не льготных кредитов. Если кредит не льготный, то финансовая помощь в его погашении предоставляется в размере 100 бюджетов прожиточного минимума.

Многодетные семьи имеют право на льготный кредит на строительство жилья, могут погасить часть кредита средствами семейного капитала. Кроме того, у многодетных семей есть возможность получить участок для строительства загородного дома. Еще одна привилегия – скидки на оплату коммунальных услуг.

Многодетные родители (мать или отец) имеют право на дополнительный оплачиваемый выходной в неделю.

Многодетные семьи имеют следующие налоговые льготы: освобождаются от налога на землю и налога на недвижимость (исключение составляют случаи, когда земля или недвижимость используются на цели, связанные с предпринимательской

деятельность); право на налоговый вычет по подоходному налогу на детей в повышенном размере; родители, являющиеся индивидуальными предпринимателями или осуществляющие деятельность без такой регистрации, имеют право на льготу по единому налогу в размере 20%.

Многодетные матери имеют право уйти на пенсию в 50 лет, если они родили пять и больше детей, воспитали четырех из них до 8-летнего возраста. Обязательным условием для возникновения такого права является также стаж работы не менее 15 лет.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 345 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей» с 1 января 2020 года по 31 января 2024 года формирование семейного капитала будет осуществляться в белорусских рублях с базовым размером на 1 января 2020 года 22,5 тысячи белорусских рублей. Эта сумма будет увеличиваться каждый год с учётом роста потребительских цен.

Право на семейный капитал имеет мать в полной семье, родитель в неполной семье, усыновитель, имеющие гражданство Беларуси и постоянно проживающие в республике, при рождении 3-го и последующих детей. Право на получение денежных средств возникает в случае, если в семье воспитывается не менее трех детей в возрасте до 18 лет с учетом родившегося ребенка.

В зарубежной практике закреплены подобные льготы, однако в части как формально-юридической, так и содержательной они могут отличаться от белорусских норм.

Так, на сегодняшний день у многодетных матерей в России существует перечень льгот, в числе основных можно назвать: ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком; пенсионные льготы; льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг. Многодетные матери, в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [5], получают ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Данное пособие выплачивается в размере минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом, независимо от числа детей, за которыми осуществляется уход.

Например, в Германии в рамках реализации ст. 6 Конституции [5, с. 160–163] приняты Закон «О подоходном налоге» и Федеральный закон «О детских пособиях», которые закрепляют право получения дополнительного налогового бонуса многодетными семьями за рождение каждого ребенка и право на получение детского пособия.

Кроме того, социальная поддержка в германском законодательстве о детях дифференцирована по возрастам [5].

В Швеции на основе гл. 2 Конституции [6, с. 135–140] законодательно закреплено, что многодетные семьи получают весьма существенное пособие, размер которого возрастает с рождением очередного ребенка.

Отметим, что в отдельных зарубежных странах есть примеры, где многодетным семьям вместо предоставления льгот предоставляются различные денежные пособия. Так, в Финляндии в ст. 19 Конституции действует закон, согласно которому многодетным семьям, а также матерям или отцам-одиночкам не предоставляется какие-либо льготы, а выдаются различные пособия [7]. В Эстонии мать после рождения ребенка в течение девяти месяцев получает полную заработную плату. Если она по истечении этого срока не выходит на работу и остается дома ухаживать за ребенком, то до достижения ребенком трехлетнего возраста может рассчитывать на дотации «по домашнему уходу за ребенком» (около 500 евро в месяц) [6].

Подводя итоги, необходимо отметить, что нормы, закрепленные законодательством Республики Беларусь в области социальной поддержки семьи, в той или иной степени отвечают требованиям международного и зарубежного законодательства.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Сайт Организаций объединенный наций – 2021. – Режим доступа. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа. – 20.02.2021.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] // Сайт Организаций объединенный наций – 2021. – Режим доступа. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа. – 20.02.2021.
3. Конституция Республики Беларусь: 15 марта 1994 г., № 2875-ХІІ: с изменениями и дополнениями, принятыми на Республиканских референдумах 24 ноября 1996г., 17 октября 2004г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. О некоторых вопросах предоставления гражданам государственной поддержки при строительстве (реконструкции) или приобретении жилых помещений: Указ Президента Республики Беларусь от 06.01.2012 № 13 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой формы информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 10.02.2021.
5. Конституция Федератив. Респ. Германия от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / под ред. В.В. Маклакова. М., 2003. 35 с.
6. Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февр. 1974 г. // Конституции государств Европы. М., 2001. 140 с.
7. Конституция Финляндии (Финляндской Республики) от 11 июня 1999 г. (1999/731): [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.constitution.garant.ru/DOC_3864909.htm Дата доступа: 10.02.2021.

P. N. Kobets

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher

All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

K. A. Krasnova

Candidate of Law, Assistant Professor

The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice», Saint-Petersburg

П. Н. Кобец

д-р права, проф., главный научный сотрудник

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

К. А. Краснова

канд. юрид. наук, доц.

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

ENSURING THE SAFETY OF TOURISTS IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: EXPERIENCE OF RUSSIA

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРИСТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ОПЫТ РОССИИ

Статья направлена на исследование аспектов безопасности туристов в условиях цифровой трансформации общества. Повышение безопасности туризма является перспективным направлением как для законодателей, так и для полиции. Идея создания туристической полиции в целом верна, но необходимо уточнить функции такой службы,

разъяснить ее задачи и донести эту информацию до туроператоров, работающих с иностранными туристами. В условиях стремительного развития внутреннего туризма необходимо прогнозировать спрос на такую услугу для обеспечения безопасного отдыха россиян. Поэтому появление туристической полиции в российских городах можно только приветствовать.

Tourism is a complex system that depends on many factors. Among them, the human one takes the lead; therefore, tourism is one of the vulnerable areas of human activity regarding its security, including against terrorism [1]. In 2020 Insurly, a French insurance aggregator, ranked Russia 86th among 180 countries included in the safety rating for tourists with the level of risk classified as “significant.” Insurly assessed a total of 180 countries. The rating allows us to find out the level of risk for travelling to a particular country. The aggregator published it on its website. The rating includes either data on violence (murders, terrorist attacks) or information on safety for tourists’ health (such as epidemic outbreaks, basic sanitation and air quality) as well as transport safety. The rating was compiled on a 100-point scale. Russia was given the lowest rating in the category of “Violence” (only 17 points out of 100) based on two indicators: intentional killings and acts of terrorism. “Transport security” in Russia was awarded 41 points. The highest score (83 points) was given to health protection. Emergency protection received 74 points out of 100. The other CIS countries were ranked as follows: Belarus (48th place), Azerbaijan (52nd place), Turkmenistan (60th place), Moldova (66th place), Georgia (68th place), Kazakhstan (71st place), Armenia (72nd place), Ukraine (83rd place), Russia (86th place), Tajikistan (93rd place) and Kyrgyzstan (106th place) [2].

Therefore, the safety of tourism at a time of the first 20 years of the 21st century is a prerequisite for the tourism industry development and enables tourist services [3, p. 22–25]. Nevertheless, so far in the Russian Federation, the relevant federal authority responsible for this area has not been determined, and the regions have quite mysterious and incomprehensible powers. While crimes, incidents with and against tourists occur, and until they are sure that they will not be robbed at the hotel, deceived by taxi drivers, blown up and raped, or that in the case of any emergency or fire a person with disabilities will not be left without help and will not die, no infrastructure, advertising and promotion of tour products will help.

The safety of tourism directly depends on the State policy and its measures for protecting tourists. In Russia, the rights and obligations of a tourist that prepares and makes a trip are determined by the federal law on the bases of tourist activity in the Russian Federation. In particular, according to the law, a tourist has the right to be guaranteed the personal safety, safety of his property, unhindered receipt of emergency medical care, as well as to receive reliable information about the rules of entry into the host country and the peculiarities of behaviour in it, such as customs, various rites of the local population, sanitary and epidemiological conditions. Clearly, during the journey, the tourist is obliged to comply with the host country legislation, respect its customs, traditions, religious beliefs and social structure and follow personal safety rules. Information about the threat to tourists’ safety in the host country should come from the national tourist administration and tour operators.

Russia also takes the necessary steps to issue regulatory documents to ensure tourists’ safety. The adopted legislative acts oblige the federal executive authorities to inform tour operators and tourists about the security threats, including through the State media. The Service of the Chief Sanitary Physician of Moscow seeks to prevent quarantine and parasitic infections during tourist trips. Managers of travel agencies must instruct each tourist that travels to countries with life-threatening diseases (such as plague, cholera, yellow fever and malaria) and provide them with a memo and antimalarial drugs.

The safety of tourism and the reduction of travel risks relate to a wide range of challenges, including the creation of a special police service to protect visitors and the

local population, checking the safety of tourist accommodation establishments and their licenses and certificates, organizing emergency communication lines, receiving complaints from tourists, protecting monuments, the environment, combating drugs and prostitution.

At the WTO's initiative, the First Global Research and Travel Trade Conference on Security and Risks in Travel and Tourism was held in Österund (Sweden) back in 1995 [4]. The findings of a survey among 73 countries on the safety and protection of travellers, tourists and tourist sites showed that in 71% of the countries the special tourist police or security service guarded tourists' spots and attractions. In more than half of the countries, such a service is part of the state or municipal police; 21% of the countries have a special tourist police service; in half of the countries, this service helps tourists solve their problems, and in 40% of the countries the police inform the relevant consulates and tourists. The tourist police are also mandated to preserve cultural monuments and the environment, combat drugs, provide information to tourists and protect local ethnic groups. However, at that time, only nine countries had laws on tourist police. Tourist police officers in 41% of the countries study foreign languages, and in 26% of the countries are trained in specific tourism disciplines. In 37% of the countries, they maintain regular communication with tourism agencies, firms and ordinary police [5].

The tourist police serve as a powerful argument in assessing the tourist destination's reliability for visiting by foreign tourists. The tourist police mainly exist in countries where the tourism industry is of great importance [6, p. 9-11]. As an ambulance service in medicine, this unit helps foreigners solve problems in a different country. If this fact is a novelty in our country, then for several countries of the Middle East and South-East Asia [7, p. 22-24] as well as some Member States of the Commonwealth of Independent States [8, p. 30-32] it is a practice with the concept already formed and experience accumulated. In these countries, the tourist police perform the functions of patrolling active recreation areas. If necessary, it is obliged to assist foreign citizens.

During a telephone survey, in which 1600 thousand Russians over 18 years old took part, 75% of respondents answering the question of "whether the tourist police in the Russian Federation are more likely needed or not needed" chose the option of "more likely needed" [9].

The decision to create temporary specialized units of the tourist police was announced on April 2, 2018 [10]. The tourist police began to function in Moscow in July 2018. Its creation was initiated by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. This unit's duties are to ensure the safe stay of guests of the capital and maintain Moscow's positive image. The tourist police officers' duties include actions to ensure security and provide assistance to tourists and other capital guests. This unit staff speaks foreign languages and has received special training in communicating with foreigners. The tourist police are also tasked to quickly respond to thefts and robberies that involve tourists as victims, to help foreign citizens caught up in criminal situations [11].

Russian regions assess differently the need to introduce such units and see the possible tourist police's functions in various ways. Most tourist industry representatives say that the special tourist police are essential for mass tourism destinations, for example, St. Petersburg and Crimea, which are visited every year by millions of Russians and foreigners. In Crimea, the idea of creating the tourist police finds local support. Places of mass recreation often require the constant presence of people in uniform, because it happens that people walk with children while someone drinks, swears, begs, does illegal business or actively litters the spot. Such violations spoil the whole picture. The Republic of Dagestan, where the number of tourists is increasing, also supports creating the tourist police. In Veliky Novgorod, the idea is considered especially timely with the number of foreign tourists being on the rise. Some regions, including those included in traditional tourist routes (for example, the Golden Ring of Russia), believe that the tourist police's creation is still irrelevant because there are other problems [12].

Another issue that requires discussion is the integration of the tourism industry into the digital economy. Concerning the safety of tourism, the introduction of innovative practice-oriented technologies is essential. In particular, machine vision technologies, or so-called facial biometrics, can identify a person in transport security systems during operational activities [13, p. 139].

Conclusion. Despite some restrictions on inbound tourism caused by the COVID-19 pandemic (air traffic takes place with only 15 countries), the improvement of tourism security is a promising area for both lawmakers and the police. The idea of the tourist police's creation is generally correct, but it is necessary to clarify such a service's functions, explain its tasks and convey this information to tour operators working with foreign tourists. For a foreign tourist, the presence of an approachable policeman who can speak a foreign language and explain something means additional comfort. With the rapid development of domestic tourism, one should predict the demand for such a service to ensure the Russians' safe rest. So the appearance of the tourist police in Russian cities can only be welcomed.

References

1. Kobets, P.N. 'Sovershenstvovanie antiterroristicheskikh mer bezopasnosti na ob"ektakh transporta', *Nauchnyi portal MVD Rossii*, 2020, 1(49), pp. 35–45.
2. *86th place: that is how the French insurance aggregator ranked Russia in terms of tourists' safety*. Available at https://www.tourismsafety.ru/news_one_3500.html (Accessed 14 January 2021).
3. Kobets, P.N. 'Sovremennye pravovye podkhody k regulirovaniyu bezopasnosti v sfere turizma v Rossiiskoi Federatsii', *Turizm: pravo i ekonomika*, 2018, 3, pp. 22–25.
4. *First Global Research and Travel Trade Conference on Security and Risks in Travel and Tourism (Östersund)*, Available at https://studwood.ru/1144781/turizm/estersundskaya_konferentsiya_bezopasnosti_turizma_umensheniyu_risikov_puteshestviyah (Accessed 14 January 2021).
5. *Tourism Safety: International Practice*, Available at https://www.tourismsafety.ru/news_one_2415_44.html (Accessed 14 January 2021).
6. Kobets, P.N. 'O probleme bezopasnosti i zashchity v turizme v usloviyakh serediny vtorogo desyatiletiya XXI stoletiya', *Turizm: pravo i ekonomika*, 2017, 1, pp. 9–11.
7. Kobets, P.N. 'Osobennosti obespecheniya bezopasnosti turizma podrazdeleniyami turisticheskoi politsii ryada gosudarstv Blizhnego Vostoka i Yugo-Vostochnoi Azii', *Turizm: pravo i ekonomika*, 2019, 1, pp. 22–24.
8. Kobets, P.N. 'Stanovlenie podrazdelenii turisticheskoi politsii (militsii) v gosudarstvakh – uchastnikakh Sodruzhestva nezavisimykh Gosudarstv', *Turizm: pravo i ekonomika*, 2020, 1, pp. 30–32.
9. *Russians believe that the country needs the tourist police*, Available at <https://ria.ru/20181109/1532418813.html> (Accessed 14 January 2021).
10. *Vladimir Kolokoltsev decided to create tourist police units in the cities where the World Cup matches will be held*, Available at <https://мвд.рф/news/item/12682997> (Accessed 14 January 2021).
11. *What is a tourist police? Tourist police in Moscow*, Available at <https://fb.ru/article/189758/chto-takoe-turisticheskaya-politsiya-turisticheskaya-politsiya-v-moskve> (Accessed 14 January 2021).
12. *Regions appreciated the idea of introducing tourist police*, Available at https://travel.rambler.ru/news/37458700/?utm_content=rtravel&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Accessed 14 January 2021).
13. Morozov, M.A.; Morozova, N.S. 'Novaya paradigma razvitiya turizma i industrii gostepriimstva v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki', *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. seriya: Chelovek i obshchestvo*, 2018, 1, pp. 135–141.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ПАРЛАМЕНТАРИЕВ В СТРАНАХ СНГ

Укрепление роли и правового статуса законодательных (представительных) органов власти является прочной опорой устойчивого развития государства. Действующее законодательство установило взаимосвязь прав и обязанностей депутата не только в сфере законотворческой и представительской деятельности, но и в отношении с публично-властными полномочиями законодательных (представительных) органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также различными международными парламентскими организациями, такими как Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств, Парламентское Собрание Союза Беларуси и России и др.

В Российской Федерации международные связи Государственной Думы РФ регламентируются нормами Регламента Государственной Думы РФ, в соответствии с которыми Совет Государственной Думы ежегодно утверждает планы международных связей Государственной Думы с парламентами других государств. Сама же кандидатура для представления позиции Государственной Думы в международных межпарламентских и общественных организациях рассматривается палатой по предложению Совета Государственной думы и назначается на срок полномочий Государственной Думы данного созыва.

Согласно регламента Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь контакты и связи с парламентами иностранных государств и международными парламентскими организациями осуществляются, в первую очередь, через соответствующие постоянно действующие делегации или рабочие группы. Аналогичные положения закреплены в регламенте Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, в соответствии с которым депутаты Законодательной палаты могут быть направлены в зарубежные страны в составе официальных парламентских делегаций для укрепления и развития связей с парламентами других государств и международными парламентскими организациями.

Несмотря на активное участие депутатов Национального Собрания Республики Армения или Парламента Республики Казахстан на международной арене, регламенты Национального Собрания Республики Армения или Парламента Республики Казахстан не раскрывают полномочия и организацию деятельности парламентариев в организации работ по межпарламентским связям. Это, в свою очередь, снижает эффективность внешнеполитической деятельности самого парламента и степень сотрудничества с парламентами других государств, международными и межпарламентскими организациями.

При этом, как справедливо отмечает А.У. Тагаев, в эпоху глобализации, влекущую за собой новые вызовы и угрозы (борьба с терроризмом, преступность), важным приоритетом парламентам всех стран является не только сохранение национальных интересов, но и интеграция парламентаризма в систему мировых межпарламентских связей [1, с. 263].

Таким образом, на законодательном уровне месту депутата в межпарламентской деятельности отводится весьма скромное место. В этой связи, как отмечает А. В. Островский, «слабая координация и отсутствие должного взаимодействия на межгосударственном, национальном и региональных уровнях не способствуют повышению эффективности проводимых мероприятий» [2, с. 82]. Вместе с развитием самих парламентских интеграционных процессов необходимо не только законодательно закрепить механизм реализации межпарламентского взаимодействия, но и усилить роль члена парламента при формировании национальной законодательной базы: закрепить его

полномочия, основные формы деятельности, порядок утверждения и снятия кандидатуры для представления межпарламентских интересов.

Одним из важнейших направлений дальнейшего наращивания усилий международного сообщества является противодействие коррупции, что нашло свое закрепление в Концепции сотрудничества государств-участников Содружества независимых государств в противодействии коррупции, одобренной решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств о Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции от 11 октября 2017 года.

Особое место среди мер по предупреждению коррупции занимают рекомендации Международной организации Совета Европы «Группа государств по борьбе с коррупцией» (ГРЕКО), учрежденной резолюцией Комитета министров Совета Европы от 1 мая 1999 г., основной целью которой является «улучшение потенциала ее членов в области борьбы с коррупцией через процесс взаимной оценки и воздействия друг на друга, а также соблюдения принятых на себя обязательств» [3].

В соответствии с ст. 2 закона Республики Армения от 16 декабря 2016 г. «О гарантиях деятельности депутата Национального Собрания Республики Армения» депутат не может занимать не обусловленную своим статусом должность в других государственных органах или органах местного самоуправления, какую-либо должность в коммерческих организациях, заниматься предпринимательской деятельностью, выполнять иную оплачиваемую работу, кроме научной, образовательной и творческой работы.

При этом, среди последних экспертных рекомендаций ГРЕКО отмечает, что в отношении членов парламента, в частности депутатов Национального Собрания Республики Армения необходимо разработать ряд мер по соблюдению стандартов в сфере несовместимости занятия иной оплачиваемой или предпринимательской деятельностью. Необходимо обеспечить прозрачность законодательного процесса через общественное обсуждение законопроектов, предпринять дополнительные усилия для разработки Кодекса поведения членов парламента, в котором закрепить руководство действий в случае возникновения конфликта интересов в целях укрепления механизма мониторинга соблюдения членами парламента этических норм и стандартов.

Согласно ст. 17 Закона Азербайджанской Республики от 17 мая 1996 г. «О статусе депутата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики» депутат не должен допускать противозаконные действия, а также поступки, наносящие ущерб его высокому званию, грубые, оскорбительные слова и действия унижающие честь и достоинство человека, призывать других к подобным действиям, обязан соблюдать порядок ведения заседаний Милли Меджлиса Азербайджанской Республики и его комитетов и комиссий. В свою очередь, среди требований к деятельности парламента ГРЕКО призвала депутатов проводить обучение, руководство и консультации по вопросам правового поведения, парламентской этики, урегулирования конфликта интересов и повышения своей деловой репутации. Особо отмечена необходимость соблюдать меры по раскрытию информации о предоставлении сведений о доходах и расходах, а также применению адекватных санкций за их несоблюдение.

В соответствии с ст. 19 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ "О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" отличительной особенностью порядка преследования за административное правонарушение или уголовное преступление и привлечения к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, депутата Государственной Думы является необходимость получения согласия самой Думы.

Согласно оценочного доклада ГРЕКО по вопросам парламентского иммунитета в Российской Федерации комиссия полагает, что столь длительная процедура лишения депутатской неприкосновенности в ряде случаев может препятствовать эффективному

применению уголовных норм, в том числе, при осуществлении мероприятий по противодействию коррупции. Раннее вмешательство и использование следственных мер являются важными инструментами при расследовании коррупционных правонарушений. Они имеют решающее значение для возможности судебного преследования на более позднем этапе, что позволит правоохранительным органам оперативно расследовать такие дела. С учетом действующего российского законодательства оценщиками ГРЕКО в отношении России предложено сократить категории субъектов, обладающих иммунитетом от преследования до минимума, необходимого в гражданском обществе; пересмотреть положения законодательства о снятии иммунитетов с целью его упрощения; выработать методические рекомендации для сотрудников правоохранительных органов и судей по применению названных положений законодательства; установить конкретные и объективные критерии для применения палатами Федерального Собрания, Конституционным Судом или квалификационной коллегией судей при рассмотрении запросов о снятии иммунитетов, а также гарантировать, чтобы решения, принимаемые в отношении иммунитетов, были свободны от политических мотивов и основаны только на обстоятельствах соответствующего запроса и лежащего в его основе расследования.

Действительно, одним из элементов публично-правовой неприкосновенности депутатов является особый порядок инициирования преследования за совершенное деяние и соблюдения процессуальной формы при вынесении решения, за счет чего расширяются не только гарантии неприкосновенности таких лиц, но и объем ограничений и запретов для лиц, уполномоченных на движение процесса привлечения к уголовной или административной ответственности, в частности для следователей, дознавателей, прокуроров, судей и иных сотрудников органов профессионального сообщества. Аналогичные положения закреплены и в законодательстве других стран.

Таким образом, проблемные вопросы правового регулирования статуса депутатов нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Особое внимание необходимо уделить усилению координирующей роли государств в борьбе с коррупцией, реализации комплекса профилактических мер, выявлению фактов несоблюдения депутатами антикоррупционных стандартов и выработке рекомендаций по обеспечению неотвратимости ответственности в сфере противодействия коррупции.

Анализ процессуальных иммунитетов депутатов также свидетельствует об избыточном содержании применения мер повышенной охраны, что не отвечает конституционному принципу равноправия и социальной справедливости. Избрание депутатов по партийным спискам, как следствие, зависимость от установок политических партий и ослабление связей с избирателями, наличие парламентского большинства не могут гарантировать, что решения, принимаемые представительным органом в отношении иммунитетов, будут свободны от политических и личных мотивов, а также основаны только на фактах и обстоятельствах, послуживших административному или уголовному преследованию. Необходимо не только рассмотреть вопрос о сокращении категории субъектов, обладающих иммунитетами, но и пересмотреть порядок привлечения к ответственности публичных лиц, поскольку представляется необоснованным тот факт, что депутаты, не являясь компетентными субъектами для рассмотрения сообщения о преступлении или правонарушении и принятия решений по результатам такого рассмотрения, могут принимать на себя осуществление функций судебного следствия и принятие уголовно-процессуальных решений.

Список использованных источников

1. Тагаев, А. У. Роль и место Парламента республики Казахстан в межпарламентском сотрудничестве / А. У. Тагаев // Наука и новые технологии. – 2014. – № 4. – С. 263-265.

2. Островский, А. В. О парламентском измерении интеграционных процессов на постсоветском пространстве в свете положений концепции внешней политики Российской Федерации / А. В. Островский // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2009. – № 6. – С.81-87.

3. Council of Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/portal/home/>. –Дата доступа: 30.01.2021.

С. С. Супрун

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время мир вступает в эпоху постиндустриальной цифровой экономики, которая кардинально изменяет ситуацию: на первое место выходят проблемы, связанные с развитием информационной сферы, средств массовой информации и коммуникаций, использованием современных информационных систем для развития экономики и стабилизации общественного развития в целом [1, с. 11]. В связи с этим для государственных органов стоит задача создать нормативно-правовую базу, которая будет регулировать новое явление в общественной жизни — цифровую экономику.

В нашей стране несколько лет действует Декрет Президента Республики Беларусь №8 от 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет). Данный документ широко обсуждался как в СМИ, так и среди правоприменителей, государственных органов и других организаций. Многие называют его «революционным», так как в нем содержатся новшества и предлагаются смелые решения (например, им вводятся такие институты английского права, как конвертируемый займ, опционный договор и смарт-контракты). Основными положениями Декрета являются регулирование обращения цифровых знаков (токенов), деятельности операторов криптоплатформ и операторов обмена криптовалютой; предоставление льгот и преференций участникам отношений, связанных с использованием современных технологий; введение в качестве эксперимента конвертируемых займов, опционов на заключение договора и опционных договоров, смарт-контрактов; защита конкуренции в условиях цифровой экономики [2]. Также в Приложении 1 к Декрету приведен список терминов, необходимый для определения отдельных понятий с целью правильного понимания данного документа.

Декрет действительно раскрыл много важных сторон и создал условия для привлечения инвестиций, а также предоставил возможности, которые выведут нашу страну на новый уровень экономического развития. Однако, на наш взгляд, существуют некоторые проблемы в правовом регулировании данного явления в Республике Беларусь.

Стоит отметить, что мы только относительно недавно начали строить свою цифровую экономику, и, соответственно, на данный момент у нас могут существовать некоторые недоработки в данной сфере. Это естественно, и как только у нас появится определенная практика в этой сфере, далее эти недоработки будут устранены в будущих нормативных правовых актах с учетом действующего законодательства и объективной реальности.

На наш взгляд, на данный момент существует проблема правового регулирования криптовалют в гражданско-правовой сфере. В Положении 1 к Декрету дается определение криптовалюты. Криптовалюта — это биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена [2].

В Декрете установлено, что токены являются объектами правоотношений. Также данным актом определены права юридических и физических лиц, а также индивидуальных предпринимателей в отношении токенов, также регламентирована

деятельность операторов криптоплатформ и обмена криптовалютой. Однако, существуют еще вопросы по поводу криптовалют, которые не раскрыты ни данным Декретом, ни иным актом законодательства. Основным вопросом, который, на наш взгляд, недостаточно раскрыт, является сам статус криптовалюты. Например, статья 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), устанавливает закрытый перечень объектов гражданских прав [3]. Природа криптовалют очень близка к деньгам, однако статьей 141 ГК установлено, что единственным платежным средством на территории Республики Беларусь является белорусский рубль. Исходя из этого, можно предположить, что криптовалюта является иностранной валютой. Однако определение иностранной валюты, данное в Законе «О валютном регулировании и валютном контроле», также не может определить статус криптовалюты как иностранной. Криптовалюты не могут быть признаны ни электронными деньгами, ни ценными бумагами, что вытекает из их определений. Поэтому их правовой статус очень расплывчат, так как согласно Декрету, с ними могут совершаться те же действия, что и с объектами гражданских прав, например, дарение или завещание, однако криптовалюты не являются объектами гражданских прав по действующему законодательству. На наш взгляд, следует ввести в ГК отдельную категорию, которая бы установила статус криптовалюты как объекта гражданских прав. Также следует более точно регламентировать порядок приобретения (добычи) токенов, отчуждения токенов, а также таких действий с ними, как дарение или завещание.

В этой же сфере существуют вопросы применения смарт-контрактов. Конечно, они были введены в наше право в качестве эксперимента, а часть вопросов по поводу их применения раскрыта в Декрете, однако остается неясным, возможно ли применение к смарт-контрактам положений ГК о недействительности сделок. Смарт-контракт, исходя из определения, представленного в Приложении 1 к Декрету — это программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий. Смарт-контракты призваны ускорить и облегчить совершение сделок. Однако, так как данное исполнение автоматизировано, теоретически возможно совершение сделок, запрещенных законодательством, сделок с пороком воли и тому подобное. И такие сделки, исходя из соответствующих статей ГК, могут быть признаны недействительными или оспоримыми. Однако в Декрете данный вопрос никак не раскрыт, что порождает проблемы в правоприменении.

Существует пробел в правовом регулировании криптовалют и в уголовно-правовой сфере. Декретом установлено, что юридические лица и индивидуальные предприниматели вправе осуществлять иные операции с токенами, в том числе и с криптовалютами. Исходя из последних статистических данных, интерес к криптовалютам растет, что может вызвать рост махинаций с криптовалютами. В Декрете нет определенного перечня операций с токенами, которые были бы признаны незаконными. И тут появляется еще одна проблема, характерная для многих стран — «отмывание» денег, полученных преступным путем и иными незаконными действиями с токенами. Конечно, так как по факту в Беларуси уже легализованы криптовалюты, некоторые действия с ними можно подвести под деяния, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь. Однако, так как такового перечня нет, то на данный момент любая операция с токеном разрешена, что и создает благоприятные условия для преступной деятельности в данной сфере.

Основным из рисков существования цифровой экономики является то, что невозможно точно определить тот путь, по которому пойдет страна в сфере цифровизации. Задача правового регулирования в данной сфере заключается в предусмотрении условий для развития цифровой экономики и инноваций, с одной стороны, а, с другой стороны, в предупреждении возможных рисков. Именно поэтому законодательство в сфере цифровой экономики должно быть достаточно гибким.

Список использованных источников

1. Якушенко, К. В., Шиманская, А. В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств-членов ЕАЭС / К. В. Якушенко, А. В. Шиманская // *Новости науки и технологий*. – 2017. – №2(41). – С. 11-20.
2. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., №8 // ЭТАЛОН-ONLINE [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Дата доступа: 20.12.2020.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – 656 с.

Научный руководитель: А. Э. Набатова,
канд. юрид. наук, доц.

П. В. Трощинский

канд. юрид. наук

Институт Дальнего Востока Российской академии наук

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

В ноябре 2012 г. в Пекине прошел XVIII съезд Коммунистической партии Китая (КПК), на 1-м пленуме которого Си Цзиньпин был избран новым Генеральным секретарем ЦК КПК. Произошла смена поколений китайских руководителей при сохранении общего курса развития государства. В марте 2013 г. Си Цзиньпин был избран на должность председателя КНР, а также занял другие важные посты в государстве. Экспертное сообщество относило Си Цзиньпина к числу «умеренных реформаторов», поэтому мало кто ожидал, что, придя к власти по партийно-государственной линии, лидер пятого поколения китайских руководителей начнет проводить широкомасштабные реформы не только в экономической, но и государственно-правовой сфере.

Одним из приоритетных направлений при Си Цзиньпине стало активное принятие крупных законов в конституционной, гражданской, уголовной и иных сферах. До Си Цзиньпина китайский законодатель принимал законы неохотно, предпочитая регулировать общественные отношения на уровне подзаконных нормативных правовых актов (следствием чего стала серьезная «подзаконная инфляция»). Так, сформированная согласно решению XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.) в 2010 г. **«социалистическая правовая система с китайской спецификой»** (中国特色社会主义法律体系) к началу 2011 г. насчитывала всего лишь 236 законов. Такое мало количество законов – одна из характерных особенностей КНР, при этом они преимущественно (90%) принимаются не Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) в составе примерно 3000 депутатов, а узким кругом членов Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) (примерно 150 человек). Кроме того, до прихода Си Цзиньпина к власти в КНР не существовало некоторых важных кодифицированных актов правотворчества, в первую очередь отметим отсутствие Гражданского кодекса. Впрочем, нежелание принимать трудноизменяемые кодексы – прочно укоренившееся в правовой системе КНР традиция. Первый Уголовный кодекс КНР появился лишь в 1979 г., то есть на 30-м году существования социалистической республики (КНР была образована в 1949 г.) (первый УПК также появился лишь в 1979 г.). До настоящего времени в КНР нет административного, налогового, семейного, жилищного и многих других кодексов.

Заняв главные партийные и государственные посты, Си Цзиньпин незамедлительно приступил к активизации законодательной деятельности, призыв к этому стал звучать практически на всех крупных партийных заседаниях. Так, главным вопросом повестки прошедшего в октябре 2014 г. пленума ЦК КПК стала политико-правовая доктрина «**управление государством на основе закона**» (依法治国).

Параллельно с политическими заявлениями о необходимости строго соблюдения закона и борьбы с коррупцией, Си Цзиньпин через решения партии инициировал процесс разработки и принятия целого ряда крупных законов, в первую очередь в сфере обеспечения государственной безопасности. При этом, уже в 2014 г. им была поставлена задача кодификации гражданского законодательства к 2020 г., внесение изменений в Конституцию (в первую очередь шла речь о создании новых контрольных органов) и др.

Но все-таки в первую очередь в правовой системе КНР стали появляться законы в сфере регулирования деятельности разведки, зарубежных неправительственных организаций, борьбы со шпионажем, борьбы с терроризмом, обеспечением безопасности сети Интернет и т.п. Анализ правотворческой деятельности последних лет позволяет сделать вывод о характере вызовов и угроз, с которыми столкнулся Китай при Си Цзиньпине. Они настолько серьезные, что переместили акцент правового строительства с социально-экономической сферы на сферу обеспечения национальной безопасности.

По инициативе Си Цзиньпина были приняты: *Закон КНР о борьбе со шпионажем* (中华人民共和国反间谍法) (01.11.2014) (своим вступлением с силу отменил действовавший с 1993 г. Закон КНР о государственной безопасности); *Закон КНР о государственной безопасности* (中华人民共和国国家安全法) (01.07.2015); *Закон КНР о противодействии терроризму* (中华人民共和国反恐怖主义法) (27.12.2015); *Закон КНР об управлении деятельностью зарубежных неправительственных организаций внутри страны* (中华人民共和国境外非政府组织境内活动管理法) (28.04.2016); *Закон КНР о транспортной коммуникации в сфере государственной обороны* (中华人民共和国国防交通法) (03.09.2016); *Закон КНР о безопасности сети Интернет* (中华人民共和国网络安全法) (07.11.2016); *Закон КНР о разведке* (中华人民共和国情报法) (27.06.2017); *Закон КНР о ядерной безопасности* (中华人民共和国核安全法) (01.09.2017); *Закон КНР о криптографии* (中华人民共和国密码法) (26.10.2019); *Закон КНР о защите государственной безопасности Сянганского особого административного района* (中华人民共和国香港特别行政区维护国家安全法) (30.06.2020); *Закон КНР о биологической безопасности* (中华人民共和国生物安全法) (17.10.2020); *Закон КНР о морской полиции* (中华人民共和国海警法) (22.01.2021).

Каждый из вышеприведенных законов уникален и требует своего отдельного исследования. При этом Си Цзиньпин не ограничился лишь принятием законов, регулирующих сферу национальной безопасности. В их развитие с течением времени появлялись различные подзаконные акты, конкретизирующие положения законов.

Параллельно с этим Си запустил процесс подготовки изменений в действующую конституцию, которые первоначально были утверждены на партийном съезде и лишь затем, в марте 2018 г., приняты ВСНП. Отметим также, что это единственные изменения в действующую Конституцию КНР 1982 г. (пятые по счету), которые практически до самого марта 2018 г. «скрывались» от общественности. До последнего момента экспертное сообщество не знало о их содержании, а само китайское общество было лишено возможности их публичного обсуждения.

Всего в Конституцию КНР была внесена 21 поправка. В Преамбулу Основного закона, наряду с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, законодателем теперь вписано имя Си Цзиньпина и его «идеи» о «**социализме с китайской спецификой новой эпохи**». Наибольшую дискуссию среди всех принятых ВСНП конституционных поправок, несомненно, вызвала поправка, отменившая ограничение срока занятия поста

Председателя КНР. Так, до внесения поправок, ч. 3 ст. 79 Конституции была следующего содержания:

«Срок полномочий Председателя и заместителя Председателя Китайской Народной Республики соответствует сроку полномочий Всекитайского собрания народных представителей. **Председатель и заместитель Председателя Китайской Народной Республики могут занимать эти должности не более чем два срока**». В настоящее время фраза о занятии указанных должностей не более двух сроков исключена из Конституции. Отдельно отметим, что указанное изменение не является важным. Ограничение срока нахождения в должности Председателя КНР было введено лишь Дэн Сяопином при разработке действующей Конституции 1982 г. По первой Конституции КНР 1954 г. данное ограничение отсутствовало. Кроме того, несмотря на широко распространенное ошибочное утверждение о том, что Председатель КНР является «главой государства», ни юридически, ни тем более фактически это не соответствует действительности. Фактически глава государств в КНР – Генеральный секретарь ЦК КПК; юридически – ВСНП. Должность Председателя КНР можно определить как исполнительно-распорядительную при ВСНП, он осуществляет свои полномочия исключительно по указанию китайского парламента и выступает квазисекретарем при ВСНП.

Самым важным стало создание конституционными изменениями новой ветви власти – контрольной (контрольно-надзорной) (о «разделении властей» в КНР приходится говорить условно). Заключительной конституционной поправкой №21 в систему органов государственной власти введены новые органы – **Контрольные комитеты (监察委员会)**. Конституционно-правовому регулированию деятельности контрольных комитетов посвящен теперь параграф 7 главы III «Государственная структура», ст.ст. 123-127. Кроме этого, на мартовской сессии ВСНП принят отдельный Закон КНР «О контроле». Таким образом создан единый централизованный конституционный орган по борьбе с коррупцией, некий аналог «одного окна», мегаорган с огромными правоохранительными полномочиями, предполагающими как право на возбуждение уголовного дела, так и ограничение свободы лица на срок до 6 месяцев при отсутствии возможности участия в этот период адвокатуры (защитника).

В процессе разработки и принятия необходимых для обеспечения государственной безопасности законов Си Цзиньпин призывал к интенсификации работы по кодификации гражданского права. Ее результатом стало принятие в мае 2020 г. первого в истории КНР Гражданского кодекса. Отметим, что процесс кодификации был запущен в КНР еще в 1950-х гг., затем возобновлен в 1960-х гг. Однако по политическим мотивам ГК принят не был. Во время начала «политики реформ и открытости» (декабрь 1978 г.) к вопросу принятия ГК вернулись. Появились несколько проектов кодекса, однако Дэн Сяопин посчитал, что общество не готово к появлению трудноизменяемого кодекса, который не способен оперативно реагировать на стремительно изменяющуюся обстановку. В 1998 г. решили еще раз вернуться к разработке ГК и даже планировали его принять в 2010 г. Однако и в этот раз процесс остановили. И лишь Си Цзиньпин довел кодификацию до конца.

Принятие Гражданского кодекса – огромное достижение председателя Си (как, впрочем, и Закона КНР об иностранных инвестициях от 15.03.2019). Однако это вовсе не означает, что лидер Китая «переключился» на законодательство в области экономического развития. Этот процесс идет параллельно с ужесточением юридической ответственности, включая уголовную, за совершение целого ряда правонарушений. Так, 26 декабря 2020 г. ПК ВСНП принял очередные, 11-е по счету, поправки в Уголовный кодекс КНР. Ими, кроме прочего, понижен возраст уголовной ответственности **до 12 лет**. Теперь в случае совершения подростками умышленного убийства, умышленного причинения вреда здоровью, повлекшее смерть лица либо причинение тяжкого вреда здоровью особо жестоким способом, повлекшее наступление серьезной инвалидности,

сопряженноеотягчающими обстоятельствами, они подлежат привлечению к уголовной ответственности с 12 лет. Представляется, что такая суровая мера связана с необходимостью борьбы с терроризмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в котором малолетних граждан используют в террористических атаках на китайскую администрацию.

В завершение своего краткого доклада отмечу, что изменения в законодательстве при Си Цзиньпине не ограничиваются приведенными выше. За прошедшие с конца 2012 г. годы правления Си в правовой системе КНР появилось множество иных важных и уникальных по содержанию нормативных правовых актов. По состоянию на январь 2021 г. всего в Китае действует чуть больше 270 законов, при этом около 10 прекратили свое действие в связи с вступлением в силу с 1 января 2021 Гражданского кодекса КНР. В настоящее время Си Цзиньпин продолжает увеличивать количество законодательных актов в различных сферах, однако в связи с пандемией, развитием цифровых технологий и усилением санкций в отношении Китая со стороны западных партнеров, акцент в который раз смещается в сферу правового регулирования государственной безопасности, включая построение в КНР суверенного цифрового пространства, системы социального рейтинга.

Е. И. Усова

А. В. Жукова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Среди социальных функций любого государства важное место занимает обеспечение охраны здоровья и благополучия населения. Так, социальными проблемами являются важнейшие проявления жизни людей, групп населения и сообществ, а также их здоровье или «нездоровье». Здоровье населения – это фундаментальный индивидуальный и национальный ресурс.

В Республике Беларусь преобладающей целью в области охраны здоровья является снижение уровня заболеваний, распространение которых несет главную угрозу здоровью граждан и национальной безопасности. Законодательное обеспечение в области охраны здоровья – это отражение государственной политики в данной сфере.

Государственная политика Республики Беларусь в области здравоохранения заключается в создании условий, позволяющих каждому человеку реализовать свое право на охрану здоровья. Государство ответственно за сохранение и укрепление здоровья населения и гарантирует охрану здоровья каждого человека. Данные положения закрепляются как в Конституции Республики Беларусь, так и в иных нормативных правовых актах.

Преамбула Устава Всемирной организации здравоохранения содержит следующую формулировку понятия «здоровье человека»: «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов» [1].

Здоровье подразделяется на несколько видов, а именно: индивидуальное, групповое и общественное.

При этом, Всемирная организация здравоохранения не предусматривает единого и четкого определения, что же такое общественное здоровье.

Значит, когда мы переходим от индивидуума к сообществу (начиная с самой малой ячейки общества - семьи), мы абстрагируемся от отдельного, конкретного человека и переходим на язык медицинской и демографической статистики, на язык оценок группового и популяционного здоровья, или здоровья населения.

Нельзя рассматривать здоровье населения как сумму здоровья отдельных людей, которые составляют население.

Порада Н.Е. под общественным здоровьем понимает такое состояние, такое качество общества, которое обеспечивает условия для образа жизни людей, не обремененных заболеваниями, физическими и психическими расстройствами, то есть такое состояние, когда обеспечивается формирование здорового образа жизни [2, с. 17].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что здоровье населения – это состояние физического, психического и социального благополучия жителей какого-нибудь места (страны, города и так далее), при котором у них отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

В связи с тем, что здоровье – это важнейшая потребность человека, обеспечивающая гармоническое развитие личности, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 г. (далее – КоАП Республики Беларусь) охраняет как здоровье отдельного человека (глава 10 КоАП «Административные правонарушения посягающие на права и свободы человека и гражданина»), так и здоровье населения (глава 17 КоАП «Административные правонарушения против здоровья населения») от противоправных посягательств.

Получается, что отличительным признаком двух рассматриваемых объектов административных правонарушений является только лишь количество субъектов, которые претерпели негативные последствия от административного правонарушения, причиняющего вред здоровью.

На данный момент, в новом КоАП Республики Беларусь содержится шесть статей, предусматривающих ответственность за совершение административного правонарушения против здоровья населения:

Статья 17.1. Незаконные посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

Статья 17.2. Нарушение правил радиационного контроля.

Статья 17.3. Нарушение нормативных правовых актов в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности.

Статья 17.4. Выпуск либо реализация недоброкачественной продукции.

Статья 17.5. Нарушение санитарно-эпидемиологических требований, требований ограничительных мероприятий, представление недостоверных данных для процедуры государственной регистрации продукции.

Статья 17.6. Незаконные действия с некурильными табачными изделиями, предназначенными для сосания и (или) жевания [3].

По КоАП Республики Беларусь от 2003 г. предусматривалась ответственность по десяти составам административных правонарушений.

Такой состав как сокрытие источника заражения венерическим заболеванием либо уклонение от обследования (ст. 16.2) не нашел своего отражения в новом КоАП. Более того, целая группа составов административных правонарушений, связанных с радиационной безопасностью, претерпели изменения в части изложения диспозиции статей.

Родовым объектом всех этих административных правонарушений является то, что ими нарушаются урегулированные Конституцией, иными актами общественные отношения, направленные на охрану здоровья граждан (здоровья населения) [4, с. 404].

Объективная сторона может быть выражена в виде совершения действия (например, статьи 17.1, 17.4) или может быть представлена в виде бездействия (статья 17.2).

В основном данные правонарушения носят формальный состав, то есть считаются оконченными с момента совершения деяния, предусмотренного диспозицией конкретной статьи, и наступление последствий не требуется.

Отдельные статьи могут предусматривать факультативные признаки. Так, в статье 17.4 в качестве факультативного признака оговаривается место совершения

противоправных действий – товарный рынок. А часть 2 статьи 17.2 Нарушение правил радиационного контроля предусматривает повторность совершения аналогичного правонарушения в течение одного года после наложения административного взыскания, то есть в данном случае образуется квалифицированный состав правонарушения, что в свою очередь влечет ответственность в повышенном размере.

Статья 17.1 Незаконные посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества указывают на отсутствие факультативного признака субъективной стороны, а именно цели совершения правонарушения. В случае ее установления квалифицировать данную деятельность необходимо по статье 329 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

Субъектами рассматриваемых административных правонарушений против здоровья населения являются физические вменяемые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, также индивидуальные предприниматели и юридические лица.

При этом статья 17.2 предусматривает совершение административного правонарушения специальным субъектом – лицом, которое осуществляет радиационный контроль.

Субъективная сторона правонарушений выражена умыслом или неосторожностью.

Необходимо отметить, что, если совершается деяние, предусмотренное статьей 17.2, то есть нарушение правил радиационного контроля, или статьей 17.4 (выпуск либо реализация недоброкачественной продукции) повторно в течение одного года после наложения мер административного взыскания, то наступает уже уголовная ответственность по статье 326 и части 1 статьи 337 Уголовного кодекса Республики Беларусь соответственно. Как следствие, речь идет об административной преюдиции.

Анализ административных взысканий за указанные правонарушения свидетельствует, что в целом новый КоАП сохранил тенденцию, то есть преимущественно налагаются штрафы, конфискация, административный арест. При этом, по некоторым составам из санкций исключено предупреждение, в силу того, что данное взыскание не предусматривается новым КоАП.

Следует обратить внимание на статью 17.6. Незаконные действия с некурительными табачными изделиями, предназначенными для сосания и (или) жевания. Дело в том, что табачные изделия классифицируются в том числе и по способу употребления. И некоторые предназначены для курения, а другие для сосания (жевания). Соответственно одни противоправные действия направлены на нарушение общественного порядка и общественной нравственности (ст. 19.9) и наказываются штрафом, а другие (ст. 17. 6) направлены на причинение вреда здоровью и наказываются по новому КоАП не только штрафом, конфискацией, но и общественными работами. Следует обратить внимание, что в современной редакции КоАП запрещается курение не только табачных изделий, но и использование электронных систем курения, систем для потребления табака.

Составлять протоколы по ст. 17.6 имеют право сотрудники органов внутренних дел, а налагать административные взыскания уполномочены как представители органов внутренних дел, так и судьи.

КоАП Республики Беларусь 2003 года предусматривала статью 16.2 КоАП, которая предусматривает ответственность за сокрытие больным венерическим заболеванием источника заражения либо лиц, имевших с ним половое сношение, а равно уклонение от медицинского обследования больного венерическим заболеванием либо лица, имевшего с ним половое сношение.

При этом, статья 6.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) содержит следующую формулировку: «Соккрытие лицом, больным ВИЧ-инфекцией, венерическим заболеванием, источника заражения, а также лиц, имевших с указанным лицом контакты, создающие опасность заражения этими заболеваниями» [5].

Таким образом, диспозиция КоАП РФ содержит помимо венерических заболеваний, еще и ВИЧ-инфекцию. Некоторые ученые предлагали заимствовать указанную формулировку и изложить в новой редакции, а именно: «Соккрытие больным вирусом иммунодефицита человека, венерическим заболеванием источника заражения либо лиц, имевших с ним половое сношение, а равно уклонение от медицинского обследования больного вирусом иммунодефицита человека, венерическим заболеванием либо лица, имевшего с ним половое сношение».

Однако законодатель исключил данное деяние из числа административных правонарушений.

Список использованных источников

1. Основные документы, сорок девятое издание (с поправками по состоянию на 31 мая 2019 г.) [Basic documents: forty-ninth edition (including amendments adopted up to 31 May 2019)] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apps.who.int/gb/bd/pdf_files/BD_49th-ru.pdf. – Дата доступа: 07.12.2020.

2. Порада, Н.Е. Общественное здоровье и здравоохранение: курс лекций / Н.Е. Порада. – Минск: ИВЦ Минфина, 2017. – 126 с.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 06.01.2021 г. № 91-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Василевич, Г.А. Административно-деликтное право: учеб. пособие / Г.А. Василевич, С.Г. Василевич, С.В. Добрыян. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.: в ред. Федерального закона от 15.10.2020 г. // КонсультантПлюс. – 2020.

Я. І. Эсмантовіч

І. І. Эсмантовіч

канд. гіст. навук, дац.

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

МЯСЦОВАЕ САМАКІРАВАННЕ І ГРАМАДЗЯНСКАЯ СУПОЛЬНАСЦЬ ЯК НАЙВАЖНЕЙШЫЯ ФАКТАРЫ ЎСТОЙЛІВАГА РАЗВІЦЦА

Нацыянальная стратэгія ўстойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь да 2030 г. вызначыла ў якасці прыярытэтных задач фарміраванне сталай грамадзянскай супольнасці і развіццё мясцовага самакіравання [1]. Складовай часткай інстытутаў грамадзянскай супольнасці на мясцовым узроўні выступае палітычна актыўнае насельніцтва, а мясцовае самакіраванне з'яўляецца неаддзельным элементам ад насельніцтва, грамадзянскай супольнасці і дзяржавы. Менавіта грамадзяне, якія пражываюць на пэўнай тэрыторыі, маюць рэальную магчымасць аператыўна рэагаваць на недахопы ў працы органаў мясцовага самакіравання і ў цесным супрацоўніцтве з апошнімі ў самыя кароткія тэрміны іх ліквідаваць, што патрабуе развіцця грамадзянскай актыўнасці на месцах. Такім чынам, рэалізацыя суб'ектыўнага права грамадзяніна на ўдзел у грамадскіх ініцыятывах звязана са здольнасцю фактычна ўздзейнічаць на ажыццяўленне агульнадзяржаўных спраў.

Механізмы рэалізацыі права грамадзян на грамадскую ініцыятыву забяспечваюць магчымасць уплыву грамадства на дзяржаву. Найбольш ярка гэта праяўляецца на мясцовым узроўні. Гэта права рэалізуецца праз актыўныя дзеянні, накіраваныя,

да прыкладу, на арганізацыю і правядзенне законных публічных мерапрыемстваў (мітынгі, дэманстрацыі, сходы грамадзян), мэтай якіх з'яўляецца вылучэнне грамадскіх ініцыятыў. Так, на сходзе грамадзян можа быць прыняты зварот у органы мясцовага самакіравання, на мітынгу можа быць прызнана неабходнасць выказвання праватворчай ініцыятывы. Ад таго, у якой ступені грамадзяне прымаюць удзел у рэалізацыі мясцовага самакіравання, залежыць штодзённае жыццё мясцовых супольнасцяў. Мясцовае самакіраванне – найбольш набліжаны да штодзённым жыцці ўзровень кіравання, таму мясцовая ўлада можа разглядацца як найважнейшая форма сацыялізацыі грамадзян.

Разам з тым, як паказваюць вынікі даследаванняў, мясцовае самакіраванне ў цяперашні час не выклікае, да прыкладу, энтузіязму ў абсалютнай большасці расейцаў, што праяўляецца як у нізкім узроўні даверу дадзеным інстытуту (32 %), так і ў няверы ў тое, што іх удзел можа неяк паўплываць на працу органаў мясцовага самакіравання нават у тым, што тычыцца прыняцця сацыяльна значных рашэнняў. Усё гэта тлумачыць нізкі ўзровень грамадзянскай актыўнасці па месцы жыхарства, адсутнасць матывацыі да калектыўных салідарных дзеянняў. Адчужэнне насельніцтва ад мясцовага самакіравання робіць актуальным пытанне аб патэнцыяле грамадзянскай актыўнасці ў рамках мясцовых супольнасцяў. Паводле звестак сацыялагічных апытанняў, праведзеных у Рэспубліцы Беларусь, мясцовым органам улады давярае кожны другі жыхар Беларусі [2].

З мэтай пошуку стратэгічных рашэнняў праблем мясцовага самакіравання і развіцця ініцыятывы знізу, стварэння новых механізмаў і формаў дыялогу і ўзаемадзеяння паміж усімі бакамі на мясцовым узроўні ў Рэспубліцы Беларусь ажыццяўляўся праект ЕС/ПРААН «Садзейнічанне развіццю на мясцовым узроўні ў Рэспубліцы Беларусь». Па выніках дыскусій, якія прайшлі ў рамках круглых сталаў, стала відавочным завышанае чаканне насельніцтва ў дачыненні да фінансавай падтрымкі мясцовага развіцця, недахоп ініцыятывы і партнёрства. Эксперты адзначылі: "Усе надзеі ўскладаюцца на ўладу, людзі не хочуць усведамляць уласную адказнасць за паспяховае развіццё сваіх тэрыторый". Разам з тым, выявіліся разнапланавыя магчымасці развіцця грамадзянскай супольнасці: інавацыйныя мадэлі ўзаемадзеяння ўлады, бізнесу і грамадскасці для вырашэння мясцовых ініцыятыў; стварэнне мадэльнай сеткі міні-кластараў аграэкатурызму; падтрымка моладзевых сацыяльна-арыентаваных ініцыятыў і многае іншае.

Развіццю грамадзянскай актыўнасці, удасканаленню дзейнасці органаў мясцовага самакіравання і каардынацыі ўзаемадзеяння паміж імі закліканы спрыяць Савет па ўзаемадзеянні органаў мясцовага самакіравання, створаны пры Савеце Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. Павышэнне грамадзянскай актыўнасці насельніцтва і развіццё эфектыўных грамадскіх інстытутаў на мясцовым узроўні з'яўляецца адным з базавых умоў існавання і развіцця, як мясцовага самакіравання, так і грамадзянскай супольнасці.

Разам з тым, у сферы грамадзянскага ўдзелу ў ажыццяўленні мясцовага самакіравання існуюць ўзаемазвязаныя праблемы: з аднаго боку, адсутнасць грамадскай ініцыятывы, жаданняў, уменняў і навыкаў ўдзелу грамадзян у вырашэнні пытанняў мясцовага значэння, з другога боку, недастатковае развіццё эфектыўных механізмаў уплыву насельніцтва на сітуацыю ў мясцовых утварэннях і на дзеянні мясцовых уладаў.

Вынікі сацыялагічных даследаванняў паказваюць, што слабая паўсядзённая актыўнасць грамадзян у публічным жыцці ў значнай ступені з'яўляецца следствам іх "рацыянальнага выбару": калі грамадская актыўнасць не дае матэрыяльных або кар'ерных выгод, то яна выключаецца з іх жыцця. Большасць занята сваёй асноўнай прафесійнай дзейнасцю і бытавымі пытаннямі. Шмат у чым з-за гэтага не атрымліваюць належнага развіцця і прымянення формы грамадскай актыўнасці, якія дзейнічаюць на пастаяннай

аснове: прафсаюзы, ТОСы, ТСЖ, супольнасці па інтарэсах і забяўляльныя аб'яднання. Матывацыя да грамадзянскай актыўнасці, у тым ліку, у вырашэнні пытанняў мясцовага значэння, залежыць ад чаканых вынікаў, наяўнасці рэальных рычагоў уздзеяння на сітуацыю.

Неабходная гатоўнасць мясцовай улады да ўзаемадзеяння і выніковасць такога ўзаемадзеяння. Нягледзячы на адкрытасць органаў мясцовага самакіравання для ўзаемадзеяння з грамадзянскай супольнасцю, неабходна стварэнне адпаведных умоў для актыўнага ўключэння грамадзян у грамадскае жыццё на мясцовым узроўні, у ажыццяўленні мясцовага самакіравання. Для развіцця тэрытарыяльнага грамадскага самакіравання неабходная фінансавая падтрымка грамадскіх ініцыятыў, пашырэнне паўнамоцтваў мясцовых органаў уплываць на прыняцце ўладных рашэнняў. Мясцовыя супольнасці павінны быць зацікаўлены ў самастойным прыцягненні мэтавых інвестыцый на ажыццяўленне канкрэтных праектаў. Крытэрыямі паспяховага развіцця грамадзянскага грамадства з'яўляецца забеспячэнне агульнадаступнага актыўнага ўдзелу ў працэсе вырашэння мясцовых пытанняў.

Нацыянальная стратэгія сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь да 2030 г. ставіць задачу стварыць паўнавартасную інфраструктуру грамадзянскіх ініцыятыў; сфарміраваць спрыяльную прававую базу для развіцця ўсіх інстытутаў грамадзянскай супольнасці. Фарміраванне сталай грамадзянскай супольнасці будзе садзейнічаць зніжэнню рызыкі ўзнікнення сацыяльнага канфлікту, забяспечваць грамадскую дыскусію, якая дапаможа знаходзіць кампрамісы паміж поглядамі розных сацыяльных груп пры першачарговай неабходнасці задавальнення агульных патрэбаў дзяржавы і грамадзянскай супольнасці як адзінага цэлага. Стратэгія ўстойлівага развіцця Гомельскай вобласці да 2025 г. сярод мерапрыемстваў устойлівага развіцця прадугледжвае шырокае выкарыстанне практыкі перадачы арганізацыям грамадзянскай супольнасці паўнамоцтваў і рэсурсаў мясцовымі органамі; правядзенне арганізацыямі грамадзянскай супольнасці мэтанакіраванай працы на станаўленне партнёрства суб'ектаў тэрытарыяльнага развіцця шляхам стварэння сеткавых структур, камунікатыўных пляцовак, каардынацыйных цэнтраў; пашырэнне інфармавання насельніцтва аб дзейнасці структур грамадзянскай супольнасці (арганізацый і ініцыятыў) у галіне тэрытарыяльнага развіцця, распаўсюджваць перадавы вопыт, праводзіць Тызень рэгіёнаў [3].

Нягледзячы на заканадаўчае замацаванне формаў рэалізацыі мясцовага самакіравання, падтрымку з боку дзяржавы развіцця сацыяльнай актыўнасці і мясцовых ініцыятыў грамадзян, неабходна актывізаваць прымяненне існуючых формаў і ўкараненне новых, паколькі згуртаванае мясцовае супольнасць з'яўляецца адным з галоўных элементаў сацыяльнай стабільнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальная стратэгія ўстойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь да 2030 года [Электронны рэсурс] / URL:<http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivosotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступу: 28.02.2021.

2. Касьяненка А., Буры В., Трубарова Е. Роль арганізацый грамадзянскай супольнасці ва ўстойлівым развіцці Гомельскай вобласці. – Гомель, 2019. – 32с.

3. Стратэгія ўстойлівага развіцця Гомельскай вобласці да 2025 г. [Электронны рэсурс] // URL: <https://docplayer.ru/45545703-Strategiya-ustoychivogo-razvitiya-gomelskoyoblasti-na-gody-prilozhenie-1.html>. - Дата доступу: 02.11.2020.

СЕКЦИЯ 3

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

Т. П. Афонченко

канд. юрид. наук, доц.

Я. В. Жук

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

О ПРОЯВЛЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И ЕГО НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ

Развитие и динамичное функционирование социума определяет для каждого индивида комплекс стандартов правопослушного поведения, акцент на императивное следование которым подкрепляется соответствующими методами принуждения. Объективация подобных стандартов выступает в большинстве случаев в виде правил, обусловленных моральными, религиозными, техническими, правовыми и иными нормами, эффективно обеспечивающими безопасность любого социального образования и социального сообщества людей. Иными словами, каждый человеческий индивид соотносит требования, порождаемые комплексом указанных правовых правил с собственным внутренним (сформировавшимся либо только формирующимся) набором социальных потребностей и способами их удовлетворения, и тем самым постоянно находится по отношению к социуму в подконтрольном состоянии. Запреты и меры воздействия за их нарушение, также продуцирует общество исходя из коллективной оценки того или иного поведения как социального вредного или социально опасного в данных условиях и в данный временной отрезок времени, в зависимости от объема (масштаба) создаваемой таким нарушением опасности для общества в целом и его отдельной группы. Функционируя в рамках подобной группы (страты) каждый из нас по умолчанию соглашается с определенным уровнем контроля своего поведения, справедливо полагая, что подобному контролю на предмет соответствия общеустановленным требованиям в той или иной степени подвергается также его социальное окружение. Очевидно, что интенсивность (количественная составляющая) и содержание (качественная составляющая) контролирующего воздействия, тем не менее, различна, поскольку в любом обществе присутствуют не справившиеся с требованиями социобъединяющих институций (семья, иные малые и большие социальные группы, общественные и государственные образования) либо, как верно отмечено В.Е. Квашисом, «... избравшие существование вне социума как своеобразный социальный протест» [1, с. 7], что в крайних ситуациях проявляется в том числе в совершении уголовно наказуемых деяний. Более того, по мнению Я.И. Гилинского, создание общества без социальной патологии в принципе невозможно [2, с. 7]. Автор также утверждает, что «... социальный контроль – это механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего поведения [3, с. 411]. Именно в отношении допустивших подобное поведение социум применяет инструментарий специальных средств социального контроля.

Автором термина «социальный контроль» полагают Эдварда А. Росса, использовавшего его еще в 1896 г. [4, с. 513-535]. В то же время, единообразных подходов к содержательным характеристикам, формам и допустимым пределам социального контроля в настоящее время не выработано. Н.Б. Бараева видит реализацию механизмов социального контроля либо в рамках внешних мер воздействия, опирающихся на институционализированный аппарат средств, либо посредством внутренних (этических)

норм (самоконтроль). При этом более вероятно, что отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими (иными словами, от внешнего воздействия), чем от тех, которые он сам для себя устанавливает [5, с. 10-22]. Развивая идею внутреннего и внешнего контроля, О. А. Зигмунт полагает, что последний «... различается в свою очередь на формальный и неформальный. Формальный осуществляется такими институтами, как полиция... неформальный, например, семьей или соседями» [6, с. 84].

В.М. Хомич отмечает, что социально-правовой контроль преступности является наиболее сложным социально-правовым образованием [7, с. 42]. Подобное справедливо, поскольку и преступление является наиболее критичным нарушением общеустановленных норм со стороны индивида. В то же время, рассматривая практически любое нормативно закрепленное положение как рамочное требование соответствующего поведения индивида, можно привести и иные примеры существенного ограничения правового статуса индивида. Одним из таких ограничений является закрепленная Декретом Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее по тексту – Декрет № 18) возможность инициации изъятия несовершеннолетних детей из неблагополучных семей и установления ответственности лиц, уклоняющихся от содержания несовершеннолетних, помещённых на государственное обеспечение.

Обязанности родителей в воспитании детей, заботы об их здоровье, развитии и обучении закреплены в ст. 32 Конституции Республики Беларусь и раскрываются в ст. 68 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье 1999 г. (далее по тексту – КоБС), согласно которой родители обязаны воспитывать детей, осуществлять уход и надзор за ними, обеспечивать защиту их прав и законных интересов [9]. Требованиями ст. 75 КоБС регламентировано, что помимо воспитания детей, родители обязаны осуществлять попечительство над ними и их имуществом, а также заботиться о физическом, духовном и нравственном развитии детей, их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе.

Согласно требованиям ст. 93 КоБС, за уклонение от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, виновное лицо несет ответственность, установленную законодательством Республики Беларусь. Уклонение обязанного лица от явки на работу, составляющее десять и более рабочих дней в течение трех месяцев, либо сокрытие, занижение обязанным лицом размера заработной платы и приравненных к ней в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь доходов, либо виновное действие (бездействие), выразившееся в уклонении от трудоустройства, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, повлекшие неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов по содержанию детей, являются основанием для привлечения его к ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 174 УК Республики Беларусь. Обязанные лица, осужденные за преступления, предусмотренные данной статьей, и за иные преступления, совершенные в период работы в организациях на основании судебного постановления о трудоустройстве, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания.

Обязанным лицам запрещается отчуждать принадлежащее им недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, и транспортные средства. Для наложения запрета на отчуждение этого имущества и транспортного средства комиссия по делам несовершеннолетних или местный исполнительный и распорядительный орган, принявшая (принявший) решение о помещении ребенка на государственное обеспечение, информируют государственный орган, осуществляющий регистрацию недвижимого имущества, по месту нахождения данного имущества и управление Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь о возникновении у родителей (единственного родителя) обязанности возмещения расходов

по содержанию детей. При получении судебного постановления или исполнительной надписи нотариуса о взыскании названных расходов судебный исполнитель незамедлительно принимает меры по наложению ареста на имущество и на иное имущество обязанного лица. При недостаточности денежных средств на погашение расходов по содержанию детей взыскание обращается на имущество обязанного лица.

По искам местных исполнительных и распорядительных органов либо уполномоченных ими организаций обязанные лица могут быть выселены в судебном порядке из занимаемых жилых помещений государственного и частного жилищного фонда с предоставлением других жилых помещений меньшей площади и (или) уступающих им по своим потребительским качествам, в том числе вне пределов данного населенного пункта, на срок, указанный в решении суда. Жилые помещения, из которых выселены обязанные лица, закрепляются за их детьми в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь, и подлежат сдаче по договорам найма (поднайма) другим лицам для проживания. Средства, полученные от сдачи жилых помещений по договору найма (поднайма), не подлежат обложению подоходным налогом с физических лиц и перечисляются в порядке и на условиях, определяемых Советом Министров Республики Беларусь, на погашение обязанными лицами, являющимися собственниками (нанимателями) жилых помещений, расходов по содержанию детей.

Согласно требованиям ст. 17 Декрета № 18, обязанные лица, систематически нарушающие трудовую дисциплину по причине употребления алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, могут быть направлены в лечебно-трудовые профилактории. В период нахождения в лечебно-трудовых профилакториях указанные лица трудоустраиваются на республиканские унитарные производственные предприятия, подчиненные Департаменту исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь, и в иные организации, расположенные по месту нахождения лечебно-трудовых профилакториев. Обязанные лица, прекратившие нахождение в лечебно-трудовых профилакториях или освобожденные из мест лишения свободы, подлежат дальнейшему трудоустройству по месту жительства.

Таким образом, рассматриваемая категория лиц подвергается в рамках социально контролирующего воздействия значительным правоограничениям, нуждающимся, на наш взгляд, в систематизации на основе концептуального подхода в дискурсе идеи о принятии рамочного Закона «О социальном контроле», определяющего сущность, основания, виды, критерии и пределы реализации в отношении различных категорий лиц комплекса мер социально-контролирующего воздействия.

Список использованных источников

1. Квашис, В.Е. Социальный контроль над преступностью: что делать? / В.Е. Квашис // Виктимология. – 2019. – № 3 (21). – С. 5-11.
2. Гишинский, Я.И. Онтологический трагизм бытия или размышления малицириста / Я.И. Гишинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 7-21.
3. Гишинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский. – 3-е изд. – СПб.: АлефПресс, 2013. – 634 с.
4. Ross, E. Social control / E. Ross // The American Journal of Sociology. – 1896. – № 1 (5). – P. 513-535.
5. Бараева, Н.Б. Организованная преступность как социальный институт: диссерт. ... канд. социологич. наук: 22.00.04 / Н.Б. Бараева; Социологический институт Российской Академии наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 220 с.

6. Зигмунт, О.А. Социальный контроль и преступность несовершеннолетних / О.А. Зигмунт // Социальный контроль над преступностью: что делать? (Social Control over Crime: What Has to Be Done?): Материалы XXXII Междунар. Балтийской криминологической конференции (Proceedings of the XXXII International Baltic Criminological Conference) Санкт-Петербург, 21-22 июня 2019 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Я.И. Гилинского. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – С. 83-86.

7. Хомич, В.М. Социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации / В.М. Хомич // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития: сб. науч. ст.: в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 40-43.

Б. Г. Безгинский

адъюнкт

Национальная академия внутренних дел Украины

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ

Приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов является противодействие коррупции и взяточничеству. Незаконное обогащение, относится к одному из видов коррупционных преступлений, что совершаются должностными лицами.

В 1964 году, первыми странами, которые установили уголовную ответственность за незаконное обогащение стали Аргентина и Индия. В ст. 268 – 2 Уголовного Кодекса Аргентины предусмотрено: любое лицо, которое на определенное требование не в состоянии подтвердить походжение доходов относительно себя или третьего лица, полученных после назначения на государственную службу, или на протяжении не больше двух лет после прекращения выполнения своих служебных обязанностей, наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет и штрафом в размере от 50 процентов до 100 процентов размера состояния такого лица, а также пожизненным лишением права занимать государственную должность [5]. В соответствии со ст. 13 Закона Индии «О предотвращении коррупции»: государственный служащий совершил уголовное преступление, если он или любое лицо, действующее от его имени, обладает или, во время его пребывания в должности, обладала денежными средствами или имуществом, в отношении которого государственный служащий не в состоянии предоставить объяснений, и которое несовместимы с известными источниками его дохода [6].

Следующим важным международным опытом установления уголовной ответственности за незаконное обогащения, стало включение положения о незаконном обогащении в Межамериканской конвенции против коррупции от 29 марта 1996 года (далее – МАКПК) и Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года (далее – КООНПК). Рассмотрим определение незаконного обогащения в каждой из них. В ст. IX МАКПК указано: что согласно конституции и фундаментальным принципам своей правовой системы каждая Сторона - участница Соглашения должна принять необходимые меры по квалификации, в соответствии со своими законами, как преступных действий, связанных с существенным увеличением имущества правительственного должностного лица, которое он не может разумно объяснить в соответствии со своим законным доводом, полученным во время своей государственной деятельности [2]. В ст. 20 КООНПК предусмотрено: при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное

обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать [1]. Анализируя определения незаконного обогащения, в МАКПК и КООНПК, следует отметить, что в МАКПК установление уголовной ответственности носит обязательный характер «каждая Сторона – участница Соглашения должна принять необходимые меры...», в то время как в КООНПК факультативный «каждое Государство – участник рассматривает возможность принятия...».

В 2006 году Украина имплементировала ст. 20 КООНПК в национальное законодательство. В соответствии с диспозицией статьи 368-5 Уголовного кодекса Украины: незаконное обогащение, приобретение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, активов, стоимость которых более чем на шесть тысяч пятьсот необлагаемых минимумов доходов граждан превышает его законные доходы [4]. Кроме того, в Королевстве Дания, которая является участником КООНПК, также предусмотрена уголовная ответственность за незаконное обогащение. В ст. 144 Уголовного Кодекса Королевства Дании указано, что любое лицо, которое при исполнении обязанностей датской государственной службы, иностранного государства или международной организации незаконно получает, требует или принимает обещание подарки или другие привилегии, наказывается лишением свободы на любой срок, не превышающий шести лет [7]. Республика Узбекистан присоединилась к КООНПК 29 июля 2008 года, однако рассматривая уголовное законодательство, Республики Узбекистан отметим, что законодатель не установил ответственность за незаконное обогащение. В Рекомендации по имплементации международного права принятой Управлением Организацией Объединенных Наций по наркотикам и преступности (UNODC), в новой редакции Уголовного кодекса Республики Узбекистан рассматривается возможность установления уголовной ответственности за коррупцию в частном секторе, злоупотребление влиянием в корыстных целях, незаконное обогащение и сокрытие имущества [8, с. 38].

На основе проведенного анализа резюмируем, что хоть и нормы КООНПК и носят рекомендационный характер, включение в национальное законодательство уголовно – правовой нормы незаконного обогащения в Республике Узбекистан станет дополнительным механизмом борьбы с коррупцией.

Список использованных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 окт. 2003 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https:// zakon.rada.gov.ua/laws/main/995_c16#Text](https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/995_c16#Text). -Дата доступа - 11.01.2021
2. Межамериканская конвенция против коррупции от 29 март. 1996 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901934990>.- Дата доступа - 11.01.2021
3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110. - Дата доступа - 11.01.2021
4. Уголовный кодекс Украины от 05 апр. 2011 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text>. - Дата доступа - 11.01.2021
5. Уголовный кодекс Аргентины от 01 март. 1942 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/235283496.pdf>. - Дата доступа - 11.01.2021
6. Уголовный кодекс Индии от 08 янв. 1860 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2263/1/A1860__45.pdf. - Дата доступа - 11.01.2021

7. Уголовный кодекс Дании от 15 апр. 1930 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.legislationline.org/download/id/6372/file/Denmark_Criminal_Code_am2005_en.pdf. – Дата доступа – 11.01.2021

8. Рекомендации по имплементации международного права приняты Управлением Организацией Объединенных Наций против коррупции и преступности (UNODC). Ташкент. – 2020. – С.38.

Научный руководитель: О. В. Крышевич,
канд. юрид. наук, проф.

Е. А. Ерофеева

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время миграционные процессы приобретают все более острую проблему во всем мире. Чем больше возрастает проблема миграционных процессов в мире, тем существеннее приобретает значение проблема незаконной миграции.

В связи с тем, что Республика Беларусь обладает особым географическим положением, проблемы незаконной миграции в республике имеют большое значение, поскольку способы совершения преступления с каждым годом совершенствуются.

Следует отметить, что в Республике Беларусь в последние годы не проводились углубленные исследования квалифицирующих признаков организации незаконной миграции.

Анализ статьи 371-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) показывает, что со стороны законодателя не в полной мере учтены объективные факторы действительности, которые влияют на формирование конструкции основного состава преступления. Непосредственным объектом данного состава преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением защиты государственной границы и нормального функционирования государственных органов в сфере миграционных процессов.

В свою очередь, объективная сторона преступления, предусмотренного ч.1 ст.371-1 УК характеризуется следующими альтернативными действиями:

1. Организация деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь.

2. Руководство деятельностью по незаконному въезду в Республику Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь.

3. Содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь [1].

Анализ данных альтернативных действий говорит нам о том, что наиболее общественно опасным является именно организация деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь.

Приведем пример из следственной практики: «В Брестском районе 5 ноября в лесном массиве вблизи границы с Польшей при поддержке ОМОН и пограничников были задержаны двое граждан Украины 1980 и 1986 годов рождения. «За денежное вознаграждение они организовали пребывание на территории Беларуси и въезд в Польшу гражданина Алжира 1992 года рождения для дальнейшего его следования в страны Западной Европы».

«По версии следствия, двое белорусов на чердаке дома в одной из деревень Брестского района организовали тренировочный зал, где обучали восьмерых индусов передвигаться по канату. Затем в условленный день группу вывезли на автомобиле к границе. Один организатор канала находился на белорусской стороне, второй – на польской. Над

сигнализационной системой, они натянули трос, привязав его к деревьям по обе стороны границы и начали переправлять нелегалов. Однако трос провис и один из индусов зацепил ногой забор, сработала сигнализация. Подоспевший наряд задержал нарушителей границы, а организаторы канала поспешили скрыться. Вскоре личность обоих была установлена. Житель Брестского района был задержан, а его поделщик, который находился по другую сторону Буга, объявлен в розыск. Суд Брестского района признал 28-летнего молодого человека виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 371-1 Уголовного кодекса (организация незаконной миграции), и приговорил к четырем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии усиленного режима с конфискацией имущества» [2].

Данное преступление имеет конструкцию формального состава и признается оконченным с момента совершения одного из альтернативных действий, наступление последствий не требуется.

Следует также отметить, что ни в УК, в примечании не имеется определения понятию организация незаконной миграции. В качестве альтернативных действий в самой диспозиции, как было сказано выше, указано три действия, организация, руководство, содействие. Вместе с тем, законодателем не определено что следует понимать под данными действиями.

Подобный факт дает возможность правоприменителю чрезмерно широко толковать данное понятие, что вызывает на практике существенные трудности при квалификации действий, предусмотренных ст.371-1 УК.

В юридической литературе существует мнение о том, что под организацией незаконной миграции следует понимать процесс упорядочения экономической, технической, социальной, психологической и правовых структур деятельности незаконных мигрантов, а также лиц, способствующих их незаконной миграции, которая может быть выражена в разработке преступного замысла, подборе организатором соучастников для реализации преступного замысла, координация действий, реализация незаконной миграции с учетом всех необходимых механизмов (финансовых средств, технических средств и т.д.)

В следственной практике также зачастую имеют место случаи, когда под признаки состава преступления, предусмотренного ст.371-1 УК подпадают деяния лица по оказанию «помощи» незаконным мигрантам с целью их непосредственного нахождения на территории Республики Беларусь уже после их законного въезда, когда закончен срок временного пребывания на территории Республики Беларусь.

Так, «Барановичская межрайонная прокуратура поддержала в суде государственное обвинение по уголовному делу в отношении индивидуального предпринимателя, которому инкриминировано содействие в незаконной миграции иностранных граждан. Мужчина якобы для работы у него продавцами помог 10 гражданам Узбекистана с получением, а в некоторых случаях продлением специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Беларуси. При этом он изначально знал, что иностранцы не планировали у него трудоустроиваться. Их целью было получить разрешения на временное проживание, по которым они могли легально находиться в стране. За оказанную услугу иностранные граждане передавали ИП спиртное, одежду и продукты питания. В судебном заседании обвиняемый признал свою вину в полном объеме. Он пояснил, что с гражданами Узбекистана знаком с 1997 года, когда те проживали на съемном жилье по соседству. В последующем они предложили ему заключать трудовые договоры. При этом фактически обвиняемый предпринимательскую деятельность не осуществлял и продавцы ему не требовались.

С учетом позиции государственного обвинителя суд признал мужчину виновным по ч.1 ст.371-1 (содействие деятельности по незаконному пребыванию на территории страны иностранных граждан) Уголовного кодекса. В качестве наказания ему назначен 1 год 6 месяцев ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа» [3].

Также законодатель определил всевозможные ситуации нахождения иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Республики Беларусь через понятие

«нахождение на территории Республики Беларусь», к которому также и относит транзитный переезд через территорию Республики Беларусь. В этой связи к данному понятию относятся действия, если въезд указанных в диспозиции ст. 371-1 УК лиц сопровождался нарушением установленных правил оформления соответствующих документов, предоставляющих право въезда в Республику Беларусь, то он будет считаться незаконным. Следует признать незаконным и въезд в Республику Беларусь по поддельным или чужим документам либо вовсе без документов, а также въезд, сопровождавшийся иными нарушениями законодательства Республики Беларусь.

Организация незаконного въезда может выражаться в любых действиях, направленных на предоставление иностранным гражданам и лицам без гражданства поддельными документами, которые дают право на въезд в Республику Беларусь, осуществление перевозок на ее территории лиц, не имеющих права въезда в Республику Беларусь, всеми видами транспорта, выбор наиболее безопасных маршрутов таких перевозок. Создание различных псевдофирм, под прикрытием которых действуют виновные лица, которые осуществляют организацию незаконной миграции, также следует квалифицировать как организацию незаконной миграции.

Также следует отметить, что организация незаконного въезда на территорию Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства либо их транзитного проезда в первую очередь состоит в том, что виновный совершает действия, которые непосредственно направлены на оказание им различного рода помощи в части пересечения Государственной границы Республики Беларусь.

Основной целью данного действия будет являться постоянное либо временное нахождение иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Республики Беларусь, а также проезда через территорию в другие государства. В литературе обстоятельства и действия виновных, которые предшествуют организации незаконной миграции классифицируют:

- обстоятельства, которые обеспечивают жизнедеятельность иностранных граждан и лиц без гражданства;
- обстоятельства, способствующие пребыванию иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь и их транзиту через ее территорию [4, с. 77].

Таким образом, с учетом вышесказанного можно сделать вывод о том, что в ст.371-1 УК отсутствует единообразный подход к определению понятия организация незаконной миграции, с учетом особенностей объективной стороны данного состава преступления полагаем, что под организацией незаконной миграции следует понимать противоправную деятельность лица либо группы лиц, которая выражается в совершении действий по созданию или поддержанию условий для перемещения иностранных граждан или лиц без гражданства, организация их незаконного пребывания с нарушением установленного в Республике Беларусь порядка пребывания на территории государства иностранных граждан или лиц без гражданства или их транзитный проезд, либо непосредственно руководство данной деятельностью.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 2008 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.11.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Канал незаконной миграции пресекли в Брестском районе [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/incident/view/kanal-nezakonnoj-migratsii-presekli-v-brestskom-rajone-324778-2018/>. – Дата доступа: 30.01.2021.
3. Предприниматель из Барановичей фиктивно трудоустроивал знакомых из Узбекистана [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/>

incident/view/predprinimatel-iz-baranovichej-fiktivno-trudoustraival-znakomyh-iz-uzbekistana-351379-2019/. – Дата доступа: 30.01.2021.

4. Байбурина, Э. Р. Объективные признаки организации незаконной миграции / Э. Р. Байбурина // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Право. – 2009. – № 36. – С. 75–78.

Научный руководитель: Г. И. Займист,
канд. юрид. наук, доц.

О. В. Качалова

д-р юрид. наук, доц.

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ

Активно протекающий процесс цифровой трансформации всех сфер общественной жизни, в том числе, сферы правового разрешения социальных конфликтов, получил мощный импульс в развитии в условиях распространения по всему миру пандемии коронавирусной инфекции, когда многие процессы перешли из реального в онлайн формат, многократно приумножив цифровую реальность.

К числу основных современных направлений в развитии правового цифрового пространства, оказывающих влияние на развитие национальных правовых и судебных систем следует отнести:

1 Развитие электронных сервис-услуг (доступа к правосудию и оптимизации процесса разрешения конфликта).

Например, с 2017 года в судах Казахстана запущен сервис «Мобильный судебный кабинет». Он преимущественно рассчитан на гражданские процессы и позволяет лично не присутствовать на процессах. Участникам достаточно установить приложение на мобильный телефон и в нужный момент выходить на связь, даже находясь за границей. Во время пандемии коронавирусной инфекции более 90 % судебных процессов в Республике Казахстан были проведены по видеоконференцсвязи [1]. В Бразилии в рамках проекта «Открытые двери» при поддержке ООН разработаны мобильные приложения, обеспечивающие доступ к судебным сервисам для лиц с ограниченными возможностями (предусматриваются встроенные функции увеличения текста, программы распознавания речи, вибрации для слабослышащих и т.п.).

2 Использование искусственного интеллекта в правосудии

К числу сервисов, разработанных на основе искусственного интеллекта, и уже успешно функционирующих во многих странах, можно отнести:

1) поисковые системы прецедентного права;

2) помощь в составлении документов – генератор исков и т. д. ;

3) анализ (прогнозный, оценочный) возможного судебного решения.

Нередко от того, насколько высока вероятность удовлетворения иска зависит сам факт его подачи. Программы позволяют количественно оценить эту вероятность с помощью новых технологических приложений. Принимающие решения государственные органы рассматривают это как возможность более эффективно регулировать поток новых судебных процессов и обзавестись рычагом сокращения текущих судебных расходов. Автоматизированное определение рисков того, будет ли иск удовлетворен или отклонен, позволяет побудить стороны обратиться к альтернативным методам регулирования споров (примирение, медиация, арбитраж и т.д.).

4) «чатботы» для информирования сторон в судебном процессе или оказания им поддержки в ходе судебных разбирательств.

На электронных платформах разрабатываются инструменты для досудебного разрешения спора (заявители проходят через автоматизированную диагностику спора путем постановки ряда вопросов, которые обрабатываются машиной, в результате чего появляются предложения по его разрешению). Такой сервис может успешно использоваться при разрешении уголовно-правовых споров, отнесенных к категории частного обвинения.

5) Важным направлением в применении искусственного интеллекта в правосудии является *создание сервисов, облегчающих составление судебных решений*. По ключевым фразам могут связываться различные источники, необходимые для принятия и обоснования решения (Конституция и конвенции, законы, судебная практика и т.д.). В режиме онлайн могут быть сгенерированы отдельные шаблоны документов [1].

6) Перспективным направлением представляется *разработка программы «юридической арифметики»*, осуществляющей помощь судьям в исчислении срока наказаний при применении положений Общей части УК (льготных, усиленных и смешанных санкций).

7) *Технологии блокчейн* могут использоваться для отслеживания ареста на имущество и ценные бумаги, приводов, арестов, судимостей, правонарушений, собственности и т.д., упрощая поиск информации, создавая унифицированную систему для всех документов и форм, интегрируя существующие базы данных.

3. Урегулирование споров в режиме онлайн.

Все страны сталкиваются с повторяющимися малозначительными спорами. Идея облегчения работы в подобных процессах с помощью информационных технологий и перенос их из судов на электронные платформы получила широкое распространение. Великобритания, Нидерланды, Латвия, Казахстан, Сингапур, Китай, США уже внедрили или планируют внедрить такие более или менее автоматизированные решения.

Они применяются чаще всего для разрешения мелких гражданских и налоговых споров, а также споров, связанных с социальным обеспечением или бракоразводным процессом. Так, например, в Сингапуре действуют электронная платформа (без участия судей); платформа электронной медиации (стороны в определенное время выходят в онлайн, в медиации принимает участие медиатор-волонтер, который помогает разрешать спор, а решение генерируется онлайн). В США активно применяются программы трибунал-сервиса в мобильных устройствах: до 70% мелких споров рассматриваются в он-лайн формате без человеческого участия. В Китае широкое распространение получают интернет суды, посредством которых рассмотрено уже около 28 млн. дел. Споры, связанные с осуществлением электронной торговли, рассматриваются на платформах агрегаторов: Ali baba, E-bay, Amazon и др. Когда стороны спора выходят на платформу урегулирования споров в режиме онлайн, они должны быть четко и понятно информированы о том, осуществляется ли рассмотрение их спора полностью автоматизированным образом или же с участием посредника или арбитра [2, с. 293].

Если лица заходят на частую платформу урегулирования споров, информация, предоставляемая сторонам, не должна создавать впечатления обращения в суд. Это позволит сторонам сделать осознанный выбор, и, возможно, принять решение обратиться в реальный суд. Всегда следует предусматривать формы пересмотра процедуры урегулирования споров в режиме онлайн и ее результатов государственными судами.

Применение цифровых технологий в правосудии ставит на повестку для целый ряд серьезных проблем: справедливо ли алгоритм обрабатывает информацию? Остается ли возможен доступ к суду после разрешения спора на онлайн платформе? Какова оптимальная степень интеграции искусственного интеллекта в судебный процесс (от предварительного разбирательства до полноценного решения)? Используются ли он-лайн сервисы под контролем суда либо его заменяют? Стоит ли использовать искусственный интеллект только для того, чтобы составить ориентиры или для того, чтобы смоделировать будущее решение? Являются ли обязательными для исполнения

принимаемые таким образом решения? Не нарушаются ли при таком разрешении споров права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Европейской Конвенции) и эффективность правовой защиты (ст. 13 Европейской Конвенции)? Ответы на эти вопросы еще предстоит выработать.

Согласно Европейским стандартам (Конвенция Совета Европы о защите физических лиц в связи с автоматизированной обработкой персональных данных от 28 января 1981 года, Хартия, устанавливающая этические принципы, касающиеся использования искусственного интеллекта в судебных системах от 3-4 декабря 2018 г. и др.) каждый имеет право не подвергаться существенному воздействию решения, которое было вынесено исключительно на основе автоматической обработки данных без учета его точки зрения; право оспорить это решение, изложив свою точку зрения и аргументы; иметь возможность доказать возможную неточность персональных данных до их использования, несоответствие профиля, который будет применяться к его конкретной ситуации, или другие факторы, которые окажут влияние на результат автоматизированного решения. Это особенно касается тех случаев, когда применение алгоритмического рассуждения приводит к ограничению права, отказу в предоставлении социальных благ или возможности их получения исключительно на основе программного обеспечения. Лицо также имеет право получать по его запросу обоснование, лежащее в основе обработки данных, последствия этой аргументации и выводы, которые могли быть сделаны из нее, в частности, при использовании алгоритмов для автоматизированного принятия решений, а именно - в контексте профилирования.

Еще одной важной проблемой, касающейся влияния цифровой реальности на работу судов, в первую очередь, при рассмотрении уголовных дел является «хайп» и скандализация правосудия в соцсетях и СМИ относительно рассмотрения резонансных дел и работы судов. С этим сталкиваются практически все страны мира, громкие заявления и обсуждения в ток-шоу фигурантов уголовных дел и совершенных ими деяний приводят к тому, что на момент поступления уголовного дела в суд общественное мнение уже сформировано, причем, как правило, предвзято и искаженно. В таких условиях не каждый судья может противостоять мнению общественности, вынесенные решения подвергаются критике ввиду непонимания причин, по которым суд принял его – ведь в сознании граждан обстоятельства дела уже давно установлены на ток шоу и постами в соцсетях.

В России судьям рекомендуют быть осмотрительными и сдержанными при участии в социальных сетях, помнить о том, что публичное представленное личное мнение о конкретных случаях может рассматриваться как официальное [3]; судьи не комментируют принятых решений. Иным путем пошел Казахстан: реализация идеи о том, что открытость судебной системы – важнейшее условие доверия общества – привела к новациям в данной сфере. В соцсетях создано около 2 тысяч аккаунтов, в которых представители судов и судьи отвечают на вопросы граждан, могут комментировать принятые решения; после принятия решений по резонансным делам проводятся брифинги. Таким образом суд становится доступным для населения. Созданы Пресс-центры, координирующие работу пресс-служб судов; работу судов и реформирование судебной системы освещают телепроекты и ролики, адресованные широкому кругу граждан.

Список цитированных источников

1. Казахстанцы могут обратиться в суд с любого гаджета. URL: <http://sud.gov.kz/rus/news/kazahstancy-mogut-obratitsya-v-sud-s-lyubogo-gadzheta> - Дата доступа: 24.01.2021

2. Углубленное исследование вопроса использования искусственного интеллекта в судебных системах. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> - Дата доступа: 12.01.2021

3. Качалова, О. В. Качалов, В. И. Клиентоориентированность судов – новый мировой тренд / О. В. Качалова, В. И. Качалов // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях в условиях пандемии: коллективная монография. Казань: Отечество, 2020 – 415 с.

4. Судей призвали осмотрительнее добавлять друзей и ставить лайки соцсетях. URL: <http://rapsinews.ru/publications/20201026/306435159.html> - Дата доступа: 23.01.2021

К. А. Киш

О. О. Полещук

Белорусский государственный экономический университет

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ТРУДАХ В. Д. СПАСОВИЧА

Тут же, сейчас же явился и защитник, знаменитый Фетюкович, и как бы какой-то подавленный гул пронесся в зале. Он был во фраке и в белом галстуке...». Так великий русский писатель Ф. М. Достоевский описывал в «Братьях Карамазовых» появление адвоката, прообразом которого стал выдающийся русский юрист Владимир Данилович Спасович [1, с. 108].

Наука уголовного процесса в своем развитии проходит через плоскость множества проблем, возникающих как при принятии закона, так и при реализации его на практике. Некоторые вопросы с течением времени не теряют своей актуальности. Среди подобных значимое место занимают этические основы уголовного процесса. Особую роль в развитии данной сферы сыграл наш соотечественник, известный как «король русской адвокатуры», – Владимир Данилович Спасович (1829 – 1906 гг.).

В. Д. Спасович – видный ученый-криминалист, родоначальник классической школы уголовного права в России, профессор уголовного права в России, автор первого в России учебника по уголовному праву, многочисленных трудов по уголовному процессу, нравственным основам деятельности адвоката, прокурора, судьи, участник многих знаменитых процессов второй половины XIX века [2, с. 69].

Идеи Владимира Даниловича, составляющие его концепцию об этических основах уголовного процесса, именуется им как «учение о справедливости», которое включает положения, содержащиеся в его лекциях, читаемых еще в годы преподавания в Санкт-Петербургском университете, знаменитом «Учебнике уголовного права» (1863 г.), а также в судебных речах. Последние неоднократно переиздавались и в годы советской власти, что позволяет судить о их многолетней популярности.

Владимир Данилович в своих работах зачастую подчеркивал необходимость построения уголовного закона на основании принципов гуманизма, справедливости, равенства, ценности прав и свобод человека, уважения к достоинству личности. Этические взгляды В. Д. Спасовича тесно связаны с идеями, обозначенными в сфере материального права и являются их логическим продолжением.

В действительности, центральное место как в уголовном праве, так и уголовном процессе, по мнению В. Д. Спасовича, занимает категория справедливости. Рассматривая ее как фундамент этической основы, Владимир Данилович отмечал, что именно она является качеством, постоянно присущим человеческому обществу, регулятором человеческого общежития.

Спасович проводил параллели между развитием нравственных начал в уголовном процессе и тем, как меняется процессуальный статус лица, совершившего преступление, его права и обязанности.

В. Д. Спасович впервые на территории Российской империи ввел в уголовное право наряду с правовыми и нравственные характеристики обвиняемого, которые

способствовали установлению истины в судебном заседании. Актуальность данной проблематики во многом была обусловлена активным развитием естественных наук и как следствие – появлением антропологической школы уголовного права и криминологии, представители которой рассматривали преступление как вполне естественное явление. Так как совершение противоправного деяния становится ожидаемым событием, последователи антропологической школы уголовного права считали необходимым принять в отношении потенциального преступника соответствующие меры безопасности или же лечения. Последствием такой концепции явился полный отказ от закона и нравственности в противодействии преступности, что, по мнению Владимира Даниловича, являлось абсолютно недопустимым.

В. Д. Спасович акцентировал внимание на том, что этическая составляющая должна быть присуща всем стадиям уголовного процесса и деятельности всех его участников, однако особое значение, по его мнению, она приобретает в деятельности судьи. Владимир Данилович негативно относился к сформированному итальянской школой права положению о том, что статус судьи тождественен статусу хирурга при операции, разрешающего дела без эмоций. «Король русской адвокатуры» указывал, что юстиция не была и никогда не будет столь безучастна к судьбе своего пациента – это противно ее общественному назначению и функции общества награждать добрых и карать злых [3, с. 65].

Также Владимир Данилович отмечал, что моральной оценке должна подвергаться и деятельность прокурора, который обозначается как «указатель и толкователь законов, орган теории законных доказательств, не участвующий непосредственно в решении дела подачею голоса, но вооруженный правом протеста и переноса дела в высшую инстанцию» [3, с. 140]. Активность прокурора направлена преимущественно на воссоздание главных фигур данного процесса. Спасович считал, что решение функциональной задачи, поставленной перед прокурором в судебном заседании, обеспечивается только при его строгой нравственной дисциплине, согласно которой интересы общества и достоинство обвиняемого защищаются в равной мере и с одинаковым усердием.

Особую новизну представляли идеи о необходимости участия в судебном заседании присяжного поверенного, который бы уравнивал крайне неблагоприятное положение обвиняемого и преимущества прокурора в виде знаний и предоставленных полномочий.

Не обошел стороной Владимир Данилович в своих лекциях и вопросы наиболее близкие к его деятельности – вопросы адвокатуры. Так, Спасович зачастую отмечал, что адвокатура необходима для осуществления правосудия, справедливости. Кроме того, репутация адвоката не должна быть очернена обстоятельствами, являющимися как из самого процесса, так и за его пределами. Защитник не должен исполнять роль слуги обвиняемого, пособника в избежании справедливого наказания. Нельзя не согласиться с такой идеей. Ведь во многом адвокатская деятельность – это еще и общественное служение!

Большинство изложенных профессором прогрессивных разработок и предложений были использованы при реализации судебной реформы 1864 г., идейным вдохновителем которой и стал Владимир Данилович. Этические основы уголовного процесса, разработанные Спасовичем, и сегодня служат базисом формирования нравственных основ деятельности судей, прокуроров, адвокатов, являются отличным подспорьем при подготовке будущих юристов.

Список использованных источников

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Москва : Эксмо, 2019. – 511 с.
2. Шалькевич, В. Владимир Данилович Спасович : (к 180-летию со дня рождения) / Владислав Шалькевич // Законность и правопорядок : правовой научно-практический журнал. – 2009. – № 1. – С. 69 – 72.

3. Спасович, В. Д. Избранные труды / В.Д. Спасович. – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2015. – 320 с.
4. Спасович, В. Д. Новые направления в науке уголовного права / В. Д. Спасович. – М.: Тип. т-во И. Д. Сытина, 1898. – 139 с.
5. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права. - С.-Пб.: Тип. И. Огризко, 1863 – 438с.

В. В. Конин

канд. юрид. наук, доц.

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Любое общество заинтересовано в том, чтобы жить в безопасной среде, и, соответственно, в уменьшении либо полном искоренении совершаемых преступлений. Таким образом, расследуя уголовное дело и устанавливая все обстоятельства совершенного преступления, дознаватель и следователь действуют в интересах общества. Планирование расследования позволяет наиболее эффективно добиться положительного результата.

Деятельность государства по борьбе с преступностью всегда ведется в рамках правил, установленных государством. Эти правила устанавливаются действующим законодательством, которое, ориентируясь на нормы международного права, общечеловеческие ценности, в той или иной мере ограничивают произвольную деятельность органов, осуществляющих борьбу с преступностью, с одной стороны, но вместе с тем, с другой стороны создают систему, позволяющую более эффективно бороться с преступностью.

Возбуждение уголовного дела необходимо рассматривать как один из способов реагирования государством на совершенное преступление.

Деятельность дознавателя и следователя по расследованию преступлений в рамках возбужденного уголовного дела, также является способом реагирования государства на совершенное преступление, которое носит не только характер репрессии за совершенное противоправное деяние, но и превентивный характер для остальных членов общества. Именно поэтому эффективная деятельность органов по борьбе с преступностью позволяет снизить уровень преступности, поскольку неотвратимость наказания удерживает некоторых членов общества от попыток противоправной деятельности.

Оперативно-розыскные и следственные действия не являются простой совокупностью различных, возникших на разных этапах государственной деятельности в сфере обеспечения правопорядка институтов. Они образуют определенную систему норм, закрепленных в законах, регулирующих оперативно-розыскную деятельность на стадии доследственной проверки информации о преступлении, и уголовно-процессуальную деятельность на досудебной стадии и в стадии судебного разбирательства.

Система как оперативно-розыскной, так и уголовно-процессуальной деятельности, обладает внутренним единством, и нацелена на достижение запланированного результата. В рамках оперативно-розыскной деятельности запланированным результатом будет установление лица, совершившего преступление, розыск и установление свидетельской базы, поиск и выявление доказательств, свидетельствующих о причастности лица к совершенному преступлению. В рамках уголовно-процессуальной деятельности достижение результата означает установление всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, процессуальное закрепление доказательственной базы, неопровержимо свидетельствующей о виновности лица в совершении преступления, выдвижение обоснованного обвинительного тезиса и направление уголовного дела в суд для

рассмотрения по существу, и вынесение судом законного и обоснованного приговора, как обвинительного, так и оправдательного.

Вопросам эффективного расследования уголовного дела посвящена четвертая часть раздела криминалистики, которая называется «Методика расследования отдельных видов преступлений». Именно в этой части рассматриваются и предлагаются следователю и дознавателю алгоритм расследования, указывается на специфичность предмета доказывания по каждому отдельному виду преступлений, поскольку предмет доказывания получения взятки существенно отличается от предмета доказывания разбоя, хотя у обоих преступлений имеются общие черты, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

Методика расследования отдельных видов преступлений обладает универсальностью как к объектам исследования, так и методам исследования.

Однако, в настоящее время, по ряду как объективных, так и субъективных причин, достаточно значительно снизилась эффективность деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование.

Анализ изученных архивных уголовных дел, расследованных как в период действия УПК РСФСР 1960 года, так и в период действия УПК РФ 2001 года, позволяет сделать достаточно интересные выводы.

Первое впечатление, которое складывается на основе проведенного анализа, позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время многие практические наработки и рекомендации, которыми руководствовались следователи в период действия УПК РСФСР 1960 года, в настоящее время забыты, и не применяются в практической деятельности следователей.

Проведенный в рамках работы над статьей опрос следователей показал, что в настоящее время следователи не составляют план расследования по уголовному делу, а по уголовным делам, в которых не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не проводится детальный анализ имеющейся информации, не выдвигаются версии, не составляется план проверки версий. И так, практически, по всем рекомендациям. Научные наработки по тактике расследования уголовного дела, по тактике проведения отдельных следственных действий, следователями практически не принимаются во внимание. Все это объясняется отсутствием времени, большой загруженностью в работе. Но, сложилось мнение, что указанные недостатки вызваны в том числе и отсутствием достаточного опыта расследования уголовных дел, отсутствием заинтересованности со стороны следователей в профессиональном развитии (не все из опрошенных следователей планировали развивать свою дальнейшую профессиональную карьеру в органах предварительного следствия).

Между тем, наука уголовного процесса и криминалистики в период действия УПК РФ 2001 года, с учетом изменения парадигмы уголовного судопроизводства, вызванной изменениями в обществе, нарабатывала достаточно большое количество рекомендаций, знание и применение которых в практической деятельности значительно облегчает работу следователя, и повышает ее эффективность.

В качестве одной из причин понижения качества расследования можно назвать недостаточную подготовку в планировании хода расследования преступления. Как известно, любое планирование, в том числе и такой специфической деятельности, как расследование преступлений, всегда базируется на двух основных составляющих: индивидуальность и динамичность. Любое преступление всегда индивидуально, даже если оно и совершается серийно (например, серия квартирных краж, серия получения взяток и т.д.). Соответственно, планируя расследование, следователь обязательно должен иметь в виду те особенности, которые отличают один преступный эпизод от другого, и выяснять, чем вызвано это отличие. Так, например, в ходе расследования уголовного дела по факту получения взяток, было установлено, что первые три эпизода получения денежных средств подозреваемым, а впоследствии обвиняемым было осуществлено в служебном кабинете, а последующие два эпизода в кафе и на улице. Следователь не

выяснил, в связи с чем сложилась подобная ситуация. Но, на это обратил внимание государственный обвинитель, и в ходе судебного разбирательства попытался это выяснить. Как пояснил подсудимый, ему показалось, что его сослуживцы стали догадываться о характере его взаимоотношений с клиентами, и он вынужден был начать встречаться с ними в других местах. Вызванные по инициативе государственного обвинителя в судебное заседание сослуживцы обвиняемого подтвердили, что они догадывались о его незаконной деятельности, и видели, как он принимал конверты от посетителей после того, как принимал положительное для посетителей решение. Несмотря на то, что в ходе предварительного расследования эти свидетели не были допрошены, суд принял во внимание их показания, что и было отражено в приговоре.

Динамичность планирования позволяет наиболее эффективно реагировать на изменение ситуации расследования. Так, если версия о виновности подозреваемого в совершении преступления опровергается, то дознаватель либо следователь должны исключить не подтвердившуюся версию, выдвинуть новую версию, разработать план ее проверки посредством проведения необходимых оперативно-розыскных и следственных действий, и приступить к реализации плана посредством дачи отдельного поручения органу дознания на производство оперативно-розыскных действий, и производства следственных действий, которые актуальны в сложившейся следственной ситуации.

Полагаем необходимым отметить, что весь процесс расследования состоит из:

- выдвижения версии;
- собирания фактических данных, имеющих отношение к расследуемому преступлению;
- анализ и оценка собранных фактических данных (необходимо иметь в виду, что не все фактические данные, полученные дознавателем или следователем в дальнейшем приобретут статус доказательств);
- оценка выдвинутых версий на основе анализа и оценки собранных фактических данных;
- поиск и проверка новых фактических данных, подтверждающих либо опровергающих выдвинутые версии;
- в случае подтверждения выдвинутой версии формирование дознавателем либо следователем обвинительного тезиса;
- в случае не подтверждения выдвинутой версии, выдвижение новой версии на основе анализа собранных фактических данных, и последующая проверка.

Таким образом, именно тщательное планирование позволит наиболее эффективно расследовать уголовное дело, что в дальнейшем позволит реализовать принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление, и воспитательное воздействие на других членов общества.

О. В. Крышевич

канд. юрид. наук, проф.

И. В. Ершова

канд. юрид. наук, ст. научный сотрудник

Национальная академия внутренних дел Украины

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТИРОВАНИЯ

Мировое сообщество идет путем постоянной трансформации в любых сферах человеческой жизни, т.к. общественно-политический и государственный строй, развитие современных технологий коренным образом изменяют содержание соответствующих экономических отношений. Сегодня существует одна из основных задач законодательной

реформы мошенничества и выделения его специальных видов, при этом необходимость учета в уголовной ответственности за мошенничество новых преступных схем обманного получения имущества (связаны со сферой обманных действий: мошенничество в кредитовании, при получении выплат, с использованием платежных карт, в сфере предпринимательской деятельности, в сферах страхования и компьютерной информации); дальнейшая дифференциация уголовной ответственности за мошенничество; обеспечение на должном уровне защиты интересов пострадавших от мошенничества граждан. Любое из мошенничеств располагает специальными составами вслед за классической нормой об уголовной ответственности за мошенничество и использует именно этот термин для обозначения преступления, предполагает традиционные же способы - обман и (или) злоупотребление доверием. Преступник при совершении мошенничества получает имущество фактически из рук потерпевшего, который им введен в заблуждение и действует под его - заблуждения - влиянием. Обман может быть описан в диспозиции статьи, а может подразумеваться, поскольку законодатель употребляет общее понятие-мошенничество.

Сегодня на рынке сформировалась культура мошенничества, которая является одной из причин, сдерживающих кредитование, так как заемщики все чаще пытаются добиваться неуплаты по кредитам и злоупотребляют этим, однако существует ряд оснований, по которым таких неплательщиков можно привлечь к уголовной ответственности, это предусмотрено статьями Уголовного кодекса Украины [1]. В целом в Украине этот вид злоупотребления является достаточно распространенным не только среди клиентов - физических лиц, но и представителей малого и среднего бизнеса. Действия, которые могут быть признаны мошенничеством это и предоставление банку ложных данных о балансе предприятия, о финансовых показателях бизнеса, а также неверные данные о заработной плате и махинации с залоговым имуществом, когда заемщик завладел чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием и передал его в залог. Недостоверность информации, полученной от заемщика, на первом этапе устанавливается внутренними службами банка. Обычно проверку документов и предварительное расследование, до обращения банка в правоохранительные органы, проводят департаменты безопасности и управления рисками, подразделение по работе с проблемной задолженностью, а также по верификации кредитных решений. В случае судебного разбирательства проводится дополнительная проверка документов органами досудебного расследования. Согласно ст. 190 КК Украины в зависимости от «тяжести» дела (объема нанесенного ущерба) такие действия могут повлечь штраф до 50-ти необлагаемых минимумов доходов граждан, исправительные работы на срок до 2-х лет или ограничение свободы на срок до 3-х лет. Однако если мошенничество было совершено в крупных размерах - ущерб составляет больше 6 тыс. необлагаемых минимумов граждан или путем незаконных операций с использованием компьютерной техники, то речь может идти о лишении свободы на срок до восьми лет. При особо крупных размерах - ущерб более 18 тыс. необлагаемых минимумов граждан, - или при мошенничестве, совершенном организованной группой из нескольких человек, наказание предусматривает лишение свободы на срок от 5-ти до 12-ти лет с конфискацией имущества.

Банк может привлечь заемщика к ответственности в случае подделки документов, штампов и бланков, а также их сбыта (ст.358 УК Украины), за незаконные действия в отношении залогового имущества, или такого, на которое наложен арест, которое описано или подлежит конфискации (ст. 388 УК Украины), а также за мошенничество (ст. 190 УК Украины) и невыполнение судебного решения (ст. 382 УК Украины). При установлении службой безопасности банка вышеописанных случаев дело по инициативе такого финучреждения переходит в компетенцию Национальной полиции Украины, которая проводит расследование и может привлечь недобросовестного заемщика к уголовной ответственности. Если у физических лиц и предпринимателей ответственность несет сам

заемщик, то в случае с юридическими лицами она возникает в первую очередь у должностных лиц с правом подписи. Как правило, невозврат денег по договору (кредита, займа) лежит в сфере регулирования гражданского права. Но кредитора, так и у должника, не имеющего возможности или желания выплачивать проценты и тело кредита, вызывает возможность и основания для привлечения должника к уголовной ответственности за нарушение обязательств по кредитному договору. Необходимо отметить, что Уголовный кодекс (УК) Украины не предусматривает ответственности за, собственно, факт невозврата долга. То есть данное деяние не является уголовно наказуемым. В данном случае можно говорить исключительно о гражданско-правовой (хозяйственно-правовой) ответственности должника, не исполняющего или исполняющего договор ненадлежащим образом. И только в случае неисполнения решения суда существует возможность применить к виновным лицам статью 382 УК Украины (умышленное неисполнение приговора, решения, определения, постановления суда, которое вступило в законную силу). Если в действиях лица имеются признаки состава преступления либо умысел на хищение (предположим, что лицо не намеревалось возвращать долг), или умысел на мошенничество с кредитными ресурсами, то в этом случае может быть возбуждено уголовное дело и такие составы преступлений прямо предусмотрены УК Украины, поэтому невозможно однозначно утверждать, что невозврат денег по кредитному договору не является поводом для возбуждения уголовного дела. Умысел как на квалифицирующий признак, если лицо берет кредит с конкретной целью - для целевого использования с дальнейшим потреблением или в обороте и потом, соответственно, возвратом средств, то, конечно, это исключительно гражданские правоотношения. В случае невозврата денег по кредитному договору основным признаком преступления является умысел - должник должен заведомо умышленно брать средства с целью их невозврата. Если кредитные отношения возникли между физическими лицами, при возбуждении уголовного дела следует учитывать такие факторы, как характер отношений между сторонами и кредитную историю должника.

Мошенничество в сфере кредитования определяется как хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Однако ложь в информации и (или) документах - традиционный и давно известный способ мошенничества классического, который в ряде случаев требует дополнительной квалификации, если подделываются документы или используются поддельные документы. Как и мошенничество вообще, квалифицированное мошенничество в сфере кредитования - это всегда хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, совершение хищения путем предоставления заемщиком кредитору (банку или иному кредитному учреждению) заведомо ложных и недостоверных сведений. Ими может быть любая фактическая информация, оговоренная условиями предоставления кредита и официально переданная заемщиком или его представителями кредитору. Согласно ст. 222 УК Украины устанавливает уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат, т.е. за хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Здесь мы встречаемся с двумя разновидностями традиционного обмана: кроме указанного в первой специальной норме документального (или информационного) обмана, еще обманом путем умолчания об истине. Отличие между этими преступлениями состоит в наличии или отсутствии признаков хищения. В этих случаях, когда умысел на невозвращение кредита существовал уже в момент заключения кредитного договора, имеет место мошенничество. А в тех случаях, когда такой умысел отсутствовал, имеет место незаконное получение кредита. Отличие между этими преступлениями состоит в наличии или отсутствии признаков хищения. В этих случаях, когда умысел на невозвращение кредита существовал

уже в момент заключения кредитного договора, имеет место мошенничество, а в тех случаях, когда такой умысел отсутствовал, имеет место незаконное получение кредита. Мошенничество с использованием платежных карт (ст. 190 УК Украины) есть хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Если не принимать во внимание средство совершения преступления (платежную карту), то ничего нового в схеме преступного обманного завладения чужим имуществом нет и в этой норме, хотя в уголовном законодательстве других государств (например, в Китае) данный состав прописан более подробно.

Признак злоупотребления доверием в Уголовном кодексе Литовской Республики не указан. В качестве специфического обстоятельства необходимо отметить, что некоторые страны СНГ обязательным условием возбуждения уголовного дела за совершение простого мошенничества в отношении близкого выделяют заявление потерпевшего или его близких родственников (Армения, Беларусь). Положительным моментом уголовного законодательства Беларуси является то, что за совершение простого мошенничества преступник может быть освобожден от уголовной ответственности и условиями освобождения преступника от уголовной ответственности являются: 1) явка с повинной в правоохранительные органы; 2) активное содействие выявлению преступления; 3) полное возмещение причиненного ущерба. Однако Уголовный кодекс КНР, принятый 5-й сессией Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва 14 марта 1997 года и вступивший в силу 1 октября 1997 года, выделяет в качестве самостоятельных составов преступлений накопление капитала мошенническими противозаконными способами в целях незаконного владения данным капиталом в сравнительно крупном размере (ст. 192), получение в банке или иной финансовой организации мошенническим путем кредита на сравнительно крупную сумму в целях незаконного владения капиталом (ст. 193), осуществление мошеннической деятельности с финансовыми векселями (ст. 194), с аккредитивами (ст. 195), с кредитными карточками в сравнительно крупном размере (ст. 196), осуществление мошеннических действий с использованием фальсифицированных, поддельных государственных облигаций и иных выпущенных государством ценных бумаг в сравнительно крупном размере (ст. 197), мошенничество в области страхования в сравнительно крупном размере (ст. 198), хищение специальных квитанций об уплате НДС или других квитанций, которые могут быть использованы для возврата обманным путем экспортной пошлины и для компенсации (возврата) налогов (ст. 210) [1]. Китайский законодатель, так же как и российский, выделил их в отдельные статьи с целью придания значимости указанным составам ввиду распространенности их совершения и общественной опасности. уголовно-правовые составы (ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ) необходимо понимать «как специальные разновидности общего состава мошенничества», закрепленного в ст. 159 УК РФ. Тем самым нашла подтверждение позиция, согласно которой юридическая модель ст. 159 УК РФ является матрицей для производных от неё новых юридических конструкций и в совокупности с ними образует правовое поле для борьбы с мошенничеством, совершаемым в различных сферах деятельности [2]. В связи с этим профессор Н.А. Колоколов справедливо отметил, что увеличившееся число норм, по сути, касается одних и тех же действий, хотя и совершаемых в разных сферах [2]. Для квалификации мошенничества по ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ фактические обстоятельства содеянного должны подпадать под признаки составов преступлений, закрепленных в этих статьях. При отсутствии хотя бы одного «специального признака», предусмотренного в «новых» составах, применяется ст. 159 УК РФ. На основании ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, именуемой «Мошенничество в сфере кредитования», этим видом мошенничества признано «хищение денежных средств заёмщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений»; ч.1 ст. 159.2 – «Мошенничество при получении

выплат» – «хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путём умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат»; ч. 1 ст. 159.3 – «Мошенничество с использованием платежных карт» – «хищение чужого имущества, совершённое с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путём обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации»; ч.1 ст.159.4 – «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» - «мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности»; ч. 1 ст. 159.5 – «Мошенничество в сфере страхования» – «хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу» и ч.1 ст. 159.6. названной «Мошенничество в сфере компьютерной информации», под которым понимается «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [3]. Нормы, установленные новыми статьями УК РФ, являются бланкетными, так как в них определяются не все признаки предусмотренных ими преступлений и отсутствующие признаки определяются в других законах или нормативных акт. Основанием дифференциации уголовной ответственности за различные формы проявления мошеннических действий являются объекты преступных деяний, указанные в вышеперечисленных нормах и совпадающие со сферами деятельности, например банковской, ипотечной, страховой.

Список использованных источников

1. Про судову практику у справах про злочини проти власності : Постанова Пленуму Верховного суду України від 6 листоп. 2009 р. № 1 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://scourt.gov.ua>.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <http://law.edu.ru>
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 18. - Ст. 2581.

С. А. Кузьмичёв

начальник отдела анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ, ВЕДУЩИХ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Основания возмещения вреда, причинённого физическому или юридическому лицу незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс, определены в главе 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и статьях 938, 939 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК).

В настоящее время в Республике Беларусь практика возмещения такого вреда не получила широкого распространения, что обусловлено как несовершенством уголовно-

процессуального и гражданского законодательства, так и отсутствием единообразных подходов к определению размера имущественного вреда.

В соответствии с частью 1 статьи 460 УПК фактическим основанием для возникновения права на возмещение является наличие вреда, возникшего на этапе предварительного расследования в результате незаконного задержания, содержания под стражей, домашнего ареста, временного отстранения от должности и помещения в судебно-психиатрический экспертный стационар (психиатрический стационар) [1].

Институт возмещения вреда является межотраслевым, на что указывает часть 2 статьи 460 УПК. В то же время в УПК и ГК вопросы ответственности за причинённый при производстве по уголовному делу вред разрешаются не единообразно, что на практике приводит к неоднозначному их толкованию.

Так, в соответствии со статьёй 939 ГК вред, причинённый гражданину в результате незаконного осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, привлечения в качестве обвиняемого, задержания, содержания под стражей, домашнего ареста, применения подписки о невыезде и надлежащем поведении, временного отстранения от должности, помещения в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение, незаконного наложения административного взыскания в виде административного ареста, исправительных работ, возмещается за счёт казны Республики Беларусь, а в случаях, предусмотренных законодательством, – за счёт казны административно-территориальной единицы в полном объёме независимо от вины должностных лиц органов уголовного преследования и суда в порядке, установленном законодательными актами [2].

Если же вред причинён гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов уголовного преследования и при этом не повлёк последствий, предусмотренных пунктом 1 статьи 939 ГК, он возмещается по основаниям и в порядке, предусмотренном статьёй 938 ГК.

Таким образом, нормы пункта 1 статьи 939 ГК включают основания для возмещения вреда, которые отсутствуют в части первой статьи 460 УПК:

- 1) незаконное привлечение в качестве обвиняемого;
- 2) незаконное применение меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Представляется, что возмещению в рассматриваемом случае подлежит только вред, причинённый действиями, предусмотренными одновременно УПК и пунктом 1 статьи 939 ГК.

Из изложенного следует, что вред, причинённый другими, кроме перечисленных в части 1 статьи 460 УПК, процессуальными действиями и решениями, возмещению в порядке главы 48 УПК не подлежит.

Согласно пункту 2 ст. 969 ГК незаконные привлечение лица в качестве обвиняемого и применение меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении являются основаниями для компенсации морального вреда, которая осуществляется только в порядке гражданского судопроизводства [2].

Данный вывод подтверждается сложившейся судебной практикой. При удовлетворении исковых требований по гражданским делам о возмещении морального вреда суды в качестве оснований указывают на незаконные привлечение в качестве обвиняемого и применение меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Например, решением районного суда одного из областных центров Беларуси в ноябре 2018 года удовлетворены иски о возмещении морального вреда Д. и М., в отношении которых постановлен оправдательный приговор. Заявители обосновывали свои требования вынесением следователем Следственного комитета незаконных постановлений о привлечении их в качестве обвиняемых и применением мер пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Анализ положений главы 48 УПК свидетельствует о том, что действие процессуального института возмещения вреда не распространяется на случаи законного и обоснованного применения мер процессуального принуждения.

Частью 2 статьи 460 УПК на орган, ведущий уголовный процесс, возложена обязанность принять меры по возмещению вреда в случае признания его действий и решений незаконными.

Из части 2 статьи 461 УПК следует, что правила настоящей статьи не распространяются на случаи обоснованного применения мер процессуального принуждения.

В соответствии с частью 3 статьи 461 УПК право лиц, перечисленных в части 1 статьи 460 УПК, на возмещение вреда, возникает с момента признания действий органа, ведущего уголовный процесс, незаконными.

В части 1 статьи 8 УПК указано, что суд, орган уголовного преследования при производстве по материалам и уголовному делу обязаны точно исполнять требования УПК [1].

На основании изложенного можно сделать вывод, что факты прекращения предварительного расследования, уголовного преследования, вынесения оправдательного приговора не могут являться безусловным свидетельством незаконности и необоснованности применения в ходе производства по уголовному делу мер процессуального принуждения.

Представляется, что для установления наличия причинной связи между незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, и наступившими вредными для здоровья и жизни последствиями необходимо назначать судебно-медицинскую экспертизу, которая должна проводиться в рамках гражданского судопроизводства по иску о возмещении физического вреда.

Следует отметить, что ни УПК, ни ГК не раскрывает значение терминов «незаконные действия и решения» органа, ведущего уголовный процесс, а также «обоснованное» применение мер процессуального принуждения.

На законодательном уровне понятия «законность» и «обоснованность» раскрываются только применительно к судебной проверке законности и обоснованности задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 12 «О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия» (далее – Пленум).

Согласно пункту 3 Пленума под законностью следует понимать соблюдение норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок применения указанных мер пресечения и продления срока их действия, а под обоснованностью – наличие в представленных суду материалах сведений, в том числе о личности подозреваемого или обвиняемого, которыми подтверждается необходимость их применения или продления [3].

Указанными положениями при толковании «законности» и «обоснованности» руководствуется и Следственный комитет при принятии решений о признании права на возмещение вреда (отказе в его возмещении).

В то же время в отдельных случаях факты вынесения по уголовным делам решений реабилитирующего характера являлись основанием для признания судами права на возмещение вреда. Подобные решения со ссылкой на судебную практику принимались в 2018 и 2020 годах надзирающими прокурорами г. Минска и следственными подразделениями Минской области.

С учётом изложенного в настоящее время имеется объективная необходимость корректировки положений главы 48 УПК, а практика признания права на возмещение вреда в формировании новых подходов.

В практической деятельности определённые затруднения также вызывают вопросы, связанные с установлением органа и его компетенции при определении размера возмещения имущественного вреда и денежной компенсации физического вреда.

Согласно статьям 463 и 464 УПК требование о возмещении имущественного вреда и денежной компенсации морального вреда рассматривает орган, ведущий уголовный процесс. При этом размер вреда, подлежащий возмещению, должен быть определён в течение месяца с момента поступления соответствующего требования. В необходимых случаях по его поручению такой расчёт может осуществляться финансовыми и иными органами.

В то же время анализ правоприменительной деятельности подразделений Следственного комитета показал, что предоставленная частью 2 статьи 464 УПК возможность поручения осуществления расчёта подлежащего возмещению вреда финансовым и иным органам практически не используется.

Сложившаяся практика в этой части нуждается в корректировке, поскольку самостоятельный расчёт вреда может повлечь не только жалобы относительно его объёма и размеров, но и ошибки при исчислении, что приведёт к необоснованному расходованию бюджетных средств.

Например, следственным подразделением Гомельской области и прокуратурой района по жалобам гражданина Х. неоднократно отменялись постановления следователя об определении размера имущественного вреда, несмотря на то, что расчёт осуществлялся с привлечением сотрудников финансово-экономического отдела управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

Дальнейшее совершенствование законодательства по указанным направлениям должно быть направлено на реализацию гражданами права на возмещение вреда в судебном порядке при вынесении органом, ведущим уголовный процесс, решения реабилитирующего характера, с которым закон связывает возникновение у гражданина данного права, либо в случае признания на стадии предварительного расследования незаконности применения меры процессуального принуждения.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3, в ред. Закона Республики Беларусь от 06 января 2021 г., № 85-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – 2/71.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 07 декабря 1998 г., № 218-3, в ред. Закона Республики Беларусь от 29 июня 2020 г., № 33-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – 2/744.

3. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия / Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 12, в ред. постановлений Пленума Верховного Суда от 26.03.2015 № 3 и от 31.03.2016 № 2 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – 6/999.

Научный руководитель: Н. В. Копыткова,
канд. юрид. наук, доц.

Д. В. Лобач

канд. юрид. наук, доц.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В современных условиях трансформации общества, обусловленной интенсивным развитием цифровой сферы социальной коммуникации, наблюдается динамика и тенденция к качественным изменениям действующего законодательства, что продиктовано возникновением новых и нарождающихся явлений и процессов информационно-коммуникационной среды. Эти процессы и явления проецируют новые социальные отношения, которые объективно становятся целями нормативно-правового регулирования, а как следствие – возникает правовая институционализация новых сфер или сегментов социального взаимодействия, выражаемая в регулятивном или охранительном правовом

обеспечении новых отношений. Действительно, сегодня мы можем видеть, что вопросы о цифровизации затрагивают разные отрасли российского права.

Вместе с тем, несмотря на интенсивную законодательную практику в области регламентации отношений, связанных с развитием цифровой экономики в таких сферах, как гражданский оборот, финансовые технологии, интеллектуальная собственность, телекоммуникации, коммерция, судопроизводство, нотариат, администрирование, стандартизация, в отрасли уголовного права (и уголовной политике в целом) наблюдается определенный недостаток нормативно-правового регулирования охранительных отношений, возникающих в результате совершения общественно опасных деяний. Дело в том, что потенциал уголовного законодательства в области обеспечения информационной безопасности и других объектов уголовно-правовой охраны ограничен главным образом криминализацией деяний в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ) и установлением такого квалифицирующего обстоятельства, как совершение соответствующего криминального деяния посредством использования средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет").

Криминализация общественно опасных деяний в сфере компьютерной информации охватывает неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, а также неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Вместе с тем обращает на себя внимание некая неопределенность отдельных составов преступлений, обусловленная веяниями научно-технического прогресса. Признавая необходимость и объективную потребность обеспечения информационной безопасности, следует отметить, что конститутивные признаки объективной стороны отдельных преступлений требуют своего юридического уточнения в целях правильного правоприменения в обозримом будущем. Так, например, норма, устанавливающая ответственность за агрессивную войну (ст. 353 УК РФ), по своей юридической природе является бланкетной и отсылает к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974г. «Определение агрессии», где раскрываются акты, составляющие применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной целостности и политической независимости другого государства. В то же время дефиниция, агрессии как она предложена в упомянутой резолюции, была сформулирована с учетом развития обычных вооружений без учета возможности применения кибернетического (информационного) оружия.

Схожая ситуация возникает и с уголовно-правовой нормой, предусматривающей ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ). Так же как и норма об агрессии, данное законоположение отсылает к ряду конвенций международного гуманитарного права, которые ориентированы на запрещение недопустимых с позиции идеи гуманизма методов и средств ведения войны. Однако надо понимать, что информационное оружие (кибероружие) на сегодняшний день не имеет международно-правового режима, а как следствие – является юридически неопределенным. Учитывая общую тенденцию ведения боевых действий с использованием комбинированных стратегий, сочетающих применение обычного вооружения вместе с использованием информационно-коммуникационных средств подавления систем обороны противника, следует признать, что данные уголовно-правовые нормы должны интерпретироваться в расширенном контексте с учетом современных реалий развития вооружений.

Что касается усиления уголовной ответственности за совершение преступлений посредством использования средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет"), то российский законодатель

закрепляет данный квалифицирующий признак в отношении таких преступлений, как доведение до самоубийства (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.2 УК РФ), клевета (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ), незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ), незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (п. «г», ч. 3 ст. 242.1 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ), жестокое обращение с животными (п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ), незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 258.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ч. 2 ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ч. 2 ст. 280.1 УК РФ).

С позиции теории криминализации нельзя не отметить тот факт, что российский законодатель проявляет непоследовательность в ужесточении ответственности за деяния, которые также могут совершаться посредством использования средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет"). В этом аспекте не понятно, почему российский законодатель не устанавливает данный квалифицирующий признак в отношении преступлений, предусмотренных ст. ст. 127.1, 133, 135, 154, 240, 240.1 и 241 УК РФ [1]. С позиции юридической техники небезупречными представляются нормы, предусматривающие ответственность за публичные призывы к агрессивной войне (ст. 354 УК РФ) и реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ), так как среди квалифицирующих признаков указывается на использование средств массовой информации безотносительно к возможному использованию сети "Интернет".

Наблюдается законодательная непоследовательность и неопределённость в вопросе установления уголовной ответственности за преступления против собственности в сфере компьютерной информации. Дело в том, что еще в 2012 г. федеральным законом N 207-ФЗ [2] в Уголовный кодекс РФ была внесена норма (ст. 159.6 УК РФ), устанавливающая уголовную ответственность за хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Криминализация этого деяния обусловлена объективными условиями, характеризующимися широким распространением по всему миру хакерской деятельности, направленной на обогащение через хищение чужого имущества. При этом правоприменительная практика в подобных случаях ориентирована на признание идеальной совокупности преступлений,

предусмотренных ст. 159.6 и ст. 272 УК РФ. Однако почему-то законодатель проявляет непоследовательность в том плане, что по закономерной логике следовало бы также закрепить аналогичную норму применительно к причинению имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, ответственность за которое предусмотрена ст. 165 УК РФ [4, с. 148].

Интегративное использование современных технологических новаций в эпоху становления информационного общества также предопределяет вопрос о перспективных направлениях правовой регламентации использования электронной подписи в условиях современной российской действительности, когда все чаще актуализируются криминальные риски и угрозы в отношении владельцев (пользователей) электронной подписью. Можно отметить возможную криминализацию общественно опасных деяний, посягающих на отношения, возникающие в сфере экономической деятельности. Так, ещё в 2018 г. по инициативе Минкомсвязи России был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием регулирования в сфере электронной подписи» [5], в котором предлагалось дополнить главу 22 Уголовного кодекса РФ статьей 200.6, устанавливающей уголовную ответственность в отношении специального субъекта за умышленное нарушение порядка выдачи (вручения) квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи. Несмотря на то что представленный законопроект не был поддержан в условиях развития электронного документооборота, данная инициатива сохраняет свою актуальность.

В заключение следует отметить, что цифровая трансформация социальных отношений и развитие цифровой экономики объективно предопределяет потребность в адаптационной оптимизации национального законодательства в целях повышения эффективности правового регулирования новых отношений. Не является в этом плане исключением и уголовное право, которое, как и другие отрасли российской системы права, должно адекватно реагировать на новые и нарождающиеся вызовы и угрозы в информационной среде.

Список использованных источников

1. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urfac.ru/?p=2909#_ftnref11 – Дата доступа: 27.01.2021.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».

4. Чучаев, А.И., Грачев, Ю.В., Маликов, С.В. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски / А.И. Чучаев, Ю.В. Грачев, С.В. Маликов // Правосудие. - 2019. - Т. 1, № 2. - С. 133–155.

5. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием регулирования в сфере электронной подписи [Электронный ресурс]: проект Федерального закона (подготовлен Минкомсвязью России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.09.2018) // КонсультантПлюс. Россия

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИКРОФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В соответствии с действующим законодательством субъектами профессиональной деятельности по предоставлению кредитов и потребительских займов могут выступать *кредитные организации и некредитные финансовые организации*.

В Российской Федерации только юридическое лицо имеет право заниматься профессиональной деятельностью по предоставлению кредитов и потребительских займов. Легальность участия на регулируемом финансовом рынке Российской Федерации обеспечивается наличием лицензии на осуществление финансовой деятельности (*кредитные организации*)[1], и/или внесением сведений об юридическом лице в соответствующие государственные реестры Банка России (*некредитные финансовые организации*)[1]. По состоянию на 1 января 2021 года на территории Российской Федерации кредитно-финансовую деятельность осуществляют 406 кредитных организаций [2], (из них: 248 – с универсальной лицензией; 118 – с базовой лицензией и 40 – небанковские кредитные организации).

Согласно статистическим данным к обзору ключевых показателей микрофинансовых институтов [3], в реестры Центрального банка Российской Федерации внесены сведения в отношении 7 642 некредитных финансовых организаций, осуществляющих деятельность в сфере микрофинансирования (по состоянию на 30.09.2020), из них:

- 1 548 микрофинансовых организаций (микрофинансовые компании (36) и микрокредитные компании (1 512);
- 48 жилищных накопительных кооперативов;
- 1 996 кредитных потребительских кооперативов;
- 781 сельскохозяйственный кредитный потребительский кооператив;
- 3 269 ломбардов.

Однако финансовый рынок формируют не только легальные участники, но и лица, не отвечающие законодательно установленным требованиям [4], среди которых значительную долю составляют нелегальные участники финансового рынка.

На сегодняшний день отсутствуют как доктринальное, так и законодательное определение «нелегального участника финансового рынка» и «нелегальной микрофинансовой деятельности».

Полагается, что указанные дефиниции должны базироваться на понятии нелегальной кредитно-финансовой деятельности, под которой следует понимать деятельность, осуществляемую лицами, не имеющими соответствующего разрешения (лицензии) Банка России и не представившими свои сведения для внесения в государственные реестры Банка России.

Нелегальными участниками микрофинансового рынка могут выступать:

- а) *юридические лица*:
 - сведения о которых были исключены из государственного реестра субъектов микрофинансирования;
 - сведения о которых ранее не включались в государственный реестр субъектов микрофинансирования;
- б) *индивидуальные предприниматели*;
- в) *физические лица* (так называемые «ростовщики»).

Уголовный закон предусматривает ответственность недобросовестных участников финансового рынка за совершение преступных посягательств в кредитной сфере.

Так, ст. 172 УК РФ к преступным деяниям относит незаконную банковскую деятельность, т.е. ту деятельность (банковские операции), которая осуществляется без регистрации или без специального разрешения (лицензии) и причиняет крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. В процессе квалификации преступления следует определить и причинно-следственную связь между получением крупной суммы прибыли, нанесением материального ущерба лицам и нелегальностью банковских операций.

Общественно-опасные деяния нелегальными участниками финансового рынка совершаются не только в сфере банковского сектора под видом деятельности псевдо-кредитной организации, но и в сфере микрофинансовой деятельности, связанной с незаконной выдачей потребительского займа неограниченному кругу лиц. Указанные виды микрофинансовой деятельности относятся к числу динамично развивающихся в финансовой сфере Российской Федерации.

Деяния же субъектов, занимающихся незаконной микрофинансовой деятельностью, не охватываются объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, так как соответствующие виды деятельности не относятся к числу банковских операций, указанных в ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

В отсутствие специальной нормы, действия нелегальных участников микрофинансовых отношения могут охватываться общим составом преступления – ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство».

Объективная сторона незаконного предпринимательства характеризуется:

а) деянием, осуществляемым в ходе предпринимательской деятельности без регистрации (*когда в ЕГРЮЛ и в ЕГРИП отсутствует запись о создании такого юридического лица или приобретении физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя, либо содержится запись о ликвидации юридического лица или прекращения деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя*) или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств (*если для занятия конкретным видом экономической деятельности обязательно наличие лицензии*);

б) общественно-опасными последствиями: *причинение крупного ущерба* гражданам, организациям или государству; *извлечение дохода в крупном размере*.

в) причинно-следственной связью между извлечением дохода в крупном размере, причинением крупного ущерба лицам и незаконным предпринимательством.

По конструкции объективной стороны указанный состав относится к числу материально-формальных: *материальный*, когда преступление окончено с момента причинения крупного ущерба; *формальный*, когда преступление окончено с момента извлечения дохода в крупном размере.

В соответствии с примечанием к ст. 170² УК РФ (с изменениями) [5], крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – девять миллионов рублей.

В любом государстве угроза уголовного наказания является самой строгой мерой государственного реагирования и рассматривается как ответ на совершение преступления, регламентированный конкретной уголовно-правовой нормой. В рассматриваемом случае вопрос об основаниях уголовной ответственности за незаконную микрофинансовую деятельность имеет чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение.

Теоретическое – закрепление дефиниции нелегальной кредитно-финансовой деятельности (о необходимости которой было изложено выше) и практическое –

применение уголовного закона в качестве средств регулятора незаконной микрофинансовой деятельности, и на это следует обратить внимание.

При столь высоких получаемых доходах и значительном причиняемом ущербе от незаконной кредитно-финансовой деятельности (банковская и микрофинансовая деятельность), закреплённых в качестве конструктивных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 171 и ст. 172 УК РФ, возникает вопрос о несоразмерности применяемых правоприменителем санкций.

Например: при деянии, направленном на получение незаконного преступного дохода на общую сумму 15 069 107, 87 руб. (что является особо крупным размером) и квалифицированном по уголовным признакам преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 171 УК РФ, к обвиняемому применены меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 150 000 рублей [6], в то время, как при деянии, направленном на получение незаконного преступного дохода на общую сумму 20 748 000 руб. (что также является особо крупным размером) и квалифицированном уже по уголовным признакам преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 172 УК РФ, обвиняемому назначено наказание в виде лишения свободы на срок один год со штрафом в размере 400 000 рублей с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима [7].

Приведённые примеры демонстрируют отступление правоприменителя от основополагающего принципа уголовного права, определяющего пределы государственных полномочий, в виде принципа соразмерности, обеспечивающего социальную справедливость назначаемого наказания, при тождественности тяжести содеянного, размера и характера причинённого ущерба.

Изложенное актуализирует обсуждение вопроса о криминализации незаконной микрофинансовой деятельности в качестве самостоятельного состава преступления. Предлагается необходимым дифференцировать уголовную ответственность за незаконную микрофинансовую деятельность как самостоятельный вид незаконной предпринимательской и банковской деятельности.

Список использованных источников

1. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2021): Федеральный закон, 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 28. - Ст. 2790.

2. Количественные характеристики банковского сектора Российской Федерации/Банк России ([http:// cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/](http://cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/)) - Дата доступа: 17.01.2021.

3. Статистические данные к обзору ключевых показателей микрофинансовых институтов/Банк России (<http://cbr.ru/microfinance/statistics/>). - Дата доступа: 27.01.2021

4. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: Федеральный закон Российской Федерации от 02.06.2010 № 151-ФЗ

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ

6. Постановление № 1-327/2020 по делу № 1-327/2020, Северодвинский городской суд Архангельской области.

7. Приговор № 1-1033/2019 1-99/2020 от 23 января 2020 г. по делу № 1-1033/2019, Одинцовский городской суд Московской области.

Е. В. Марковичева

д-р юрид. наук, доц.

Научный центр исследования проблем правосудия, Российский государственный университет правосудия

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: КРИЗИС И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

В 2020 году большинства государств испытало сложности, связанные с функционированием системы уголовного судопроизводства. Когда стало очевидно, что социальное дистанцирование и приоритет права граждан на жизнь и здоровье сохранятся длительное время, государства были вынуждены направить свои усилия на обеспечение полноценной деятельности правоохранительных и судебных органов.

Риск заражения людей в ходе предварительного расследования и производства в суде обозначили новый вектор уголовной политики и потребовали более активного использования современных информационных и коммуникационных технологий.

Многие государства в допандемический период рассматривали возможность дистанционного допроса, проведения судебного заседания с помощью видеоконференцсвязи скорее, как исключение из общего правила в тех случаях, когда необходимо обеспечить защиту свидетеля или потерпевшего или допросить субъекта со специфичным процессуальным статусом. В новых условиях все чаще органы уголовного судопроизводства и суд вынуждены решать сложную задачу, связанную как с соблюдением санитарных пандемических ограничений, так и с обеспечением уголовно-процессуальной деятельности и прав участников уголовного судопроизводства.

Можно утверждать, что четко обозначилась неготовность уголовного процесса к полноценному функционированию в таких условиях. Закономерный консерватизм любой системы уголовного преследования и правосудия, который многие годы обеспечивал стабильность правопорядка, оказался негативным фактором в период пандемии. Отставание уголовно-процессуального законодательства от уровня развития цифровых технологий, недостаточное финансирование информатизации судов, консерватизм правового мышления правоприменителя привели к кризису механизмов, достаточно эффективно работавших многие годы. Не случайно Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы, в специальной Декларации 10 июня 2020 г. [1] обозначила новые задачи, стоящие перед судами.

Спустя год после введения пандемических ограничений наметились основные направления по преодолению кризиса системами уголовного судопроизводства.

Во-первых, стала активно обсуждаться возможность значительной корректировки уголовно-процессуального закона и использования дополнительных организационных и материальных ресурсов с целью регламентации процедур, предполагающих использование видеоконференцсвязи и веб-связи при проведении судебных заседаний [2].

Во-вторых, появились предпосылки к переводу уголовных дел в электронный формат. На необходимости такой трансформации уголовно-процессуальной деятельности ученые активно настаивают на протяжении последних пяти лет [3].

В-третьих, особую актуальность приобрело повышение уровня цифровой грамотности как правоприменителей, так и граждан. Без выполнения этой задачи использование дистанционных технологий может оказаться затруднительным в связи с неготовностью к коммуникации как публичных, так и иных субъектов.

Очевидно, что цифровая трансформация современного уголовного процесса будет длительным и непростым процессом. В подавляющем большинстве случаев решить стратегические задачи в рамках обозначенных выше направлений не удастся только

путем точечных корректировок законодательства. Поэтому необходим пересмотр государственной уголовной политики, которому будут предшествовать анализ существующих проблем, выработка доктринальных подходов, оформление концептуальных предложений для законодателя и правоприменителя.

Список использованных источников

1. Lessons learnt and challenges faced by the judiciary during and after the COVID-19 pandemic: European commission for the efficiency of justice (CEPEJ). Ad hoc virtual CEPEJ plenary meeting Wednesday 10 June 2020. Official site of the Council of Europe. Available at: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/how-should-judges-respond-to-covid-19-challenges-and-what-lessons-should-they-learn-?fbclid=iwar2rhvr8l-o9oxddpofodwu0_gnihh1viiiabmturo-uzkz64s_xjxrj6q - Date accessed: 01.10.2020.

2. Герман, А. С. Дистанционное судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации // Правосудие. - 2020. - № 3. - С. 100-118.

3. Качалова, О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. - 2015. - № 2 (106). - С. 95-101.

Н. В. Машинская

канд. юрид. наук, доц.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Современное общество крайне нуждается в эффективной и качественной реакции на совершенное преступление, однако в юридической литературе и правоприменительной практике отсутствуют единые подходы к решению проблемы обеспечения эффективности предварительного расследования. Впрочем, как отсутствуют и единые взгляды на критерии оценивания эффективности процессуальной деятельности следователя и дознавателя.

Понятие «эффективность предварительного расследования» разрабатывается в теории уголовного процесса [1,3,5]. Ю. К. Якимович и Х. Д. Пан под эффективностью предварительного расследования понимают его быстроту, полагая, что чем короче период между совершением преступления и наказанием лица, тем успешнее достигаются цели общего и специального предупреждения совершения преступления [7]. Н. Г. Муратова вкладывает в это понятие модель системы действий участников уголовного судопроизводства, способную осуществить процессуальные правила и процедуры при принятии процессуальных решений, достигнув при этом необходимого и справедливого результата с оптимальной затратой времени и усилий [4 с. 66-73]. Практические работники считают эффективным только такое расследование, которое позволяет достичь определенных показателей в служебной деятельности. Именно поэтому руководители нацелены на достижение высоких показателей, являющихся критериями оценки их деятельности [2 с.26-32; 6].

Однако в современных условиях развития правовой системы, критерии эффективности предварительного расследования нельзя рассматривать в отрыве от правовых позиций Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). При этом представляется важным анализировать решения ЕСПЧ, состоявшиеся в отношении Российской Федерации, и являющихся для нее обязательными, как стимул для развития

отечественного отраслевого законодательства, а также практики предварительного расследования.

Вопреки сложившейся правоприменительной практике в Российской Федерации отсутствие результатов проведенного расследования, с точки зрения ЕСПЧ, не свидетельствует о его неэффективности. По мнению ЕСПЧ провести эффективное расследование значит принять соответствующие меры по обращению заявителя, исходя из сложившейся ситуации. Осуществляя расследование, государство вовсе не принимает на себя обязательство получить результат, но оно обязано применить все способы, предусмотренные национальным законодательством, по установлению обстоятельств происшедшего. Тем самым, государство обязано предоставить гражданам доступ к средствам правовой защиты [13].

Обязательным критерием эффективности предварительного расследования, исходя из анализа положений ЕСПЧ, является быстрота расследования. Под быстротой названный суд понимает своевременность расследования, оценивая при этом незамедлительность возбуждения уголовного дела по заявлению гражданина, безотлагательность производства следственных действий: допросов, судебных экспертиз, неоднократность принятия решения о приостановлении и возобновлении следствия и т.п.. Наряду с этим оценке подлежит общая продолжительность следствия, которая должна зависеть от фактической и правовой сложности уголовного дела [8,10,11,13].

ЕСПЧ придает большое значение всесторонности и полноте расследования. Сказанное вытекает из решения по делу Хашиев и Акаева против России, где отмечается необходимость всестороннего расследования обстоятельства дела, предполагающего рассмотрение не только одной версии происшедшего, но и всех возможных, с тем, чтобы не допустить пробелов расследования [10]. С этой целью необходимо установление и допрос всех возможных свидетелей события, производство необходимых судебных экспертиз, тщательный осмотр места происшествия, изъятие вещественных доказательств.

Европейские стандарты включают беспристрастность проводимого следствия как обязательное условие его эффективности. Особую значимость независимости расследования ЕСПЧ придает по уголовным делам о жестоком обращении сотрудников правоохранительного органа в отношении участников процесса. При этом независимость следствия предполагает отсутствие, должностного подчинения между органами, несущими ответственность за расследование происшедшего, а также практической подчиненности. Нарушением независимости расследования ЕСПЧ признает случаи оказания давления на свидетелей, когда органы предварительного расследования заинтересованы в получении конкретного результата [11, 13].

По мнению ЕСПЧ неэффективным является такое предварительное расследование, которое нарушает процедуру проведения следственных действий. Например, проведение многочисленных допросов об одних и тех же обстоятельствах, при отсутствии на то фактических оснований, отсутствие протоколов допросов, допрос без участия адвоката [13]. Аналогичный вывод ЕСПЧ сформулировал при оценке действий российских властей по делу сестер Смирновых. В частности, действия сотрудников милиции по изъятию паспорта одной из сестер признаны излишне ограничивающими ее права и законные интересы. При этом суд указал, что любые дополнительные меры по ограничению прав участников процесса со стороны публичной власти допускаются лишь в случае обвинения в совершении преступления, посягающего на конституционный строй или безопасность государства [8].

Из анализа решений ЕСПЧ в отношении Российской Федерации следует, что официальное расследование должно быть справедливым. Так, Европейский суд не допускает провокации со стороны государства для возбуждения уголовного дела в отношении кого-либо, считая такое поведение властей подстрекательством к совершению преступления. Необоснованное вмешательство сотрудников правоохранительных органов и использование полученных таким образом доказательств при расследовании

преступления, подрывает справедливость судебного разбирательства [12]. Несправедливым является уголовное преследование, осуществляемое с целью оказать давление на подозреваемого [9]. Справедливое судопроизводство должно быть публичным (открытым). Открытость расследования предполагает вовлеченность в него заинтересованных лиц, которые имеют право знать о возбуждении уголовного дела, получать информацию о принимаемых по нему решениях [11].

Неотъемлемым критерием эффективности предварительного расследования выступает законность и обоснованность применения мер, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность. В решении этого вопроса ЕСПЧ ссылается на международные стандарты в области прав человека, гарантирующие рассматриваемое право, допуская возможность заключения под стражу после предъявления обвинения [9]. В исключительных случаях принятие такого решения может состояться при наличии «разумного подозрения» лица в совершении преступления, под которым следует понимать совокупность доказательств, позволяющих независимому субъекту доказывания сформулировать вывод о наличии признаков преступления в действиях конкретного лица [9]. Одновременно ЕСПЧ придает большое значение «самодостаточности» оснований для продления срока содержания под стражей, при этом оценивается существенность и достаточность оснований, исключающих оставление лица на свободе, в период предварительного расследования. Всякий раз, решая вопрос о продлении срока лишения свободы, национальный суд обязан проверить наличие конкретных, а не абстрактных оснований, связанных лишь с тяжестью обвинения и сроком грозящего наказания. При этом орган, инициирующий продление срока, обязан представить доказательства того, что лицо скроется от следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью либо будет угрожать свидетелям, уничтожать доказательства. В любом случае власти должны рассмотреть возможность применения к лицу альтернативной меры пресечения, не связанной с лишением свободы [14].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо заметить, что практика ЕСПЧ, исходя из толкования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сформулировала критерии эффективности предварительного расследования. Обобщив изложенные выше позиции можно заключить, что эффективное расследование – это принятие государством всех необходимых мер, предусмотренных национальным законодательством, направленных на изобличение и наказание виновных в совершении преступления, при обеспечении доступа гражданам и участникам уголовного судопроизводства к средствам правовой защиты.

Список использованных источников

1. Анашкин, Г.З., Петрухин И.Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Советское государство и право. - 1968. - № 8.
2. Бедняков, И.Л. Досудебное производство: от Концепции судебной реформы к современности // Уголовное судопроизводство. - 2017. - № 1.
3. Вопросы эффективности советского уголовного процесса / Под ред. Ф. Н. Фатуллина. Казань, 1976.
4. Муратова, Н.Г. Эффективность предварительного следствия – европейский стандарт справедливости уголовного судопроизводства (торжество концепции проф. А.П. Гуляева об эффективности деятельности следователя. // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе. Материалы международной научно-практической конференции посвященной 80-летию Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора А.П.Гуляева. Москва: МАЭП, 2014.
5. Петрухин, И.Л., Батуров, Г.П., Морщакова, Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979.

6. Попова, О.А. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18246> (дата обращения: 12.08.2018 г.).

7. Якимович, Ю.К., Пан, Х.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации. М., 2003. URL: <https://lawbook.online/ugolovnoe-sudoproizvodstvo-rossii/byistrota-predvaritelnogo-rassledovaniya-sroki-34760.html> – Дата доступа 12.08.2018 г.

8. Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. Жалоба № 46133/99, 48183/99. Дело «Смирновы против России». URL: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a-2/postanovlenie-espch-smirnovy-protiv-rossijskoj> - Дата доступа 08.01.2021 г.

9. Постановление ЕСПЧ от 19 мая 2004г. Жалоба № 70276/01. Дело «Гусинский (Gusinskiy) против Российской Федерации»//СПС КонсультантПлюс.

10. Постановление ЕСПЧ от 24 февраля 2005 г. Жалоба № 57942/00; 57945/00 Дело «Хашиев и Акаева против России». URL: Дата доступа 08.01.2021г.

11. Постановление ЕСПЧ от 05 июля 2005 г. Жалоба № 49790/99. Дело «Трубников против России». URL:<https://www.srji.org/resources/search/29/> - Дата доступа 08.01.2021 г.

12. Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. Жалоба № 53203/99 . Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2464026/> - Дата доступа 08.01.2021 г.

13. Постановление ЕСПЧ от 26 января 2006г. Жалоба № 77617/01 . Дело «Михеев (Mikheyev v.) против Российской Федерации». URL: <https://www.srji.org/resources/search/5/> - Дата доступа 08.01.2021 г.

14. Постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006г. Жалоба № 11886/05. Дело «Долгова (Dolgovala) против Российской Федерации»//СПС КонсультантПлюс.

В. Н. Михневич

адъюнкт

Академия МВД Республики Беларусь

ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА КАК ПОДЭЛЕМЕНТ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ (НА ПРИМЕРЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

В настоящее время единого подхода к структуре частной криминалистической методики не сформировано. Анализ существующей типизированной структуры частной криминалистической методики позволяет сделать вывод о том, что фактически затрагиваются исключительно вопросы расследования преступления. Зачастую частная криминалистическая методика ограничивается термином предварительное расследование. Вместе с тем, на наш взгляд, залог успеха расследования преступления сосредоточен в качественном проведении доследственной проверки.

Изучение научных публикаций показало, что единичные авторы рассматривают проблематику проведения доследственной проверки и вопросы возбуждения уголовного дела в качестве одного из основных структурных элементов частной криминалистической методики. Кроме того, нельзя обойти вниманием тот факт, что цель проверки - установление данных, указывающих на признаки преступления, в связи с чем имеет место необходимость организации производства процессуальных действий для установления данных признаков.

Таким образом, в русле решения этой задачи полагаем целесообразным рассмотреть характерные особенности организации доследственной проверки при получении информации о совершаемом (совершенном) коррупционном преступлении.

Целостное теоретико-правовое осмысление стадии доследственной проверки по коррупционным преступлениям позволяет определить 4 основные структурные элемента, отражающие ее общие организационные и тактические особенности:

- изучение порядка деятельности предприятия (организации), изъятие необходимой документации;
- назначение экспертиз;
- получение объяснений;
- исследование материального положения лица, в отношении которого проводится проверка.

Изучение порядка деятельности предприятия (организации) позволит понять распределение функциональных обязанностей, круг опрашиваемых лиц. Исследованию подлежат учредительные документы (приказы, положения, должностные обязанности). При этом следует констатировать, что по коррупционным преступлениям документы являются важнейшими следами-носителями информации. Изучение и своевременное изъятие документов должно предшествовать проведению иных проверочных действий.

Характерной особенностью проверки по коррупционным преступлениям является необходимость в назначении экспертиз (экономические, товароведческие). Решение о назначении экспертизы следует принять на начальном этапе проведения проверки. Данные экспертизы отличаются сложностью и массивностью предоставления необходимой информации (сведения из банковских учреждений, исполнительных комитетов, данные бухгалтерского учета). Кроме того, в целях избежания затягивания сроков их проведения экспертизы до назначения целесообразно согласовать перечень вопросов, подлежащих разрешению с сотрудниками Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Получение объяснений по существу проведения проверки следует проводить после предварительного изучения информации о деятельности предприятия (организации). Анализ материалов проверки и уголовных дел свидетельствует, что, как правило, данные, полученные в ходе объяснений совпадают с показаниями, сообщаемыми в последующем при проведении допросов. Кроме того, получению объяснений у должностных лиц предприятия (организации) предшествует планирование круга вопросов с учетом личностных характеристик опрашиваемого лица (возраст, образование, наличие стажа работы и т.д.).

Одновременно в ходе проверки следует принимать меры к установлению материального положения должностного лица, в отношении которого имеются подозрения, путем направления соответствующих запросов в банковские и кадастровые учреждения в целях дальнейшего принятия мер к возмещению причиненного ущерба.

Материалы доследственной проверки при передаче в орган предварительного следствия для решения вопроса о возбуждении уголовного дела должны содержать протоколы объяснений лиц, обладающих сведениями о совершенном преступлении (лица из его окружения, вышестоящие руководители, лица, наделенные правом подписи соответствующих документов); заключение экспертиз (при необходимости); документы (копии), регламентирующие деятельность предприятия (организации) и отражающие должностные обязанности и подтверждающие трудовые отношения лица, в отношении которого проводилась доследственная проверка (оригиналы: личное дело, контракт, должностные обязанности), данные о материальном положении.

Уместно напомнить, что доследственная проверка по заявлениям (сообщениям) о коррупционных преступлениях должна носить наступательный характер, так как в механизме совершения последних, согласно анализа практики, всегда присутствует элемент противодействия, направленный на сокрытие следов преступления. С учетом данного обстоятельства, целесообразно применять меры процессуального принуждения с последующим принятием решения о возбуждении уголовного дела непосредственно органом дознания.

Подводя итог изложенному следует отметить, что потребность практики требует углубленного изучения и выработки научных рекомендаций для органов дознания при организации деятельности в стадии возбуждения уголовного дела по заявлениям (сообщениям) о коррупционных преступлениях, так как именно на данном этапе закладывается формирование совокупности ключевых источников доказательств, позволяющих в ходе предварительного следствия изобличить конкретное должностное лицо в совершении коррупционного преступления.

Научный руководитель: Ю. М. Юбко,
канд. юрид. наук, доц.

А. В. Мотин

канд. юрид. наук

Палата адвокатов Самарской области

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Внутриотраслевая уголовно-правовая дифференциация ответственности выступает одновременно этапом и элементом дифференциации правовой ответственности за деяния, причиняющие вред личности. В качестве относительно самостоятельного феномена такая дифференциация проявляет себя не только на этапе, когда ответственность за преступление против личности уже установлена, но и на этапе самого установления уголовной ответственности за общественно опасное деяние. Это обстоятельство отражает тесную связь процессов дифференциации уголовной ответственности и криминализации, оценка которой в науке является весьма неоднозначной.

Один из распространённых подходов к пониманию проблем соотношения криминализации и дифференциации ответственности был аргументирован Т.А. Лесниевски-Костаревой. Рассматривая дифференциацию в качестве одного из принципов и направлений уголовной политики, автор утверждает, что её не следует относить к процессу криминализации (декриминализации). В основе авторской позиции – тезис о принципиальном различии дифференциации оснований ответственности и собственно дифференциации уголовной ответственности. «Дифференцируя основания ответственности, законодатель, по существу, производит процесс криминализации (декриминализации), группирует такие основания в блоки. Однако процесс этот принято называть не дифференциацией, а установлением уголовной ответственности» [1, с.59, 23]. Содержательно ограничивая криминализацию исключительно принятием решения об отборе деяния для основного состава преступления, Т.А. Лесниевски-Костарева указывает, что «законодатель может дифференцировать уголовную ответственность лишь в рамках процессов пенализации и депенализации» [1, с.15, 20]. «Ещё сильнее, – пишет автор далее, – соблазн использовать термин «дифференциация уголовной ответственности» применительно к группировке отдельных статей в главы и разделы уголовного закона. ... [Однако] при ближайшем рассмотрении оказывается, что классификации подвергаются основания уголовной ответственности, а не её градация, дифференциация» [1, с.60]. Этот подход поддерживают и некоторые иные авторы. В частности, Ф.И. Санжаров полагает, что «криминализация и декриминализация никак не связаны с дифференциацией уголовной ответственности, так как при признании деяния преступным (или непроступным) не производится установление различного режима регулирования уголовной ответственности, то есть дифференциация уголовной ответственности» [2, с.84].

При всей внешней логике такой концепции и безусловном праве её на существование, заметим, что согласиться с ней в полной мере достаточно сложно. Установление уголовной ответственности за причинение вреда личности выступает одним из этапов в общей схеме дифференциации правовой ответственности. Криминализация уже включена в число средств дифференциации правовой ответственности. Было бы по меньшей мере нелогичным признавать криминализацию средством дифференциации, когда речь идёт о правовой ответственности вообще, и отказывать криминализации в дифференцирующем содержании, когда речь идёт собственно об уголовно-правовой ответственности. Наличие дифференцирующего компонента, на наш взгляд, не может зависеть от точки зрения. Это признаёт и сама Т.А. Лесниевски-Костарева, когда пишет, что «уголовная ответственность дифференцируется законодателем уже на этапе её установления», «на этапе установления уголовно-правового запрета» [1, с.33-34]. Такое утверждение в некоторой степени подрывает позиции Т.А. Лесниевски-Костаревой, но открывает иной, и как нам представляется, более обоснованный путь к пониманию связи криминализации и дифференциации.

Этот второй подход состоит в том, что криминализация деяний вместе с тем есть одновременно и дифференциация ответственности за их совершение. А.П. Козлов и А.П. Севастьянов пишут: «законодатель, признавая деяние преступлением, не ограничивается указанием на то, что за него должно следовать наказание (любое из предусмотренных уголовным законом), он определяет, какие конкретно виды наказаний и в каких пределах могут быть назначены за совершение данного преступления. В результате ответственность за разные преступления становится различной – дифференцированной. Таким образом, устанавливая ответственность за конкретный вид преступлений, законодатель уже на этом этапе дифференцирует наказание, а, следовательно, и уголовную ответственность. При этом тот факт, что ответственность устанавливается одновременно с признанием деяния преступлением, указывает на тесную связь процессов криминализации и дифференциации уголовной ответственности. Криминализация – выделение криминально значимых правонарушений – является основой дифференциации уголовной ответственности» [3, с.468].

Связь криминализации и дифференциации ответственности как самостоятельный предмет анализа в юридической литературе полномасштабно не исследовалась, хотя отдельные важные указания на этот счёт в литературе высказывались. Так, рассматривая дифференциацию ответственности как многоаспектное явление, В.К. Дуюнов и С.В. Кондратюк пишут, что в одном из своих значений дифференциация уголовной ответственности есть деление ответственности за конкретные виды преступлений, осуществляемое законодателем при конструировании их составов в законе: в зависимости от наличия (или отсутствия) привилегирующих, квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков; в зависимости от конструкции составов преступлений как общих или специальных или в зависимости от их структуры как простых или сложных [4, с.206]. Л.Л. Кругликов, обсуждая связи криминализации и дифференциации ответственности, дополнительно указывает, что «группируя деяния в рамках Особенной части Уголовного кодекса, располагая их в определённой последовательности (в том числе относительно друг друга), законодатель преследует цель не просто упорядочить нормативный материал, но и осуществить в пределах возможного дифференциацию ответственности. Это касается не только «глобальной» дифференциации (исходя из приоритетов охраны в триаде «личность – общество – государство»), но и конструирования отдельных разделов, глав, вычленения в пределах каждой главы конкретных групп преступлений и – далее – расположения составов преступлений одной классификационной группы относительно друг друга по мере убывания или возрастания уровня общественной опасности деяний» [5, с.57; 6, с.306].

Уже эти разрозненные высказывания свидетельствуют, что дифференциация ответственности в процессе криминализации деяний имеет ряд весьма значимых

проявлений, во-первых, подтверждающих наличие дифференцирующего начала в криминализации, и во-вторых, раскрывающих направления и потенциал использования механизма криминализации общественно опасных деяний для решения задач дифференциации ответственности.

Определяя собственное отношение к вопросу о связи криминализации и дифференциации, предварительно отметим, что его решение требует адекватного понимания самого феномена криминализации. Мы не будем входить в детальное обсуждение феномена криминализации, его содержания, принципов, критериев и т. д.. Обратим внимание только на один момент – юридико-технический. Криминализация как уголовно-политический процесс с необходимостью предполагает нормативное оформление его результата. Любое решение законодателя о признании общественно опасного деяния преступлением оформляется с использованием теоретической конструкции состава преступления, текстуально воплощается в статье уголовного закона, которая размещается в определённой его части. Эти «оформительские» компоненты являются неотъемлемой частью криминализации, без них она не может считаться завершённой. Выбор этих компонентов не является произвольным и не может не иметь уголовно-правовых последствий. Можно ответственно утверждать, что оформление решения о криминализации столь же важно, как и его содержание.

Теоретическое разделение криминализации условно на «содержательную» и «оформительскую» часть позволяет лучше понять связь криминализации и дифференциации ответственности. Представляется, что *принимая решение о криминализации, то есть о подключении уголовно-правовых средств к реагированию на то или иное общественно опасное поведение, законодатель решает проблему межотраслевой дифференциации правовой ответственности и в этом отношении, действительно, криминализация не предполагает дифференциацию именно уголовной ответственности. Но оформляя своё решение в тексте уголовного закона, используя для этого уголовно-правовые конструкции и средства, законодатель с неизбежностью входит в область дифференциации уже собственно уголовной ответственности, поскольку от его оформительских решений во многом зависит ряд важнейших для уголовной ответственности последствий.* Зависимость объёмов ответственности от того, какие средства юридической техники и как будут использованы при описании состава преступления, отражает внутреннюю связь криминализации и дифференциации.

Механизм и направления влияния юридико-технического компонента криминализации на дифференциацию уголовной ответственности, по нашему мнению, ещё недостаточно изучен теоретически. Обобщая имеющиеся в литературе суждения на этот счёт, анализируя содержание уголовного закона и положения уголовно-правовой теории, полагаем возможным выделить следующие его компоненты: 1) признание интересов личности основным объектом преступления, конкретизация содержания этого объекта и размещение соответствующей уголовно-правовой нормы в той или иной главе Раздела VII УК РФ или за его пределами; 2) оценка интересов личности в качестве дополнительного объекта и конструирование в связи с этим сложных составов преступлений с размещением соответствующей уголовно-правовой нормы за пределами Раздела VII УК РФ; 3) оценка деяний, причиняющих вред интересам личности, и выбор для их описания той или иной конструкции состава преступления (с альтернативными действиями, составного преступления и др.). Каждое из этих направлений заслуживает отдельного и пристального внимания.

Список использованных источников

1. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М. : Норма, 1998. – 296 с.
2. Санжаров, Ф. И. Соотношение дифференциации уголовной ответственности с иными методами уголовной политики / Ф. И. Санжаров // АCADEMY. – 2018. – № 6 (933). – С. 83–84.

3. Козлов, А. П. Единичные и множественные преступления /А. П. Козлов, А. П. Севастьянов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. – 915 с.
4. Дуюнов, В. К. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение / В. К. Дуюнов, С. В. Кондратюк // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. - № 11А. – С. 201–214.
5. Васильевский, А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве / А. В. Васильевский, Л. Л. Кругликов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 300 с.
6. Уголовное право. Общая часть. Преступление : академический курс : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – Т. III : Уголовная политика. Уголовная ответственность. – 2016. – 751 с.

А. Э. Набатова

канд. юрид. наук, доц.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ГЕНДЕРНОЙ КРИМИНОЛОГИИ: ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Гендерная криминология достаточно новое направление в криминологии, вызывающее активные дискуссии среди ученых и практиков. Гендерный подход в изучении преступности зародился в рамках социологического направления в криминологии (А. Герри, Ш. Глюк, Э. Глюк, Э. Дюркгейм, А. Кетле, Р. Кларк, А. Коэн, Д. Кресси, Э. Сатерленд, Э. Шур). К основным криминологическим теориям в США и странах Западной Европы относятся теории: «социальной дезорганизации»; «конфликта культур»; «дифференциальной ассоциации»; «множественности факторов»; «научно-технической революции»; «критической криминологии». Они объединяют два компонента: объяснение существования причин преступности социальными процессами, происходящими в обществе; постановка вопроса о необходимости улучшения условий жизнедеятельности людей как основы предупреждения преступности [1, с. 9-17].

В Республике Беларусь защищены кандидатские диссертации, посвященные гендерным аспектам в изучении и предупреждении преступности (С.М. Свило, О.В. Русецкий, Ю.И. Селятыцкий, Е.А. Шаркова). В России наметились перспективы по разработке положений гендерной криминологии. Обусловлено это тенденциями перехода к изучению корреляционных зависимостей между преступностью и такими факторами как пол, возраст, класс, раса. По мнению Я.И. Гилинского, важным «криминогенным» (вообще – «деликтогенным») фактором служит фундаментальное противоречие между относительно равномерно распределенными потребностями людей и принципиально неравными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими от места индивида (социальной группы) в социальной структуре общества. Чем значительней этот разрыв, чем ниже респонсивность общества, выражающаяся в способности удовлетворять потребности людей, тем выше уровень девиаций, включая преступность [2, с. 61].

Изучению гендерной преступности посвящены публикации и диссертационные работы С. Г. Гавшиной, О. Ю. Ильченко, А. А. Хорошиловой, О. В. Карповой, С. Г. Куликовой, А. В. Куприяновой, Т. Н. Радочиной, Д. В. Синькова, Б. Н. Хачак. Исследователи рассматривают различные аспекты преступности, оперируя терминами «гендерная проблема», «гендерное неравенство», «гендерный подход». Однако следует отметить, что традиционно авторы используют устоявшийся подход и рассматривают женскую преступность, преступность несовершеннолетних. Как видится, указанные тенденции не отражает в полной мере все характеристики современной преступности.

Интересной представляется точка зрения А.В. Куприяновой, рассматривающей гендерную криминологию в качестве частной криминологической теории, включающей в содержание ее предмета гендерные различия преступности: особенности женской и мужской преступности, закономерности развития и формы проявления; основные качественно-количественные характеристики; специфику личности мужчин-преступников и женщин-преступниц; виктимологическую характеристику женской и мужской преступности; особенности отношений и взаимодействия между представителями гендерных групп в ситуации совершения преступления; разработку мер по предупреждению женской и мужской преступности на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях [3, с. 191].

Казахские исследователи Б.Г. Тугельбаева и А.Д. Хамзаева считают, что фактором, детерминирующим преступное поведение в семье, выступает гендерное неравенство, когда мужчины и женщины, выполняя в обществе одинаковые социальные функции, имеют неодинаковый доступ к ресурсам и благам, предоставляемым этим обществом [4, с. 102]. Анализ содержания периодического издания «Криминология: вчера, сегодня, завтра» (Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба) показал существование отдельных криминологических отраслей: «Политическая криминология», «Семейная криминология», «Религиозная криминология» и т.д. Гендерной криминологии, преступности несовершеннолетних отводится роль частных криминологических проблем [5].

Проанализировав содержание приведенных выше исследований, можно определить следующее. Во-первых, ученые-криминологи исследуют преступность в контексте отдельных гендерных групп на протяжении последнего десятилетия. Во-вторых, указанные работы несомненно создают предпосылки для проведения комплексного теоретического исследования по формированию гендерной криминологии.

Таким образом, есть все основания определить компоненты *научной проблемы*, которую предстоит решить в ходе дальнейших исследований: гендерная криминология рассматривается в отрыве от предмета криминологии; не находит своего отражения позиция исследователей относительно гендерной криминологии и необходимости ее теоретического обоснования; изучение преступности, ее причин и условий, разработка мер профилактики осуществляется в отрыве от гендерной теории и гендерного подхода; формирование гендерной криминологии невозможно без учета положений гендерной теории, что обуславливает ее междисциплинарный характер; рассмотрение гендерной криминологии через призму женской преступности и преступности несовершеннолетних представляется недостаточным; требует существенной доработки позиция ученых относительно предмета гендерной криминологии. К сожалению, на сегодняшний день последний до конца не определен; нет единства взглядов о содержании гендерной криминологии, не сформированы ее цель и задачи, не определено системное окружение. Из научной проблемы вытекает *гендерно-криминологическая проблема*, заключающаяся в недостаточной разработанности комплексного подхода к изучению преступности с позиций гендерных групп, что существенно влияет на процессы ее изучения и разработку мер предупреждения.

В контексте гендерно-криминологической проблемы есть все основания для формирования *гендерно-криминологических вопросов*, на которые предстоит ответить в процессе разработки теоретических и прикладных основ гендерной криминологии: Есть ли основания для формирования научной области – «Гендерная криминология»? Есть ли основания для выделения женской и мужской преступности? Есть ли основания для выделения иных гендерных групп в динамике преступности? Какие признаки учитываются при изучении преступности в настоящее время? Учитываются ли при изучении преступности такие признаки, как этническая принадлежность, национальность, отношение к религии, психические аномалии, алкоголизм, сексуальная идентичность и т.д.? В качестве *гендерно-чувствительных характеристик* при разработке гендерной криминологии представляется целесообразным определить данные официальной статистики о динамике преступности, ее качественные и количественные показатели и т.д.

Список использованных источников

1. Криминология в США и странах Западной Европы : учебное пособие – Томск: Томск. фил. РИПК МВД РФ 1997. – 30 с.
2. Гишинский, Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Предупреждение преступности. Криминологический журнал. – 2003 – №1. – С. 61.
3. Куприянова, А.В. Гендерная криминология: создание частной криминологической теории / А.В. Куприянова // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – №6. – С. 187-191.
4. Тугельбаева, Б.Г. Учебное пособие для преподавания курса «Криминология. Проблемы предупреждения домашнего (семейного) насилия»/ Б.Г. Тугельбаева, А.Д. Хамзаева. – Бишкек, 2010. – 134 с.
5. Криминология: вчера, сегодня, завтра // Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба [Электронный ресурс] – 2021. – Режим доступа <http://www.criminologyclub.ru/criminologyyesterdaytodaytomorrow.html>. – Дата доступа 02.02.2021.

К. И. Нагорнов

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПЫТА БЕЛОРУССИИ, РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

Развитие института принудительных мер воспитания (далее – ПМВ) в современном уголовном законодательстве стран постсоветского пространства, несмотря на наличие ранее существовавшей общей правовой основы в виде Основ уголовного законодательства СССР и СР 1958 г., которые, наряду с национальными Уголовными кодексами (далее – УК), во многом и послужили исходной базой для его последующего восприятия, модернизации и оптимизации, все же пошло довольно разным, самобытным путем. Это можно проследить на основе анализа законодательного опыта таких республик как, например, Беларусь, Россия и Узбекистан.

Так, первое, что обращает на себя внимание при анализе нормоположений, регламентирующих институт ПМВ в национальных УК, это используемая законодателями формулировка наименования данных мер ответственности. Например, законодатель Узбекистана определяет данные меры как принудительные меры (ст.87-88 УК), законодатель Беларуси – принудительные меры воспитательного характера (ст.117 УК), а законодатель России – принудительные меры воспитательного воздействия (ст.90-92 УК). Можем заметить, что законодатель Узбекистана вообще отказался от указания на воспитательный характер данных мер и оказываемого ими воспитательного воздействия.

Не можем не обратить внимание и на то, что хотя законодатели Белоруссии, России и Узбекистана предусматривают отдельный, специально посвященный особенностям уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, раздел в УК, для уголовных законов трех государств (да и в целом, для всего постсоветского пространства) характерно отсутствие отдельной специальной главы, в которой группировалась бы только совокупность норм, регламентирующих институт ПМВ. Такая потребность, на наш взгляд, обусловлена следующими факторами: во-первых, данный институт, наряду с наказанием, выступает специфической мерой ответственности несовершеннолетних; во-вторых, институт ПМВ охватывает довольно большой круг вопросов, требующих детальной регламентации (исходя из этого возникают вопросы к ст. 117 УК Беларуси, – не слишком ли она перегружена и все ли удалось «уместить», в результате такого расположения нормативного материала?). В то же время обоснованным видится замечание И. И. Лапцевич о «спорном» расположении рассматриваемого института в главе 15 УК Беларуси, именуемой «Наказание и его назначение лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет» [1, с. 88], так как наименование главы явно не совпадает с ее содержанием.

По-разному законодатели подошли к регламентации порядка применения ПМВ (что обуславливает различие и в их правовой природе), а также к определению субъекта, который уполномочен применять данные меры воздействия. Так, в соответствии со ст.46 УК Беларуси, применение ПМВ является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности, в то время как, в соответствии со ст.ст.90 и 92 УК России и ст.87 УК Узбекистана, данные меры применяются при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и от уголовного наказания. При этом, если по российскому и белорусскому УК данные меры уполномочен применять только суд, тогда как по узбекскому УК при освобождении от уголовного наказания – суд, а при освобождении от уголовной ответственности – межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних. Отметим, что концепция (модель), ныне закрепленная в УК Узбекистана, ранее была свойственна уголовным законам ряда Советских Республик (например, ч.4 ст.10 УК РСФСР 1960 г., ч.3 ст.48 УК БССР 1960 г. и др.), впоследствии также была воспринята Кыргызстаном в УК от 01.10.1997 года № 68 (ст.86), но в настоящее время реализуется только в Узбекистане.

Интерес представляет уникальная в своем роде на постсоветском пространстве белорусская концепция (модель), в соответствии с которой, применение ПМВ выступает самостоятельной формой реализации уголовной ответственности, влекущей, при этом, состояние и правовые последствия судимости. Также заслуживает внимания положение ч.3 ст.87 УК Узбекистана, о целесообразности применения вместо наказания принудительные меры, в случае *«существенного отставания в возрастном развитии»*.

Позволяет выявить ряд особенностей и анализ регламентации оснований и условий применения ПМВ в рассматриваемых странах.

Во-первых, основанием применения анализируемых мер по УК Беларуси и УК Узбекистана является возможность исправления несовершеннолетнего без применения наказания (ч.1 ст.117 УК Беларуси, ч.ч.1,2 ст.88 УК Узбекистана), а по российскому УК (при освобождении от уголовной ответственности) – возможность исправления несовершеннолетнего путем применения ПМВ (ч.1 ст.90 УК России). Правда, применительно к освобождению несовершеннолетнего от уголовного наказания, российский законодатель не указывает основание применения, что, думается, обусловлено несовершенством данной дуалистической концепции (модели) регламентации института. Применительно к белорусской и узбекской формулировкам основания, в то же время, обоснованными видятся некоторые замечания: 1) не понятно, почему при освобождении от уголовной ответственности необходимо руководствоваться возможностью исправления без применения одной из форм реализации уголовной ответственности, а не определять, необходимо ли вообще привлекать к уголовной ответственности или нет; 2) использованная формула порождает прямую зависимость института ПМВ от института наказания и указывает на преобладание карательного подхода к выбору меры воздействия (т.к. изначально ставится вопрос только о назначении наказания); 3) использование такой формулы (возможно без применения наказания), неизбежно влечет постановку вопроса: возможно посредством чего?

Во-вторых, между законодателями Белоруссии, России и Узбекистана прослеживается единообразие в установлении категорий преступлений, как условия применения ПМВ, – это преступления небольшой, средней тяжести/преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления. Конечно, по законам данных государств имеются некоторые отличия в границах максимальных сроков наказания в виде лишения свободы, позволяющие относить те или иные преступления к определенным категориям (например, преступления средней тяжести/менее тяжкое преступление, совершенные с умышленной формой вины, по УК России и Узбекистана, – до 5 лет лишения свободы, а по УК Беларуси – до 6 лет лишения свободы), в то же время, законодатели сошлись во мнении о невозможности применения данных мер за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Вместе с тем отметим, что не совсем, на наш взгляд, удачны в свете международных стандартов отправления правосудия по делам несовершеннолетних положения, предусматривающие возможность помещения подростка в специальное учебно(лечебно)-воспитательное

учреждение за преступление, не представляющее большой общественной опасности (ч.ч.1 и 2 ст.117 УК Беларуси, в т.ч. совершенное впервые (ч.1 ст.87 УК Узбекистана).

В-третьих, еще одним условием, которое установили нормотворцы Беларуси и Узбекистана, является – совершение преступления соответствующей категории впервые. Данное условие, как и выше рассмотренное, позволяет: «очертить» сферу применения ПМВ, и, применительно к УК Узбекистана, определить в каком порядке возможно применение данных мер. Между тем российский законодатель Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ исключил данное условие из ч.1 ст.90 УК, в связи с чем, законом предусматривается потенциальная возможность применения данных мер к лицам, имеющим криминальный опыт. Предусматривает применение ПМВ к отмеченной категории лиц и узбекский УК, но последний делает специальное указание на «совершение повторно преступления, не представляющего большой общественной опасности», что предоставляет возможность применения данных мер за повторное совершение несовершеннолетним только наименее тяжкого преступления, и, кроме того, это позволяет определить, в каком порядке возможно применение ПМВ.

В-четвертых, в целом, законодатели сходятся во мнении и относительно возраста лица (не ранее 14 лет), как условия применения ПМВ, который коррелирует с положениями о возрасте, по достижении которого возможно привлечение к уголовной ответственности (ч.1,2 ст.27 УК Беларуси, ч.ч.1,2 ст. 20 УК России, ч.ч.1,3 ст.17 УК Узбекистана).

Помимо указанных, узбекский УК также предусматривает такое условие как максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за совершенное менее тяжкое преступление, который не должен превышать 5 лет (с учетом ст.15 УК, касается преступлений с неосторожной формой вины).

Стоит также отметить, что законодатели применительно к той или иной ПМВ устанавливают еще специальные условия, которые также между ними разнятся и имеют свои особенности. Например, белорусский и узбекский законодатели установили возрастное ограничение (несовершеннолетнего-преступника) на применение такой меры как возложение обязанности загладить причиненный ущерб (по УК Беларуси – 15 лет, по УК Узбекистана – 16 лет), которое отсутствует, между тем, в российском законодательстве

Конечно, имеют специфику и национальные системы принудительных мер воспитания, состоящие из совокупности мер-компонентов.

Системы ПМВ в Беларуси, России и Узбекистане

ПМВ	Беларусь	Россия	Узбекистан
<i>Предупреждение/Предостережение</i>	+	+	-
<i>Возложение обязанности принести извинение потерпевшему</i>	+	+	+
		(как разновидность меры, предусмотренной п. «в» ч.2 ст.90 УК)	
<i>Передача под надзор родителям или лицам, их заменяющим либо специализированному государственному органу</i>	- (вид освобождение от уголовной ответственности ст. 118 УК)	+	-
<i>Возложение обязанности загладить (возместить, устранить) причиненный вред (ущерб)</i>	+	+	+
<i>Ограничение свободы досуга и установление особых требований к поведению</i>	+	+	-
<i>Помещение в специальное учебно(лечебно)-воспитательное учреждение</i>	+	- (предусмотрена ч.2 ст.92 УК, но не входит в систему ПМВ)	+

Отмеченные лишь некоторые особенности развития института ПМВ в законодательстве трех республик, представляют несомненный интерес для дальнейшего изучения, анализа и обобщения накопленного национального опыта, в целях возможной имплементации в отечественное законодательство, создания наиболее оптимальной, эффективной теоретической модели данного института для ее последующего конструирования в уголовном законе.

Список использованных источников

1. Лапцевич И.И. Принудительные меры воспитательного характера: правопреемственность, современность, перспективы / И. И. Лапцевич // 20 лет Уголовному кодексу Республики Беларусь: проблемы применения и направления совершенствования: сборник науч. статей / НЦЗПИ Республики Беларусь; редкол.: И. И. Лапцевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2019. –202с.

E. N. Rakhmanova

goctor of law, assistant professor

North-West Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice», Saint Petersburg

E. H. Рахманова

д-р юрид. наук, доц.

Северо-Западное отделение Федерального государственного бюджетного учебного института высшего образования «Российский государственный университет юстиции», Санкт-Петербург

LIABILITY FOR DOPING IN AMATEUR SPORTS

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОПИНГ В ЛЮБИТЕЛЬСКОМ СПОРТЕ

Использование допинга в спорте представляет собой угрозу для здоровья не только профессионального спортсмена, но и для здоровья населения в целом. Но до сих пор и правоприменители, и специалисты в сфере спорта, в основном, обращают свое внимание на допинговые проблемы профессионального спорта, в то время как в любительском спорте его использование значительно выше.

On November 7, 2019, at the 5th World Conference on Doping in Sports, which took place in Katowice, Poland, major changes and amendments were made to the World Anti-Doping Code and WADA International Standards, which entered into force on January 1, 2021[1].

The position of the European Court of Human Rights (ECHR) played an essential role in the Code amendment. In its Decree of January 18, 2018, the ECHR indicated that the use of doping is considered in international and national legal documents not only as a threat to an individual athlete, but as a threat to public health, and that prevention of its use is an integral part of the state policy in sports, which should be aimed at protection of health not only of professional athletes, but also of amateurs [2].

The above allows to admit that the object of violations of anti-doping rules, including criminal law ones, shall be, first of all, public relations in the field of public health protection, as well as relations arising in connection with the participation or running of sports competitions, both professional and amateur ones.

As it follows from the 2021 WADA Code, anti-doping regulations apply not only to professionals, but also to amateur athletes, by which WADA means athletes with more than

5 years of “inactivity” and other individuals. At the same time, an athlete who has participated in professional competitions over the past five years cannot be considered an amateur.

The fact of special inclusion of amateur athletes claims particular attention, since so far both law-enforcers and specialists in sports have mainly focused on doping problems of professional sports. According to Europol, the use of doping is significantly higher among amateurs than among professionals [3]. In the UK, more than 1,000 of amateur athletes were polled, and almost 50% of them said that, in their opinion, performance-enhancing drugs (PEDs) were “easy to get”. 23% knew where to get steroids, and 8% said they had taken them [4]. It should be noted that 50 types of anabolic steroids are prohibited by WADA.

Inclusion of amateur athletes in the number of individuals subject to compulsory doping control may seem like a problem, which does not deserve particular attention, since it is quite reasonable and obvious to expect that they comply with the rules. But just as in the case of the state criminal anti-drug policy, its consequences can become much more serious, since attention to amateur sports results in certain legal and social risks that go beyond sports.

All athletes, both professional and amateur ones, are liable for the use of any prohibited substance or method to achieve athletic performance. That is, this refers to the principle of strict liability “regardless of whether or not the athlete intentionally or unintentionally used a prohibited substance or was negligent or otherwise at fault”, enshrined in the WADA Code.

The main point of this approach is that athletes shall make their own decisions on the use of prohibited substances and evaluate potential benefits of their use compared with the probability of being caught. But restraint does not always affect decision-making, and potential consequences of victory may become more effective for an athlete than fear of probable punishment. In the first place, this concerns those amateur athletes who are on their path to professional sports, and, therefore, to high wages and status change, for which they are ready to risk their health.

In recent years, a number of anti-doping laws providing both for administrative and criminal liability have been adopted in the Russian Federation. But “essentially, this refers to consolidation in the current Criminal Code of a new kind of crimes, that is, acts of regulatory character and not of legal, but of political conditionality. In the norms established under Articles 230¹ and 230² of the Criminal Code, there is no connection with the objects of criminal law protection” [5, 98]. The main efforts of the legislator and law-enforcer are actually aimed at protection of professional sports, while the problem of public health is not discussed or resolved by any means or by anyone in this respect.

As a result, criminalization of doping raises more questions than answers. As stated above, the WADA Code enshrines the principle of strict liability of the athlete regardless of the form of fault. On the other hand, in its 2015 Statement, WADA proposes to pay particular attention to those individuals who trade and distribute prohibited substances, as well as to supporting personnel who transfer prohibited substances to athletes, and not to bring athletes to criminal liability [6].

In the Russian Federation, administrative law provides for liability for willful violation of anti-doping rules by the athlete (Article 6.18 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), while in criminal law, the athlete is not a perpetrator of a crime at all. The Criminal Code of the Russian Federation mentions coaches, specialists in sports medicine or other specialists in physical culture and sports among perpetrators of this crime. Although it is obvious that it is impossible to use prohibited as well as non-prohibited substances and (or) methods beyond the athlete’s will, which is indirectly confirmed by administrative liability of the athlete for willful violation of anti-doping rules [7, 222-228].

Most amateur athletes go in for sports at their own risk and peril and make their own decisions on acquisition of this substance and its use during the competition. In this case, if they cannot be held criminally liable for the use of substances and (or) methods prohibited for use in sports, the question arises whether they should be held criminally liable, for example, for illegal

acquisition of drugs or substances, or parts. (Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation) [8, 32-33].

But the threat of bringing amateur athletes to criminal liability for drug distribution cannot but give cause for concern. Anti-drug criminal policy today has resulted in unprecedented numbers of individuals convicted of these crimes. Considering the wider range of athletes falling under the new WADA Code, there is a risk that a number of amateur athletes may end up in prison. Finally, anti-doping measures per se can become ineffective, since they require additional costs to test amateurs. As a result, the doping control procedure would focus on just a few finishers. This, in its turn, would evoke a feeling of impunity and the ability to evade testing, and, therefore, to evade liability.

All this is contrary to the point and goals of the anti-doping policy, as well as to criminalization of doping.

Considering the lessons of the criminal anti-drug policy, it seems necessary to change the approach to criminalization of doping, especially with regard to amateur athletes.

A review of harm reduction programs among drug users has shown that there is ample evidence to support widespread acceptance of harm reduction as a guideline for drug use [9, 36-41]. This approach is supported, among others, by the UN and the World Health Organization. But an alternative approach is only possible if anti-doping organizations are ready to recognize that amateur athletes differ from professionals. And instead of continuing to invest in punitive measures, they should pay particular attention to educational, preventive and health measures applied to amateur athletes with a focus on protection of their health. This, in its turn, would allow society to focus on “clean” and healthy sports.

List of references

1. World Anti-Doping Code. International Standard. 2020 Prohibited List// Official website of the Russian Anti-Doping Agency “RUSADA” – URL: <http://www.rusada.ru/> – Access date: 15.11.2020.

2. ECHR Judgment of 28 September 2012 on the Case of “Ressiot et autres against France” (applications No. 15054/07 and 15066/07) – Access mode – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> – Access date: 15.11.2020.

3. Doping for Amateur Athletes – URL: <https://www.dw.com/ru> – Access date: 15.11.2020.

4. Use of Performance-Enhancing Drugs “Widespread” in Amateur Sports –URL: <https://www.jusnews.net/use-of-performance-enhancing-drugs-widespread-in-amateur-sports/> – Access date: 15.11.2020.

5. Ponyatovskaya T.G., Rarog A.I., Shakhova T.V. Grounds for Criminal Law Prohibition of Doping in Russia/ T.G. Ponyatovskaya, A.I. Rarog, T.V. Shakhova// Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law – 2018 – No. 4 (29) – P. 90-100

6. WADA Statement on the Criminalization of Doping in Sport – Application mode URL: <https://www.wada-ama.org/en/media/news/2015-10/wada-statement-on-the-criminalization-of-doping-in-sport> – Access date: 15.11.2020.

7. Tsvetkov P.V. Some Issues of Improvement of the Russian Criminal Legislation in the Field of Counteraction to the Use of Doping/ P.V. Tsvetkov// Criminal Policy and Law Enforcement Practice: Collection of Materials of the Research and Practice Conference (October 30-31, 2020, Saint Petersburg) / Ed. E.N. Rakhmanova – Saint Petersburg: Asterion, 2020 – P. 222-228

8. Geldibaev M.Kh. Criminal Legal Measures against the Use of Substances and (or) Methods Prohibited in Sports with regard to the Athlete /M.Kh. Geldibaev// Criminal and Criminological Problems of Fighting Crime in Sports: Collection of Materials of the All-Russian Research and Practice Round-Table Conference (October 31, 2020, Saint Petersburg) / Ed. E.N. Rakhmanova – Saint Petersburg: Asterion, 2020 – P.30-35

9. Elshansky S.P. Some Ethical and Psychological Issues of Implementation of Harm Reduction Programs among Drug Users/ S.P. Elshansky// Addiction Medicine Issues – 2003 – No. 2 – P.36-41

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Определение особенностей криминалистической деятельности, ее точное понимание является условием эффективного противодействия отдельным преступлениям.

Актуализируется этот вывод с учетом проблем противодействия коррупции на современном этапе, а также в условиях закономерной активизации участия общественности по данному направлению.

В комплексе указанное обуславливает рассмотрение особенностей криминалистической деятельности в условиях развития отдельных форм участия общественности в борьбе с коррупцией.

Под криминалистической деятельностью понимается деятельность, противоположная преступной, а учитывая все более сложные способы совершения коррупционных преступлений необходимо совершенствование работы по их пресечению, предупреждению и профилактике.

По мнению В. П. Шиенка, криминалистическая деятельность является основой предмета криминалистики как науки и она должна базироваться на различных методиках, средствах, разработанных как непосредственно в криминалистике, так и в иных сферах социальной практики [1, с. 87–88].

Развитие системы противодействия коррупции логично сопровождается генезисом форм участия в этой важной работе самых заинтересованных в ее результатах – представителей общественности, к которым можно отнести работников, в том числе представляющих интересы различных государственных органов, государственных и иных и организаций, иных инициативных граждан.

Несмотря на то, что при обсуждении соответствующего вектора проблемы антикоррупционного регулирования как правило выделяется такая форма участия как общественный контроль, из законодательства вытекают иные возможные формы участия общественности в борьбе с коррупцией [2, с. 96], некоторые из которых обуславливают особое внимание с позиции криминалистической деятельности.

1. Взаимодействие государственных органов и иных организаций с государственными органами, осуществляющими борьбу с коррупцией.

Вытекающая из законодательства по борьбе с коррупцией [3] необходимость сообщать о фактах, свидетельствующих о коррупции, возлагает соответствующую обязанность на некоторых лиц. Касается она руководителей не только государственных органов, но также и иных организаций, которые в свою очередь как управленцы несут ответственность за общее состояние производственной и трудовой дисциплины в руководимой ими организации, упущения, ставшие условиями или причинами совершения коррупционных преступлений. Специфика криминалистической деятельности в данном случае раскрывается в интересе к лицам, непосредственно совершившим и выявившим нарушения, рассматривающим соответствующие данные руководителям, в том числе в случае неисполнения им обозначенной обязанности.

2. Антикоррупционное обучение.

Также установленная непосредственно в законодательстве о борьбе с коррупцией мера [3] предполагает обучение лиц, осваивающих программы в учреждениях образования, а также государственных должностных лиц. Особый криминалистический интерес представляют лица, проходящие обучение, которые с учетом приобретенных знаний, умений, компетенций могут выделить вопросы, проблемы, ранее недооцениваемые или даже незамечаемые, а также имевшие место соответствующие события.

3. Работа в составе комиссии по противодействию коррупции.

По общему правилу в работе комиссий по противодействию коррупции, создаваемых в большинстве государственных органов, государственных организациях принимают участие их руководители и другие работники и служащие, но возможно участие и иных лиц [4]. Криминалистический интерес представляют обнародуемые планы работы комиссии, протокол заседания, отдельные лица, иное. В необходимых случаях соответствующая работа проводится с членами комиссии по противодействию коррупции, в том числе с ее председателем и секретарем, гражданином, проявившим инициативу, даже если председатель комиссии не принял решение об участии этого лица в заседании комиссии.

4. Обращение с заявлением в государственные органы, государственные и иные организации.

Обращение граждан с заявлениями, сообщениями в государственные органы и иные организации может осуществляться согласно уголовно-процессуальному законодательству, законодательству о заявлениях и обращениях граждан и организаций, чем существенным образом уточняется и характер соответствующей работы. Интерес для криминалистической деятельности представляют непосредственно заявления, а также целый круг лиц – заявители, представители государственных органов и иных организаций, принявшие заявления и др.

5. Письменное, устное сообщение в службы собственной безопасности отдельных государственных органов.

В ряде государственных органов, в которых не создаются комиссии по противодействию коррупции, функционируют службы собственной безопасности. Первоочередной криминалистический интерес, в частности, вызывают лица – участники соответствующих отношений, различные материальные носители информации.

6. Обращение в подразделения внутреннего контроля отдельных организаций, в том числе по телефонам доверия.

Как форма участия общественности в борьбе с коррупцией обращение в подразделения внутреннего контроля получило распространение в корпоративном секторе. Интерес для криминалистической деятельности представляют непосредственно сообщения, заявления, носители соответствующей информации, а также целый круг лиц – заявители, работники, принявшие заявление или сообщение, иные работники и др.

Конкретные направления криминалистической деятельности в каждом случае участия общественности в борьбе с коррупцией должны быть уточнены, дополнены или расширены с учетом складывающихся обстоятельств.

Вопросы криминалистической деятельности в условиях развития отдельных форм участия общественности в борьбе с коррупцией также могут стать частью частной криминалистической методики расследования, связанной с самыми актуальными и специфичными проблемами, – хищениями бюджетных средств с использованием служебных полномочий [5, с. 199 – 200], в частности.

Рассмотрение особенностей криминалистической деятельности в условиях развития отдельных форм участия общественности в борьбе с коррупцией, в том числе в случае взаимодействия государственных органов и иных организаций с государственными органами, осуществляющими борьбу с коррупцией, антикоррупционного обучения, работы в составе комиссии по противодействию коррупции, обращения с заявлением в государственные органы, государственные и иные организации, письменного, устного сообщения в службы собственной безопасности отдельных государственных органов, обращения в подразделения внутреннего контроля отдельных организаций, в том числе по телефонам доверия, способны повысить качество соответствующей работы, направленной на противодействие опасным и специфичным формам коррупции.

Список использованных источников

1. Шиенок, В. П. Объект и предмет криминалистики как науки о деятельности по раскрытию и расследованию преступлений / В. П. Шиенок // Право.by. – 2019. – № 4(60). – С. 86–91.
2. Резюк, В. И. Участие общественности в борьбе с коррупцией в Республике Беларусь: организационно-правовые формы / В. И. Резюк // Вестник Брэсцкага ўніверсітэта / Серыя №2 Гісторыя. Эканоміка. Права.– 2019.– №2. – С. 90–98.
3. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Об утверждении Типового положения о комиссии по противодействию коррупции [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 дек. 2011 г., № 1732 : в ред. от 30.04.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Резюк, В. И. Хищения бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями: актуальность частной криминалистической методики расследования / В. И. Резюк // Пути совершенствования досудебного производства в уголовном процессе : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню образования Следств. ком. Респ. Беларусь, Гомель, 20–21 сент. 2018 г. / Упр. Следств. ком. Респ. Беларусь по Гом. обл., Гом. обл. обществ. об-ние «Союз следователей», Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: С. М. Паско [и др.]. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2018. – С. 198–200.

М. Г. Решняк

канд. юрид. наук, доц.

МГИМО (У) МИД России

УНИФИКАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Современное общество все больше и больше углубляется в процесс глобализации, хотя некоторое замедление, связанное с пандемией Covid-19, имеет место. Несмотря на возникшие в последний год факторы, процесс глобализации неостановим.

Следует отметить, что глобализация затрагивает практически все сферы деятельности как отдельной личности, так и государств в целом. Всемирная и всемирная цифровизация, в эпоху которой мы вступили не так давно, вносит существенные коррективы во все виды деятельности, в том числе, преступной, которая, в отличие от государственной, не связана никакими чиновничьими «путами», в связи с чем развивается и оптимизируется достаточно динамично. Таким образом, глобализация преступности становится объективно существующим фактором.

Все чаще и чаще преступления совершаются с использованием возможностей цифрового пространства, с применением информационно-телекоммуникационных технологий. С развитием цифровизации все чаще появляются новые виды или возникают новые механизмы совершения преступлений. Совершенствование цифрового пространства и информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, сети «Интернет», а также социальных сетей, обуславливают масштабное увеличение преступной деятельности и активное вовлечение в нее новых субъектов, которые ранее никогда с ней не соприкасались.

Государства по отдельности, и объединенные группы государств пытаются противостоять организованной преступности в целом, и отдельным видам транснациональных преступлений. Правоохранительные органы предпринимают значительные усилия в борьбе с терроризмом, экстремизмом, с торговлей людьми, оружием, незаконным оборотом наркотиков и другими, при совершении которых в настоящее время границы государств не представляют особого препятствия. Транснациональный характер совершаемых преступлений и необходимость повышения результативности борьбы с ними актуализируют внимание на международном сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью.

Любое сотрудничество базируется на правовой основе. Правовой фундамент международного сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью составляют национальное законодательство в данной области, а также международно-правовые нормативные акты, устанавливающие и/или конкретизирующие определенные уголовно-правовые положения и определяющие уголовно-правовую юрисдикцию конкретных государств.

Имплементация норм международного права в национальное законодательство в каждой стране имеет свои особенности, так или иначе влияющие на содержание внутригосударственного права, поэтому определенный научный и практический интерес вызывает сравнительный анализ норм зарубежного уголовного законодательства, регламентирующих его действие в пространстве, позволяющих осуществлять уголовное преследование лиц, совершающих преступления самостоятельно или в составе организованных преступных групп, во время которых субъекты совершения преступления могут находиться в разных странах, также как и само преступление, его последствия могут происходить на территории разных государств. Проведенное сравнение позволит выявить наиболее оптимальное отношение к решению проблемы уголовного преследования лиц, полностью или частично совершивших преступления на территории двух или более стран, увидеть возможность формирования единообразного законодательного подхода к уголовному преследованию указанных лиц.

Автор на протяжении многих лет уделяет внимание вопросам пробельности норм, регламентирующих территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона в пространстве [1; 2, с.28-31; 3, с.140-145], и отмечает, что многие давно исследованные проблемы по-прежнему требуют своего решения. Учитывая, что Российская Федерация в сфере борьбы с преступностью наиболее тесно сотрудничает с государствами-странами СНГ, что объективно обусловлено территориальной соприкосновенностью, автор неоднократно обращался к анализу норм уголовных кодексов стран СНГ, регламентирующих их действие в пространстве [4, с.180-184].

В частности, до настоящего времени не устранен пробел законодательства, связанный с отсутствием регламентации территориального и экстерриториального действия в отношении бланкетных уголовно-правовых норм. Данная проблема усугубляется тем, что число подобных норм возрастает, соответственно увеличивается количество уровней и видов нормативных правовых актов, на которые делается либо подразумевается ссылка в уголовном законе. Мнение автора неизменно – данный пробел можно устранить лишь за счет включения в уголовное законодательство каждого государства-участника СНГ общих норм, ограничивающих виды источников уголовного права и регламентирующих действие бланкетных уголовно-правовых норм во времени и в пространстве. Одновременно с совершенствованием национального уголовного законодательства полагаем целесообразным включение таких норм и в Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ [5] (далее – Модельный кодекс).

Еще одним пробелом, до настоящего времени остающимся практически без изменений, является отсутствие либо недостаточность регламентации особенностей территориального и экстерриториального действия уголовного закона применительно к сложным единичным преступлениям, осуществляемым на территории двух и более

государств, в первую очередь, продолжаемым, длящимся и составным преступлениям. Такая же ситуация наблюдается и относительно учета возможного осуществления различных стадий умышленного преступления на территории нескольких государств. К данной проблеме примыкает и полная либо частичная пробельность в регламентации действия уголовного закона в отношении совершения преступления в соучастии с лицами, находящимися в двух и более государствах. Например, в статьях 11 и 12 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) такая регламентация до настоящего времени полностью отсутствует [6].

Следует отметить, что в Модельном кодексе определенные изменения в регламентации указанных положений происходили. В частности, в п. «а» ч. 2 ст. 13 данного Кодекса указано, что «преступлением, совершенным на территории страны СНГ, следует признавать преступление, которое начато, или продолжилось, или было окончено на территории этого государства» [7]. Автор неизменно считает, что применительно к осуществлению уголовно наказуемого деяния на территории нескольких стран в национальном уголовном законодательстве необходимо указывать стадии преступной деятельности и закрепить положение о том, что для применения национального уголовного закона какой-либо из стран-участниц СНГ достаточно того факта, что на ее территории полностью или частично выполнено приготовление к преступлению, покушение на него или же имело место его окончание, а равно была осуществлена хотя бы часть или наступили последствия сложного единичного преступления.

В п. «б» ч.2 ст.13 Модельного уголовного кодекса предусмотрено, что «преступлением, совершенным на территории страны СНГ, следует признавать преступление, которое совершено в соучастии с лицами, осуществившими преступную деятельность на территории другого государства». Автор полагает, что данное положение необходимо конкретизировать за счет указания в нем на то, что национальное уголовное законодательство должно быть применено к действию (бездействию) любого из соучастников преступления, хотя бы частично осуществленному на территории данного государства.

Анализ уголовного законодательства государств-участников СНГ позволил нам сделать вывод, что в большинстве стран учтены приведенные положения Модельного уголовного кодекса, однако в УК отдельных государств существуют некоторые отличия, на которые мы предлагаем обратить внимание.

Так, в ч.2 ст.5 УК Республики Беларусь говорится о том, что уголовно наказуемое деяние признается совершенным на территории данной страны, если оно осуществлено в ее пределах в соучастии с лицом, совершившим преступление на территории иностранного государства. [8] То есть, в национальном уголовном законе Республики Беларусь, в отличие от п. «б» ч.2 ст.13 Модельного кодекса, конкретизируется, что соучастие возможно и при взаимодействии с одним лицом, находящимся на территории иностранного государства, причем последнее совершает именно *преступление* (выделено автором), а не преступную деятельность, под которой обычно понимается систематическое совершение преступлений. Автор неизменно полагает, что такая конкретизация является обоснованной, способствующей упрощению разрешения вопросов о территориальном действии уголовного закона в пространстве относительно соучастников преступления, находящихся на территории двух и более государств.

Значительный интерес представляет содержание ст.11 УК Республики Узбекистан, регулирующей действие данного Кодекса в отношении лиц, совершивших преступления на территории Узбекистана, в которой говорится, что «преступлением, совершенным на территории Узбекистана, следует признавать такое деяние, которое: а) начато, окончено или прервано на территории Узбекистана; б) совершено за пределами Узбекистана, а преступный результат наступил на ее территории; в) совершено на территории Узбекистана, а преступный результат наступил за ее пределами; г) образует в совокупности или наряду с другими деяниями преступление, часть которого совершена

на территории Узбекистана». [9] Автор считает, что в данной уголовно-правовой норме наиболее подробно, в отличие от уголовного законодательства других стран-участниц СНГ, а также Модельного уголовного кодекса, определено, какое именно преступление считается совершенным на территории государства.

Следует обратить внимание на тот факт, что законодатели Республики Узбекистан обратились к положениям Общей части УК и теории уголовного права, касающимся неоконченной преступной деятельности, наличию формальных и материальных составов преступлений, а также сложных единичных преступлений. Вместе с тем, можно выразить сожаление об отсутствии в ст.11 УК Республики Узбекистан указания на приготовление к преступлению, когда лицо еще не приступило к осуществлению общественно опасного деяния, а также на совершение преступления в соучастии.

Полагаем, что выделенные выше особенности правового регулирования действия уголовного законодательства стран СНГ в пространстве свидетельствуют о том, что для повышения эффективности их сотрудничества в сфере противодействия преступности необходимо осуществить унификацию соответствующих уголовно-правовых норм, одним из элементов (этапов) которой должно стать устранение выявленных и других пробелов. Несмотря на очевидность данного решения, Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 22 ноября 2019 г. № 50-16 «О Перспективном плане модельного законотворчества в Содружестве Независимых Государств на 2020 - 2022 годы» [10] не предусматривает вносить уточняющие, конкретизирующие, унифицирующие изменения, определяющие применение уголовного закона в пространстве, в Модельный уголовный кодекс.

Список использованных источников

1. Решняк, М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве. – М., изд-во «Юрлитинформ», 2013.

2. Решняк, М.Г. О совершенствовании правовой регламентации действия уголовного закона в пространстве // Труды Академии управления МВД России. 2014. - № 2 (30). - С.28-31.

3. Решняк, М.Г. Действие уголовного закона во времени и в пространстве: тенденции развития // «Пробелы в российском законодательстве». 2015. - № 1. - С.140-145.

4. Решняк, М.Г. Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ как правовая основа международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью: действие уголовного закона во времени и в пространстве. // Современное состояние, проблемы и перспективы полицейского международного сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с преступностью: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, - 2014. - С.180-184.

5. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. 1997. № 10. // Интернет-ресурс. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/2566472/paragraph/37/doclist/0/showentries/0/highlight/>- Дата доступа: 23.01.2021.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. // Интернет-ресурс. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1> - Дата доступа : 23.01.2021.

7. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников

СНГ. 1997. № 10. // Интернет-ресурс. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/2566472/paragraph/37/doclist/0/showentries/0/highlight/> - Дата доступа : 23.01.2021.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Интернет-ресурс. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8314/file/Belarus_CC_1999_am2019_ru.pdf - Дата доступа : 25.01.2021.

9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. // Интернет-ресурс. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8968/file/Uzbekistan_Criminal%20Code_as%20of%20Dec%202020_ru.pdf - Дата доступа : 25.01.2021.

10. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 22 ноября 2019 г. № 50-16 «О Перспективном плане модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2020 - 2022 годы» (тест опубликован не был) // Интернет-ресурс. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73516764/paragraph/12/doclist/0/showentries/0/highlight/> - Дата доступа: 25.01.2021.

Т. А. Рытиков

ФГБОУ ВО «Российского государственного университета правосудия», г. Москва

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Узбекистан имеют общее прошлое, что обуславливает их схожесть и в настоящее время. Тем не менее оно не совсем идентично, поскольку со времени распада СССР бывшие союзные республики постепенно сформировали собственную систему права. Остановимся подробнее на понимании судебной защиты прав личности в уголовном судопроизводстве указанных стран. Для начала отметим, что одним из важнейших принципов любого правового государства является приоритет прав и свобод человека и гражданина. Проблема защиты прав и свобод личности представляет большой интерес для правоведов и достаточно широко рассматривается не только в общей теории права, но и в отраслевых юридических науках.

Конституция Российской Федерации (ст. 46) [1], Республики Беларусь (ст. 60) [2] и Республики Узбекистан (ст. 44) [3] гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Главенствующая роль в системе элементов правозащитного механизма государства принадлежит именно судебной защите прав человека. Обращение в суд является наиболее действенным из всех выработанных в мировой практике средств защиты прав и свобод личности. Среди основных и неотъемлемых прав именно право на судебную защиту занимает крайне важное место, оно представляет собой неотчуждаемый элемент правового статуса личности в каждом цивилизованном обществе. Права и свободы обеспечиваются правосудием, следовательно, судебная власть выступает как специальная гарантия защиты прав и свобод, закрепленных не только в Конституции, но и в иных законах, непротиворечащих последней. Сильная, независимая и доступная судебная власть является показателем демократичности правового государства и гражданского общества.

Если обратиться к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), то в нем предусмотрено, что задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невиняемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 7) [4].

Примечательно, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (далее – УПК РУ) опускает защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства, и устанавливает только, что задачами уголовно-процессуального законодательства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден (ст. 2) [5]. По нашему мнению, указание в основном источнике уголовно-процессуального права на защиту прав и свобод личности в качестве одной из задач или целей уголовного судопроизводства имеет основополагающее значение.

Что касается современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), то в нем указано, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6) [6]. Российский законодатель отказался от понимания уголовного процесса, как инструмента в системе мер по борьбе с преступностью и переориентировал его на защиту потерпевших от преступных посягательств с одновременной защитой прав участников процесса как от необоснованного обвинения и наказания, так и от иных нарушений в процессе производства. Данный подход имеет концептуальную значимость, поскольку четко обозначивает систему приоритетов, в соответствии с которой и выстраивается вся система уголовного судопроизводства.

Понятие судебной защиты отсутствует в действующем отечественном и зарубежном законодательстве, но является продуктом научной мысли. Судебная защита рассматривается как институт конституционного права [7, с. 2], как вид государственной защиты прав и свобод личности [8, с.], как общественное отношение и государственная функция [9, с. 225]. Некоторые авторы судебную защиту отождествляют с правосудием [9, с. 226] или рассматривают как гарантию доступа к правосудию [10, с. 135]. В теории права судебная защита понимается как составная часть правоохранительной функции государства [11, с. 46].

Существует точка зрения, согласно которой основная задача судебной защиты прав личности в уголовном судопроизводстве состоит в охране общества и государства (а не личности) от преступных посягательств. Все это видится по причине того, что уголовный процесс является видом государственной деятельности, где публичные начала были и продолжают оставаться первичными, основными по отношению к частным [12, с. 111–117]. То есть защита прав личности воспринимается в контексте защиты потерпевшего и изобличении обвиняемого. По нашему мнению, такая позиция представляется сомнительной, так как в данном случае, судебная защита отождествляется с правоохранительной деятельностью. Правоохранительная деятельность, несмотря на ее этимологическую схожесть с понятием «охраны прав», все же более близка к понятию охраны правопорядка органами исполнительной власти, что не всегда означает защиту прав конкретной личности.

М. С. Строгович вполне обоснованно отмечал, что уголовное судопроизводство, реализуя свое назначение, развертывается в виде последовательных, взаимосвязанных, облеченных в определенные правовые формы и к определенной правовой цели направленных действий [13, с. 40].

Посредством реализации указанных действий происходит достижение целей производства по конкретному уголовному делу и обеспечивается реализация назначения уголовного судопроизводства в целом. Но подобное решение возможно только лишь при условии строгого следования принципам уголовного судопроизводства.

Проведя сравнительный анализ принципов уголовного процесса, закрепленных в рассматриваемых Уголовно-процессуальных кодексах, мы видим, что их содержание

практически идентично, за исключением некоторых несущественных положений. Различие видится только в форме изложения принципов, которая не влияет на общее понимание сути принципов правосудия.

Рассматривая полномочия суда, нельзя не затронуть тему судебного контроля как одну из форм судебной защиты в уголовном судопроизводстве. По УПК Республики Беларусь судебный контроль фактически представляет собой только проверку жалоб на действия и решения органа уголовного преследования (ч. 2 ст. 33 УПК РФ). УПК РУ определяет судебный контроль также в большей степени как рассмотрение жалоб, в частности, связанных с применением меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста либо продлением срока содержания под стражей или домашнего ареста (ст. 29). УПК РФ, наряду с рассмотрением жалоб на действия (бездействие) и решения органов уголовного преследования, предусматривает еще одну форму судебного контроля, а именно принятие решений о применении мер процессуального принуждения (ч. 2 и 3 ст. 29). Причем перечень принимаемых российским судом решений в ходе досудебного производства достаточно широкий по сравнению с указанным зарубежным законодательством. Так, российский судебный контроль осуществляется в двух формах, то есть рассмотрение жалоб и санкционирование мер пресечения, в то время как зарубежный судебный контроль реализуется, главным образом, в одной форме – рассмотрение жалоб заинтересованных лиц.

Анализируя институт судебной защиты в отечественном и зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве, можно совершенно точно увидеть схожесть производств в суде первой, второй и надзорной инстанции России, Республики Беларусь и Республики Узбекистан. Некоторые положения судебных производств описаны вплоть до полного сходства друг с другом. Очевидное различие просматривается в производстве при пересмотре итоговых судебных решений, вступивших в законную силу, в частности, в наличии или отсутствии сроков подачи жалобы или представления.

Судебная защита прав личности как одно из средств правовой защиты должно обладать свойством эффективности. Поэтому, с точки зрения этого критерия, рассмотрим современный порядок обжалования итоговых судебных решений, вступивших в законную силу, в рассматриваемых государствах. Европейский Суд по правам человека неоднократно в своих решениях обращал внимание, что национальный законодатель должен уважительно относиться к обязательной природе окончательного судебного решения.

По справедливому замечанию О. В. Качаловой, установление предельного срока кассационного обжалования для всех судебных решений объединит национальные суды и ЕСПЧ в единую систему средств правовой защиты [14, с. 6].

Так, УПК Республики Беларусь предусматривает годичный срок обжалования (опротестования) на вступившие в законную силу судебные решения, которыми уголовное дело разрешается по существу (ст. 406). УПК РУ также содержит указание на то, что жалоба в порядке кассационного производства может быть подана в течении одного года на судебные решения, вступившие в законную силу (ст. 405). В УПК РФ, напротив, отсутствует какой-либо ограниченный срок подачи жалобы в кассационном производстве, что является серьезным пробелом в правовой системе России (ст. 401.2). Наличие строго ограниченного срока обжалования итоговых судебных актов, вступивших в законную силу, призвано урегулировать процедуру кассационного судопроизводства, а также должно способствовать соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства и оперативному восстановлению нарушенных прав.

Следует отметить, что судебную защиту в уголовном судопроизводстве можно представить, как государственно-правовую деятельность органов судебной власти в установленной законом уголовно-процессуальной форме, основополагающим значением

которой является обеспечение и восстановление нарушенных прав и свобод личности, общественного и государственного интереса при производстве по уголовному делу. Такое понимание судебной защиты является общим и верным для всех рассматриваемых правовых систем.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь также, как и Республики Узбекистан, имеет общие корни с советским и российским уголовным процессом. При сравнении уголовно-процессуальных кодексов можно увидеть, что многие положения принимались под непосредственным влиянием уголовно-процессуального законодательства России, как правопреемника СССР. Несмотря на то, что с 1991 года Республики сформировали собственное суверенное право, и между кодексами есть определенные различия, с полной уверенностью можно установить факт значительного сходства уголовно-процессуального законодательства между странами Содружества Независимых Государств.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 1 июл. 2020 г. – М. : Айрис-пресс, 2021. – 96 с.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Алмафея, 2020. – 48 с.
3. Конституция Республики Узбекистан : принята 8 янв. 1992 г. – Ташкент : Узбекистан, 2014. – 76 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июл. 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июн. 1999 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 460 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан : утвержден Законом Респ. Узбекистан от 22 сен. 1994 г. № 2013-ХП. – Ташкент : Нац. правовой информац. центр «Адолат», 2019. – 552 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. –М. : Проспект, 2021. – 384 с.
7. Судебная защита прав и свобод граждан. Научно-практическое пособие / В. П. Кашепов [и др.] ; под ред. В. П. Кашепов. – М. : Норма, 1999. – 255 с.
8. Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. / А. С. Мордовец. – Саратов : Изд-во Саратов. ВШ МВД РФ, 1996. – 286 с.
9. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : Учебник / М. В. Баглай, Б. Н. Габричидзе. – М. : Инфра-М, 1996. – 512 с.
10. Белоусов, М. В. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод (конституционно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М. В. Белоусов. – Ростов-на-Дону, 2008. – 200 л.
11. Толкачев, Х. Б. Личные конституционные права и свободы граждан СССР: система, характеристики, особенности реализации / Х. Б. Толкачев, А. Г. Хабибуллин. – Уфа : Изд-во Уфим. ВШ МВД СССР, 1990. – 92 с.
12. Баранов, А. М. Соотношение задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства / А. М. Баранов, С. В. Супрун // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 111–117.
13. Строгович, М. С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М. С. Строгович [и др.] ; под ред. В. М. Савицкий. – М. : Наука, 1979. – 319 с.
14. Качалова, О. В. ЕСПЧ за ограниченный срок кассационного обжалования / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2020. – № 11. – С. 6.

Научный руководитель: О. В. Качалова,
д-р юрид. наук, доц.

И. М. Сеница

канд. юрид. наук, доц.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ВЗЯТКИ

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда Республики Беларусь № 6 от 26 июня 2003 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т.п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т.п.).

Таким образом, законодательство, ограничивая предмет взяточничества имущественными ценностями и выгодами, носящими имущественный характер, относит получение взятки к корыстным преступлениям, несмотря на то, что корыстные мотив и цель не указаны в ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) как признаки данного состава.

Соответственно, оказание должностному лицу услуг неимущественного характера, не влекущих получение материальной выгоды, за совершение им по службе тех или иных действий или бездействия не может рассматриваться как взяточничество. Таким выгодам и услугам невозможно дать денежную оценку. В таких случаях возможна квалификация по иным статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против интересов службы.

Однозначная позиция законодателя, тем не менее, вызывает дискуссии в научной среде. Вопрос о том, наличествуют ли коррупционные проявления и, прежде всего, взяточничество, в случае, если принимаемые должностным лицом выгоды носят неимущественный характер, остается предметом постоянных обсуждений. Вопрос же об имущественном или неимущественном характере предмета взятки имеет принципиальное значение.

На международно-правовом уровне (в частности, в Конвенции ООН против коррупции) используются такие юридические понятия как «злоупотребление влиянием», «неправомерное преимущество», не подразумевающие материальной составляющей.

В статье 18 Конвенции ООН против коррупции «Злоупотребление влиянием в корыстных целях» указано, что «каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно-наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу или любому другому лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества с тем, чтобы это публичное должностное лицо или такое другое лицо злоупотребило своим действительным или предполагаемым влиянием с целью получения от администрации или публичного органа Государства-участника какого-либо неправомерного преимущества для первоначального инициатора таких действий или любого другого лица;

б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом или любым другим лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или для другого лица, с тем чтобы это публичное должностное лицо или такое другое лицо злоупотребило своим действительным или предполагаемым влиянием с целью получения от администрации или публичного органа Государства-участника какого-либо неправомерного преимущества» [1].

Таким образом, в Конвенции коррупционные проявления не ограничиваются имущественной выгодой и материальными благами, но и подразумевают неправомерное

преимущество, полученное в результате злоупотребления публичным должностным лицом своим действительным или предполагаемым влиянием.

О подобном понимании содержания предмета взятки говорят и некоторые ученые.

А. К. Квициния считает, что предметом взятки может быть всё, чем можно подкупить должностное лицо и оказать на него влияние путем предоставления любых благ, услуг, независимо от того, имеют ли материальные или не материальные свойства и приводит типичные примеры последних: продвижение по службе, представление к награде, положительная рецензия, написание статьи или монографии, включение в соавторы и т.д. [2, с. 134]. Он утверждает, что «признание предметом взятки лишь материальных благ существенно снижает оценку общественной опасности некоторых видов преступной деятельности и оставляет за пределами уголовной ответственности многие деяния, по существу являющиеся взяточничеством» [2, с. 134].

Противоположное мнение заключается в том, что включение в понятие взятки благ неимущественного характера приведет к необоснованному расширению круга общественно опасных деяний, признаваемых взяточничеством. Предполагается, что в случае извлечения должностным лицом выгоды неимущественного характера, его деяние подлежит квалификации как злоупотребление должностными полномочиями.

В то же время, взяточничество является специальной нормой по отношению к злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 424 УК), мотивом действий субъекта которого является корыстная или иная личная заинтересованность. Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь №12 от 16 декабря 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т.п.

Системность толкования уголовного закона предполагает, что личная заинтересованность, не предполагающая приобретения материальной выгоды, может являться признаком взяточничества.

В этой связи представляется интересным мнение о том, что, хотя по общему правилу взятка должна представлять собой непосредственное получение должностным лицом имущественной выгоды, допустимо, в зависимости от конкретной ситуации и более широкое понимание предмета взятки [3]. Определяющим при этом является фактор того, что принимаемая должностным лицом выгода направлена на увеличение его благосостояния или способствует этому. Соответственно, взяткой может быть признано выгодное трудоустройство, написание диссертации или иной научной работы, информация, дающая лицу преимущество в определенной ситуации (например, на конкурсе) и иные подобные действия. Получение взятки будет иметь место в случае избавления должностного лица или его близких от материальных затрат (прощение долга либо погашение взяткодателем долга иному лицу).

Считаем, что проблема определения предмета взятки в уголовном праве Республики Беларусь окончательно не решена и требует дальнейшего рассмотрения.

Список использованных источников

1. Конвенция ООН против коррупции: Принята резолюцией 58/4 Генер. Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml – Дата доступа: 09.12.2020.

2. Мурин, С.В. Проблемы определения предмета взятки по действующему уголовному законодательству России: инновационные проблемы совершенствования

уголовного законодательства / С.В. Мурин // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2016. — Т.26, вып.6. — С. 133-137.

3. Мещерский, А.С. Уголовно-правовые аспекты получения взятки как наиболее опасного проявления коррупции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Мещерский. – СПб., 2002. – 248 с.

Н. Ю. Скрипченко

д-р юрид. наук, проф.

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова»

«НЕРАЗЪЯСНЕННЫЕ» ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ ТОВАРОВ, ВЫПОЛНЕНИЕМ РАБОТ, ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»[1] (далее – Постановление) восполнило дефицит ориентирующих разъяснений в части уголовно-правовой оценки деяний, связанных с оборотом товаров, выполнением работ, оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Разрешив ряд спорных вопросов, длительное время бывших «камнем преткновения» для провоприменения и вызвавших дискуссии в научной среде, заложившего основу единообразного применения ст. 238 УК РФ на практике. Однако не все положения уголовного закона получили ожидаемого содержательного наполнения в результате судебного толкования.

Редакция ч. 1 ст. 238 УК РФ «загадочна» в плане законодательного определена субъекта преступления. Кому предъявлять обвинение: руководителю организации; продавцу, реализующему товар, не отвечающий требованиям безопасности; руководителю среднего звена, которому известно о нарушениях требований безопасности, но который не прекращает оказание услуг; иным работникам, в той или иной степени причастным к осуществлению перечисленных в ст. 238 УК РФ действий? В п. 5 Постановления, по сути, перечислены все указанные лица, однако без внимания осталось положение о том, что прибыль от реализуемых товаров, оказываемых услуг, выполняемых работ получает организация (предприниматель), следовательно, ст. 238 УК РФ может быть вменена рядовому работнику при условии, что на него в установленном порядке возложена обязанность по принятию решения о производстве, хранении, перевозке в целях сбыта либо сбыте товаров и продукции, выполнении работ или оказании услуг с соблюдением требований безопасности жизни или здоровья потребителей.

В п. 6 и 7 Постановления уточняются признаки субъективной стороны анализируемого состава преступления. Так, деяние может быть квалифицировано по ст. 238 УК РФ только, если умыслом виновного охватывалось несоответствие товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг требованиям безопасности. А необходимым условием наступления уголовной ответственности за производство, хранение и перевозку товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности, является совершение этих деяний в целях сбыта.

Указанные разъяснения не вызывают сомнений в части тех действий, которые выражаются в производстве, хранении, перевозке либо сбыте товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а также действий, образующих неправомерную выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Выполнение же работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, на наш взгляд, не может быть отнесено к числу умышленных

преступлений. По справедливому замечанию Л.М. Прокументова и А.В. Архипова, исключение в 1999 г. из диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ последствий в виде причинения вреда здоровью, а также указания на то, что данные последствия могут быть причинены по неосторожности, было не совсем верно истолковано как практическими работниками, так и некоторыми учеными, сделавшими ошибочный вывод о том, что все деяния, перечисленные в ч. 1 ст. 238 УК РФ стали умышленными преступлениями, а составы всех этих деяний формальными.[2, с. 21] Л.М. Прокументов и А.В. Архипов обоснованно отмечают, что признание состава выполнения работ и оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, формальным означало бы криминализацию целого ряда административных правонарушений, устанавливающих ответственность за различные нарушения правил безопасности, что даже не обсуждалось при принятии соответствующих изменений. [3] Относя указанные деяния к составам поставления в опасность, ученые связывают их окончание с моментом возникновения ситуации, реально угрожающей жизни и здоровью потребителя. Преступные же нарушения правил безопасности при осуществлении производственной и иной деятельности, в том числе и при выполнении работ и оказании услуг, не могут быть умышленными преступлениями, поскольку умышленное нарушение правил безопасности с целью причинения вреда здоровью или смерти человеку должно квалифицироваться как соответствующие умышленные преступления против личности. [2, с. 21]

Пункты 8 – 10 Постановления не только содержат разъяснения основных понятий (официальный документ, неправомерная выдача, неправомерное использование), заложенных законодателем в состав преступления, связанный с неправомерной выдачей (использованием) официального документа, удостоверяющего соответствия товаров, работ или услуг требованиям безопасности, но и конкретизируют признак (специальный субъект), по которому указанной состав нужно отграничивать от деяния, охватываемого ст. 327 УК РФ.

В этой части следует обратить внимание на то, что к числу специальных субъектов могут быть отнесены не только должностные лица соответствующих государственных органов и учреждений, но и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях.

Принципиально важными являются и разъяснения, содержащиеся в п. 11 Постановления, в нем Пленум (на примере ст. 264 УК РФ) разграничил преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, со специальными составами преступлений. Однако вряд ли указанных разъяснений достаточно для того, чтобы изменить получившую широкое распространение в последние годы практику необоснованного вменения п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи, повлекшей причинение тяжкого вреда здоровью или смерти пациента. Сотрудники правоохранительных органов необоснованно широко трактуют требования безопасности при оказании медицинской помощи, исходя при этом не из бланкетности указанного признака, а из общих соображений о безопасности. Это приводит к тому, что любое отклонение от правил оказания медицинских услуг в силу специфики медицинской деятельности (медицинское вмешательство само по себе создает опасность для здоровья) является нарушением требований безопасности оказания медицинской помощи, которое создает опасность для здоровья и жизни пациента.

Требования безопасности, которым должны соответствовать медицинские услуги определены в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4], Постановлении Правительства РФ от 12 ноября 2012 г. № 1152 «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности»[5] и Приказе Министерства здравоохранения РФ от 21 декабря 2012 г. №1340н «Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности»[6]. Анализ указанных актов позволяет сделать вывод, что безопасность

медицинских услуг включают в себя только соблюдение требований в части безопасного применения и эксплуатации медицинских изделий и их утилизацию (уничтожение). Следовательно, круг обязанностей врача, оказывающего медицинскую услугу, нарушение которых охватывается ст. 238 УК РФ ограничен только безопасным использованием медицинских изделий. Невыполнение иных профессиональных обязанностей следует квалифицировать по статьям о преступлениях против жизни и здоровья. Конкретизация указанных положений в Постановлении сориентировало бы правоприменителя в определении обстоятельств, подлежащих выявлению и оценке по уголовным делам о преступлениях, ограничив необоснованно широкое применение ст. 238 УК РФ по уголовным делам о преступлениях, связанных с врачебными ошибками.

Список использованных источников

1. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «о» // Российская газета. – 2019. - № 142.

2. Прокументов, Л.М., Архипов, А.В. Ошибки толкования ст. 238 УК РФ в деятельности субъектов правоприменения / Л.М. Прокументов, А.В. Архипов // Российская юстиция. – 2018. – № 12. – С. 20 – 24.

3. Пояснительная записка к законопроекту. Паспорт проекта федерального закона № 97700731-2 «О внесении изменений и дополнений в статью 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 48. - Ст. 6724.

5. Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности: Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2012 г. № 1152 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2012. - № 47. - Ст. 6501.

6. Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности: Приказ Минздрава России от 21 декабря 2012 г. № 1340н / Российская газета. – 2013. - № 136.

Е. В. Старикова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

РАВЕНСТВО ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ И РАВЕНСТВО ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

В настоящее время одним из действующих направлений в рамках правового демократического государства является реализация прав и свобод человека. Данному вопросу уделяется большое внимание со стороны государства, ученых и практических работников. Важную роль при этом играют принципы прав человека, которые находят свое закрепление в нормативных правовых актах, тем самым отражая их юридический характер. При этом принципы прав человека обладают относительной устойчивостью и охраняются государством, а также имеют самостоятельное содержание.

Согласно статье 22 Конституции «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» [1]. Данный конституционный принцип равенства находит отражение во всех областях общественных отношений. В данном направлении важными аспектами являются обеспечение и защита прав граждан органами уголовного преследования и суда. В рамках своей деятельности, предусмотренной уголовно-процессуальным законом, данные органы направлены на

установление фактических обстоятельств дела, дачу юридической оценки и соответственно, принятия законного и обоснованного решения о привлечении виновного к ответственности или об оправдании невиновного по рассматриваемому делу.

Так, рассматривая нормы уголовно-процессуального законодательства, необходимо отметить, о наличии принципа равенства граждан перед законом и равенства защиты их прав и законных интересов. В соответствии со статьей 20 УПК Республики Беларусь предусмотрено, что производство по материалам и уголовному делу осуществляется на основе равенства граждан перед законом, независимо от каких-либо факторов и обстоятельств. При этом необходимо отметить, что равенство граждан перед законом, непосредственно также выражается и в равной обязанности всех починяться закону и нести равную ответственность за его нарушение. Однако, исключение составляет предусмотренный УПК Республики Беларусь порядок производства по материалам и уголовному делу в отношении отдельных категорий должностных лиц, указанных в главе 49 УПК Республики Беларусь, что обусловлено необходимостью обеспечения независимости деятельности данных лиц, предотвращения незаконного вмешательства в их деятельность посредством уголовного преследования по заведомо надуманным основаниям [2].

Важным фактором для реализации прав человека является также непосредственно справедливое судебное разбирательство, которое получило закрепление как на международном, так и на национальном уровнях. Справедливое судебное разбирательство – это один из гарантов реализации верховенства закона в рамках судебного процесса. Право на справедливое судебное разбирательство характерно для всех правовых систем, содержание которых основывается на верховенстве права [3, с.264].

В данном случае непосредственно наблюдается также такой аспект как равенство всех перед законом и судом, что является одним из проявлений демократии государства. Равенство всех перед судом означает наличие единой системы, обеспечивающей каждому человеку, независимо от происхождения, имущественного, должностного положения, других обстоятельств, справедливое и гласное разбирательство дел компетентным и независимым судом, равное для всех применение норм материального права в процессе разрешения спора, процессуальное равенство сторон в судебном заседании [4, с.107]. Данные нормы находят свое отражение в Конституции Республики Беларусь, согласно которой: «Каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки». Именно наличие гарантий или так называемых «обязательных форм судебной процедуры», способствуют восстановлению нарушенных прав органами правосудия.

Основополагающие процессуальные гарантии вырабатывались, прежде всего, применительно к рассмотрению вопросов, связанных с лишением или ограничением свободы, но были распространены, в принципе, на все вопросы, касающиеся нарушения гражданских прав и свобод. Однако наиболее развернутые и детализированные положения относятся к процедуре разбирательства по уголовным делам [5]. Существенным аспектом при реализации справедливости является закрепление в Конституции следующего положения: «Никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». При этом, все сомнения в виновности, которые возникают и не могут быть устранены, при производстве по конкретному делу, интерпретируются в пользу обвиняемого.

Необходимо отметить, тот факт, что все участники процесса, занимающие одинаковое процессуальное положение, наделены в равной степени совокупностью прав и обязанностей, предусмотренных законом, что отражает реализацию равенства перед законом. При этом законом установлен запрет на понуждение лица к исполнению обязанностей, не предусмотренных УПК Республики Беларусь, либо к отказу от своих

прав. Для всех участников процесса создаются необходимые условия для защиты их прав и свобод, принимаются меры по удовлетворению заявленных ими требований. Также предусмотрены меры по обеспечению безопасности, которые принимаются в отношении участников процесса в случаях оговоренных в законе.

В рамках уголовно-процессуального законодательства предусмотрено обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту. Это право они могут осуществлять как лично, так и с помощью защитника (статья 17 УПК). Более того в соответствии со статьей 17 УПК Республики Беларусь «в предусмотренных законом случаях лица, ведущие производство по материалам и уголовному делу, обязаны обеспечить участие защитника подозреваемого, обвиняемого, а равно защитника для осуществления защиты прав и законных интересов умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого». Кроме того, нормами УПК Республики Беларусь предусмотрено оказание юридической помощи за счет средств местного бюджета.

Наличие и реализация принципа равенства перед законом является основополагающим для воплощения и обеспечения равенства в судебном заседании. Поскольку закон непосредственно закрепляет и гарантирует равенство перед судом, то соответственно и порядок его обеспечения. В рамках правового государства все участники процесса наделены правами, обязанностями и ответственностью, которые закреплены в национальном законодательстве. Судебная власть характеризуется самостоятельностью и независимостью, эффективно обеспечивающей защиту прав и свобод граждан.

В общем можно, сказать, что на законодательном уровне, находят отражение и закрепление нормы, содержащие и регулирующие равенство граждан перед законом и равенство защиты их прав и законных интересов. Правоведы отмечают, что сущность и содержание каждого принципа обуславливаются не только собственным содержанием, но и функционированием всей системы. При этом необходимо отметить, что в рамках уголовного процесса нарушение любого принципа приводит, как правило, к нарушению других принципов. Это обусловлено тем, что они представляют собой единую цепь взаимосвязанных положений, способствующих реализации прав и свобод человека и построению уголовного процесса в целом.

Важным аспектом в данной области является практическая составляющая реализации установленных принципов, которая осуществляется путем всесторонней, полной и справедливой деятельности со стороны правоохранительных органов. Способы, с помощью которых осуществляется данный процесс, представляют собой систему действий, которые базируются на правовых элементах, служащих для оптимизации достижения равенства граждан перед законом и равенства защиты их прав и законных интересов на основе принципов входящих в систему уголовно-процессуального права.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2010. – 48 с.

2. Статьи 7 – 25 УПК РБ. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь. Часть I. Общие положения. Раздел I. Основные положения. Глава 2. Задачи и принципы уголовного процесса. – Режим доступа: <https://bypravo.ru/postatejnyj-kommentarij-k-ugolovno-protsessualnomu-kodeksu-respubliki-belarus-chast-i-obshhie-polozheniya-razdel-i-osnovnye-polozheniya-glava-2-zadachi-i-printsipy-ugolovnogo-protsessu-stati-7-2/>. – Дата доступа: 19.12.2020.

3. Смит, Р. Международная защита прав человека: перевод с английского / Рона К.М.Смит. – Минск: Юнипак, 2013. – 424 с.

4. Права человека: учебное пособие / С.А.Балашенко [и др.]; науч. ред. С.А.Балашенко, Е.А.Дейкало. – Минск: Юнипак, 2015. – 200 с.

5. Зайцева, Л.Л. Справедливое судебное разбирательство: международный опыт и законодательство Республики Беларусь / Л.Л.Зайцева // Белорусский журнал международного права и международных отношений 1999. – № 2. –Режим доступа: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/1999-2/1999-2-zaitseva>. – Дата доступа:19.12.2020.

Е. Д. Сунгурова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СТАТЬЕ 235 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Диспозиция статьи 235 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК – РФ) является бланкетной и отсылает правоприменителя к лицензионному законодательству, определяющему порядок и условия получения лицензии для осуществления медицинской и фармацевтической деятельности.

Общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 235 УК РФ, характеризуется осуществлением указанной выше деятельности без лицензии, при условии, что такая лицензия обязательна. Для понимания, в каких случаях будет образовываться состав криминального деяния, необходимо обратиться к Федеральному закону от 04.05.2011 №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [2]. В соответствии с подпунктами 46, 47 статьи 12 указанного выше Федерального закона лицензированию подлежат медицинская деятельность (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»), а также фармацевтическая деятельность.

Конкретизация конкретных работ и услуг составляющих медицинскую деятельность содержится в Приложении к Положению о лицензировании медицинской деятельности [3]. При этом, медицинские работы (услуги) оказываются:

– при оказании первичной медико-санитарной медицинской помощи, под которой понимаются мероприятия по профилактике, диагностике, лечению заболеваний и состояний, медицинской реабилитации, наблюдению за течением беременности, формированию здорового образа жизни и санитарно-гигиеническому просвещению населения [4, ст. 33];

– оказании специализированной (в том числе высокотехнологичной) медицинской помощи, под которой понимаются профилактика, диагностика и лечение заболеваний и состояний (в том числе в период беременности, родов и послеродовой период), требующих использования специальных методов и сложных медицинских технологий, а также медицинскую реабилитацию. Данный вид помощи оказывается врачами-специалистами в стационарных условиях и в условиях дневного стационара [4, ст. 34];

– оказании скорой (в том числе скорой специализированной) медицинской помощи. Данный вид помощи может оказываться в экстренной или неотложной форме вне медицинских организаций, а также в амбулаторных и стационарных условиях [4, ст. 35];

– оказании паллиативной медицинской помощи в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан, направленной на облегчение боли, других тяжелых проявлений заболевания [4, ст. 36];

– оказании медицинской помощи при санаторно-курортном лечении;

– проведении медицинских экспертиз, медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в рамках оказания медицинской помощи;

– трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях.

Таким образом, если выполняемая (оказываемая) работа (услуга) включена в Перечень видов работ (услуг), относящихся к медицинской деятельности, то необходимо наличие медицинской лицензии. При этом лицензия должна быть выдана лицензиату на соответствующую работу (услугу), например, по акушерскому делу, акушерству и гинекологии (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий и искусственного прерывания беременности), акушерству и гинекологии (использованию вспомогательных репродуктивных технологий), акушерству и гинекологии (искусственному прерыванию беременности). Обратите внимание, что указаны различные виды работ (услуг). Например, если организация имеет лицензию с указанием вида деятельности «акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий и искусственного прерывания беременности)», прерывание беременности будет рассматриваться как деятельность без соответствующего разрешения.

На практике распространены ситуации, когда организации и физические лица оказывают услуги по перманентному татуажу, массажу, не имея соответствующей лицензии. В случае наступления общественно-опасных последствий в виде причинения вреда здоровью человека или его смерти, лица привлекаются к уголовной ответственности. Так, приговором Ялуторовского районного суда от 07.09.2018 г. П.С.А. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ. В ходе судебного следствия нашли подтверждение факты того, что подсудимая занималась оказанием услуг медицинского массажа, не имея на то соответствующего разрешения [5]. В другом деле подсудимая Г.Н.А. также была признана виновной по ч. 1 ст. 235 УК РФ. Виновная осуществляла медицинскую деятельность по профилю «Косметология», не имея лицензии [6].

Помимо этого, заявленная работа (услуга) должна соответствовать виду медицинской помощи. Например, дерматовенерология может быть заявлена как работа (услуга) при оказании первичной медико-санитарной медицинской помощи, в такой ситуации данная услуга не может быть оказана в условиях стационара, так как это уже является специализированной медицинской помощью. Иными словами, нарушение закона о лицензировании, способного привести к уголовной ответственности, возможно и в ситуации, когда медицинские услуги оказываются в организации, имеющей лицензию на осуществление медицинской деятельности, но не по данному виду помощи.

В лицензии на осуществление медицинской деятельности указывается конкретный адрес, по которому данная деятельность будет осуществляться. При намерении медицинской организации осуществлять такую деятельность по другому адресу, необходимо обратиться в лицензионный орган с заявлением о переоформлении лицензии. Возможны следующие варианты: указание (дополнение) нового адреса, изменение адреса (например, в случае переезда). Важные изменения в порядок лицензирования были внесены в августе 2020. Теперь, если в структуре медицинской организации организована мобильная медицинская бригада для оказания первичной медико-санитарной помощи населению, проведения профилактического медицинского осмотра, диспансеризации по месту нахождения мобильной медицинской бригады, не требуется переоформления лицензии в части конкретизации адреса. Вместе с тем, при оказании медицинских услуг необходимо соблюдать стандарты оказания помощи, установленные для того или иного ее вида и при определенных условиях оказание таких услуг будет невозможным, а в случае наступления негативных последствий деяние будет квалифицировано по ст. 238 УК РФ.

Ряд медицинских организаций могут осуществлять деятельность без лицензии и, соответственно, на них не будут распространяться нормы ст. 235 УК РФ. В соответствии с Федеральным законом от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» на территории Центра медицинские организации, входящие в частную

систему здравоохранения, могут осуществлять деятельность без получения ими лицензии на соответствующий вид деятельности [7].

Фармацевтическая деятельность также подлежит лицензированию. Под ней понимается деятельность, включающая в себя оптовую торговлю лекарственными средствами, их хранение, перевозку и (или) розничную торговлю лекарственными препаратами, в том числе дистанционным способом, их отпуск, хранение, перевозку, изготовление лекарственных препаратов [8, ст. 4]. Следует отметить, что в 2020 году были внесены изменения в данное определение. С учетом современных реалий законодатель добавил дистанционный способ для осуществления розничной торговли лекарственными препаратами. Для осуществления такой деятельности потребуется соответствующее разрешение федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения.

Анализ объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, выявляет необходимость системной работы с нормативными правовыми актами по установлению действующих на момент совершения преступления лицензионных требований. Ведь только на первый взгляд ответственность будет наступать при полном отсутствии лицензии. При более глубоком изучении объективной стороны усматривается, что под отсутствием лицензии следует понимать и несоблюдение лицензиатом (при наличии лицензии) требований к виду работ (услуг), виду медицинской помощи, адресу, по которому данная деятельность осуществляется. Именно в последнем случае преступления носят латентный характер, так как правоохранительные органы не придают должного значения тонкостям лицензионного законодательства.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

2. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

3. О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»): Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (ред. от 28.11.2020) (вместе с «Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

5. Приговор Ялуторовского районного суда Тюменской области от 07.09.2018 по делу №1-140/2018 // URL: <https://yalutorovsky--tum.sudrf.ru> - Дата доступа : 29.01.2021.

6. Приговор Бежецкого городского суда Тверской области от 29.01.2019 № 1-1/2019 // URL: <http://bezhecky.twr.sudrf.ru/> - Дата доступа : 29.01.2021.

7. Об инновационном центре «Сколково»: Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

8. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (в ред. от 22.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ СО СКЛОНЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ К САМОУБИЙСТВУ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

Для современного человека Интернет предоставляет широкие возможности получения различной информации, обучения, коммуникации между отдельными пользователями в социальных сетях, а также другие возможности, которые при правильном использовании могут быть полезны для пользователя.

Однако Интернет так же используется как основной инструмент при совершении преступлений. Так, в Российской Федерации уже не первый год существует феномен популярности суицидальных «игр», конечной целью которых является совершение самоубийства.

Приговор Судакского городского суда Республики Крым от 7 мая 2018 года по делу № 1-25/2018 содержит информацию о правилах таких игр из показаний подсудимой: «для начала игры пользователи социальных сетей, пишут на своих страницах хэштеги #синийкит, #явигре, #синий, #тихийдом. Потом с пользователями связывается «куратор», который устанавливает с ними контакт. Как правило, «кураторы» пользуются поддельными аккаунтами, зарегистрированные, как часто бывает, на чужие имена и фамилии, то есть их нельзя идентифицировать. Сперва они объясняют правила: «никому не говорить об этой игре», «всегда выполнять задания, какими бы они ни были». Все задания состоят в причинении самому себе физической боли. Надо выполнять по одному заданию в день и в итоге игра приведет к тому, что человек совершит в отношении себя самоубийство. Обычно насчитывается около 50 заданий.

Представляется ли возможным идентифицировать и установить личность субъекта, а также его психическое, психологическое, интеллектуально-волевое состояние во время совершения преступления в условиях, как правило, анонимности? Не вызывает сомнения тот факт, что в силу специфики способа склонения к самоубийству несовершеннолетних и анонимности участников коммуникации, при расследовании таких преступлений возникают сложности в поиске и обнаружении виновного лица, фиксации цифровых следов. В науке сформировалось понимание цифрового следа как криминалистически значимой компьютерной информации о событиях или действиях, отраженной в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи[1, с. 6].

Для успешного расследования преступлений, связанных со склонением несовершеннолетних к самоубийству через Интернет необходимо своевременное назначение и производство судебных экспертиз. Прежде всего, следует обратить внимание на судебную компьютерно-техническую экспертизу. Производство данной экспертизы является, на наш взгляд, обязательным по уголовным делам связанным со склонением к самоубийству несовершеннолетних через Интернет, так как данная экспертиза позволяет определить статус технического устройства, выявить вид технического устройства и установить его роль при совершении преступления, а также позволяет получить доступ к информации на носителях, выявить и зафиксировать цифровые следы, которые оставил субъект преступления при совершении своих противоправных действий.

Назначается и проводится компьютерно-техническая экспертиза и для преодоления установленных на техническое устройство средств защиты (логин и пароль) и восстановления удаленных данных (переписка, фотографий, текстовых документов, аудио и видеофайлов).

Так же, считаем необходимым производство психолого-лингвистической экспертизы, которая может быть актуальна в ходе расследования преступлений в связи с большими возможностями в сфере доказывания.

Так, Соболева Я.Ю. в научной статье «Назначение судебных экспертиз при расследовании суицидов» указывает, что психолого-лингвистическая экспертиза по делам, связанным со склонением несовершеннолетних лиц к самоубийству, решает следующие задачи:

- установление инициатора, предмета беседы, участие в переписке иных лиц;
- выявление психологических и лингвистических признаков воздействия, угроз, оказания давления, оказываемого на несовершеннолетнего в случае невыполнения одного из заданий или выхода из «игры».
- установление личностных качеств, проявляющихся в беседе;
- установить наличие психологических установок;
- установление конкретного выражения реакции несовершеннолетнего на уровне эмоционального отношения, действий, отраженных в переписке[2, с. 45].

Основываясь на судебной и следственной практике, можно сделать вывод о том, что практически во всех уголовных делах, связанных со склонением несовершеннолетних лиц к самоубийству проводились судебно-психиатрическая и психолого-психиатрическая экспертизы.

Использование судебно-психиатрической экспертизы направлено, прежде всего, на определение у обвиняемых наличия психических расстройств, способности осознавать общественную опасность своих действий и способности руководить своими действиями.

Находим верным суждение И.С. Гвоздевой, Л.Г. Шапиро и А.Л. Южаниновой о том, что вместо судебной психиатрической экспертизы обвиняемого целесообразно проведение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, что позволит, с одной стороны, решить входящий в компетенцию эксперта-психиатра вопрос о вменяемости обвиняемого, а с другой – определить индивидуально-психологические особенности его личности, специфику ситуации взаимодействия обвиняемого с потерпевшим, главные психологические мотивы деяния, инкриминируемого обвиняемому, что входит в компетенцию эксперта-психолога[3, с. 127].

В ходе расследования уголовных дел, связанных с тематикой исследования, может быть назначена судебная автороведческая экспертиза, которая позволяет получить информацию о демографических характеристиках субъекта преступления, в том числе об этнической и гендерной принадлежности, о возрасте, уровне образования и иных характеристиках.

Сааков Т.А. считает, что если деятельность, направленная на совершение самоубийства, осуществлялась посредством использования интернет-ресурсов (социальных сетей, блогов, сайтов и т. д.), то зачастую чуть ли не единственным источником криминалистически значимой информации являются речевые следы, оставленные субъектом преступления[4, с. 89].

Однако и эти речевые следы могут вызвать трудности при идентификации личности преступника: субъекты преступлений, пользуясь возможностью сохранения анонимности в социальных сетях, придумывают и придерживаются «легенды», касающейся их биографии личности, выдавая себя за другого человека.

В заключение следует отметить, что, ввиду специфики способа совершения преступлений и отсутствия методики расследования таких преступлений, деятельность по использованию специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с темой исследования, нуждается в дальнейшем изучении и совершенствовании.

Список использованных источников

1. Россинская, Е.Р., Рядовский, И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике /Е.Р. Россинская, И.А. Рядовский // Аубакировские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, Алматы, 19 февраля, 2019. - С. 6-9.

2. Соболева, Я.Ю. Назначение судебных экспертиз при расследовании суицидов / Я.Ю. Соболева // Вестник науки и образования. - 2018. - №8. - С. 44-48.
3. Гвоздева, И.С., Шапиро, Л.Г., Южанинова, А.Л. Специальные психологические знания при расследовании побуждения несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети Интернет/ И.С. Гвоздева, Л.Г. Шапиро, А.Л. Южанинова // Суицидология. - 2018. - № 4. - С. 118 – 137.
4. Сааков, Т.А. Диагностическое исследование этнической принадлежности автора анонимного текста в целях раскрытия и расследования преступлений / Т.А. Сааков // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - №7. - С. 87-96.
5. Приговор Судакского городского суда от 7 мая 2018 года по делу № 1-25/2018. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AnhCjvSdlpdj/> - Дата доступа: 19.01.2021.
6. Приговор Татарского районного суда Новосибирской области от 04 мая 2018 г. по делу № 1-46/2018. - URL: <https://bsr.sudrf.ru> - Дата доступа: 16.01.2021.

Научный руководитель: С. П. Кушниренко,
канд. юрид. наук, доц.

С. М. Храмов

канд. юрид. наук, доц.

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ОСНОВА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ежедневно в практической правоприменительной деятельности в сфере уголовного права возникает задача дать правильную уголовно-правовую квалификацию зарегистрированному общественно опасному деянию. От этого зависит не только ход и направление дальнейшего расследования уголовного дела, но и полнота восстановления нарушенной социальной справедливости.

Для удобства квалификации в уголовном праве используется формальное юридическое понятие состава преступления.

В. М. Хомич определяет *состав преступления* как «систему предусмотренных законом объективных и субъективных элементов и их признаков, которые характеризуют совершенное деяние как преступление в качестве единственного и обобщенного основания уголовной ответственности» [1, с. 73].

Составу преступления присущи следующие функции: оценочная; системообразующая; содействия в правотворческом процессе; связи уголовно-правовой науки и законодательной деятельности; укрепления принципа законности; юридического основания квалификации преступления; разграничительная; градации степени общественной опасности. основания уголовной ответственности;

Говоря о соотношении диспозиции уголовно-правовой нормы и состава соответствующего преступления, необходимо отметить, что состав преступления «гораздо более глубокое понятие, чем диспозиция статьи» [2, с.150].

Отсутствие признаков состава преступления в действиях лица, совершившего правонарушение, может свидетельствовать о необходимости квалификации его действий в соответствии с материальными нормами административного законодательства при наличии соответствующих оснований.

Пример. «Б. признан виновным в том, что 31 декабря 2018 г. около 13:30, находясь по месту жительства, устроил семейный скандал с дочерью А., в ходе которого ругался нецензурной бранью, вел себя агрессивно, бросался в драку, выгонял из квартиры, чем

умышленно причинил психические страдания члену семьи, признаки состава преступления в действиях Б. отсутствуют.

Он же признан виновным в том, что 31 декабря 2018 г. около 13:30, находясь по месту жительства, во время словесного конфликта с дочерью А. высказывал в ее адрес оскорбления, чем умышленно унизил ее честь и достоинство в неприличной форме»[3].

В результате действия Б. были квалифицированы по ч. 2 ст. 9.1 и ст. 9.3 КоАП и, в последующем, был освобожден от административной ответственности по ст. 9.3 КоАП в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения.

Итак, состав преступления – более развернутое понятие, чем диспозиция статьи Особенной части УК

По общему правилу, закрепленному в ст. 11 УК Республики Беларусь, «преступление признается оконченным с момента совершения деяния» (ч. 2).

По конструкции объективной стороны составы преступлений в уголовном праве подразделяются на три вида: материальные, формальные, усеченные.

В материальных составах преступление считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий, указанных в конкретной статье Особенной части УК.

Пример. В Мозыре в ночь на 7 ноября 2015 года «неизвестный, взломав дверь, проник в административное здание УЗ «Мозырская городская больница» и совершил кражу установленного в фойе банкомата...» [4]. В банкомате находились деньги. Вскоре преступник был задержан в лесопарковой зоне сотрудниками ОГАИ РОВД. Он передвигался на микроавтобусе «Фольксваген». Задержанным оказался неработающий местный житель 1968 г. р., ранее судимый за кражу. В салоне микроавтобуса обнаружен и изъят банкомат с деньгами.

Уголовная ответственность за кражу установлена в ст. 205 УК Республики Беларусь. Под ней понимается тайное похищение имущества.

Понятие хищения раскрыто в п. 1 примечания к гл. 24 УК Республики Беларусь «Преступления против собственности».

В гл. 24 УК Республики Беларусь под хищением понимается «умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники» [5, гл. 24].

Как правило, законодатель использует конструкцию с материальным составом преступления, когда причиненный вред может быть достаточно точно зафиксирован и оценен. Обычно это составы преступлений, в которых причиняется имущественный или физический вред.

Любая кража или грабеж являются характерными примерами материальных составов преступлений.

В данном случае преступление считается оконченным при фактическом наступлении последствий.

В формальных составах преступление считается оконченным с момента совершения деяния, которое указано в конкретной статье Особенной части УК. В этих случаях для квалификации преступления как оконченного наступление общественно опасных последствий не требуется. По общему правилу, если такие последствия наступили, на квалификацию они не влияют.

Для усиления превентивного воздействия уголовно-правовых норм, в УК момент окончания преступления связан с совершением самого деяния вне зависимости от наступления последствий. Согласно ч. 2 ст. 11 УК Республики Беларусь, «преступление признается оконченным с момента совершения деяния».

Пример. Преступление, предусмотренное ст. 328 УК Республики Беларусь, считается оконченным с момента совершения указанных в ней действий (незаконные без

цели сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов) независимо от наступления вреда здоровью хотя бы одному человеку.

Помимо материальных и формальных составов в уголовном праве выделяют усеченный состав преступления. В усеченном составе момент окончания преступления, предусмотренного Особенной частью УК, перенесен на еще более раннюю стадию, чем в формальном.

Примером усеченного состава является планирование либо подготовка агрессивной войны (ч. 1 ст. 122 УК Республики Беларусь). Данное противоправное деяние окончено на стадии создания условий для совершения преступления.

К усеченным составам преступлений относится также разбой (ст. 207 УК Республики Беларусь). При разбое момент окончания преступления отодвинут законодателем на еще более раннюю стадию. Он считается оконченным с момента нападения.

При бандитизме (ст. 286 УК Республики Беларусь) преступление считается оконченным еще раньше – на этапе создания банды.

Главное отличие усеченных составов преступлений от формальных состоит в том, что «прямым умыслом виновного охватываются не только действия, входящие в состав преступления, но и дальнейшие, направленные на тот же объект действия и их результат, находящиеся за пределами данного состава» [6, с. 44].

В ряде случаев для уяснения вида состава преступления по конструкции объективной стороны достаточно уяснить грамматический смысл уголовно-правовой нормы.

Пример. Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК Республики Беларусь, является материальным. Законодательное определение убийства – «умышленное противоправное лишение жизни другого человека» [5, ст. 139]. Из смысла приведенной правовой нормы следует, что пока другой человек не лишен жизни, нет оконченного преступления, предусмотренного ст. 139 УК Республики Беларусь.

Если лицо, совершившее убийство, находилось в состоянии невменяемости, его действия квалифицируются как общественно опасное деяние, предусмотренное соответствующей частью ст. 139 УК.

Пример. «Б. в период с 23:00 7 июня 2019 г. до 00:55 8 июня 2019 г., будучи в состоянии невменяемости, находясь по месту своего жительства в доме по ул. К. в г. Б., после совместного распития спиртных напитков с Л., будучи в состоянии алкогольного опьянения, с особой жестокостью нанес Л. имевшимся в доме топором не менее 63 ударов по различным частям тела, в том числе в жизненно важные органы (не менее 22 ударов в область головы, не менее 12 - в область шеи, не менее 9 - в область грудной клетки, не менее 2 - в область живота, не менее 16 - в область верхних конечностей и не менее 2 - в область нижних конечностей), тем самым причинив Л. сочетанную травму...

Смерть Л. наступила на месте происшествия через непродолжительное время в результате сочетанной травмы с ее проявлениями, осложнившейся развитием травматического шока»[7].

Действия Б. были квалифицированы судом как «общественно опасное деяние, предусмотренное п.6 ч.2 ст.139 УК»[7].

Если принять в качестве критерия уголовно-правовую значимость, то все признаки, относящиеся к составам преступлений, можно условно поделить на две группы: позитивные и негативные. При этом под позитивными следует понимать признаки, которые указывают на наличие состава преступления, а негативные – на его отсутствие. В названиях разделов и глав Особенной части УК предусматриваются только позитивные признаки составов преступлений.

Таким образом, состав преступления является юридической основой квалификации преступлений. Состав преступления выполняет оценочную, системообразующую,

разграничительную и иные функции. Соотношение состава преступления и диспозиции статьи уголовного закона заключается в сопоставлении их отдельных элементов с целью дачи верной уголовно-правовой квалификации содеянного. Состав преступления содержит как позитивные, так и негативные признаки. Последние указывают на отсутствие в оцениваемом деянии состава преступления.

Список использованных источников

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
2. Прохоров, Л. А. Уголовное право : учебник / Л. А. Прохоров, М. Л. Прохорова. – М. :Юристь, 1999. – 480 с.
3. Архив городского суда за 2019 г. – Постановление от 01.03.2019 г.
4. Сводка преступлений и происшествий от 8 ноября 2015 г. [Электронный ресурс] / М-вом внутренних дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/mai№.aspx?guid=292873>. – Дата доступа: 24.12.2018.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Дурманов, Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н. Д. Дурманов. – М.: Госюриздат, 1955. – 211 с.
7. Архив областного суда за 2019 г. – Определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 24.10.2019 г.

И. Р. Хроменков

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: МНОГООБРАЗИЕ РАКУРСОВ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ

В научной литературе вопрос о соотношении частных и публичных начал в российском досудебном производстве рассматривается учеными с различных позиций:

1. В широком и узком смысле. В юридической литературе справедливо отмечается, что вопрос о соотношении частных и публичных интересов в уголовном процессе может быть рассмотрен в двух аспектах: в широком смысле - уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов рассматривается как гарантия защиты общества от преступности и одновременно гарантия от незаконного привлечения гражданина к уголовной ответственности, осуждения и незаслуженного наказания; в узком - соотношение частных и общественных элементов в уголовно-процессуальном праве полностью поглощается принципами диспозитивности и публичности [1, с. 279-280], и весь анализ по существу сводится к сравнительно-правовому анализу указанных принципов уголовного судопроизводства.

К сожалению, ученые-процессуалисты зачастую рассматривают данную проблематику в основном с позиции принципов диспозитивности и публичности, то есть в узком смысле [2, с. 3], в связи с чем является актуальным исследование вопроса о соотношении частного и публичных элементов в широком смысле применительно к различным досудебным стадиям российского уголовного процесса.

2. С учетом построения и функционирования ключевых уголовно-процессуальных моделей в их географическом и содержательном наполнении (континентальная,

англосаксонская, советская, мусульманская и др.). Так, например, в юридической литературе справедливо отмечается, что «если в уголовном процессе главенствует общественный интерес, то деятельность направлена на установление материальной (объективной) истины, так как только она соответствует социальной справедливости. Если же на передний план выступает частный интерес, то о материальной истине речи быть не может, нужно говорить об истине формальной, сугубо юридической, т.е. о правоте сильной стороны в судебном споре» [3, с. 131]. В последнем случае речь идет о том, что особенностью англосаксонской (англо-американской) модели уголовного процесса является процессуальная состязательность сторон на всех стадиях. Указанное уточнение особенно важно, учитывая, что в юридической литературе далеко не всегда авторы публикаций разграничивают целеполагающие начала континентальной и англосаксонской процессуальных систем. Так, например, в одной из недавних публикаций указано следующее: «пример превалирования личного интереса над истиной можно найти и в англосаксонском праве» [4, с. 143], хотя очевидно, что цель достижения истины в англо-американском процессе отсутствует.

3. Исходя из двух ключевых моделей построения уголовного процесса, приоритетности тех или иных ценностей (с одной стороны, гарантированность неукоснительного соблюдения прав и свобод человека, с другой, необходимость ограничения указанных прав с целью защиты государства и всех его членов от противоправных посягательств): контроля над преступностью либо надлежащей правовой процедуры [5], и в более глобальном аспекте, вектора развития уголовно-процессуальной политики, соответственно.

Как справедливо отмечается в Курсе уголовного процесса Юридического Факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: для современной отечественной уголовно-процессуальной политики характерны колебания, заключающиеся в поиске «золотой середины» между моделями «надлежащей правовой процедуры» и «контроля над преступностью» [6, с. 55-59]. Анализ недавних предложений по оптимизации уголовно-процессуального законодательства, прозвучавших на официальной уровне со стороны руководства судебным сообществом на Совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, прошедшим 12.02.2020 в Москве (введение уголовного проступка [7], института следственных судей [8]), и другие предлагаемые новации, связанные с декриминализацией некоторых составов преступлений [9], поступающие предложения о расширении подсудности суда с участием присяжных заседателей [10], бесспорно, свидетельствуют о том, что современной направленностью российской уголовно-процессуальной политики необходимо считать тяготение к модели «надлежащей правовой процедуры», максимальная ориентация уголовного процесса на гуманизацию уголовного законодательства. Вместе с тем, закон, ограничивший применение особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в порядке гл. 40 УПК РФ по уголовным делам о тяжких преступлениях, содержит в себе проявление концепции «борьбы с преступностью» [11]. На взаимосвязь поиска баланса уголовно-процессуальных интересов при конструировании моделей уголовно-процессуальной политики также обратила внимание Д.О. Мамонтова [12].

Автор настоящей статьи является сторонником «надлежащей правовой процедуры», ярким олицетворением которой является фраза, содержащаяся в одном из судебных решений Верховного Суда США - «Фишер против одного из штатов» 1926 г.: «...обязанность обеспечения конституционных прав лица, в отношении которого проводится судебное разбирательство, на протяжении всей жизни указанного лица, превалирует над простыми правилами судопроизводства, и там, где суд определенно убежден в наличии таких нарушений, суд отказывается признавать их законными, и применяет восстановительные меры» [13].

4. Проблема соотношения частного и публичного при осуществлении уголовного правосудия может быть рассмотрена еще исходя из одной классификации, также

связанной с направлением развития уголовно-процессуальной политики: карательным или восстановительным правосудием.

Примечательно, что Совет при президенте по развитию гражданского общества и правам человека в апреле 2020 года намеревался представить законопроект, расширяющий возможности медиации в уголовном процессе, однако, к сожалению, из-за начавшейся в Российской Федерации пандемии коронавируса, представление на обозрение и обсуждение общественности указанного законопроекта было отложено на неопределенный срок [14]. На наш взгляд, ориентиром для создания законодательных основ медиативных процедур в уголовном судопроизводстве может послужить имеющаяся в настоящее время правовая база применительно к ювенальной юстиции [15].

Кроме того, в 2020 году Министерством просвещения Российской Федерации были разработаны нормы рекомендательного характера для распространения функционирования служб медиации в образовательных учреждениях, в которых обучаются лица школьного возраста [16].

Таким образом, вопрос о соотношении частных и публичных начал в уголовном процессе может быть раскрыт с различных позиций, однако в настоящее время является актуальным исследовать указанную проблему в двух аспектах: с одной стороны, в широком смысле: с точки зрения уголовно-процессуальной деятельности государственно властных его участников, а, с другой стороны, с точки зрения необходимости в определенных случаях и при соблюдении ряда условий активного внедрения в российский уголовный процесс элементов восстановительного правосудия.

Список использованных источников

1. Каминский, Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». - 2018. - № 14. – С. 270-280.

2. Рогова, О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Томск, 1994. - 28 с.

3. Давлетов, А. А., Барабаш, А. С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. - 2011. - № 4. - С. 125-136.

4. Гриненко, А. В., Гуджабидзе, Г. А., Потапов, В. Д., Железняк, Н. С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. - 2020. - № 1. - С. 139-147.

5. Packer, H. L. Two Models of the Criminal Process // Stanford University Press. - 1968. - P. 1-12.

6. Курс уголовного процесса // под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. - М.: Статут, 2017. - 1280 с.

7. В законодательстве появятся «уголовный проступок» и «следственные судьи» // URL: <https://www.ugpr.ru/news/3204-v-zakonodatelstve-poyavyatsya-ugolovnyu-prostupok-i-sledstvennye-sudi> - Дата доступа 23.02.2020.

8. Советник ФПА рассказал, чем будут заниматься следственные судьи // URL: <https://www.ugpr.ru/news/3212-sovetnik-fpa-rasskazal-chem-budut-zanimatsya-sledstvennye-sud> - Дата доступа 23.02.2020.

9. Хищение менее 2,5 тыс. руб. перестанут считать кражей // URL: <https://www.ugpr.ru/news/3206-hishchenie-menee-25-tys-rub-perestanut-schitat-krajey> (дата обращения 23.02.2020); Госсовет предложил ввести наказание для следователей и судей за необоснованные дела // URL: <https://www.ugpr.ru/news/3213-gossovet-predlozil-vvesti-nakazanie-dlya-sledovateley-i-sudey-za-neobosnovannye-dela> - Дата доступа 23.02.2020.

10. Присяжные будут рассматривать дела предпринимателей // URL: <https://www.ugpr.ru/news/3205-prisyajnye-budut-rassmatrivat-dela-predprimateley> - Дата доступа 23.02.2020.

11. Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Мамонтова Д.О. Роль понятия интереса в установлении институциональной сущности уголовного судопроизводства // Мировой судья. - 2020. - № 5. - С. 22-27.

13. Trachtenberg, Ben and Alexander, Anne Gardner, Show Me Criminal Procedure (July 24, 2019). Show Me Criminal Procedure Second Edition - Spring 2019; University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper No. 2019-13. P. 25. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3426184> - Date of conversion 06.12.2019.

14. СПЧ готовит проект о процедурах восстановительного правосудия // URL: <https://www.ugpr.ru/news/3237-spch-gotovit-proekt-o-protsedurah-vostranovitel'nogo-pravosudiya> - Дата доступа 13.06.2020.

15. Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 № 1430-р // СПС «КонсультантПлюс».

16. О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по развитию сети служб медиации (примирения) в образовательных организациях и в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: письмо Минпросвещения России от 28.04.2020 № ДГ-375/07) // СПС «КонсультантПлюс».

Научный руководитель: О. В. Качалова,
д-р юрид. наук, доц.

Т. В. Черноокая

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

ХИЩЕНИЕ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время во всем мире наблюдается тенденция стремительного развития и внедрения во все сферы жизнедеятельности человека и общества информационных технологий. Кроме того, информационные технологии стали так называемой возможностью для преступников совершать преступные посягательства в корыстных целях. Интернационализация киберпреступлений делает необходимой активизацию процесса унификации и развития национального уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации как стран, входящих в такие интеграционные образования, как Союз Беларуси и России, Евразийский экономический союз и СНГ. В связи с этим, происходит глубокое реформирование ключевых отраслей действующего законодательства, в ходе которого существенно изменяются и дополняются уже существовавшие нормы.

Российский законодатель относительно недавно пошел по пути дифференциации уголовной ответственности за хищения в зависимости от сферы, в которой оно происходит. Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен

статьей 159.6, которая устанавливает уголовную ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

Диспозиция ч.1 ст.159.6 УК РФ предусматривает следующее: «Мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [1].

Согласно разъяснению, приведенному в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» под иным вмешательством следует понимать целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него [2]. В том же случае, когда хищение осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-теле-коммуникационных сетях, включая сеть Интернет, то такие действия надлежит квалифицировать по ст. 159 УК РФ.

Приведем пример из судебной практики: Судом Кемеровского района признан виновным по ч. 1 ст. 159.6 УК программист К. Установлено, что с июля по ноябрь 2013 года гражданин К. внес в электронный файл с информацией о заработной плате работников предприятия данные о несуществующем сотруднике. Зарплата нового сотрудника формировалась с помощью вирусной программы, которая частично снимала в его пользу деньги со счета каждого из коллег. После этого файл с данными поступал в банк, который соответственно начислял деньги на банковские карты всех работников, в том числе и нового. Ущерб составил почти 200 тысяч рублей [3].

Вместе с тем, Президиум Верховного Суда РФ в обзоре судебной практики по применению ФЗ № 207 от 29.11.2012 дал разъяснение по уголовно-правовым составам ст. 159.1-159.6 УК РФ, где определил, что данные составы необходимо понимать как специальные разновидности общего состава мошенничества, закрепленные ст. 159 УК РФ «Мошенничество» [4].

Частью 1 статьи 212 УК РФ устанавливается ответственность за хищение путем использования компьютерной техники [5]. Белорусский законодатель выделяет хищение в сфере компьютерной информации как отдельную форму хищения.

Пример: «В октябре 2020 года 34-летний мужчина на популярной торговой интернет-площадке разместил объявление о продаже микроволновой печи. Посредством мессенджера с ним связался потенциальный покупатель и сообщил, что хочет приобрести печь через Kufar-доставку, после чего переслал фишинговую ссылку. Перейдя по ссылке минчанин заполнил реквизиты своей банковской карты, в том числе и остаток на счете. Вместо пополнения баланса потерпевший лишился более 980 рублей» [6].

Так называемые действия виновного в данном случае предусматривают создание фишинговой веб-страницы, после чего вступление с потерпевшим в диалог посредством сети Интернет, введение последнего в заблуждение относительно намерения перевести денежные средства за якобы приобретаемый товар. Формально в данных действиях имеются признаки состава мошенничества, однако данные действия подлежат квалификации по ч.2 ст.212 УК РФ, поскольку, на наш взгляд, критерием разграничения состава мошенничества и хищения путем использования компьютерной техники может служить, в том числе и факт того, каким образом происходит «передача» денежных средств. Например, в марте 2019, используя социальную сеть «Вконтакте» мошенники под предлогом оказания услуг по получению

прибыли от ставок на спорт завладели без малого 700 рублями жителя Гродно. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч.1 ст. 209 (мошенничество) Уголовного кодекса. По аналогичной статье уголовного кодекса возбуждено дело по факту завладения денежными средствами жительницы областного центра, которая в июне текущего года на торговой Интернет-площадке Куфар вела переписку о покупке щенка. Из-за действий мошенников гродненка лишилась более 400 рублей [7].

Как видно, в данном случае, сеть Интернет используется способ совершения преступления, облегчающее его совершение, в свою очередь, потерпевшие самостоятельно передают свои денежные средства мошенникам. В случае, когда потерпевшим причиняется имущественный ущерб после перехода на фишинговые веб-страницы и передачи реквизитов своей банковской карты в дело главным образом вступает техника, которая обрабатывает полученную информацию и, конечном итоге, происходит списание денежных средств со счетов потерпевших, поэтому подобные действия квалифицируются по ст.212 УК РБ. Как отмечает В.В.Хилюта: «обман как способ совершения мошенничества может быть средством, облегчающим совершение преступления с использованием компьютерной техники, однако в таком случае состав, предусмотренный ст. 212 УК РБ, будет отсутствовать. Обусловлено это тем, что суть компьютерных манипуляций не может заключаться в обмане, поскольку лицо, работающее с системами автоматизированной обработки информации, объективно поставлено в такие условия, что оно будет добросовестно заблуждаться относительно полученной информации, независимо оттого, была ли она видоизменена или изначально являлась ложной. Другими словами, использование компьютерных манипуляций не ведет к обману, поскольку в данном случае отсутствует как таковой обман живого человека» [8].

Однако, на наш взгляд, приведенный выше пример мошенничества, где в качестве способа используется также сеть Интернет или иные интернет-технологии, обладает повышенной общественной опасностью, нежели простой способ мошенничества, когда лицо, совершающее преступление, вступает в личный контакт с потерпевшим. В данном случае, при использовании сети Интернет или иных интернет-технологий отсутствует подобный контакт, преступник использует исключительно в качестве способа обман или введение в заблуждение потерпевшего, ко всему прочему также может использоваться и сеть Интернет, когда у потерпевшего отсутствует объективная возможность проверить на достоверность те интернет-сообщества, где осуществляет продажа товара, а также имеется ли подобный товар в натуре. В данной связи полагаем, что в случае, когда мошенником используется сеть Интернет либо иные интернет-технологии (к ним можно отнести различные мессенджеры, интернет-площадки для реализации товаров), то данные действия обладают большей общественной опасностью, следовательно, на наш взгляд, должны быть выведены в качестве отдельного квалифицирующего признака.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ УК РБ и УК РФ в части хищения путем использования компьютерной техники показал, что российский законодатель выделил данный состав в состав мошенничества в сфере компьютерной информации, в то же время, в Республике Беларусь законодатель не стал определять в качестве деяний, которые совершаются с использованием компьютерной техники исключительно мошенничество, что полагаем, представляет собой наиболее оптимальный путь развития законодательства в этой сфере. Кроме того, на наш взгляд, с учетом следственной и судебной практики считаем необходимым дополнить ч.2 ст.209 УК РБ квалифицирующим признаком: «с использованием компьютерной техники или сети Интернет», в связи с тем, что данный способ обладает большей общественной опасностью, нежели обычный состав мошенничества.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Государственной думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федер. 05 июня 1996 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2019 г. // КонсультантПлюс. – Москва, 2021.

2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // КонсультантПлюс. – Москва, 2021.

3. Судебная практика по ст.159.6. Мошенничество в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс] // Sud.-praktika.ru. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/category/1178.html/>. – Дата доступа: 30.01.2021.

4. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 Г «Об объявлении амнистии» / [Электронный ресурс] : Верховный суд Российской Федерации // КонсультантПлюс. – Москва, 2021.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 2008 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.11.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. УСК по Минской области о росте количества фактов, связанных с мошенническими схемами фишинга [Электронный ресурс] // Следственный комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-minsk-ru/view/usk-po-minskoj-oblasti-o-roste-kolichestva-faktov-svjazannyx-s-moshennicheskimi-sxemami-fishinga-9158/>. – Дата доступа: 30.01.2021.

7. УСК по Гродненской области о мошеннических действиях, совершаемых в сети Интернет [Электронный ресурс] // Следственный комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-grodno-ru/view/usk-po-grodnenskoj-oblasti-omoshennicheskix-dejstvijax-sovershaemyx-v-seti-internet-9281/>. – Дата доступа: 30.01.2021.

8. Хиллота, В. В. Отграничение состава преступления, предусмотренного ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь, от иных составов преступлений [Электронный ресурс] : // КонсультантПлюс. – Минск, 2021.

Научный руководитель: С. М. Храмов,
канд. юрид. наук, доц.

М. Г. Черноудова

ФГБОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова»

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Развитие международного сотрудничества в рамках различных международных организаций, реализация международных соглашений, тенденции мировой и национальной экономики позволяют сделать вывод о том, что мигранты являются особой сферой интересов общества и государства на текущий момент.

Российское национальное законодательство и подзаконные акты включают достаточно большую группу норм, связанную с правовым статусом иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев и вынужденных переселенцев. К числу основных актов в этой сфере можно отнести Федеральные законы от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1] и от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [2]. Кроме того, отдельными документами регулируется вопрос о легальном порядке пересечения государственной границы РФ - Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации».

Федерации»[3], Федеральным законом от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[4]. Подзаконные нормативные акты регулируют узкие вопросы реализации отдельных норм указанных законов.

Миграционные вопросы для российского государства стали определяющими в большинстве сфер его развития. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683[5] (далее по тексту - Стратегия) сделан вывод о неэффективности применения региональной системы миграционной политики (на примере Евро-Атлантического региона). Помимо этого, подчеркивается тот факт, что наряду с развитием новых видов противоправной деятельности в сфере коммуникации, информационных и высоких технологий актуализируются вопросы неконтролируемой и незаконной миграции, торговля людьми, наркотрафик и иные формы транснациональной организованной преступности.

В Стратегии в качестве совместного проекта государства и гражданского общества в России подчеркнута необходимость приложить усилия к реализации социально-экономической политики в том числе: обеспечении баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов-иностранцев граждан, с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, совершенствования миграционного учета, обоснованного территориального распределения трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах. Данный подход представляется обоснованным исходя из того обстоятельства, что в качестве национальной угрозы в сфере экономики названы сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы расселения.

По данным Министерства внутренних дел РФ, с 2016 по 2019 г.г. сохранялась тенденция по увеличению числа иностранных граждан и лиц без гражданства, которые встали на миграционный учет(2016 г.-14337084, 2017 г.-15710227, 2018 г.-17764489, 2019-19518304). В 2020 году по объективным причинам число таких лиц составило всего 9802448 [6]. При этом, сотрудники Федеральной службы статистики Российской Федерации делают вывод на основе собранных ими показателей, что Россия становится менее привлекательной для мигрантов, поскольку в 2018 году миграционный прирост значительно снизился, то есть все меньшее количество мигрантов остаются на территории нашего государства (в 2016 году в РФ остались 261.948 человек, в 2017 - 211.878 человек, в 2018-124854 человек)[7].

Генеральная прокуратура Российской Федерации, проводя анализ данных о преступности, выделила статистические данные по иностранным гражданам в качестве лиц как участников и жертв преступлений и данные следующие [8]

	Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства	Выявлено иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления	Зарегистрировано преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства
2020(январь-ноябрь)	31693	26726	14740
2019	34917	29922	16810
2018	38598	32728	15816
2017	41047	35130	14679
2016	43933	37684	15660
2015	48210	41522	17289

Представляется возможным сделать вывод о том, что отмечается общая тенденция к снижению количества выявленных преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также количества совершивших преступления. При этом, тенденция по числу преступлений в отношении иностранцев и лиц без гражданства остается непостоянной.

Одной из основных целей визита в Россию для иностранных граждан и лиц без гражданства становится трудоустройство. В этой связи становится вопрос о денежных потоках, которые выводятся за территорию государства. По данным Аналитического центра при Правительстве РФ, был сделан вывод о том, что экономическая ситуация в России, в том числе связанная с колебаниями курса рубля, влияет размер международных денежных переводов мигрантов из России. Так, например, за 2014-2016 годы перечисления сократились на 56,4% [9, с.6]. Противоречивую оценку можно дать также тому факту, что в 2017 году Россия входила в число ключевых стран-доноров денежных переводов трудовых мигрантов в 2008-2017 г. (занимая 6-ое место, общая величина денежных переводов в 2017 году из России по оценке Всемирного банка составила 16,2 млрд долл.США) % [9, с.10].

Организация объединенных наций, на своем официальном сайте отобразила следующую информацию. В 2019 году число международных мигрантов достигло отметки в 272 миллиона, что на 14 миллионов превышает данные за 2017 год. Женщины составляют 48% от общего числа мигрантов, около 38 миллиона - дети, 4,4 миллиона - международные студенты и 164 миллиона - трудовые мигранты. 75% мигрантов - люди трудоспособного возраста (20-64 лет). Почти 31% всех мигрантов проживают в Азии, 30% - в Европе, 26% - в Северной и Южной Америке, 10% - в Африке и 3% - в Океании [10].

Следовательно, тенденции в мировом сообществе позволяют сделать вывод о том, что миграционные процессы активно развиваются и требуют пристального внимания со стороны как отдельных государств и международных организаций.

Подводя промежуточные выводы, можно предположить, что миграция населения является комплексным правовым, социальным и экономическим явлением. Последствия миграции населения практически отражаются на всех сферах жизни государства и общества. Сделать однозначный вывод о том, что Стратегия полностью реализована или не реализована, нуждается ли она в изменениях не представляется возможным.

Список использованных источников

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» - Дата доступа: 04.01.2021.
2. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ " // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» - Дата доступа: 24.01.2021.
3. О Государственной границе Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» - Дата доступа : 25.01.2021.
4. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» - Дата доступа : 25.01.2021.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» - Дата доступа : 04.01.2021.

6. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Статистика и аналитика. [Электронный ресурс] // <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics> - Дата доступа : 29.01.2021.

7. Официальный сайт Федеральной службы статистики Российской Федерации. Статистика миграции по данным Росстат [Электронный ресурс] // <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> - Дата обращения: 29.01.2021

8. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. [Электронный ресурс] // http://crimestat.ru/offenses_map - Дата доступа : 29.01.2021

9. Международные денежные переводы мигрантов-важнейший источник финансирования развивающихся стран.//Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Сентябрь. - 2019. - № 48. – С 15.

10. Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс] // <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/> - Дата доступа : 29.01.2021..

И. Н. Цыкунова

канд. юрид. наук, доц.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) [1] в ст. 105 не дает определения понятия «оценка доказательств», но называет те свойства, служащие также и критериями оценки (относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательств в их совокупности), которым должны соответствовать доказательства. Важно отметить, что законодатель определил принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 19 УПК), а также четко указал цель оценки доказательств (ч. 1 ст. 105 УПК): во-первых, для принятия правильного процессуального решения об окончании предварительного расследования и во-вторых, для разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве, что подразумевает установление истины по делу. Данное положение должно содействовать правильному пониманию анализируемого элемента процесса доказывания при его практической реализации. Такой подход законодателя к оценке доказательств направлен на усиление защиты прав участников уголовного процесса и его дальнейшую демократизацию.

Оценка доказательств осуществляется на всех стадиях уголовного процесса и заключается в определении их качества и значения по материалам и уголовному делу для принятия процессуальных решений. Результаты оценки доказательств при принятии решений, завершающих каждую стадию процесса, должны излагаться в соответствующих процессуальных документах. Постановление о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд и справка о результатах проведенного по делу предварительного расследования, постановление (определение) о прекращении производства по делу, приговор, определение (постановление) апелляционной и надзорной инстанций должны основываться на имеющихся в материалах или уголовном деле доказательствах, которые при их оценке были признаны относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными для принятия процессуальных решений [2, с. 288-289].

Следовательно, оценка доказательств выступает как необходимая предпосылка для принятия и обоснования почти любого процессуального решения по уголовному делу. Оценка доказательств имеет внутреннюю (логическую) и внешнюю (правовую) стороны. Логическая сторона оценки доказательств заключается в том, что в процессе доказывания субъекты доказывания осуществляют логические мыслительные операции по определению относимости и достоверности фактических данных, допустимости

источников доказательств, их достаточности для принятия процессуального решения, формулируют и обосновывают выводы. Правовая сторона оценки доказательств состоит в том, что правовые нормы определяют цель и принципы оценки доказательств, а также внешнее выражение ее результатов в процессуальных решениях и документах.

Таким образом, предлагаем рассматривать оценку доказательств в качестве логического, мыслительного процесса органа уголовного преследования и суда, осуществляемого в соответствии с уголовно-процессуальными нормами по определению относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, с целью установления обстоятельств, имеющих значение для принятия процессуальных решений, для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела, и получающего отражение в процессуальных документах в виде обоснования таких процессуальных решений.

Как уже отмечалось, оценка доказательств дается на всех стадиях уголовного процесса и регламентируется в ст. 105 УПК «Оценка доказательств» применительно ко всем стадиям уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, в ходе рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции оценка доказательств имеет свои особенности, которые, по мнению автора, обусловлены самим процессуальным порядком рассмотрения уголовного дела в суде второй инстанции.

По утверждению А. В. Солтановича, М. А. Скалкович, «согласно УПК Республики Беларусь апелляционное производство – это проверка судебных решений без правомочия суда второй инстанции на проведение судебного следствия в соответствии с правилами судопроизводства в первой инстанции, а соответственно, и без правомочия исследования новых доказательств. В Республике Беларусь апелляционное следствие сводится к докладу судьи апелляционной инстанции о существовании дела, доводах жалобы или протеста, объяснений лиц, подавших жалобу, а также разъяснений потерпевших, свидетелей, экспертов, специалистов, исследованию письменных материалов дела (ст. 385 УПК)» [3, с. 142]. В целом такое утверждение представляется нам верным.

Действительно, в апелляционной инстанции непосредственного и устного исследования доказательств по правилам судебного следствия, характерного для судебного разбирательства уголовного дела (заслушивание показаний обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, осмотр вещественных доказательств, оглашение протоколов и других документов и иные судебные действия по исследованию доказательств в судебном заседании), не происходит. На недопустимость непосредственного исследования доказательств при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке указывают положения, закрепленные в п. 2, 3 ч. 7 ст. 385 УПК. Так, суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства, имеющиеся в уголовном деле, которые не были исследованы судом первой инстанции, и дать им оценку, а также дать оценку доказательствам, исследованным судом первой инстанции, но не получившим оценку в приговоре, если для этого не требуется проведения судебного разбирательства по первой инстанции.

В то же время при рассмотрении уголовного дела суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе назначить судебно-психиатрическую и иную экспертизу, если ее проведение возможно по имеющимся в деле или дополнительно представленным материалам, истребовать документы и иные сведения о состоянии здоровья, семейном положении, прошлых судимостях и других данных о личности обвиняемого; истребовать иные документы и сведения, имеющие значение для разрешения дела (п. 1, 4, 5 ч. 7 ст. 385 УПК).

Соответственно, заключение эксперта, истребованные судом апелляционной инстанции по собственной инициативе или по ходатайству сторон документы будут являться доказательствами (иными документами), полученными в процессуальном порядке самим судом апелляционной инстанции. Указанные полномочия суда апелляционной инстанции, на наш взгляд, связаны с предметно-практической, поисковой,

познавательной деятельностью и отражают способы собирания доказательств, закрепленные в ст. 103 УПК.

Поскольку возможно собирание доказательств самим судом апелляционной инстанции путем производства процессуальных действий по назначению экспертизы и истребованию документов, полученные в процессуальном порядке заключение эксперта и документы (так называемые новые доказательства) должны быть оценены судом. То есть оценке подлежат новые доказательства, собранные судом апелляционной инстанции.

Кроме того, суд апелляционной инстанции осуществляет оценку всей имеющейся по уголовному делу совокупности доказательств, так называемую «повторную оценку» или «переоценку». На осуществление судом апелляционной инстанции повторной оценки имеющихся в деле доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – достаточности для разрешения дела указывают примеры судебной практики рассмотрения уголовных дел в апелляционном порядке, представленные на официальном сайте Верховного Суда Республики Беларусь [4]. При рассмотрении уголовного дела суд второй инстанции устанавливает, были ли всесторонне, полно и объективно исследованы обстоятельства дела, соответствуют выводы суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела, основаны ли они на совокупности достаточных, допустимых и достоверных доказательств, исследованных в судебном заседании и получивших оценку в приговоре.

В апелляционной инстанции оценке (переоценке) могут подлежать одно, несколько свойств доказательств или же свойства доказательства могут не исследоваться вообще. Количество самих доказательств по делу, подлежащих оценке в суде апелляционной инстанции, может быть больше за счет собирания новых доказательств. Оно может быть меньше всей совокупности доказательств по делу, когда суду требуется исследовать и оценить лишь отдельные конкретные доказательства по делу. Оно может быть идентично объему исследованных в суде первой инстанции доказательств, когда суду апелляционной инстанции требуется соотнести выводы суда первой инстанции по делу с фактическими обстоятельствами; фактические обстоятельства по делу и примененную судом первой инстанции норму уголовного закона; оценить справедливость принятого решения [5, с. 201-202].

Таким образом, в большинстве случаев в апелляционной инстанции происходит оценка доказательств, имеющихся в уголовном деле, исследованных в судебном заседании судом первой инстанции и получивших оценку в приговоре (повторная оценка), и только иногда новых доказательств – заключения эксперта и документов, полученных самим апелляционным судом путем производства процессуальных действий по назначению экспертизы и истребованию документов. В то же время суд апелляционной инстанции вправе дать оценку доказательствам, исследованным судом первой инстанции, но не получившим оценку в приговоре, а также имеющимся в деле доказательствам, которые не были исследованы судом первой инстанции. При этом непосредственного исследования доказательств в суде апелляционной инстанции не происходит. Исходя из содержания ч. 7 ст. 385 и ч. 2 ст. 387 УПК, можно сделать вывод о недопущении проверки и оценки судом апелляционной инстанции доказательств по правилам суда первой инстанции, поскольку в случаях, когда доказательства требуют проверки и оценки судом первой инстанции, приговор отменяется, а уголовное дело направляется на новое судебное разбирательство.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230, [2] с.

3. Солтанович, А. В. Введение апелляции в уголовное судопроизводство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. В. Солтанович, М. А. Скалкович // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей. – Могилев, 2016. – С. 136-144. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160704162138_Soltanovich_Skalkovich.pdf. – Дата доступа: 01.10.2020.

4. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/crime/. – Дата доступа: 27.01.2021.

5. Гайворонская, Л. В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л. В. Гайворонская. – Москва, 2018. – 239 л.

А. Х. Эйвазов

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Современное состояние отечественной уголовной политики в сфере борьбы с преступностью согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018 год отмечается резким ростом на 6% числа осуждений по преступлениям против правосудия (глава 31 УК РФ). Несмотря на то, что в 2019 году количество осужденных лиц по данным преступлениям уменьшилось (11 753 против 12 114 в 2018 году), тем не менее, в 2019 году значительно увеличилось количество лиц, которые были освобождены от наказания или которым наказание вовсе не назначалось (103 против 87 в 2018 году), а также число лиц, в отношении которых уголовное дело и вовсе было прекращено (1 217 против 555 в 2018 году).

Преступления против правосудия отличаются высокой степенью латентности. В криминологическом плане их можно отнести, используя терминологию американского криминолога Сатерленда Э.Х., к так называемым «беловоротничковым преступлениям» [3, с. 45-46.]. В первую очередь, собственно повышенная латентность преступлений против правосудия и труднодоказуемость самих составов преступлений, определенных федеральным законодателем в Главе 31 УК РФ, обуславливают необходимость выработки особой криминалистической методики организации расследования данных преступлений, как на досудебных, так и на судебных стадиях производства по уголовному делу в части объективизации доказательств.

По мнению прокурора апелляционного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Санкт-Петербурга А.И. Ремезова, уголовные дела о преступлениях против правосудия относятся к «особой категории уголовных дел». Однако в современной следственной практике даже производства по некоторым «особым категориям уголовных дел», нередко можно обнаружить, что в погоне за косвенными доказательствами, следователь может либо длительное время не замечать, либо и вовсе – утратить доказательства, которые напрямую могут свидетельствовать о виновности тех или иных лиц. К примеру, производство осмотра места происшествия и обысков по месту службы пяти обвиняемых бывших сотрудников полиции УВД по ЗАО Москвы, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 286, ч. 3, пп. «а», «б», «в»; 228, ч. 2; 303, ч. 4 УК РФ, в отношении журналиста Ивана Голунова, было произведено органами

предварительного расследования собственно лишь по прошествии более 6 - 7 месяцев с даты увольнения данных пяти лиц с места службы. К тому времени производство обыска по месту работы или месту жительства в отношении обвиняемых могло носить лишь формальный характер, поскольку улики по уголовным делам против правосудия имеют удивительное свойство утаиваться или вовсе уничтожаться лицами, причастными к совершению данных преступлений.

Автор полагает наиболее точным выработанное профессором М.Б. Вандером определение «объективизации», которая понималась ученым как «деятельность участников предварительного следствия и дознания, направленная на установление и закрепление фактических данных с помощью комплекса средств, на которые, при надлежащем их применении, существенно не влияют субъективные факторы и которые обеспечивают защиту доказательств от необоснованной дезавуации, опровержения, фальсификации, подмены» [1, с. 5].

Обращает на себя внимание, что собственно преступления против правосудия, совершенные должностными лицами правоохранительных и судебных органов обуславливаются наличием специального субъекта преступления, имеющего высшее юридическое образование, осведомленного о тактике и методике работы судебно-следственных органов, обладающего авторитетом в кругу коллег, имеющих возможность использования соответствующих властных должностных полномочий или влияния на лиц, которые имеют возможность принятия тех или иных процессуальных решений. Данные обстоятельства, безусловно, диктуют объективный характер повышенной конфликтности как следственной, так и судебной ситуаций, влияют как на круг подлежащих допросу свидетелей, так и на характер и формулировки задаваемых свидетелям вопросов в ходе соответствующих следственных и судебных действий [2, с. 361].

Криминалистической особенностью тактики гособвинителя по данной категории уголовных дел автору целесообразным представляется базирование позиции обвинения на следующей доказательной базе: вещественных доказательствах, судебных экспертизах (почерковедческих, технических и т.д.), иные документах (характеристика, справках, табелях рабочего времени и т.д.). При этом, свидетельским показаниям надлежит отводить субсидированную роль по аналогии с уголовными делами, связанными с преступлениями в сфере финансово-бухгалтерской отчетности и нарушений документооборота, в зависимости от каждой конкретной следственной или судебной ситуации.

Таким образом, автору представляется методически неэффективным отдавать предпочтение личным доказательствам как средству доказывания по категории дел о преступлениях против правосудия, то есть объяснениям сторон и третьих лиц, показаниям свидетелей, которые представляются следователю и суду в устной форме с последующей фиксацией в протоколе следственного и судебного заседания соответственно.

Список использованных источников

1. Вандер, М.Б. Объективизация доказывания в уголовном процессе с применением научно-технических средств. / М.Б. Вандер. – СПб., 1994
2. Криминалистика / под ред. С.А. Галунского. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1959. – 511 с.
3. Сатерленд, Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э.Х. Сатерленд // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с английского. - М.: Прогресс, 1966. - С. 45-59.

Научный руководитель: С. А. Ялышев,
д-р юрид. наук, проф.

СЕКЦИЯ 4 ГРАЖДАНСКОЕ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ, ТРУДОВОЕ, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

А. Г. Апенюк

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

ПРЕЗУМПЦИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТРУДОВОГО ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Существующая в настоящее время тенденция к трансформации сферы занятости: расширение гибкости правового регулирования труда и нестандартных форм его организации, популяризация самозанятости, увеличение случаев применения гражданско-правовых форм опосредования отношений, которые по своей сути являются трудовыми – обусловила необходимость обращения к проблеме разграничения и установления трудово-правовой природы спорных отношений.

В зарубежной доктрине трудового права выработано несколько подходов по определению отраслевой сущности отношений. Условно их можно обозначить как законодательный и судебный. Первый, предполагает регламентацию вопросов отграничения трудовых отношений от гражданско-правовых, не только на уровне нормативных правовых актов, но также в международных документах и локальных правовых актах. Судебный механизм применяется в тех случаях, когда отсутствует надлежащее правовое регулирование и решение вопросов осуществляется юрисдикционным органом (судом) в каждом конкретном случае.

Так, принятая Международной организацией труда Рекомендация от 15 июня 2006 г. № 198 «О трудовом правоотношении» (далее – Рекомендация МОТ № 198) [1] определила ключевые моменты, касающиеся порядка установления фактов подмены трудовых отношений. Значительное внимание было обращено на особенности национальной политики, которая должна предусматривать меры, направленные на борьбу со скрытыми формами трудовых отношений, которые направлены на лишение правовой защиты работников, а также учитывать реальный характер отношений (пп. (b) п. 4). Аккумулированные в Рекомендации МОТ № 198 ключевые положения, касающиеся рассматриваемой проблематики, способствовали формированию в законодательстве зарубежных государств относительно единого подхода, конечно, с учетом особенностей национальной правовой системы.

Рекомендация МОТ № 198 основывается на презумпции существования индивидуального трудового правоотношения (пп. (b) п. 11). В данном случае возможность применения презумпции ставится в зависимость от наличия одного или нескольких признаков трудового правоотношения, содержащихся в п. 13 Рекомендации МОТ № 198.

В трудово-правовой доктрине об аналогичном феномене писал и Н. Г. Александров, указывая на то, что «в советском праве отчетливо проводилась презумпция в пользу трудового договора при регулировании пограничных отношений» [2, с. 154].

В развитие положений Рекомендации МОТ № 198, презумпция существования трудового правоотношения получила достаточно широкое закрепление в законодательстве государств Европы. Например, в Трудовом кодексе Польши рассматриваемая правовая презумпция определена через указание на трудово-правовую природу отношений, вне зависимости от наименования договора, заключенного сторонами [3, с. 42]. В Законе о трудовых отношениях Словении, установлено, что при соответствии отношения одному из признаков, закрепленных в данном нормативном правовом акте, работа не может осуществляться на основе гражданско-правовых договоров [3, с. 42]. В целях укрепления правового статуса трудящихся в условиях гибкой занятости в Нидерландах было предусмотрено, что в случае если работник осуществляет

работу на регулярной основе в течение трех месяцев (еженедельно или, как минимум, 20 часов в месяц), законодательство автоматически презюмирует существование трудового договора [3, с. 49]. В Трудовом кодексе Португалии определено, что, если отношения между лицом, осуществляющим деятельность, и другим субъектом, извлекающими из нее пользу, будут соответствовать, установленным в законодательстве критериям, такие отношения должны быть признаны трудовыми [3, с. 49-50].

Рассматриваемый вопрос, в законодательстве стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), имеет схожее правовое регулирование. Так, например, в Трудовом кодексе Туркменистана [4] предусмотрено, что в тех случаях, когда договором гражданско-правового характера фактически регулируются трудовые отношения, к ним применяются положения трудового законодательства. В Трудовых кодексах Кыргызской Республики [5], Армении [6] и Молдовы [7] в качестве юрисдикционного органа для установления соответствующих фактов обозначен суд.

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК Российской Федерации) рассматриваемая презумпция получила закрепление только после принятия Федерального закона от 28 декабря 2013 г. №421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального Закона «О специальной оценке условий труда» [8]. В ст. 15 ТК Российской Федерации был определен правовой запрет на заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем [9]. В Российской Федерации, в отличие от большинства государств СНГ, решение о подмене трудовых отношений может быть принято, помимо судебного органа, также лицом, использующим личный труд и являющимся заказчиком по указанному договору, на основании письменного заявления физического лица, являющегося исполнителем по указанному договору [9]. Отметим, что перечисленные выше изменения ТК Российской Федерации были результатом учета рекомендательных норм МОТ, устанавливающих необходимость государств-членов содействовать применению четких методов, позволяющих ориентировать работников и работодателей в отношении определения существования индивидуального трудового правоотношения.

Таким образом, изложенные выше подходы к закреплению в законодательстве зарубежных государств презумпции существования трудового отношения позволяют сделать вывод о неоднородном характере рассматриваемого феномена. Условно можно выделить абсолютную и относительно-абсолютную презумпции существования трудового отношения. Первая – определяет любое спорное отношение как изначально трудовое; для применения второй требуется формальное соответствие одному из признаков, установленных в законодательстве.

Значимость рассматриваемого вопроса была обозначена в Генеральном соглашении между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2019 – 2021 гг. [10]. В части развития рынка труда и содействия занятости населения было предусмотрено, что социальные партнеры стремятся к недопущению подмены трудовых отношений заключением договоров гражданско-правового характера на выполнение работ, которые, согласно законодательству о труде, должны осуществляться на основании трудового договора. Аналогичная задача была поставлена перед профсоюзами в Программе деятельности Федерации профсоюзов Беларуси на 2020-2025 года [11].

К сожалению, действующее белорусское законодательство о труде в указанной части не содержит необходимой правовой регламентации. На уровне Трудового кодекса отсутствует определение термина «трудовое правоотношение», не закреплены и его признаки. Упоминание трудовых отношений, как тех, которые возникают на основании трудового договора (ст. 4 ТК) симптоматично свидетельствует об узости подхода и не способствует правовой определенности в части ограничения трудовых отношений от смежных. Также за пределами правового регулирования находятся вопросы, касающиеся

признания отношений, возникших на основании гражданско-правовых договоров, трудовыми.

В данном случае следует сказать о неполном соответствии нормотворческой деятельности по изменению ТК принципам, закрепленным в ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [12]. В частности, последние изменения, внесенные в данный кодифицированный акт, не отвечают текущей социально-экономической обусловленности, а также целям устойчивого развития, содержащимся в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [13]. Так, например, в качестве приоритетов обозначено «сокращение масштабов неформальной занятости». Зачастую гражданско-правовые договоры заключаются только с целью сокрытия реальных трудовых отношений и избавления от так называемого «нанимательского бремени», включающего в себя предоставление прав, гарантий и т. д. Поэтому отсутствие нормативно-определенного механизма признания отношений трудовыми, а также установления презумпции их существования, препятствуют достижению указанной цели и не соответствует свободно избранной и экономически эффективной занятости населения. Таким образом, мы можем сделать вывод об отступлении от принципа «социально-экономической обусловленности» и соответственно о пробельности и неэффективности правового регулирования в указанной части.

Таким образом, принимая во внимание изменчивый характер сферы занятости белорусским законодателем должен быть выработан правовой механизм, позволяющий достоверно установить природу отношений, связанных с использованием личного труда. С учетом социального назначения отрасли трудового права любые сомнения должны быть истолкованы в пользу трудящегося. Легализация соответствующей презумпции будет способствовать гарантированности основных прав и преимущественной защите интересов работников.

Список использованных источников

1. Рекомендация МОТ № 198 «О трудовом правоотношении» [Электронный ресурс]: одобр. Генеральной конф. МОТ, 15 июня 2006 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа : http://www.conventions.ru/view_base.php?id=628. – Дата доступа : 14.01.2021.
2. Александров, Н. Г. Трудовое правоотношение: монография / Н. Г. Александров. – М. : Юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1948. – 337 с.
3. Regulating the employment relationship in Europe and Central Asia: a guide to Recommendation № 198 / International Labour Office, Governance and Tripartism Department. – Geneva: ILO, 2014. – 126 p.
4. Трудовой кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 18 апр. 2009 г. , № 30-IV : в ред. Закона Туркменистана от 05.10.2019 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=27704. – Режим доступа : 27.01.2021.
5. Трудовой кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: 4 авг. 2004 г., № 106 : в ред. Закона Кыргызской Респ. от 31.12.2019 г. // М-во юстиции Кыргызской Респ. – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=6714. – Дата доступа : 27.01.2021.
6. Трудовой кодекс Республики Армения от 19 ноября 2004 года [Электронный ресурс] // Национальное собрание Республики Армения. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2131&lang=rus#17>. – Дата доступа: 27.01.2027
7. Трудовой кодекс Республики Молдова от 28 марта 2003 года № 154-XV [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3836. – Дата доступа: 27.01.2021.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального Закона «О специальной оценке условий труда» [Электронный ресурс]: Федер. закон, 28 дек. 2013 г., №421-ФЗ: в ред. Федер. закона от 01.04.2019 г. № 48-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 дек. 2001 г., №197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: Одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

10. Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2019 – 2021 годы [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

11. Программа деятельности Федерации профсоюзов Беларуси на 2020-2025 года [Электронный ресурс] // Федерации профсоюзов Беларуси. – Режим доступа : <https://mogilev.1prof.by/kcfinder/upload/files/Programma-deyatelnosti-Federatsii-profsoyuzov-Belarusi-na-2020-2025-gody-KNIZHKOJ.pdf>. – Дата доступа: 31.01.2021.

12. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г., №130-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

13. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustoj-chivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-203-0-goda.pdf>. – Дата доступа: 28.01.2021.

Научный руководитель: Е. В. Чичина,
канд. юрид. наук, доц.

С. П. Батура

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

О РАЗВИТИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В СИСТЕМЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Электронная торговля в современных условиях является быстроразвивающейся и постоянно модернизирующейся моделью ведения бизнеса со своими особенностями. В первую очередь бизнес в Интернете должен охватывать следующие деловые связи: установление контактов с целевой аудиторией покупателей путем привлечения внимания, продажа товаров и услуг, обеспечение надёжного контроля за операциями оплаты, доставки и послепродажного обслуживания. Этому способствует активно развивающаяся электронная коммерция.

Под электронной коммерцией (от англ. e-commerce) понимается перечень коммерческих операций, совершаемых в интернете. С каждым годом этот вид коммерческих отношений занимает все большую долю на рынке, постоянно увеличивая объемы реализуемых товаров, а также подключая новые области и сферы деятельности. Под электронной коммерцией можно подразумевать бронирование и реализацию заказов, транзакции через банковские сервисы или системы электронных денег.

В связи с развитием и становлением информационного общества особое внимание уделяется **интернет-торговле**. Информационная сеть дает возможность товарам выходить за пределы национального и осваивать новые рынки сбыта. Развитие сектора информационно-коммуникативных технологий также является

фактором, способствующим успешному ведению бизнеса и толчком к повышению темпов экономического роста страны. Основным ресурсом реализации товаров являются интернет-магазины.

Интернет-магазин – информационный ресурс субъекта торговли в глобальной компьютерной сети Интернет, позволяющий осуществить заказ на приобретение или выбор и приобретение товаров без (вне) торгового объекта. Данное определение закреплено в Законе «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь», который, наряду с «Правилами продажи товаров при осуществлении розничной торговли по образцам», утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31, является основополагающим документом, регулирующим Интернет-торговлю, в том числе и в системе потребительской кооперации. Из него следует, что Интернет-торговля позволяет реализовывать и приобретать товары без непосредственного контакта с покупателями и (или) поставщиками [1].

По данным Интернет-ресурсов, онлайн-торговля в Беларуси стремительно развивается. За 2018 год количество зарегистрированных интернет-магазинов выросло на 20 % и по состоянию на 1 января 2019 г. составило 19,4 тыс. Всего же с 2010 по 2017 г. товарооборот виртуальной розничной сети в стране вырос более чем в 30 раз [2].

Согласно очередного исследования E-data, проведенного маркетплейсом Deal.by, в 2020 году онлайн-продажи показали самые высокие темпы роста с 2018-го. Такие показатели обусловлены увеличением онлайн-покупок белорусов во время самоизоляции и их стремлением избавиться от рублевых накоплений вследствие девальвации национальной валюты.

По оценке Deal.by, в сравнении с прошлым годом за восемь месяцев 2020-го товарооборот в интернете вырос на 30%. По данным Белстата, вся розница за аналогичный период прибавила 7%. Активность покупателей на некоторых площадках в период апрель-июнь выросла в два и более раза.

В то же время Ассоциация предприятий онлайн-торговли (АПОТ) прогнозирует рост доли онлайн-продаж в общем розничном товарообороте до 7%. Такая динамика, по мнению членов АПОТ, может быть обусловлена второй волной COVID-19, а также разрешению интернет-продажи безрецептурных лекарственных средств и ювелирных изделий. По информации belretail.by, АПОТ также активно лоббирует разрешение на интернет-торговлю алкогольной продукцией [3].

В настоящее время Министерство антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ) выступает за создание на территории Евразийского экономического союза единого механизма защиты прав потребителей в сфере интернет-торговли [2]. На согласовании в Палате представителей также находится Закон «О платежных услугах», который позволит развиваться курьерским службам, а это, в свою очередь, приведет к более активному росту сегмента e-commerce [4].

Таким образом, белорусский рынок электронной коммерции находится в динамичном развитии, и у него есть запас по росту. Для этого участники рынка должны объединиться, чтобы более аргументированно доносить свою позицию до государства. Сейчас два крупных игрока на рынке электронной коммерции в Беларуси — Deal.by и «E-доставка» — работают над созданием ассоциации электронной коммерции [4].

В потребительской кооперации Беларуси имеется определенный опыт создания коммерческих Интернет-ресурсов. По данным Белкоопсоюза, на 1 января 2016 года в системе потребительской кооперации действовало 3 интернет-магазина.

Наиболее качественным интернет ресурсом являлся созданный унитарным предприятием «Гомельская универсальная база» еще в 2013 году сайт интернет-магазина «Виктория» (www.viktori.by), однако, в связи с реорганизацией Гомельской универсальной базы, работа над данным интернет-магазином не была завершена, что в итоге привело к ликвидации самого сайта.

Еще одной попыткой создать интернет ресурс коммерческой направленности является интернет-витрина УП «Белкоопвнешторг» Белкоопсоюза (bkvt.by). Однако фотографии имеют только несколько единиц наименования товаров, а описания минимальны, что не дает полного представления о товаре. Данный факт не вызывает доверия к интернет ресурсу потребительской кооперации и может отпугнуть потенциальных потребителей.

Неплохой идеей является создание интернет ресурса «Королевство меха» (fukingdom.by). Однако, там нет точного описания товаров, установленные цены также могут отличаться от фактических, некоторые разделы не содержат товары. То есть, в данной интернет-витрине покупатель не сможет с уверенностью выбрать товар, следовательно, этот ресурс можно считать бесполезным для потребителей.

На сайте самого Белкоопсоюза (bks.gov.by) представлена информация о доставке кулинарной продукции кафе «Проспект». Однако использование сайта руководящего органа крупной многоотраслевой организации и доменного имени правительственной доменной зоны для организации интернет-торговли является недопустимым. Уместнее создать интернет ресурс данного кафе и (или) иных торговых объектов, а ссылки, через которые потребитель сможет перейти на сайт, разместить на интернет ресурсе руководящего органа, как это сделано на примере интернет-витрины «Королева меха».

Также в потребительской кооперации имеется еще один интернет ресурс – сайт сети магазинов «Родны кут» (<http://rodnykut.by>). На данном сайте можно увидеть скидки и акции проходящие на сегодняшний день в магазинах представленной торговой сети. Однако, этот интернет ресурс во многом уступает подобным ему ресурсам сети «Евроопт» и «Гиппермол», так как там представлен не полный перечень акционных товаров, а также нет возможности заказа товаров [5].

Дальнейшее развитие Интернет-торговли в потребительской кооперации будет определяться возможностями использования интернет-магазинами систем искусственного интеллекта, в том числе чат-ботов, доставки товаров сторонними курьерскими службами, возвратом товаров, приобретенных в интернет-магазине посредством функции «корзина для покупателя», дистанционными расчетами за товары.

Таким образом, в условиях интенсивного развития интернет технологий и продвижения интернет-торговли потребительская кооперация демонстрирует формальное присутствие в данной нише. Для развития электронной торговли в системе потребительской кооперации необходимо расширить Интернет-торговлю и разработать коммерческие Интернет-ресурсы. Для этого необходимо правильно определить стратегию работы, организационное построение, а также грамотно организовать логистические процессы.

Список использованных источников

1. О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/> – Дата доступа : 21.12.2020
2. За последние годы товарооборот интернет-магазинов в Беларуси вырос более чем в 30 раз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minsknews.by/za-poslednie-godyi-tovarooborot-internet-magazinov-v-belarusi-vyiros-bolee-chem-v-30-raz/> – Дата доступа : 21.12.2020
3. Что произошло на рынке e-commerce Беларуси в 2020 году? Исследование E-data [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belretail.by/news/chto-proizoshlo-na-rynke-e-commerce-belarusi-v-godu-issledovanie-e-data> – Дата доступа : 21.12.2020

4. Интернет-торговля набирает обороты: в стране хотят создать ассоциацию электронной коммерции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.by/turbo/sb.by/s/articles/s-klikom-po-zhizni-internet-torgovlya.html> – Дата доступа : 21.12.2020

5. Трифунтов, А. И. Подходы к организации интернет-торговли в системе потребительской кооперации Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle/22092014/2112/%D0%A2%D1%80%D0%B8%D1%84%D1%83%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%D0%90.%D0%98.pdf?sequence=1&isAllowed=y> – Дата доступа : 21.12.2020

Н. П. Безносик

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Финансовый контроль – это один из важнейших элементов управления финансами. Он представляет собой особую деятельность соответствующих органов управления финансами, которая направлена на проверку финансовой и связанных с ней сторон работы организаций, предприятий и учреждений, с применением определенных форм и методов.

Финансовый контроль является основным видом государственного контроля, который заключается в проверке на законность и результативность действий, связанных с образованием, распределением и использованием государственных денежных ресурсов [1].

Его цель заключается в содействии успешной реализации финансовой политики государства, обеспечении процесса формирования и эффективного использования финансовых ресурсов во всех сферах и звеньях экономики [2].

Финансовый контроль, в первую очередь, необходим для реализации на практике контрольной функции финансов, благодаря которой, государство имеет возможность эффективно воздействовать на процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Необходимо отметить, что для реализации данной функции требуются общественные отношения, обязательное участие людей и специальные органы контроля. Финансовый контроль осуществляется законодательными и исполнительными органами власти операций всех осуществляется уровней, а расходов также финансовой специально произведенных созданными учреждениями и включает в финансовых себя: во-первых, оценку контроль органами за во соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех ксубъектов хозяйствования и управления; во-вторых, оценку эффективности финансовых операций и целесообразности произведенных расходов [3, с. 29].

Современные технологии все глубже проникают в нашу повседневную жизнь, изменяя ее кардинальным образом. Мы стали активно пользоваться банкингом и интернет-магазинами, электронными платежными системами, виртуальными кошельками и новыми видами цифровой валюты. Эти инновационные формы ведения хозяйственной деятельности способствуют созданию целой отрасли – “цифровой экономики”.

Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и сферах использование услуг результатов видов анализа производства которых определить по товаров сравнению сцифровом традиционными позволяют формами цифровом хозяйствования экономических позволяют Цифровую существенно объемов повысить воэффективность повысить различных хозяйствования видов которых производства, анализа технологий, услуг оборудования, Цифровую хранения, существенно продажи, позволяют доставки всех товаров и хранения услуг. виде Цифровую определить экономику формами можно анализаопределить оборудования как систему экономических

отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех ее сферах [4, с. 13].

В позволяют цифровой Цифровая экономике электронных хозяйственная процедуры деятельность идеи осуществляется отношений при коммерции помощи новые электронных осуществляется или сервисам цифровых государственных технологий. процесс Причем посредством упор оборудования делается услугах не существенно на ценность использовании государственных программного принятия обеспечения, а во на хозяйствования товарах, электронных услугах и сферах сервисах, государственных реализуемых деятельность посредством документов электронного управленческих бизнеса, коммуникации электронной использование коммерции. аналиДанные в производства буквальном компьютерных смысле экономических становятся видам активом и позволяют ценность экономика их коммерции тем их выше, объемов чемпроцесс большее традиционными количество цифровом сложных оборудования задач по удается во решить, гражданами реализовав существенно новые экономику идеи, при процедуры их сервисах разумном цифровых применении. формами Возникают новые требования к вычислительным мощностям, видам коммуникации, информационным системам и сервисам, подготовке профессиональных кадров.

Внедрение современных информационных компьютерных технологий в деятельность государственных органов технологий позволяет: деятельность оптимизировать и гражданами ускорить документов процесс информационных принятия необходимой управленческих Внедрение решений; упростить упростить Внедрение процедуры документов подачи инеобходимой получения управленческих необходимой информации и документов гражданами и организациями; оптимизировать деятельность государственных органов.

Возможности цифровой экономики можно использовать с наибольшей степенью эффективности при проведении государственного финансового контроля – снижаются затраты ресурсов: времени, финансов, рабочей силы; снижается уровень погрешности в полученных результатах контроля и повышается степень точности, объективности. Иными словами, использование всех цифровых технологий в государственном финансовом контроле минимизирует человеческий фактор, причем это не только положительно скажется на объективности и обеспечит снижение ошибок, погрешности, но также снизит и коррумпированность в данной структуре. Более того, это автоматизирует сбор и анализ прогнозной, плановой и статистической информации, бюджетной, налоговой и иной отчетности, мониторинговые и социологические исследования, а также еще большую открытость и прозрачность информации, деятельности государственных финансовых органов и контроля данной деятельности.

Сегодня среди первоочередных направлений для повышения результативности государственного финансового контроля стоит вопрос внедрения в контрольный процесс новых технологий, создание единой информационной системы результатов контрольных мероприятий, которые ускорят решение проблемы оперативного получения информации в ходе осуществления мониторинга за использованием ресурсов бюджетной системы.

Применение новых информационных технологий должно стать фактором повышения улучшения эффективности государственного финансового контроля. Информатизация деятельности органов государственной власти и государственного финансового контроля на основе передовых технологий открывает перспективы роста эффективности применения государственных ресурсов. Использование новых информационных технологий позволит в полной мере обеспечить открытость бюджетов всех уровней, даст возможность в реальном масштабе времени контролировать расходы и доходы каждого получателя бюджетных средств.

Список использованных источников

1. Попова, В.Е. Основы организации системы государственного финансового контроля / В.Е. Попова // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 9 (17). – С. 618–619.
2. Запольский, С. В. О правовой природе финансового контроля / С. В. Запольский // Финансовый контроль в сфере публичных и частных финансов: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2016 г. / Рос. гос. ун-т правосудия ; под ред. И. А. Цинделиани. – М.: РГУП, 2017. – С. 67–77.
3. Губаревич, А. В. Финансовое право : учеб. пособие / А. В. Губаревич. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 111 с.
4. Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике / МГУ имени М.В. Ломоносова, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московское отделение Ассоциации юристов России, Международный союз юристов и экономистов (Франция); редкол.: В.А. Вайпан [и др.]. – М.: Юстиц-информ, 2020. – 280 с.

Научный руководитель: Л. Я. Абрамчик,
канд. юрид. наук, доц.

В. Д. Белоусова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ПАЛЛИАТИВНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Паллиативная помощь представляет собой вид медицинской помощи, ориентированный на неизлечимо больных пациентов (преимущественно онкологических больных), имеющий целью устранение боли, а также психологическую поддержку родственников пациентов в период болезни и на момент утраты. Законодательство Республики Беларусь закрепляет паллиативную медицинскую помощь как вид оказания медицинской помощи при наличии у пациента неизлечимых, ограничивающих продолжительность жизни заболеваний, требующих применения методов, направленных на избавление от боли и облегчение других проявлений заболеваний, когда возможности иных методов оказания медицинской помощи исчерпаны [1].

Для оказания данного вида помощи установлен перечень медицинских показаний и медицинских противопоказаний, а также достаточно детализирован порядок оказания паллиативной медицинской помощи, в соответствии с постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2014 г. №107 «О некоторых вопросах организации оказания медико-социальной и паллиативной медицинской помощи» [2].

В настоящее время паллиативная медицинская помощь пациентам оказывается в форме плановой медицинской помощи, которая может быть представлена в виде краткосрочной и долгосрочной паллиативной медицинской помощи. По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь паллиативной медицинской помощью охвачены в республике около 14,5 тыс. неизлечимо больных взрослых, а также она оказывается в 39 организациях здравоохранения, в 28 из них имеются стационарные койки. Всего по стране насчитывается 375 стационарных койко-мест.

Паллиативная медицинская помощь оказывается государственными больничными организациями здравоохранения и иными организациями: в стационарных условиях, в амбулаторных условиях (в условиях отделения дневного пребывания и в виде выездной патронажной службой паллиативной медицинской помощи организации здравоохранения). На 1 января 2020 года в Республике Беларусь насчитывается

11 учреждений здравоохранения, оказывающих паллиативную медицинскую помощь (это отделения при больницах или детские хосписы). *Если рассматривать Гомельскую область, то на её территории данная помощь оказывается в отделении паллиативной медицинской помощи на базе Государственного Учреждения Здравоохранения «Гомельская городская клиническая больница №4.*

По оценкам Всемирной организации здравоохранения ежегодно в паллиативной медицинской помощи нуждаются 40 миллионов человек, 78% из которых проживают в странах с низким и средним уровнем дохода при этом во всем мире паллиативную медицинскую помощь получают сегодня лишь около 14% людей, нуждающихся в ней. Глобальная потребность в паллиативной медицинской помощи будет и далее возрастать вследствие увеличивающегося бремени неинфекционных заболеваний и старения населения.

В настоящее время паллиативная помощь приобретает все большую актуальность в связи с появлением новых социально-демографических факторов: общее старение населения, распространенность хронических заболеваний среди граждан пожилого возраста, возрастающая нагрузка на систему здравоохранения, изменение понятия «качество жизни» и др. Серьезные успехи в продлении жизни пациентов, страдающими серьезными хроническими недугами, привели к тому, что проблема оказания паллиативной помощи расширилась и охватывает собой не только онкологических больных и в настоящее время оказание паллиативной помощи связано с понятием неизлечимого больного по следующим направлениям: онкология, инсульт, ВИЧ-инфекция. Данный перечень, значительно расширится за счет целого ряда хронических прогрессирующих заболеваний. И соответственно то количество отделений (хосписов) оказывающих паллиативную медицинскую помощь будет не достаточно.

Таким образом, паллиативная медицинская помощь повышает качество жизни пациентов и их семей, которые сталкиваются с проблемами, сопутствующими опасным для жизни заболеваниям, будь то физические, психосоциальные или духовные.

Список использованных источников

1. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г. № 2435-ХП (с изм. и доп. по состоянию на 21.10.2016 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2001. - № 2/399

2. О некоторых вопросах организации оказания медико-социальной и паллиативной медицинской помощи: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 24 декабря 2014 г. № 107 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2015. - № 8/29575.

Научный руководитель: Н. П. Ковалева,
старший преподаватель

Л. А. Березюк

Белорусский государственный экономический университет

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛЕНИЯ РАБОЧЕГО МЕСТА МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ С НЕПОЛНЫМ РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ

Неполное рабочее время рассматривается с точки зрения трудового законодательства, правоприменителей и представителей науки трудового права в трех аспектах: в статичном – как характеристика рабочего времени; в позитивно-динамичном – как условие трудового договора, на которое работник самостоятельно соглашается; в негативно-динамичном, когда работа с неполным рабочем временем устанавливается в

связи с наличием причин производственного характера (например, проблемы с заказами на товары или услуги) [1, с. 40]. ТК не дает определения неполному рабочему времени, однако достаточно детально регулирует его применение в ст. 118 и гл. 22 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК).

Так, анализ ст. 118 и гл. 22 ТК позволяет выделить три основания установления неполного рабочего времени: 1) соглашение сторон (ч. 1 ст. 118 ТК, ч. 1 ст. 289 ТК); 2) наличие юридического состава, закрепленного в ч. 2 ст. 289 ТК; 3) инициатива нанимателя (при наличии обоснованных производственных, организационных или экономических причин для изменения существенных условий труда (ст. 32 ТК)). Период установления неполной продолжительности рабочего времени зависит от основания установления такой нормы рабочего времени.

Режим неполного рабочего времени может устанавливаться как при приеме на работу, так и в любой другой момент в период осуществления работником трудовой деятельности у данного нанимателя, о чем свидетельствуют ст. 32 ТК, ч. 1 ст. 118 ТК, ч. 1 ст. 289 ТК. Соглашение о неполном рабочем времени может быть заключено на определенный или неопределенный срок (ч. 6 ст. 118 ТК). В соответствии с ч. 3 ст. 289 ТК условие о работе с неполным рабочим временем включается в трудовой договор при приеме работника на работу, а переход на неполное рабочее время в период трудовой деятельности оформляется приказом (распоряжением) (что находит отражение в материалах судебной практики [1, 2]).

ТК не содержит правил о минимальной и максимальной продолжительности неполного рабочего времени. На практике зачастую используется продолжительность неполного рабочего времени, равная половине нормального рабочего времени (например, работа четыре часа каждый рабочий день или два – два с половиной рабочих дня в неделю). Такая ситуация позволяет нанимателям использовать труд двух или более работников на одном рабочем месте.

В частности, в научной литературе отмечается, что с режимом неполного рабочего времени тесно связана концепция разделения рабочего места. Впервые названная концепция появилась в середине 1960-х гг. как способ разделения одного рабочего места между двумя или более работниками [4]), а в настоящее время в научной литературе именуется также как «система подвижных «горячих» часов» (хотдескинг, англ. hotdesking) [5]. Законодательная возможность деления рабочего времени между несколькими работниками существует в некоторых странах (Германия [6, с. 361], Сингапур [4, с. 98] и др.). В Республике Беларусь деление рабочего места прямо не предусмотрено законодательством о труде, однако о его наличии упоминается в научной литературе [7, с. 26].

Главными преимуществами такого способа работы в научной литературе называют возможность вовлечения более квалифицированных лиц; обмен опытом и знаниями, повышение квалификации; упрощение организации труда при временном отсутствии другого работника (по причине болезни, отпуска и т.п.); возможность привлекать труд пожилых лиц или лиц, имеющих небольшой опыт работы и совмещать их на одном рабочем месте.

Наиболее часто встречающимся способом организации работы при разделении рабочего места является деление его между двумя работниками, работающими неполный рабочий день. Вместе с тем, в юридической литературе отмечаются и иные формы организации рабочего времени при такой занятости (помимо разделения одного рабочего дня может делиться рабочая неделя либо работники могут работать поочередно в течение недели [4, с. 98]).

Как отмечает в своем исследовании Г.М. Костюнина, в мировой практике различают три формы разделения рабочих мест: **1) с совместной ответственностью работников, когда работники являются взаимозаменяемыми по выполняемым функциям; 2) с отдельной ответственностью работников, когда последние выполняют независимые функции, но при необходимости могут заменять друг**

друга; 3) с независимой ответственностью, когда работники выполняют совершенно разные задачи, но работают на одном рабочем месте, в одном подразделении [4, с. 98].

Представляется, что нет необходимости в специальном правовом регулировании режима деления рабочего места при второй (с раздельной ответственностью работников) и третьей форме (с независимой ответственностью), так как они основаны на использовании труда работников с неполным рабочим временем и к ним применимы соответствующие нормы законодательства о труде. В то же время применение формы разделения рабочего места с совместной ответственностью работников может иметь свои особенности в случае, если работники, которые делят рабочее место, являются материально ответственными. В такой ситуации, если работы выполняются работниками совместно и невозможно разграничить материальную ответственность каждого работника для заключения договора о полной материальной ответственности, может вводиться коллективная материальная ответственность (ч. 1 ст. 406 ТК). Представляется, что указанные положения необходимо закрепить в ТК, указав, что при делении рабочего места между несколькими работниками, достигшими восемнадцати лет, занимающими должности служащих или выполняющими работы, непосредственно связанные с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением в процессе производства переданных им ценностей, с такими работниками заключаются договоры о полной или коллективной материальной ответственности в соответствии с главой 37 ТК.

Список использованных источников

1. Определение судебной коллегии по гражданским делам городского суда от 5 июня 2017 г. по кассационной жалобе ответчика на решение районного суда от 19 января 2017 г. По иску К. К обществу с ограниченной ответственностью «А» о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, возмещении морального вреда / Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Решение районного суда (извлечение) от 23 июня 2017 г. по иску М. к городскому коммунальному унитарному специализированному автопредприятию о взыскании заработной платы [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Морозов, П.Е. Современные тенденции развития зарубежного трудового права в условиях глобализации / П.Е. Морозов. – Москва : Проспект, 2016. – 250 [1] с.
4. Костюнина, Г.М. Гибкие формы занятости: мировой опыт и практика Сингапура / Г.М. Костюнина // Труд за рубежом. – 2004. - № 2. – С. 95-110.
5. Пилипенко, Н.С. Изменяющиеся формы занятости, проблемы миграции и социальная роль профсоюзов в трудовых отношениях / Н.С. Пилипенко, Г.Б. Шишко, А.В. Ясинская-Казаченко // Трудовое и социальное право. – 2017. - № 2. – С. 23-27.
6. Назметдинов, Р.Р. Режим рабочего времени и времени отдыха – важное условие соединения рабочей силы со средствами производства / Р.Р. Назметдинов // Лебедев, В.М. Трудовое право: опыт сравнительного правоведения: монография / В.М. Лебедев, В.Г. Мельникова, Р.Р. Назметдинов; под. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. – 480 с. – гл. 15. – С. 346-395.
7. Островский, Л.Я. Особенности регулирования труда работников с неполным рабочим временем (статьи 289-291) / Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь // В.И. Кривой, Л.Я. Островский [гл. ред. В.И. Кривой]. – Вып. 25-27. – Гл. 22. - Гомель : Е.А. Ковалева, 2007. – 171 с.

ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ СУДЕБНОГО ДЕЛА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья 114 Конституции Республики Беларусь закрепляет открытую форму разбирательства абсолютного большинства дел во всех национальных судах [1]. Указанное положение конкретизировано в отраслевых актах, в частности, в положениях Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК).

Анализ принципа гласности свидетельствует о том, что в большинстве случаев его сущность трактуется посредством следующих составляющих: гласное и открытое рассмотрение дел в суде, наличие права фиксации происходящего в порядке, установленном законом, а также публичное объявление итогового решения. Однако особый интерес, в первую очередь для юридически заинтересованных в исходе дела лиц, представляет не только судебное решение, но и материалы судебного дела в целом, а также порядок ознакомления с ними.

Среди прав, гарантированных участникам гражданского судопроизводства, процессуальным законодательством Республики Беларусь закреплены право на ознакомление с материалами дела, совершение выписок из них, снятие копий представленных документов (ст. 56 ГПК), право на ознакомление с материалами, содержащими сведения, составляющие государственные секреты (ст. 57-1 ГПК), право на ознакомление с протоколом, кратким протоколом вне судебного заседания (ч. 3 ст. 175 ГПК), право на ознакомление со звуко- или видеозаписью судебного заседания в случае, когда она ведется, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания (ч. 4 ст. 311 ГПК), право на ознакомление со звуко- или видеозаписью, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания апелляционной инстанции (ч. 3 ст. 420 ГПК) и др. [2].

Подобные нормы имеют место и в положениях ХПК: право на ознакомление с материалами дела, совершение выписок из них, снятие за свой счет копий этих материалов (ст. 55 ХПК), право на ознакомление с материалами дел, содержащими сведения, составляющие государственные секреты (ст. 56-1 ХПК), право лиц, участвующих в судебном заседании и (или) совершении отдельного процессуального действия суда вне заседания, на ознакомление с соответствующим кратким протоколом, протоколом (ст. 189-2 ХПК), право на ознакомление с описательной и мотивировочной частями решения суда, рассматривающего экономические дела, содержащими сведения, составляющие государственные секреты (ч. 4 ст. 203 ХПК) и иные [3].

Указанные права можно разделить на две категории: права на ознакомление с материалами дела до его рассмотрения по существу и вынесения судебного решения, и права на ознакомление с материалами дела после вынесения решения по нему.

В отношении последней группы прав следует отметить, что порядок и период времени, с которого подобное ознакомление становится возможным, детально регламентированы положениями ГПК и ХПК. Так, указанные процессуальные акты содержат норму о том, что о сроке подготовки краткого протокола, протокола, а также о праве ознакомления с ними объявляется при оглашении решения по делу (ч. 3 ст. 175 ГПК, ч. 3 ст. 189-2 ХПК), после оглашения решения суд также дает необходимые разъяснения относительно порядка ознакомления со звуко- или видеозаписью судебного заседания в случае, когда она ведется, а также с кратким протоколом, протоколом судебного заседания (ч. 4 ст. 311 ГПК).

Иным образом регламентирован порядок ознакомления с материалами дела, возникающими в результате осуществления подготовки дела к судебному разбирательству. Значимость указанных материалов продиктована необходимостью владения юридически заинтересованными в исходе дела лицами имеющейся по делу информацией, поскольку специфика гражданского процесса Республики Беларусь заключается в его состязательности и именно на основании материалов дела, имеющихся у суда после подготовки дела к судебному разбирательству, ответчик имеет возможность выстроить защиту, а истец – проанализировать контраргументы ответчика и позиции иных участвующих в процессе лиц.

Часть материалов дела, такие как копия искового заявления, а при необходимости – копии документов, приложенных к нему, за исключением сведений, содержащих государственные секреты, направляются судьей ответчику (ст. 141 ХПК, ст. 144 ГПК), копии письменных объяснений ответчика направляются судьей истцу (ст. 144 ГПК). Наряду с этим формулировку «при необходимости» считаем оценочной, не обязывающей суд направлять сторонам копии прилагаемых документов.

Более того, ст. 260-1 ГПК предусмотрена обязанность истца, третьего лица на стороне истца или их представителей передать ответчику копии письменных доказательств, обосновывающих фактические основания иска, а ответчика, третьего лица на стороне ответчика или их представителей – копии возражений против иска и доказательств, обосновывающих эти возражения.

Однако на практике распространена ситуация, при которой истец либо ответчик не исполняют возложенную на них обязанность по предоставлению соответствующих материалов стороне процесса. В большинстве случаев истец просто направляет в суд две копии искового заявления и прилагаемые к нему материалы. В результате чего возникает вполне обоснованный вопрос: каким образом сторона может ознакомиться с материалами дела после подготовки дела к судебному рассмотрению?

В этой связи целесообразно привести в пример положения Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_оАП). Так, согласно содержанию ст. 10.26 ПИК_оАП право знакомиться с материалами дела разъясняется лицу, в отношении которого ведется административный процесс, ... , потерпевшему, их законному представителю или представителю, защитнику. При этом указанное право возникает у перечисленных лиц в день окончания подготовки дела об административном правонарушении [4].

Более того, детальный порядок реализации права на ознакомление с материалами дела об административном правонарушении регламентирован положениями ст. 10.28 ПИК_оАП.

Подробное правовое регулирование порядка реализации анализируемого права предоставляет возможность проведения дополнительного контроля общественности за ходом и результатами подготовки дела к рассмотрению, выявить нюансы собранных доказательств либо нарушения прав и законных интересов участников процесса.

Более того, «заочное» ознакомление сторонами с материалами дела сократит временные затраты посредством ускорения проведения предварительного (подготовительного) судебного заседания, в рамках которого на практике стороны и осуществляют ознакомление с материалами дела, оценивая достаточность представленных доказательств и иные важные аспекты.

При этом ознакомление юридически заинтересованных в исходе дела лиц с материалами дела до судебного разбирательства будет способствовать своевременному «раскрытию доказательств». Подобного рода система приведет к сокращению времени, требуемого сторонам для представления доказательств в рамках судебного разбирательства, способствуя оптимизации судебного процесса.

Таким образом, одним из вариантов разрешения описанного проблемного аспекта может стать закрепление за судом обязанности информирования юридически

заинтересованных в исходе дела лиц об окончании подготовки дела к судебному разбирательству и, соответственно, праве подать заявление на ознакомление с соответствующими материалами дела. Подобного рода информация (об окончании подготовки дела и возникновении права на ознакомление с материалами) может содержаться в судебной повестке, которая должна быть вручена в разумный срок, предоставляющий возможность реализации права на ознакомление с материалами дела.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. № 69-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 89-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 281-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Научный руководитель: Т. С. Таранова,
д-р юрид. наук, проф.

М. С. Горбунов

Белорусский государственный университет

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МАНИПУЛИРОВАНИЮ РЫНКОМ КРИПТОАКТИВОВ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИНСАЙДЕРСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Перспективным направлением осуществления инвестиций в условиях цифровой трансформации общественных отношений стало вложение средств инвесторов в цифровые знаки. Всё большую популярность на инвестиционной арене ведущих финансовых рынков приобретает первичное размещение токенов. Это порождает необходимость контроля за операциями по их обращению со стороны финансовых регуляторов.

В Республике Беларусь основой в нормативном правовом регулировании осуществления инвестиций в токены стал Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет). Указанный Декрет ввёл значительное количество льгот и преференций при осуществлении операций по их обращению. Так, в качестве одной из основных составляющих преференциального режима было обозначено, что законодательство о ценных бумагах, секьюритизации, требования о лицензировании профессиональной и биржевой деятельности по ценным

бумагам не распространяются на отношения резидентов Парка высоких технологий (далее – ПВТ) с использованием токенов, в том числе тождественные с отношениями, регулируемые указанным законодательством [1, п. 3.3].

Безусловно, установление подобных преференциальных режимов положительно сказывается на инвестиционной привлекательности Беларуси с точки зрения привлечения компаний-реципиентов инвестиций. Однако благоприятный инвестиционный климат формирует не столько нормативное закрепление льгот, сколько всеобъемлющее обеспечение надлежащей защиты прав и законных интересов инвесторов. Очевидно, что факт нераспространения на отношения по обращению токенов финансового законодательства не должен приводить к возможности осуществления общественно опасных деяний, посягающих на общественные отношения, опосредующие надлежащее функционирование рынка криптоактивов. В основе же регламентации такого функционирования должны лежать правила и процедуры противодействия манипулированию рынком и осуществлению инсайдерских операций. В настоящее время в национальной правовой системе наблюдается явный пробел, выражающийся в отсутствии правового обеспечения противодействия манипулированию и осуществлению инсайдерских операций именно на рынке криптоактивов.

Правила противодействия манипулированию рынком и осуществлению инсайдерских операций находят своё отражение в ст. 54, 60, 61, 63 Закона Республики Беларусь от 05.01.2015 № 231-З «О рынке ценных бумаг» [2] (далее – Закон). Названный Закон содержит исчерпывающий перечень деяний, образующих манипулирование рынком ценных бумаг. В общем виде к такого рода деяниям относятся действия (бездействия), оказывающие влияние на спрос на ценную бумагу и (или) предложение ценной бумаги, рыночную цену ценной бумаги или объём торгов ценной бумаги, признаваемое существенным при отклонении от параметров, устанавливаемых республиканским органом государственного управления, осуществляющим государственное регулирование рынка ценных бумаг. Под инсайдерскими операциями, в свою очередь, понимаются сделки, совершённые с ценными бумагами лицами, располагающими инсайдерской или закрытой информацией на рынке ценных бумаг. Основанием для совершения указанных сделок выступает незаконное использование такой информации или её передача третьим лицам.

Примечательно, что сделки, признаваемые инсайдерскими операциями, являются ничтожными с момента их заключения ввиду прямого указания законодателя. Деяния, следствием которых является манипулирование рынком ценных бумаг, и вовсе образуют составы административного правонарушения, предусмотренного ст. 11.76 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь от 21.04.2003 [3] (далее – КоАП), а также преступления, предусмотренного ст. 226-3 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09.07.1999 [4] (далее – УК). Таким образом, законодатель явно наделяет манипулирование рынком признаком общественной опасности, что оправданно. К сделкам же, сопряжённым с осуществлением инсайдерских операций, в качестве средства восстановления нарушенных прав применяются последствия недействительности, предусмотренные гражданским законодательством.

В соответствии с определением, изложенным в п. 12 Приложения 1 к Декрету, токен представляет собой запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), которая удостоверяет наличие у его владельца прав на объекты гражданских прав или является криптовалютой. Сформулированное положение позволяет достаточно широко использовать цифровые знаки в гражданском обороте, поскольку понятие объекта гражданских прав в Декрете не конкретизируется, а толкуется в соответствии с общепринятыми положениями гражданского законодательства. Таким образом, токен может закреплять права на такой объект гражданских прав как ценная бумага либо аналогичные им права – долговые обязательства с дисконтом (аналог облигаций), корпоративные права в реестре блоков транзакций (характерно для ряда иностранных

юрисдикций). А следовательно, весьма очевидные действия на рынке криптоактивов также могут образовывать манипулирование таким рынком, лежать в основе инсайдерских операций и приводить к аналогичным общественно опасным последствиям.

В белорусском правовом поле указанные правоотношения не урегулированы на уровне нормативных правовых актов. Правовая регламентация указанной проблематики представлена лишь на уровне Правил осуществления деятельности оператора криптоплатформы, утв. решением Наблюдательного совета ПВТ от 23.10.2018 (протокол № 08/НС-5пр.) [5] (далее – Правила). Обозначенные Правила содержат определения инсайдерской информации о токенах (п. 3.9) и манипулирования ценами на токены (п. 3.10). При этом анализ п. 11 Правил позволяет сделать вывод о том, что основное бремя ответственности в области противодействия манипулированию рынком и использованию инсайдерской информации возлагается на оператора криптоплатформы. Именно оператор криптоплатформы обязан предусмотреть в своих ЛНПА практики, которые представляют собой манипулирование ценами на токены. Возможность наступления неблагоприятных последствий для участника торгов предусматривается лишь в договоре на участие в торгах. Это объясняется тем, что акт ненормативного характера не может возложить такую обязанность на третье лицо-нерезидента ПВТ, в связи с чем правоотношения строятся исключительно на договорной основе.

Таким образом, имеет место пробел в правовой системе, когда одни и те же общественно опасные деяния влекут различные правовые последствия. Фактически сложилась ситуация, при которой в основе разграничения деяния на правомерное и неправомерное и наступления соответствующих правовых последствий лежит технология, т.е. форма реализации правоотношений, а не их содержание (правовая природа). Так, манипулирование на рынке криптоактивов и использование инсайдерской информации вполне правомерны с точки зрения нормативной правовой базы. Лица, совершившие указанные деяния, не подлежат административной и уголовной ответственности ввиду отсутствия в законодательстве правового запрета на их совершение. Сделки, являющиеся инсайдерскими операциями, не признаются ничтожными. Ответственность, в свою очередь, может носить исключительно гражданско-правовой характер и будет применяться только в том случае, если соответствующие положения прописаны в договоре на участие в торгах.

Как справедливо отмечается в научной доктрине, понятие токена сводится к цифровой регламентации гражданского права, реализованной на базе технологии блокчейн [6, с. 8]. Американский регулятор также исходит из того, что сам факт внесения записи в блокчейн не должен влечь за собой никаких последствий, связанных с природой права, удостоверенного этой записью [7]. В рассматриваемой нами проблематике мы как раз-таки наблюдаем факт общей природы описываемых правовых явлений и различных правовых последствий, возникающих вследствие несовершенства нормативной правовой базы.

Примечателен и опыт европейского регулятора в области противодействия манипулированию рынком и осуществлению инсайдерских операций. Так, 24.09.2020 Европейская комиссия опубликовала драфт правового регулирования криптоактивов Markets in Crypto-assets (2020/0265 (COD) (далее – МСА). Одним из безусловных достижений МСА явилось системное закрепление правовых положений, устанавливающих прямой запрет на осуществление инсайдерских операций, незаконное раскрытие инсайдерской информации и манипулирование рынком [8, ст. 78-80]. Перечисленные статьи в совокупности со ст. 76 МСА ясно определяют, что требования в области противодействия манипулированию рынком криптоактивов и осуществлению инсайдерских операций подлежат неукоснительному соблюдению со стороны любого лица, осуществляющего торговлю криптоактивами (подход, отличный от национального регулятора).

Таким образом, в целях защиты интересов инвесторов, общества и государства, а также устранения правовых пробелов в национальной правовой системе, связанных с внедрением технологий цифровой экономики, необходимо:

1. Имплементировать в национальное законодательство нормы о противодействии манипулированию рынком криптоактивов и осуществлению инсайдерских операций.

2. Разработать и утвердить параметры отклонений в рыночных ценах, спросе, предложении и объёме торгов цифровыми знаками (токенами), свидетельствующие о наличии факта манипулирования рынком криптоактивов.

3. Предусмотреть на уровне нормативных правовых актов положения о ничтожности сделок с токенами, совершёнными с нарушением требований об использовании или распространении инсайдерской или закрытой информации.

4. Имплементировать в законодательство об административных правонарушениях и уголовное законодательство такие самостоятельные составы противоправных деяний, как «Манипулирование рынком криптоактивов» либо дополнить существующие составы ст. 11.76 КоАП, ст. 226-3 УК положениями о токенах, тем самым расширив объективную сторону названных составов.

Список использованных источников

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Пех / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

2. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 231-3 // Пех / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 21 апр. 2003 г., № 194-3: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // Пех / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Пех / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

5. Правила осуществления деятельности оператора криптоплатформы [Электронный ресурс]: утв. решением Наблюдательного совета Парка высоких технологий (протокол № 08/НС-5пр. от 23.10.2018): Парк высоких технологий. – Режим доступа: <https://clck.ru/SstKJ>. – Дата доступа: 20.01.2021.

6. Савельев, А.И. Комментарий на положения о регулировании операций с криптовалютами и иных отношений, основанных на технологии «Блокчейн» [Электронный ресурс] / А.И. Савельев. – Высшая школа экономики. Национальный исследовательский университет. – Режим доступа: <https://clck.ru/SstcH>. – Дата доступа: 20.01.2021.

7. Public Statement on Cryptocurrencies and Initial Coin Offerings [Electronic resours]: U.S. Securities and Exchange Comission. – Mode of access <https://clck.ru/SstSs>. – Date of access: 20.01.2021.

8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 [Electronic resource]: EUR-Lex. – Mode of access: <https://clck.ru/SstAf>. – Date of access: 20.01.2021.

Научный руководитель: О. М. Куницкая,
канд. юрид. наук, доц.

А. А. Греченков

канд. юрид. наук, доц.

Академия МВД Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТПУСКОВ В ТРУДОВЫХ КОДЕКСАХ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Состояние правового регулирования отпусков. В государствах – участниках Содружества Независимых Государств (далее – независимые государства) правовое регулирование отпусков осуществляется многими нормативными правовыми актами: конституциями, актами международного права, трудовыми кодексами (далее – ТК независимых государств или ТК), другими многочисленными актами законодательства о труде.

Так, в ст. 38 Конституции Республики Узбекистан, где говорится о праве работающих по найму на оплачиваемый отдых, уточняется, что продолжительность рабочего времени, оплачиваемого трудового отпуска определяются законом.

Согласно ст. 24 Всеобщей Декларации прав человека каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск. Отпускам посвящен ряд конвенций и рекомендаций Международной организации труда (МОТ): конвенции № 52 «О ежегодных оплачиваемых отпусках» (1952 г.), № 132 (пересмотренная) «Об оплачиваемых отпусках» (1970 г.), № 140 «Об оплачиваемых учебных отпусках» (1974 г.) и др.

В ТК независимых государств с учетом их структурных особенностей правовое регулирование отпусков осуществляется на следующих уровнях: отдельных разделов и глав (ТК Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Туркменистана); отдельной главы (ТК Республики Беларусь); отдельного параграфа (ТК Республики Узбекистан); совокупности статей (ТК Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Киргизия, Республики Таджикистан). Наибольшим числом статей, регулирующих отпуска, отличается ТК Республики Беларусь: в основной его главе, посвященной отпускам, – 12 «Трудовые и социальные отпуска» содержится 40 статей. Наименьшее число статей, регулирующих отпуска, – 15 содержит глава 19 «Отпуска» (раздел V «Время отдыха») ТК Российской Федерации.

Классификация отпусков. В ТК независимых государств имеют место различные подходы к классификации отпусков. Так, в ТК ряда государств имеет место деление отпусков на два основных вида: а) трудовые и б) социальные (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан) или а) ежегодные и б) целевые (Республика Армения). В ТК отдельных государств различаются три вида отпусков: а) трудовые, б) социальные и в) отпуска без сохранения заработной платы (Республика Узбекистан). Отметим, что именно такой подход к классификации отпусков имел место в проекте Закона Союза ССР «Об отпусках» [1]. В ТК остальных государств используется более сложная классификация. В частности, в ТК Азербайджанской Республики различаются пять видов отпусков: а) трудовой; б) социальный; в) учебный; г) творческий и д) неоплачиваемый отпуск.

Думается, что наиболее логичной и вместе с тем удобной для практического использования является классификация отпусков, которая предусматривает их деление на два основных вида – трудовые и социальные. Укажем, что такой подход имеет большинство сторонников и в доктрине трудового права [2, с. 522]. Вместе с тем отметим, что в литературе обращалось внимание на относительную условность данной классификации, поскольку в широком смысле слова все виды отпусков являются трудовыми, ибо в конечном счете в их основе лежит труд [3, с. 99].

Для трудовых отпусков характерны следующие основные признаки: а) они предоставляются в связи с трудовой деятельностью работника и зависят от ее особенностей; б) они предоставляются для отдыха; в) они предоставляются ежегодно

(за работу в течение рабочего года); г) они бывают основными и дополнительными; д) на время трудовых отпусков работнику гарантируется сохранение места работы (должности) и заработной платы (среднего заработка).

Применительно к гарантиям на время трудовых отпусков следует отметить следующее. В ТК Республики Беларусь (ч. 3 ст. 153) вместо термина «место работы (должность)» используется более удачный, на наш взгляд, термин – «прежняя работа», под которой понимается выполнявшаяся до отпуска работа у того же нанимателя, по той же должности служащего (профессии рабочего) и квалификации на том же рабочем месте. В ТК некоторых независимых государств используется термин «заработная плата», а в других – «средний заработок». Представляется, что здесь более уместен термин «средний заработок», который исчисляется по особым правилам, отличным от правил начисления заработной платы.

Разделяя высказанное в литературе мнение, мы полагаем, что все остальные отпуска с достаточным основанием можно рассматривать как социальные [3, с. 115–116]. Для социальных отпусков характерны следующие основные признаки: а) право на социальные отпуска не находится в непосредственной зависимости от трудовой деятельности работника и ее особенностей; б) они предоставляются для различных социальных целей (создания благоприятных условий для материнства, ухода за ребенком, получения образования, удовлетворения семейно-бытовых потребностей, отдыха и др.); в) они предоставляются не регулярно (ежегодно), а при наступлении определенных обстоятельств; г) они предоставляются не за рабочий год, а с учетом иных периодов времени (за календарный год и др.); д) они предоставляются сверх трудового отпуска, вместе с ним или отдельно от него; е) на время социальных отпусков работнику гарантируется сохранение места работы (должности) (прежней работы – согласно ТК Республики Беларусь), а также заработной платы (среднего заработка), если иное не предусмотрено ТК. С учетом этого в ТК независимых государств различаются оплачиваемые социальные отпуска (с сохранением заработной платы (среднего заработка)) и неоплачиваемые социальные отпуска (без сохранения заработной платы (среднего заработка)).

Определение отпуска. В ТК независимых государств имеют место различные подходы к легальному определению понятия отпуска. Эти подходы можно объединить в несколько групп: а) отсутствие легального определения отпуска в целом и легальных определений отдельных видов отпусков (ТК Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Российской Федерации и Туркменистана); б) наличие легального определения отпуска в целом и отсутствие легальных определений отдельных видов отпусков (ТК Республики Беларусь и Республики Таджикистан); в) наличие легального определения отпуска в целом и наличие легальных определений отдельных видов отпусков (ТК Республики Казахстан); г) отсутствие легального определения отпуска в целом и наличие легальных определений некоторых видов отпусков (ТК Азербайджанской Республики и Республики Армения).

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 150 ТК Республики Беларусь под отпуском понимается освобождение от работы по трудовому договору на определенный период для отдыха и иных социальных целей с сохранением прежней работы и среднего заработка в случаях, предусмотренных ТК.

Согласно ч. 1 ст. 84 ТК Республики Таджикистан под отпуском понимается относительно длительный период, в течение которого работник, в порядке, определяемом законодательством, освобождается от выполнения трудовых обязанностей с условием сохранения места работы и должности для отдыха и восстановления трудоспособности, а также удовлетворения иных благ.

Полагаем, что каждое из приведенных определений имеет как положительные стороны, так и недостатки. В частности, к числу положительных сторон определения ТК Республики Беларусь можно отнести использование термина «освобождение от работы», а не «освобождение от трудовых обязанностей», поскольку некоторые трудовые обязанности (бережно относиться к имуществу нанимателя, хранить государственную и

служебную тайну и пр.) должны исполняться работником и в период отпуска; достаточно четкое определение целей отпуска. К числу положительных сторон определения ТК Республики Таджикистан можно отнести указание на то, что отпуск предоставляется на относительно длительный период.

С учетом сказанного и принимая во внимание имеющиеся в литературе наработки, считаем возможным предложить следующее определение отпуска: под отпуском понимается освобождение работника от работы на относительно длительный непрерывный период для отдыха и иных социальных целей с сохранением прежней работы, а также среднего заработка, если иное не предусмотрено ТК.

В ТК независимых государств содержатся следующие легальные определения трудового (ежегодного) отпуска: трудовой отпуск – это время отдыха работника с отрывом от производства, используемое им по своему усмотрению для нормального отдыха, восстановления трудоспособности, охраны и укрепления здоровья, продолжительность которого не менее установленного ТК (ч. 1 ст. 113 ТК Азербайджанской Республики); ежегодный отпуск – исчисляемый в календарных днях период времени, предоставляемый работнику для отдыха и восстановления трудоспособности (ч. 1 ст. 158 ТК Республики Армения).

По нашему мнению, основными недостатками приведенных определений являются: отсутствие указания на регулярный (ежегодный) характер предоставления трудового отпуска; отсутствие указания на относительно длительный непрерывный период отдыха работника во время отпуска; недостаточно четкое определение целей отпуска; отсутствие указания или недостаточно четкое указание на гарантии, предоставляемые на время отпуска.

С учетом сказанного и принимая во внимание существующие в литературе наработки, считаем возможным предложить следующее определение трудового отпуска: трудовой отпуск – ежегодное освобождение работника от работы на относительно длительный непрерывный период для отдыха с сохранением прежней работы и среднего заработка.

Легальное определение социального отпуска содержится в ТК Республики Казахстан: под социальным отпуском понимается освобождение работника от работы на определенный период в целях создания благоприятных условий для материнства, ухода за детьми, получения образования без отрыва от производства и для иных социальных целей (ч. 4 ст. 87).

Думается, что основными недостатками приведенного определения являются: отсутствие упоминания о том, что социальные отпуска предоставляются не регулярно, а при наступлении определенных обстоятельств; отсутствие указания на гарантии, предоставляемые на время отпуска.

С учетом сказанного и принимая во внимание имеющиеся в литературе наработки, считаем возможным предложить следующее определение социального отпуска: социальный отпуск – связанное с определенными обстоятельствами освобождение работника от работы на относительно длительный непрерывный период для различных социальных целей с сохранением прежней работы, а также среднего заработка, если иное не предусмотрено ТК.

Полагаем, что сформулированные нами выводы и предложения могут быть приняты во внимание для дальнейшего развития законодательства о труде независимых государств, а также доктрины трудового права.

Список использованных источников

1. Об отпусках: проект Закона Союза ССР // Известия. – 1989. – 8 дек.
2. Лушников, А.М. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 2 Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. – 1151 с.
3. Касумов, А.М. Правовое регулирование времени отдыха на современном этапе / А.М. Касумов, Л.Г. Алескерова. – Баку: Qanum, 2011.

С. П. Гурская

канд. экон. наук, доц.

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Цифровая трансформация является генеральной линией развития современного общества и охватывает как систему государственного управления, так и всех секторов экономики. Однако в отдельно взятой стране каждый сектор экономики, в том числе и торговля, имеет свои собственные приоритеты и инструменты цифровой трансформации.

В условиях формирования цифровой экономики важным направлением развития субъектов торговли становится развитие инновационных высокотехнологичных услуг. К ним, прежде всего, относятся услуги, основанные на ИКТ. В оптовой торговле – это электронные аукционы при проведении государственных закупок, электронные торговые площадки, порталы поставщиков, услуги ГЛОНАС/GPS систем мониторинга транспорта, торговых объектов; а в розничной торговле – Интернет-магазины, порталы торговых сетей и отдельных торговых объектов, сервисы поиска и сравнения товаров в on-line и off-line магазинах, услуги социальных сетей и др.

Самыми большими темпами рос сегмент e-commerce. По итогам 2020 года рынок продемонстрировал самые высокие темпы роста за последние несколько лет. Онлайн-продажи в белорусских интернет-магазинах выросли на 40% до 2,3 млрд. руб. Доля интернет-продаж в розничном товарообороте страны составила 4,5%.

По оперативным данным Торгового реестра Беларуси, количество интернет-магазинов за последние пять лет увеличилось на 10922 (или на 93,9%) и на 1 января 2020 года составило 22552. По состоянию на 1 июля в Торговом реестре зарегистрирован 24 021 интернет-магазин (прирост к началу 2020 года - 6,5%, или 1469 единиц), из которых 11 406 (47,5%) принадлежат юридическим лицам, 12615 (52,5%) – индивидуальным предпринимателям [1].

Отдельного закона, который бы регулировал торговлю именно через Интернет-магазины в Республике Беларусь нет. Поэтому на нее распространяются общие положения Гражданского кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» и т.д.

Вместе с тем, специфика в работе интернет-магазинов все же есть, и она закреплена в постановлении Совета Министров Республики Беларусь «Правила продажи при осуществлении розничной торговли по образцам» (далее – Правила) [2].

Рассмотрим понятие интернет-магазина, а также требования законодательства, которые обязаны выполнять владельцы интернет-магазинов.

Под интернет-магазином понимается сайт, содержащий информацию о товарах, продавце, позволяющий осуществить выбор, заказ и (или) приобретение товара. Торговля в глобальной компьютерной сети Интернет через интернет-магазин признается розничной торговлей по образцам вне торгового объекта [2].

К отличительным признакам интернет-магазина относятся следующие:

- интернет-магазин – это сайт. Законодательство Республики Беларусь не содержит определения понятия «сайт». В этой связи для целей применения Правил страница информационного ресурса в сети Интернет под определенным адресом, позволяющим отличить данную страницу от других страниц информационного ресурса, рассматривается как сайт;

- обязательным признаком интернет-магазина является то, что на сайте, в том числе странице информационного ресурса в сети Интернет (далее – сайт), представляется информация о товарах, продавце; возможности осуществить выбор, заказ и (или) приобретение товара.

Многие сайты содержат рекламу товаров с призывами о покупке. Однако если через такие сайты невозможно заказать и приобрести товар: размещен каталог товаров, но отсутствует виртуальная корзина для оформления заказа, отсутствуют телефоны, по которым можно заказать товар – такие сайты являются лишь средством рекламы, рекламным Интернет-ресурсом, но не интернет-магазином.

Таким образом, если сайт не зарегистрирован как интернет-магазин, но содержит информацию о продавце, товаре, включая цену товара, контактных телефонах, по которым можно заказать товар, то есть той информации, которая позволяет «осуществить выбор, заказ и (или) приобретение товара», такой сайт признается интернет-магазином.

С 1 июля 2010 г. введена обязательная регистрация интернет-магазинов. Регистрация осуществляется городскими и районными исполнительными комитетами, местными администрациями г. Минска по месту регистрации юридического лица и индивидуального предпринимателя по заявительному принципу.

Заявители для регистрации интернет-магазина представляют в регистрирующий орган заявление о регистрации интернет-магазинов на бумажном носителе в двух экземплярах и (или) в виде электронного документа,

с указанием сведений, предусмотренных для ведения Торгового реестра [3].

На главной странице сайта интернет-магазина должна быть в обязательном порядке представлена следующая информация:

- о наименовании (фирменном наименовании) продавца, месте нахождения организации, ее филиала, представительства, иного обособленного подразделения;
- о фамилии, имени, отчестве индивидуального предпринимателя, информация о его государственной регистрации и наименовании органа, осуществившего его государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, месте жительства;
- о номере специального разрешения (лицензии), сроке его действия, государственном органе или государственной организации, выдавшими это специальное разрешение (лицензию), если вид деятельности, осуществляемой продавцом, подлежит лицензированию;
- о дате регистрации интернет-магазина в Торговом реестре Республики Беларусь.

Также на сайте интернет-магазина (не обязательно на главной странице) должна быть размещена информация о документах, подтверждающих факт приобретения товара, которые продавец обязан выдавать покупателю вместе с товаром, образцы таких документов и порядок их оформления.

При продаже товаров с применением кассового оборудования таким документом является кассовый чек. При продаже технически сложных товаров к кассовому чеку прилагается надлежаще оформленный технический паспорт (инструкция по эксплуатации, руководство пользователя, гарантийный талон), если в нем будет указана необходимая информация. Других документов в этом случае можно не выдавать. Иная информация до момента заключения договора может доводиться до сведения покупателя в устной форме.

Таким образом, поскольку договор считается заключенным с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека, иного документа, подтверждающего факт приобретения товара, если иное не предусмотрено законодательством или договором – считаем, что указанную информацию также необходимо разместить на сайте интернет-магазина [4].

При розничной торговле по образцам не допускается продажа алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива; биологически активных добавок к пище; ветеринарных средств; лекарственных средств; оружия и патронов к нему; пиротехнических изделий бытового назначения; семян мака; табачных изделий, жидкостей для электронных систем курения; ювелирных и других бытовых изделий, сусального золота и сусального серебра, монет из драгоценных металлов, мерных слитков и ограненных драгоценных камней.

При торговле по образцам через интернет-магазин продавец обязан предоставить покупателям возможность расчета за приобретаемый в интернет-магазине товар путем дистанционного перечисления денежных средств. Согласно пункту 2 Правил под дистанционным перечислением денежных средств понимаются расчеты в наличной или

безналичной форме посредством автоматизированной информационной системы единого расчетного и информационного пространства (АИС «Расчет»), мобильного и интернет-банкинга, с использованием электронных денег, банковских пластиковых карточек, через кассы банков и объектов почтовой связи, наложенным платежом при доставке товаров по почте, посредством иных платежей, которые обеспечивают поступление средств за оплату товара на расчетный счет продавца. Как следует из определения, перечень способов оплаты за товар не является закрытым, следовательно, применяются способы по выбору продавца.

На основании представленного анализа правового регулирования порядка создания и деятельности интернет-магазинов можно сделать следующие основные выводы:

- торговля в глобальной компьютерной сети Интернет через интернет-магазин признается розничной торговлей по образцам вне торгового объекта;
- законодательство Республики Беларусь содержит четкие требования к информации, которая в обязательном порядке должна содержаться на сайте интернет-магазина, а также требования к обязательному хранению информации о продаже товаров;
- в законодательстве закреплён перечень товаров, которыми торговля через интернет-магазин запрещена;
- установлено требование об обязательном использовании кассового оборудования при приеме наличных денежных средства от покупателей;
- пробелом в правовом регулировании осуществления торговли через интернет-магазин до настоящего времени остаются вопросы доставки товаров покупателям.

Собственники (владельцы) информационных ресурсов, предоставляющие продавцам услуги, связанные с осуществлением ими торговли по образцам через интернет-магазин, должны оказывать покупателям содействие в защите прав потребителей путем предоставления информации о продавце, в передаче продавцу претензии покупателя в случае необоснованного отказа продавца принимать такую претензию, а также фиксируют факт обращения покупателя.

Таким образом, продавец обязан своевременно в доступной форме дать покупателю необходимую и достоверную информацию о товарах и их изготовителях, обеспечивающую возможность правильного выбора товаров. Информация доводится до сведения покупателя в каталогах, проспектах, рекламе, буклетах, фотографиях, в сети Интернет или иных информационных источниках, используемых для описания товаров.

Деятельность интернет-магазина без регистрации, иные нарушения законодательства, связанные с деятельностью интернет-магазинов, влекут установленную законодательством ответственности.

Список использованных источников

1. Развитие интернет-торговли: права потребителей и обязанности продавцов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/onlineconference/view/razvitie-internet-torgovli-prava-potrebitelej-i-objazannosti-prodavtsov-1261/> (дата обращения – 30.01.2021)

2. Правила продажи при осуществлении розничной торговли по образцам: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.01.2009 № 31 (в ред. от 01.03.2019 № 143) //КонсультантПлюс:Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2020.

3. Положение о Торговом реестре Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.12.2014 № 1227 (в ред. от 14.05.2018 № 351) // КонсультантПлюс:Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2020.

4. О защите прав потребителей: закон Республики Беларусь от 09.01.2002 № 90-3 (в ред. от 13.06.2018 № 111-3) //КонсультантПлюс:Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2020.

Г. И. Зайчук

канд. юрид. наук, доц.

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

ПРУД-КОПАНЬ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Новацией для национального водного законодательства явилось закрепление в Водном кодексе Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З (далее – ВК) возможности создания и эксплуатации физическими и юридическими лицами прудов-копаней, аналогов которым нет в странах СНГ и ЕАЭС.

В п.31 ст. 1 ВК пруд-копань определен как искусственный водоем площадью поверхности воды до 0,01 га и глубиной не более 2 метров в специально созданном углублении земной поверхности, предназначенный для накопления и хранения воды.

Согласно ст. 4 ВК объектами отношений в области охраны и использования вод являются: воды; водные объекты (их части) и право водопользования. В соответствии с п. 4.4 ст. 5 ВК пруды-копани отнесены к поверхностным водным объектам – водоемом. В ст. 8 ВК закреплено, что все воды, находящиеся на территории Республики Беларусь составляют исключительную собственность государства.

При этом в качестве объектов водных отношений не указаны технологические водные объекты под которыми согласно п.40 ст. 1 ВК понимаются искусственные водоемы, водотоки, специально созданные для охлаждения, испарения, усреднения, отстаивания сточных вод, понижения уровня вод (пруды-охладители, пруды-испарители, пруды-усреднители, подводящие каналы насосных станций и иные подобные объекты), а также искусственные водоемы, специально созданные для противопожарных нужд (пожарные водоемы), пруды и каналы, специально созданные для разведения и выращивания рыбы с применением гидротехнических сооружений и устройств, предназначенных для регулирования водных потоков и сброса сточных вод. На них согласно пояснению к п.п.1.2.1 п.1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 348 «О таксах для определения возмещения вреда, причиненного окружающей среде» не распространяется как на другие природные объекты таксовая ответственность.

В соответствии со ст. 7 Кодекса Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 425-З (далее – КоЗ) к землям под водными объектами отнесены земли, занятые сосредоточением природных вод на поверхности суши (реками, ручьями, родниками, озерами, прудами, прудами-копанями, каналами и иными поверхностными водными объектами), которые согласно ст. 13 КоЗ как земли водного фонда не подлежат предоставлению в частную собственность. В этом перечне не указаны технические водоемы. Это свидетельствует о том, что последние не рассматриваются законодателем в качестве вод, водных объектов, а являются имуществом – объектом гражданского права.

Из общего смысла п. 1 Указа Президента республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» следует, что земельные участки предоставляются на следующих вещных правах:

гражданам на праве временного пользования, пожизненного наследуемого владения, частной собственности или аренды;

индивидуальным предпринимателям на праве аренды;

юридическим лицам Республики Беларусь на праве постоянного или временного пользования, частной собственности или аренды, иностранным юридическим лицам и их представительством – на праве аренды.

Окружающая среда согласно ст. 1 закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХП «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») представлена 3 видами объектов: природными, природно-антропогенными и антропогенными.

В частности, окружающая среда – это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. Природная среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов. К *компонентам природной среды* отнесены: земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир, а также озоновый слой и околоземное космическое пространство. *Природный объект* охарактеризован как естественная экологическая система, природный ландшафт, биотоп и составляющие их компоненты природной среды, сохранившие свои природные свойства. *Природно-антропогенным объектом* является природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение. *Антропогенный объект* – объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов.

Анализ приведенных определений в ст. 1 рассматриваемого Закона приводит к выводу, что природные и природно-антропогенные объекты являются объектами экологического права, а антропогенные объекты – к объектам гражданского права, где они в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 получили наименование вещи (имущество).

Водные объекты должны обладать всеми основными признаками, свойственными природному объекту. Последние были сформулированы В.В. Петровым, стали общепризнанными в науке экологического права и к сожалению, до сих пор не получили законодательного закрепления. В частности, он писал, что в отличие от социальных объектов материального мира, производимых человеком для удовлетворения своих экономических и культурно-оздоровительных потребностей, **природный объект** характеризуется: естественным источником происхождения, неизменным состоянием в экологической системе природы, социально-экологической ценностью для общества [1, с. 24], заключающейся в способности выполнять им экологические, экономические, социальные иные функции.

Природный объект имеет естественное происхождение и поэтому его принадлежность к объектам экологического права сомнений не вызывает. Природно-антропогенный объект и антропогенный объект создаются искусственным путем и отличаются друг от друга целью создания и выполняемыми функциями. Природно-антропогенный объект возводится, как правило, для выполнения экологической функции, которая заключается согласно ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» в обеспечении благоприятных условий существования жизни на Земле, в первую очередь людей, а антропогенный объект – для удовлетворения экономико-социальных потребностей граждан и юридических лиц, и не выполняет экологической функции.

Помимо указанного, природные и природно-антропогенные объекты подлежат публично-правовой охране и защите в соответствии с требованиями экологического законодательства как средообразующие элементы, а антропогенные объекты охраняются в частноправовом порядке как имущество гражданским законодательством.

Согласно п. 2 ст. 25 ВК возведение и ликвидация прудов-копаней, расположенных в границах земельных участков, предоставленных гражданам, осуществляются без проектной документации. Проектирование, возведение и ликвидация прудов-копаней, расположенных в границах земельных участков, предоставленных юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляются на основании проектной документации, утвержденной в установленном порядке (п.1 ст. 25 ВК).

Кроме того, на пруды-копани и технологические водные объекты не распространяются как на другие поверхностные водные объекты требования экологического и водного законодательства по их охране, под которой понимается система мер, направленных на предотвращение или ликвидацию загрязнения, засорения вод, а также на их сохранение и восстановление, и рациональному (устойчивому) использованию водных ресурсов, представляющее собой водопользование, при котором

проводится комплекс мероприятий, обеспечивающих сохранение водных ресурсов, снижение потерь воды, предотвращение загрязнения, засорения вод (п. 25, 32 ст. 1 ВК).

В частности, для прудов-копаней и технологических водных объектов не определяется (не устанавливаются): экологическое состояние (статус) поверхностных водных объектов (ст. 6 ВК); нормативы качества воды поверхностных водных объектов (п.6 ст. 21 ВК); гигиенические нормативы безопасности воды водных объектов для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового (рекреационного) использования (п.4 ст. 22 ВК); водоохранные зоны и прибрежные полосы (п.п. 9.5 п. 9 ст. 52 ВК); запрет на применение на расстоянии до 10 метров по горизонтали от береговой линии всех видов удобрений и химических средств защиты растений и распаху земель (почв) (п.5 ст. 54 ВК).

На них не распространяется право общего водопользования (п.5 ст. 29 ВК).

Специальное обособленное пользование прудами-копанями и технологическими водными объектами осуществляется на основании документов, удостоверяющих права на земельные участки (п.11 ст. 31 ВК)

Срок обособленного водопользования прудами-копанями и технологическими водоемами, определяется сроком пользования земельными участками, на которых они расположены (п.4 ст. 33 ВК). Право обособленного водопользования прудами-копанями и технологическими водными объектами, прекращается одновременно с прекращением права пользования земельными участками, на которых они расположены (п.7 ст. 34 ВК).

Водопользование является платным, за исключением обособленного водопользования прудами-копанями (п.1 ст. 35 ВК).

Мало того, анализ водного и земельного законодательства приводит к следующим выводам. При возведении гражданином или юридическим лицом на земельном участке, предоставленном им в частную собственность пруда-копани этот пруд и занимаемые им земли должны были бы стать объектами исключительной государственной собственности, а земельный участок гражданина и юридического лица уменьшится на размер возведенного пруда-копани. Однако процедура государственной регистрации пруда-копани и занимаемого им земельного участка в качестве единого объекта недвижимости и передачи из частной в государственную собственность законодательством не установлена и размер земельного участка не сокращается. Пруды-копани и технологические водные объекты рассматриваются законодателем как имущество, принадлежность земельного участка, которая следует судьбе главной вещи. Пруды-копани и технологические водные объекты возводятся не для экологических нужд, а с целью удовлетворения социальных либо экономических потребностей землепользователей. Поэтому они должны рассматриваться не в качестве объектов экологического права, а как объекты гражданского права, наряду с открытыми бассейнами, закрытым грунтом в теплицах, дикорастущими растениями в оранжереях, дикими животными в зоопарках и т.п.

Таким образом, для избежания коллизий между экологическим и гражданским законодательством оправданно:

закрепить в Законе «Об охране окружающей среды» юридически значимые признаки природных объектов, позволяющие отграничивать их от имущества (вещей) – объектов гражданского права: естественное происхождение; нахождение в экологических взаимосвязях с другими природными объектами, путем обмена веществами и энергией; выполнение функций жизнеобеспечения экологической, экономической, социальной и иных;

исключить наряду с технологическими водными объектами из состава вод, водных объектов пруды-копани и сформулировать в ВК, что правовой режим прудов-копаней и технических водных объектов определяется гражданским законодательством.

Список использованных источников

1. Петров, В.В. Экология и право / В.В. Петров. – М. : Юрид. лит., 1981. – 224 с.

НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ЧЛЕНОВ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ

В настоящее время, крестьянское (фермерское) хозяйство (далее – КФХ) признаётся коммерческая организация, созданная одним гражданином (членами одной семьи), внёсшим (внёсшими) имущественные вклады, для осуществления предпринимательской деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, а также по её переработке, хранению, транспортировке и реализации, основанной на его (их) личном трудовом участии и использовании земельного участка, предоставленного для этих целей в соответствии с законодательством об охране и использовании земель [1, ст. 115¹].

Членами фермерского хозяйства могут быть дееспособные граждане, являющиеся членами одной семьи [1, ч.1 ст. 8]. Участвовать в объединении могут родственники главы КФХ, максимум три семьи и посторонние лица (не больше пяти). КФХ действует на основании устава.

Местом нахождения фермерского хозяйства может являться жилое помещение (квартира, жилой дом), принадлежащее главе фермерского хозяйства на праве собственности (в том числе на праве долевой или совместной собственности) либо являющееся его постоянным местом жительства (за исключением жилого помещения государственного жилищного фонда).

Имущество КФХ принадлежит ему на праве собственности. В состав имущества крестьянского хозяйства входят имущество, переданное в качестве вклада в уставный фонд КФХ его учредителями (членами), а также имущество, произведённое и приобретённое КФХ в процессе его деятельности [1, ст. 115²].

Фермерское хозяйство может иметь в собственности продукцию необходимую для производства, а также её переработки, хранения, транспортировки и реализации насаждения, хозяйственные и иные постройки, мелиоративные и другие сооружения, продуктивный и рабочий скот, птицу, сельскохозяйственную и иную технику и оборудование, транспортные средства, инвентарь, имущество частных унитарных предприятий, созданных фермерским хозяйством, другое имущество, приобретённое фермерским хозяйством, а равно принадлежащие фермерскому хозяйству имущественные права либо иные отчуждаемые права, имеющие стоимость.

Основной целью наследования имущественных прав в фермерском хозяйстве в случае смерти одного из его членов является сохранение имущества КФХ в натуре. После смерти участника фермерского хозяйства наследник становится право приемником только доли, которая принадлежала умершему, в имуществе хозяйства.

Наследование доли умершего члена хозяйства осуществляется по общим правилам с учётом особенностей о совместной собственности и положений Закона о потребительской кооперации.

При наследовании доли умершего в имуществе КФХ следует учитывать, является ли наследник членом хозяйства, или нет, и если наследник является участником хозяйства, то к какому виду общей собственности относится данная ситуация (долевой или совместной).

При долевой собственности, доли членов КФХ на его имущество устанавливаются на основании соглашения членов фермерского хозяйства, а в случае, если они не определены, то доли членов хозяйства считаются равными. В состав наследственной массы фермерского хозяйства входят два вида:

- 1) доля в праве общей собственности участников крестьянского хозяйства;
- 2) имущество, принадлежащее самому субъекту на праве собственности - участнику крестьянского хозяйства.

Для первого вида характерно то, что доли каждого члена хозяйства изначально не определены. Необходимость определения доли возникает при осуществлении наследования.

Доля участника КФХ после его смерти переходит наследникам на основании закона или по завещанию.

Размер долей наследников будет зависеть от того, что причитается наследодателю по соглашению между членами КФХ. Из этой части каждый законный преемник сможет рассчитывать на равную долю, исключая наследование по праву представления. Иное долевое распределение может быть отражено в письменном соглашении между наследниками или в решении суда при наличии спорных моментов [2].

При составлении завещания на лиц, которые не являются родственниками, наследодатель необходимо учитывать один аспект: в хозяйство не примут постороннего, если таких лиц уже и так пять. Такой наследник наравне с остальными должен будет обратиться к нотариусу, получить свидетельство о праве на наследство, а потом обратиться в КФХ с заявлением о выплате денежного эквивалента его доли [3].

В случае, когда имущество КФХ принадлежит его членам на праве совместной собственности необходимо определить размер доли, которая причитается наследнику.

Когда наследник является членом фермерского хозяйства, то размер его доли будут определяться следующим образом:

1) при разделе общего имущества и выделе из него доли, если иное не предусмотрено законодательством или соглашением участников, их доли признаются равными [1, ч. 2 ст. 257];

2) в случае внесения в уставный фонд фермерского хозяйства имущества, принадлежащего учредителям (членам) фермерского хозяйства на праве общей собственности, размеры долей членов фермерского хозяйства считаются равными, если иное не предусмотрено уставом фермерского хозяйства [4, ч. 6 ст. 6].

В случае отказа наследника (наследников) от вступления в состав членов фермерского хозяйства либо при вынесении общим собранием членов фермерского хозяйства решения об отказе в принятии наследника (наследников) в состав членов фермерского хозяйства расчёты с ним (с ними) производятся по окончании финансового года, в котором он отказался от вступления в состав членов или получения отказа общего собрания членов фермерского хозяйства от принятия наследника в состав членов, в срок до двенадцати месяцев со дня, когда он отказался от вступления в состав членов или получения отказа общего собрания членов фермерского хозяйства от принятия наследника в состав членов, если иной срок не предусмотрен уставом фермерского хозяйства.

В данном случае, наследник получит своего рода компенсацию в размере причитающейся ему доли в имуществе, находящемся в общей совместной собственности членов хозяйства. При определении расчёта доли следует учесть следующее: если между членами фермерского хозяйства и наследником отсутствует соглашения о причитающейся ему доли, то доля наследодателя в имуществе будет считаться равной долям других членов этого общества. Если решение общего собрания членов примет решение о принятии такого наследника в члены хозяйства указанные выше расчёты с ним не производятся.

В законодательстве Республики Беларусь не закреплены основания по которым члены КФХ имеют право отказать наследнику в членстве этого хозяйства. Следовательно, эта норма носит диспозитивный характер, который предполагает возможность принятия решения об отказе наследнику в членстве хозяйства общим собранием членов по своему усмотрению.

Особенность наследования доли в КФХ – наследник участника хозяйства не имеет права требовать выдела своей доли в натуре. Если КФХ состоит из одного участника который умер, а наследники не желают продолжать его деятельность, то существование фермерское хозяйство подлежит прекращению, а имущество наследодателя подлежит разделению между его наследниками.

Если наследников на долю умершего участника фермерского хозяйства несколько, то заявление о своём желании вступить в хозяйство или получить компенсацию должен

подать каждый из наследников в отдельности. Когда один из наследников изъявил желает быть членом КФХ, а другой желает получить причитающуюся ему долю, то данная ситуация решается следующим образом: тот участник который желает стать членом хозяйств имеет возможность им стать, с разрешения общего собрания, а другой желающий получить причитающуюся ему долю, имеет право на её получение независимо от желания другого участника.

Наследник имеет две возможности на получение наследуемого имущества: вступить в ряды КФХ с разрешения общего собрания членов хозяйства, либо получить денежную компенсацию, соответствующей унаследованной части имущества.

Если участник КФХ был единственным членом хозяйства, его наследники могут, как продолжить его предпринимательскую и хозяйственную деятельность, так и прекратить существование крестьянского хозяйства с разделом имущества между его наследниками.

Если у единственного члена КФХ не имеется наследников, готовых принять имущество, оно признаётся выморочным, и переходит в собственность административно-территориальной единицы по месту нахождения соответствующего имущества, входящего в состав наследства.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2018 г. – Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 656 с.

2. Рыбачук, Е.Ю. Наследование имущественных прав, связанных с предпринимательской деятельностью. - 24 с.

3. Гуцин, В.В. Наследственное право и процесс: учебник / В.В. Гуцин. – М.: Дашков и К, 2015. – 672 с.

4. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Закон Республики Беларусь, 18 февраля 1991 г. № 611-ХП: в ред. от 17 июля 2018 г. № 132-3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW>. – Дата доступа: 25.11.2020 г.

Научный руководитель: Н. П. Наталья,
старший преподаватель

Y. I. Klepalova

PhD of Law, associate professor

North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

Ю. И. Клепалова

канд. юрид. наук, доц.

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

ON THE ISSUE OF AGE DISCRIMINATION

К ВОПРОСУ О ДИСКРИМИНАЦИИ ПО ВОЗРАСТУ

В условиях демографического кризиса, когда наблюдается отрицательная динамика численности населения трудоспособного возраста, в условиях старения населения потенциальным резервом увеличения численности занятых является население предпенсионного и пенсионного возраста.

По мнению многих исследователей, именно эта группа населения чаще всего сталкивается с возрастной дискриминацией из-за наличия в отношении них стереотипов: трудности адаптации к быстро меняющимся условиям рабочего процесса,

организационным, техническим и технологическим условиям, «устаревание» их знаний и умений, низкая энергия и мотивация.

На рынке труда работников пенсионного и предпенсионного возраста наблюдаются прямо противоположные тенденции: рост информатизации производства; увеличение количества профессий, по которым планируется обучать предпенсионеров, требующих активного и грамотного знания компьютерных программ, с одной стороны, и фактическое сокращение численности работающих лиц этого возраста.

The principle of the prohibition of discrimination at work is fundamental and is enshrined in international and national legislation. According to International Labour Organization Convention No. 111, the term "discrimination" means any distinction, *exclusion or preference* based on race, colour, sex, religion, political opinion, national origin or social origin which *results in the elimination or violation of equality of opportunity or treatment in employment and occupation*;

According to Article 20 of the European Social Charter, in order to ensure the effective implementation of the right to equal opportunities and equal treatment in employment and occupation without discrimination on the basis of sex, the Parties undertake to recognize this right and take appropriate measures to ensure the implementation of this right in the following areas:

- (a) Access to employment, protection against dismissal and vocational reintegration;
- (b) Vocational guidance, training, retraining and reinsertion;
- (c) Working and employment conditions, including remuneration for work;
- (d) Professional career, including promotion.

The Labour Code of the Russian Federation more clearly defines the ban on age discrimination. Under article 3 of the Labour Code, no one may be restricted in his or her labour rights and freedoms or receive any advantages based on sex, race, colour, nationality, language, origin, property, family, social or official status, *age*, place of residence, attitude to religion, beliefs, membership or non-membership of a voluntary association or any social group, or on other circumstances unrelated to the business qualities of an employee.

Today, in the context of the economic crisis caused by the COVID-19 pandemic, it is the task of the state to ensure not only equality of workers in labour relations, but also to protect the most vulnerable categories, such as workers of pre-retirement age.

Paragraphs 24, 45 and 61 of the National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 537 of 12 May 2009, emphasize the need to improve the quality of life of Russian citizens by guaranteeing personal security and high standards of living, reducing social inequality, reducing informal employment and legalizing labour relations, and increasing investment in human capital development. Consequently, all citizens of our country must have equal opportunities to exercise their rights in various areas of life and not be subjected to degrading discrimination. Non-discrimination – is a prerequisite for improving the quality of human life. In modern conditions, the issues of equality and combating discrimination constitute one of the key areas of modern social policy.

In the conditions of demographic crisis, when negative dynamics of the working age population is observed, in the conditions of aging of the population, the potential reserve to increase the number of employed people is the population of preretirement and retirement age. In connection with the adoption by the State Duma of amendments to pension legislation, Federal Law No. 350-FZ of 3 October 2018 "On the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the appointment and payment of pensions" increased the retirement age for men and women by five years, which will be 60 and 65 years, respectively. The gradual increase in the retirement age begins on 1 January 2019. Thus, this is the same age group of people, since yesterday's pensioners are today's pre-retirees. Moreover, with approach of retirement age the majority of workers continue working activity that is connected with absence of establishment in the labor legislation of a limiting age for realization of labor activity,

and also enough low size of pensions in connection with which citizens are compelled to continue working activity to prevent appreciable fall in quality of a labor life.

In the opinion of many researchers, this very group of the population most often faces age discrimination due to the existence of stereotypes regarding persons of preretirement and retirement age: the difficulty of adapting to the rapidly changing working process conditions, organizational, technical and technological conditions, "obsolescence" of their knowledge and skills, low energy and motivation.

In our opinion, their labour-legal insecurity arises, among other things, because the concept of "business qualities of an employee" is too broad in scope, which leaves many opportunities for the employer to refuse employment.

In accordance with article 64 of the Labour Code of the Russian Federation, unjustified refusal to conclude an employment contract is prohibited: any direct or indirect restriction of rights or the establishment of direct or indirect advantages in the conclusion of an employment contract depending on sex, race, colour, nationality, language, origin, property, family, social and official status, age, place of residence (including the presence or absence of registration at the place of residence or stay), attitude to religion, beliefs, belonging or non-membership.

In addition, the employer has the right to submit to the person applying for a vacant position or job and other requirements that are mandatory for the conclusion of an employment contract by virtue of a direct prescription of federal law, or that are necessary in addition to standard or typical professional and qualification requirements due to the specifics of a particular job (e.g., knowledge of one or more foreign languages, ability to work on a computer).

In our opinion, a refusal to hire a person of pre-retirement and retirement age will in most cases be justified as it will be caused by circumstances related to the employee's business qualities, including the following reasons.

First of all, the question arises about the possibility to work in connection with the state of health of workers of this age, taking into account their physiological characteristics. During an employee's life, his or her health is affected by the processes of biological aging, working conditions and length of service in contact with a harmful production factor, the employee's general state of health and the presence of somatic diseases. Consequently, the older an employee is, the more likely it is that he or she will be able to work due to a worsening health condition, an increase in the number of somatic and occupational diseases and, accordingly, medical contraindications for certain types of work.

Secondly, in our opinion, a number of spheres of activity, professions will be inaccessible to these employees due to lack of required knowledge, skills and abilities, in particular, in the sphere of information technologies, because the modern society is an information society, today the process of informatization has acquired a global character, under the influence of which there are large-scale changes in all spheres of life and professional activity of people: production, economy, science, education, culture, healthcare, etc. That is why we believe that the "Special program and action plan for the organization of vocational training and additional vocational education of citizens of pre-retirement age up to 2024". (hereinafter - the Program) approved by the RF Government Decree No. 3025-r dated December 30, 2018 will not be effective and will not achieve its goal - to promote employment of pre-retirement citizens.

Under the Programme, the authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the area of employment promotion and education, together with employers, will form, in accordance with Letter No. 16-2/10/P-770 of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation of 1 February 2019 on the submission of model recommendations on the implementation of measures to organize vocational training and additional vocational training for citizens of preretirement age for the period up to 2024 and on the compilation of lists of the most popular and priority profiles.

Firstly, the lists include professions such as security guard, electrician, flow line operator, crane operator, track installer, fitter, hooker, etc. Obviously, these lists include the most popular professions in the regional markets, but it seems doubtful to us that having trained in these

professions, citizens will actually be employed in these professions, since the opportunity to work in these professions is directly related to the state of health of workers. We believe that the given lists are made without taking into account physiological features of persons of the specified age: the more the employee is older, the more sphere of application of his ability to work in connection with deterioration of a state of health, increase in number of somatic and professional diseases, and accordingly medical contraindications to realization of separate kinds of works, the employee can be admitted to their performance after passing preliminary medical examination. In addition, enrolment in training is made without taking into account the health condition of the potential employee: no health documents are provided.

Secondly, these lists include such professions as specialist in the development and design of Web-sites, the study of graphic packages, accounting and taxation, a specialist in procurement and others, assuming active and competent possession of computer programs.

The above raises doubts about the possibility of subsequent actual employment of pre-retirees in some of the training areas offered by the employment services. Undoubtedly, if a citizen is referred for training by his employer, the acquired knowledge and skills are more likely to be used by the employee in the labor activity. And if he was sent for retraining by the employment service, then there are doubts about the possibility of his actual employment in the profession he received, because in fact he was trained, the classes were attended, but new competencies and practical skills were most likely not acquired due to the short period of training and the fact that not all jobs are actually affected by digitalization and trainees often do not have basic, elementary computer skills, etc.

Thus, the Program of vocational training and additional vocational education for citizens of pre-retirement age approved by the Government will be effective under several conditions. Thus, training should be carried out taking into account the state of health (no restrictions for work in the profession, specialty), taking into account the real needs of specialists in the region in this industry in order to ensure the real possibility of employment after the completion of professional retraining of the pre-retirement. The result of professional retraining is that the retrained employee receives a new profession and is employed in the profession he or she has received. I believe that, in the first stages of the programme, the State should encourage employers to create new jobs, or create such jobs themselves, in the professions for which retraining is provided. We believe that a job quota for that category of workers will be effective. We propose setting quotas in each sub-region of the Russian Federation, taking into account the demographic situation, and setting quotas within 1-3% of the average number of employers. And also to provide them with tax benefits for employment of these employees against the quota. It is necessary to amend the Law of the Russian Federation of 19.04.1991 No. 1032-1 "On Employment of the Population in the Russian Federation" to provide for such a possibility. Before undergoing training, a preretirement should undergo career guidance testing to determine his or her preferred area of work among the most demanded and priority professions on the regional labour markets for the given period of time, as well as taking into account the trends on the labour market for the next 5 years, and to possess the complex of competences necessary for effective work in the profession for which training is to be provided. We believe that these measures will increase the probability of employment of a pre-retired employee as a result of professional training.

Given the above, it is necessary to strengthen the protection of the rights of persons of pre-retirement age through the implementation of various state programs to support their employment. Since imposing increased obligations exclusively on the employer will lead to a breach of the delicate balance between the interests of employees and employers.

Based on the foregoing, it can be concluded that this category of workers is currently one of the most vulnerable categories of workers in the labor market, since they are often subjected to age discrimination. The current labor legislation does not provide any special guarantees for the protection of the labor rights of workers of pre-retirement and retirement age, and refusal to hire will in most cases be justified, since it will be made due to circumstances related to the

business qualities of this employee, including, due to health status and lack of necessary knowledge and skills. We believe that in order to prevent age discrimination against employees of retirement and pre-retirement age, the state should implement not only a set of measures aimed at vocational training and additional vocational education, but also the preservation and restoration of public health, which is especially important in connection with the increase in the retirement age.

Е. А. Ковалёва

канд. юрид. наук, доц.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ИЗМЕНЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ И УЗБЕКИСТАНА

Сравнительно-правовой анализ в юриспруденции как метод исследовательской работы имеет важное значение поскольку нацеливает на более глубокое изучение проблемы, мировоззренческих позиций различных ученых и законодательства государств, а порой и изменяет устоявшиеся теории.

Институт изменения трудового договора регламентируется главой 3 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) [1], и разделом 3 главы 6 Трудового кодекса Республики Узбекистан (далее – ТК Узбекистана) [2]. Следует обратить внимание на различные концептуальные подходы государств в регулировании данных общественных отношений. Несмотря на название раздела 3 ТК Узбекистана «Изменение трудового договора», указанные нормы регулируют изменение условий труда в целом. Термин «условия труда» шире по сравнению с условиями трудового договора. Под условиями труда ст. 88 ТК Узбекистана понимает совокупность социальных и производственных факторов, при которых осуществляется труд. К социальным факторам относятся размер оплаты труда, продолжительность рабочего времени, отпуска и другие условия. Производственными факторами признаются технические, санитарные, гигиенические, производственно-бытовые и другие условия [2].

ТК Беларуси регламентирует изменение условий трудового договора, которые устанавливаются законодательством, соглашением сторон и отражаются в письменной форме трудового договора. Трудовой договор в обоих государствах не содержит технических, санитарных, гигиенических, производственно-бытовых условий, т.к. они являются гарантией прав работников на охрану труда и обязанностью нанимателя (работодателя) создавать здоровые и безопасные условия труда. По нашему мнению, изменение именно зафиксированных письменно условий труда должно регулироваться законодательством.

Рассмотрим основные аспекты изменения трудового договора.

1. *Право сторон трудового договора изменить условия труда по их требованию.* Согласно ст. 89 ТК Узбекистана работодатель вправе изменить условия труда без согласия работника только в том случае, если такие изменения предопределены изменениями в технологии, организации производства и труда, сокращением объемов работ (продукции, услуг), повлекшими изменение численности работников или характера работ. Работник вправе обжаловать в суд изменение условий труда, а работодатель при рассмотрении спора обязан доказать невозможность сохранения прежних условий труда. На основании ст. 90 ТК Узбекистана работник вправе потребовать изменения условий труда в случаях, предусмотренных законодательными и иными нормативными актами о труде [2].

В ТК Беларуси предусмотрено лишь право нанимателя на изменение условий труда, что определено в ст. 31–34. В Беларуси, в отличие от Узбекистана, отсутствует правовое регулирование права работника на изменение трудового договора, в то же время,

исходя из комплексного толкования норм ТК, обе стороны могут выразить как желание, так и требование на изменение трудового договора. Например, согласно ст. 289 ТК Беларуси беременная женщина вправе потребовать, а наниматель обязан установить неполный рабочий день или неполную рабочую неделю [1].

2. *Виды изменения трудового договора.* ТК Узбекистана к видам изменения трудового договора относит перевод и изменение условий труда. Перевод может быть постоянным и временным, осуществляться по инициативе сторон с согласия или без их согласия (ст. 92–95). Причем при переводе меняется только трудовая функция, а именно работа по другой специальности, квалификации, должности. В Беларуси понятие трудовой функции несколько иное – это работа по одной или нескольким должностям служащих (профессиям рабочих) с указанием квалификации (ст. 1).

Изменение условий труда регламентируются ст. 89, 90 и ч. 7 ст. 96 ТК Узбекистана. Причем вышеназванные нормы не предусматривают какие конкретно условия труда могут изменяться по таким правилам. Полагаем, что любые зафиксированные в трудовом договоре условия труда за исключением трудовой функции и рабочего места, т.к. согласно ст. 91 ТК Узбекистана изменение рабочего места, не обусловленного в трудовом договоре, не считается изменением условий труда и не требует согласования с работником.

В ТК Беларуси структура 3 главы основана на регулировании трех видов изменения трудового договора: перевод, перемещение и изменение существенных условий труда. В законодательстве четко определены основные условия трудового договора, относящиеся к конкретному виду его изменения. Так переводом признается поручение работы по другой трудовой функции, также у другого нанимателя (места работы) или в другой местности (ст. 30). Перемещением признается поручение работнику работы на новом рабочем месте, в другом структурном подразделении, на другом механизме или агрегате, но в пределах трудовой функции с сохранением прежних условий труда. При перемещении согласие работника не требуется (ст. 31). Изменением существенных условий труда признается изменение любых других условий труда, зафиксированных в трудовом договоре, при продолжении им работы по той же квалификации, профессии, должности (ст. 32). Норма содержит перечень условий труда, которые наниматель может изменить, в частности: систему оплаты труда, гарантии, режим рабочего времени, установление или отмену неполного рабочего времени, уменьшение размеров оплаты труда.

Выделение отдельно перемещения как вида изменения трудового договора представляется оправданным, поскольку наниматель может более оперативно реагировать на возможные производственные, экономические или организационные трудности.

3. *Процедура изменения условий труда.* В данном случае мы говорим именно об изменении условий труда, не касаясь переводов и перемещений. В Республике Узбекистан процедура изменения условий труда зависит от инициатора – работника или работодателя, и его права требовать изменения условий труда в соответствии с законодательными и иными нормативными актами о труде. Так, на основании ст. 90 ТК Узбекистана работник подает заявление, которое должно быть рассмотрено работодателем не позднее трех дней после его подачи. При отказе в удовлетворении требований работника об изменении условий труда работодатель должен в письменной форме сообщить ему о причине отказа. Несообщение работнику причин отказа в удовлетворении его требований не является препятствием для обжалования им отказа в изменении условий труда.

Если работодатель изменяет условия труда без согласия работника, то он обязан письменно, под расписку, предупредить работника о предстоящем изменении условий труда, не позднее чем за два месяца. Сокращение указанного срока допустимо только с согласия работника (ч. 3 ст. 89).

В Республике Беларусь наниматель вправе изменить существенные условия труда только при наличии обоснованных производственных, организационных или экономических причин, письменно предупредив об этом работника не позднее чем за

1 месяц, а работник продолжает работать по той же профессии, должности, квалификации, определенным в трудовом договоре (ст. 32).

4. *Защита прав работников при изменении условий труда.* ТК Узбекистана содержит следующие нормы о защите прав работников. Работодатель проводит предварительные консультации по поводу изменения условий труда для отдельных групп работников с представительными органами работников на предприятии (ч. 2 ст. 89). При неблагоприятных изменениях условий труда для значительной группы работников работодатель обязан представить местному органу по труду информацию о мотивах таких изменений (ч. 5 ст. 89).

В Республике Беларусь таких гарантий не предусмотрено.

Согласно ч. 4 ст. 89 ТК Узбекистана трудовой договор с работником может быть прекращен в связи с его отказом от продолжения работы в новых условиях труда с выплатой ему выходного пособия в размере не менее среднего месячного заработка. А в Беларуси при прекращении трудового договора по указанному основанию работнику гарантируется выплата выходного пособия в размере не менее двухнедельного среднего заработка (ч. 4 ст. 48).

5. *Оформление изменения трудового договора.* В ТК Узбекистана подробно регламентируется оформление каждого в отдельности вида перевода и изменения условий труда. Например, в ч. 3, 4, 7 ст. 96 установлено, что временный перевод на другую работу оформляется приказом с указанием срока перевода. Основанием для издания приказа о временном переводе на другую работу по соглашению сторон трудового договора и по инициативе работника является его заявление, а о временном переводе беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до двух лет, – их заявление и медицинское заключение. Изменение условий труда, а также изменение рабочего места оформляются приказом работодателя.

В законодательстве Республики Беларусь нормы об оформлении изменения трудового договора даны фрагментарно. Так, в ч. 4 ст. 19 ТК Беларуси предусмотрено, что трудовой договор может быть изменен только с согласия сторон, если иное не предусмотрено ТК. В случае изменения законодательства о труде условия трудового договора должны быть приведены в соответствие с законодательством о труде. Однако, представляется, что указанная норма, исходя из предмета правового регулирования, должна находиться в главе 3 ТК.

Законодатель не закрепляет как оформляется изменение отдельных видов трудового договора, указав только в ч. 6 ст. 30, что при переводе на другую постоянную работу у того же нанимателя с работником заключается новый трудовой договор. Исходя из сложившейся правоприменительной практики, изменения в трудовой договор вносятся и путем заключения дополнительных соглашений между работником и нанимателем.

В заключение, с учетом изложенного, считаем целесообразным дополнить главу 3 ТК Беларуси новой статьей 34-1, переместив в нее ч. 4 ст. 19 и ч. 6 ст. 30 с некоторыми уточнениями. Новая статья могла бы выглядеть следующим образом:

«Статья 34-1. Оформление изменения трудового договора.

Трудовой договор может быть изменен по инициативе сторон и с их согласия, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. В случае изменения законодательства о труде условия трудового договора должны быть приведены в соответствие с законодательством о труде.

При переводе на другую постоянную работу у того же нанимателя с работником заключается новый трудовой договор с соблюдением требований статей 18 и 19 настоящего Кодекса.

При перемещении и изменении существенных условий труда изменения в трудовой договор вносятся дополнительным соглашением к трудовому договору в письменной форме, с соблюдением требований статьи 18 настоящего Кодекса. Дополнительное соглашение является неотъемлемой частью трудового договора.

Изменение трудового договора оформляется приказом (распоряжением) нанимателя и объявляется работнику под роспись. Основанием для издания приказа (распоряжения) являются изменения, внесенные в трудовой договор, заключенный с работником».

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Трудовой кодекс Республики Узбекистан, 21 дек. 1995 г. : в ред. Закона Респ. Узбекистан от 03.12.2020 г. // Lex.uz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/145261>. – Дата доступа: 05.02.2021.

Н. П. Ковалёва

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» устанавливает особенности проведения процедуры государственной закупки с участием субъектов малого и среднего предпринимательства. При этом объем государственной закупки делится на определенные части (лоты) и участниками процедуры по таким частям (лотам) могут выступать соответственно данные субъекты предлагающие товары (работы, услуги) собственного производства [1].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 01 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства» к субъектам малого предпринимательства относятся: индивидуальные предприниматели, микроорганизации со средней численностью работников до 15 человек включительно и малые организации со средней численностью работников от 16 до 100 человек включительно [2, ст. 3], а к субъектам среднего предпринимательства коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 101 до 250 человек включительно. При этом для получения статуса субъекта малого или среднего предпринимательства специальная легитимация не нужна, и соответствующий акцент сделан в части пятой статьи 3 вышеуказанного акта, где определено, что специальной регистрации индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в качестве субъектов малого и среднего предпринимательства или иного подтверждения указанного статуса со стороны государственных органов не требуется, иными словами, достаточно соблюдения формальных требований к средней численности работников [2].

Примечателен также и тот факт, что установление особенностей участия субъектов малого и среднего предпринимательства в качестве поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в процедурах государственных закупок товаров (работ, услуг) является одной из мер поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь со стороны государства (абзац 7 части 1 статьи 7) [2]. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» допускает специальные правила для субъектов малого и среднего предпринимательства, отличающиеся от правил, установленных для субъектов хозяйствования, не являющихся таковыми. Для целей проведения процедур государственных закупок применяется особый правовой режим для участников - субъектов малого и среднего предпринимательства,

в рамках которого при соблюдении определенных условий гарантируется их участие в процедурах государственных закупок путем выдела части (лота) предмета государственной закупки в размере не более 10 %, по которой участвовать (конкурировать) могут только субъекты малого и среднего предпринимательства (сноска) [3, с.14].

Закрепленная законодательством гарантия для субъектов малого и среднего предпринимательства при участии в процедурах государственных закупок товаров (работ, услуг) в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 15 июня 2019 г. № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», состоит в следующем, что только для субъектов малого и среднего предпринимательства может быть сформирована часть (лот) предмета государственной закупки в размере не более 10 % объема (количества) этого предмета, следовательно, таким субъектам гарантирована возможность участия в процедурах государственных закупок по выделенной части (лоту) предмета государственной закупки и получается, что конкурируют между собой только данные субъекты, поскольку именно они могут быть участниками по такой части (лоту). Необходимо отметить, что вышеуказанная гарантия реализуется при следующих условиях: во-первых, это допустимо для товаров (работ, услуг) по перечню, определяемому вышеуказанным постановлением № 395, во-вторых, такие товары (работы, услуги) должны относиться к товарам (работам, услугам) собственного производства и в-третьих, это возможно, если предмет государственной закупки и его объем (количество) могут распределяться по частям (лотам).

Подобная гарантия реализуется, если заказчик (организатор) при размещении приглашений к участию в процедурах государственных закупок предусмотрел в приглашениях порядок участия именно субъектов малого и среднего предпринимательства. В случае отмены процедуры государственной закупки или признания ее несостоявшейся по такой части (лоту) ее объем (количество) включается в иные соответствующие части (лоты) предмета государственной закупки либо проводится новая процедура государственной закупки, участниками которой могут быть и иные юридические и физические лица (индивидуальные предприниматели).

В отношении конституционности норм об участии указанных субъектов в процедурах государственных закупок свою точку зрения высказал Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 09.07.2012 г. № Р-754/2012 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», и было отмечено, что наличие особенностей государственных закупок с участием субъектов малого и среднего предпринимательства в Законе № 419-З направлено на развитие конституционного принципа регулирования государством экономической деятельности в интересах человека и общества, а в целом - на реализацию целей государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства, которая, осуществляется путем создания благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства [4, п.п.6,7].

Таким образом, особенность участия в процедурах государственных закупок для субъектов малого и среднего предпринимательства состоит в том, что в случае, если приглашения для участия в процедурах государственных закупок содержат правила об участии в них указанных субъектов, то для таких субъектов по товарам (работам, услугам) собственного производства, включенным в утверждаемый перечень, устанавливается возможность приобретения части (лота) предмета государственной закупки в размере не более 10 % от объема (количества) этого предмета, но при условии, если предмет государственной закупки может распределяться по частям (лотам).

Считаем, что, несмотря на значительный вклад субъектов малого и среднего предпринимательства в экономику Республики Беларусь, существующее правовое регулирование в области государственных закупок не в полной мере соответствует

потребностям таких субъектов и в связи с этим, необходимо расширить их участие при проведении процедур государственных закупок, а именно увеличить долю участия субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме государственных закупок товаров (работ, услуг) заказчика до 20 процентов и установить оплату обязательств по поставленным товарам (работы, услугам) заказчика перед субъектами малого и среднего предпринимательства в течение не более 10 календарных дней после их выполнения.

Список использованных источников

1. О Государственных закупках товаров (работ, услуг): Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г. № 419-3 (с изм. и доп. от 17.07.2018) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 2018. – 2/2574.

2. О поддержке малого и среднего предпринимательства: Закон Республики Беларусь, 01 июля 2010 г. № 148-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2018. – 2/2529.

3. Амельчя, Ю. Некоторые аспекты правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства при их участии в государственных закупках / Ю.Амельчя // Тендер. – 2016. – № 21. – С. 14-18.

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг): Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 09 июля 2012 г. № Р-754/2012 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2012. – 6/1218.

Н. П. Ковалёва

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПЕНСИЮ В СВЯЗИ С СЕМЕЙНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

Законодательство в области пенсионного обеспечения предусматривает досрочные трудовые пенсии со снижением общеустановленного пенсионного возраста отдельным категориям граждан в связи с семейным положением. К таким категориям относятся женщины, родившие пять и более детей и воспитавшие их до 8-летнего возраста при стаже работы не менее 15 лет, со снижением общеустановленного пенсионного возраста на 5 лет, и женщины, родившие пять и более детей и воспитавшие их до 16-летнего возраста, при стаже работы в производстве сельскохозяйственной продукции, при стаже не менее 10 лет [1, ст. 19]. В случаях, когда многодетная мать не воспитала каждого из пятерых детей до восьми лет, она не приобретает право на досрочную трудовую пенсию по возрасту. При этом причина, по которой многодетная мать не смогла воспитать детей до указанного возраста, значения не имеет (например такой причиной, может быть: лишение родительских прав, смерть ребенка до исполнения ему восьмилетнего возраста и другие). При этом, если дети женщины, не лишенной родительских прав, проживают отдельно от нее (например, живут у бабушки, обучаются в учебных заведениях), или находятся в детском доме, состоят на полном или частичном государственном обеспечении), она не лишается права на досрочное назначение пенсии.

Следует отметить, что выполнение родительских обязанностей, защиту прав и интересов детей осуществляют и лица, заменяющие родителей – усыновители (удочерители). В статье 119 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье предусмотрено, что между усыновителем и усыновленным возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми [3], ребенку присваиваются фамилия усыновителя, а усыновители в свидетельстве о рождении ребенка указываются в качестве родителей [3, ст.132]. Таким образом, при усыновлении (удочерении) все права и обязанности

усыновленного ребенка приравниваются к правам и обязанностям родных детей. Необходимо отметить, что при награждении женщины, родившей пять и более детей Орденом Матери учитываются дети, усыновленные в установленном порядке [4].

В настоящее время законодательство не конкретизирует, будут ли учитываться усыновленные (удочеренные) дети при назначении пенсии на льготном основании женщине по признаку многодетности. Поскольку законодательство возлагает на усыновителя обязанность по воспитанию детей, защите их интересов и, исходя из принципов гуманности, разумности, они соответственно должны учитываться наравне с рожденными детьми, так как родители, которые усыновили детей, ничем не отличаются в своих правах от родных, и если в свидетельстве о рождении женщина указана матерью, предполагается, что она воспитывала ребенка с рождения, не зависимо от времени усыновления.

Для аргументации выводов обратимся к опыту других стран, например в Республике Казахстан закреплено, что женщины, родившие (усыновившие, удочерившие) 5 и более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, имеют право на пенсию по возрасту по достижении 53 лет, при наличии общего стажа – 20 лет [5, ст. 11], в Латвии предусмотрено право лиц, стаж страхования которых не менее 30 лет и которые заботились до достижения восьмилетнего возраста за пятью или более детьми, запрашивать пенсию по старости на пять лет раньше достижения установленного возраста [6 ст.11], в Эстонии матери, отцы, мачехи, отчимы, опекуны или попечители, воспитывавшие не менее восьми лет четверых детей, - за три года до достижения пенсионного возраста по старости, матери, отцы, мачехи, отчимы, опекуны или попечители, воспитывавшие не менее восьми лет троих детей, - за один год до достижения пенсионного возраста по старости, либо пятерых или более детей, - за пять лет до достижения пенсионного возраста по старости [7, ст.10].

Таким образом, приведенные доводы позволяют сделать вывод о необходимости закрепления права женщин усыновивших, удочеривших пять и более детей и воспитавших их до 8-летнего возраста на досрочную пенсию по возрасту в части 1 статьи 19 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении»

К иным категориям имеющим право на досрочную пенсию по возрасту относится матери, воспитывавшие детей-инвалидов (инвалидов с детства) не менее 8 лет в период до их совершеннолетия, имеют право на пенсию по возрасту при стаже работы не менее 20 лет, с понижением общеустановленного пенсионного возраста на пять лет [1]. Например, в Российской Федерации предусмотрено право на трудовую пенсию по старости ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста одному из родителей инвалидов с детства, воспитавшему их до достижения ими возраста 8 лет, если они имеют страховой стаж соответственно не менее 20 и 15 лет, а также опекунам инвалидов с детства или лицам, являвшимся опекунами инвалидов с детства, воспитавшим их до достижения ими возраста 8 лет, страховая пенсия по старости назначается с уменьшением возраста на один год за каждые один год и шесть месяцев опеки, но не более чем на пять лет в общей сложности, если они имеют страховой стаж не менее 20 и 15 лет соответственно мужчины и женщины [2], в Эстонии матери, отцы, мачехи, отчимы, опекуны или попечители, воспитывавшие не менее восьми лет ребенка со средним, тяжелым или глубоким физическим и (или) психическим недостатком - за пять лет до достижения пенсионного возраста по старости [7, ст.10].

Под воспитанием следует понимать систематическое воздействие на физическое, духовное и нравственное развитие ребенка, забота о его здоровье, а также непосредственный уход за ним. При этом законодательство не требует, чтобы ребенок признавался ребенком-инвалидом непрерывно 8 лет, поэтому 8-летний период, в течение которого ребенок до 18 лет являлся инвалидом, может складываться из нескольких периодов. При этом также не имеет значение, являлся ли ребенок инвалидом на день достижения матерью соответствующего возраста или нет, а также факт смерти ребенка не лишает мать права на пенсию.

Право на данную пенсию имеют и отцы, воспитывавшие детей-инвалидов (инвалидов с детства) не менее 8 лет в период до их совершеннолетия, если мать ребенка-инвалида (инвалида с детства) не использовала приобретенного ею права на пенсию, отказалась от этого права в пользу отца или умерла [1, ст. 20]. Следовательно, реализовать данное право может только один из родителей

Согласно статье 82 КоБС родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав. Из этого следует, что родители, лишённые родительских прав в отношении детей-инвалидов, независимо от того, что они воспитывали детей-инвалидов не менее 8 лет, права досрочного выхода на пенсию по возрасту по указанному основанию не имеют [3].

На наш взгляд заслуживает внимания возможность предоставления права на досрочную трудовую пенсию в связи с уходом за ребенком – инвалидом опекунам, назначенным для защиты прав и законных интересов детей-сирот. Так как в соответствии со статьей 142 КоБС опека устанавливается для воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также для защиты личных неимущественных и имущественных прав и законных интересов этих детей [3]. При этом опекуны, имеют право и обязаны воспитывать подопечных, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить их к общественно полезному труду, вправе самостоятельно определять способы воспитания ребенка, находящегося под опекой, с учетом мнения ребенка и рекомендаций органа опеки и попечительства. На практике существуют случаи, когда опекуном может становиться иной член семьи данного ребенка, который будет продолжать его воспитание. И соответственно нет оснований лишать его права на льготную пенсию по возрасту, как воспитывавшего ребенка - инвалида (инвалида с детства) не менее 8 лет в период до их совершеннолетия. Следовательно, считаем целесообразным уточнить часть 1 статьи 20 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» предоставив право на досрочную трудовую пенсию опекунам, воспитывавшим детей-инвалидов (инвалидов с детства) не менее 8 лет в период до их совершеннолетия.

Как видно из изложенного льготные условия пенсионного обеспечения по возрасту прежде всего состоят в снижении общеустановленного пенсионного возраста и в некоторых случаях стажа работы (страхового стажа), однако проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в обозначенной области.

Список использованных источников

1. О пенсионном обеспечении: Закон Республики Беларусь, 17 апр.1992 г., № 1596–XII (в ред. от 06 янв.2009 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. – № 43 – 2/1986.
2. О страховых пенсиях: Федеральный закон, 28 дек. 2013 г. № 400-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6965;
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, 9 июл. 1999 г. (в ред. 12 дек. 2013 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 55. – 2/53
4. О государственных наградах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 18 мая 2004 г. № 288-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. –2004. – №88. – 2/1037
5. О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан, 21 июня 2013 г. № 105-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2013. – № 10 – 11. – Ст. 55
6. О государственных пенсиях; Закон Латвийской Республики, 23 нояб.1995 г. (в ред. 24 апр.2008 г.) // Ведомости Сэйма и Кабинета министров Латвийской Республики. – 1996. – № 1. – Ст.24
7. О государственном пенсионном страховании: Закон Эстонии, 20 дек.2001 г. (в ред.10 марта 2009 г.) // [Электронный ресурс] / – 2020. Режим доступа: <http://rup.ee/rus/pdf/zakoninarusskom/15.pdf>. Дата доступа 18.12.2020.

МЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Трудовым законодательством за нарушение трудовой дисциплины предусмотрена дисциплинарная ответственность, мерами которой являются дисциплинарные взыскания.

Дисциплинарное взыскание – это реакция нанимателя на проступок, совершенный в процессе труда, адресованная определенному нарушителю трудовой дисциплины, в которой выражается степень осуждения, отрицательного отношения как к самому правонарушителю, так и к его противоправному деянию [1, с. 95].

В соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) предусмотрено четыре меры дисциплинарного взыскания:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) лишение полностью или частично стимулирующих выплат;
- 4) увольнение [2].

Согласно Трудовому кодексу Республики Узбекистан (далее – ТК Узбекистана) к работнику, нарушившему трудовую дисциплину, могут быть применены:

- 1) выговор;
- 2) штраф;
- 3) прекращение трудового договора [3].

В ТК Узбекистана прямо установлено, что применение мер дисциплинарного взыскания, не предусмотренных ст. 181 ТК Узбекистана, запрещается. Исходя из комплексного толкования норм ТК Беларуси, расширение общего перечня мер дисциплинарного взыскания также не допускается.

Дисциплинарные взыскания в виде замечания и выговора типичны преимущественно для трудового права, являются мерами морально-правового воздействия на личность. Они могут применяться за не грубые дисциплинарные проступки и имеют такие же правовые последствия, как и другие дисциплинарные взыскания [4, с. 73].

Мерами материального воздействия на работника являются лишение стимулирующих выплат и штраф.

В Республике Беларусь стимулирующие выплаты устанавливаются нанимателем в локальном порядке в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 18 января 2019 г., № 27 «Об оплате труда работников бюджетных организаций» [5]. Объем лишения не ограничен, допускается полное лишение (до 100 % всех выплат), срок лишения – до 12 месяцев и производится на будущее время. В приказе (распоряжении, постановлении, решении, протоколе) о привлечении к дисциплинарной ответственности должно быть указано каких именно лишается выплат работник, в каком размере и на какой срок.

Штраф по законодательству Узбекистана может применяться в размере не более тридцати процентов среднего месячного заработка. В правилах внутреннего трудового распорядка работодатель вправе увеличить его размер (но не более пятидесяти процентов). Исходя из этого, работник имеет четкое представление об основаниях и предельных размерах взысканий денежного характера.

Увольнение работника или прекращение трудового договора – крайняя мера дисциплинарного взыскания. И в законодательстве Беларуси, и в законодательстве Узбекистана установлено, за какие именно нарушения она может быть применена.

В Беларуси названы неоднократные и однократные грубые нарушения, а также иные нарушения трудовой дисциплины, применяемые к отдельным категориям работников.

В ТК Узбекистана четко установлено, что уволить работника можно либо за грубое нарушение трудовой дисциплины, либо за неоднократное нарушение трудовой дисциплины. При этом, какие нарушения трудовой дисциплины являются грубыми определяется каждым работодателем самостоятельно в:

- правилах внутреннего трудового распорядка;
- трудовом договоре между собственником предприятия и руководителем предприятия;
- положениях и уставах о дисциплине в отношении отдельных категорий работников.

Не допускается прекращение с работником трудового договора, если на предприятии отсутствуют правила внутреннего трудового распорядка, нарушен установленный законом порядок их утверждения, либо если правила внутреннего трудового распорядка не содержат перечня грубых нарушений трудовых обязанностей [<https://lex.uz/docs/1444777> - 1445139].

Перечень грубых нарушений установлен в Примерных Правилах внутреннего трудового распорядка предприятия, учреждения, организации независимо от их ведомственной принадлежности, форм собственности и хозяйствования, утв. Министерством труда Республики Узбекистан от 07 мая 1999 г., № 834, (п. 2.38), к которым относятся:

- нарушение исполнительской дисциплины;
- прогул;
- появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, удостоверенное показанием очевидцев или медицинским заключением;
- совершение по месту работы хищения имущества предприятия, удостоверенного очевидцами;
- совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы;
- грубое нарушение техники безопасности, технологии производства, которое привело к возникновению угрозы жизни или здоровью работников предприятия, включая и самого нарушителя;
- нарушение трудовых обязанностей работником, повлекшее нанесение работником материального вреда свыше ____ кратного размера минимальной заработной платы, установленной в Республике Узбекистан;
- разглашение коммерческой тайны работником, сохранение которой обусловлено с ним в трудовом договоре;
- совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основания для утраты доверия к нему со стороны работодателя [7].

Некоторые выше названные нарушения по законодательству Республики Беларусь не являются дисциплинарными, например, совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы. Кроме того, для увольнения за совершение по месту работы хищения имущества нанимателя не достаточно показаний очевидцев, а требуется вынесение приговора суда или постановления компетентного государственного органа.

Наниматель вправе уволить работника за неоднократные нарушения трудовой дисциплины. Несмотря на различную терминологию и по законодательству Беларуси, и по законодательству Узбекистана прекратить трудовой договор можно за повторное нарушение: В Беларуси это неисполнение обязанностей, в Узбекистане – повторное нарушение, совершенное не только после привлечения к дисциплинарной ответственности, но и к материальной ответственности либо применения к нему мер воздействия, предусмотренных законодательными и иными нормативными актами о труде, за предыдущее нарушение трудовых обязанностей.

Необходимо отметить, что состояние привлечения к ответственности – это особое правовое состояние лица, который был признан виновным в совершении правонарушения

(проступка) и к которому были применены меры ответственности. Это состояние влечет за собой ряд негативных последствий общеправового характера, прежде всего возможность прекращения трудового договора. Привлечение к материальной ответственности не порождает возникновение такого состояния, а ее целью является восстановление имущественного положения нанимателя или работодателя. Иные меры воздействия необходимы для поддержания трудовой дисциплины и не являются мерами ответственности, в связи с чем, не должны иметь негативных последствий для работника.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) перечень общих мер дисциплинарной ответственности и в Беларуси, и в Узбекистане носит исчерпывающий характер и не может быть расширен по усмотрению нанимателя или работодателя;

2) и по законодательству Беларуси, и по законодательству Узбекистана имеются меры, которые воздействуют как непосредственно на личность нарушителя (замечание, выговор), так и на его материальное положение (штраф, лишение стимулирующих выплат), или являются мерами организационного характера (увольнение или прекращение трудового договора);

3) в Республике Беларусь перечень дисциплинарных увольнений шире, но в Узбекистане может быть расширен в локальном порядке;

4) в Республике Узбекистан некоторые вопросы применения мер дисциплинарного взыскания переданы на усмотрение работодателя и устанавливаются в правилах внутреннего трудового распорядка. В Беларуси в некоторых случаях наниматель также самостоятельно принимает решение (при определении стимулирующих выплат, которых работник будет лишен).

Список использованных источников

1. Дисциплинарная и материальная ответственность / С.А. Абрамович [и др.]; под общ. ред. К.Л. Томашевского. Минск: Агентство Гревцова, 2007. – 252 с.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. // Lex.uz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/145261>. – Дата доступа: 05.02.2021.

4. Ковалёва, Е.А. Трудовая дисциплина и дисциплинарная ответственность в свете изменений, внесенных Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З в Трудовой кодекс Республики Беларусь / Е.А. Ковалёва, Т.В. Ковалёва. – Минск : Амалфея, 2019. – 124 с.

5. Об оплате труда работников бюджетных организаций : Указ Президента Республики Беларусь от 18 января 2019 г., № 27, с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. О применении судами законодательства, регулирующего прекращение трудового договора (контракта) : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 17.04.1998, № 12, с изм. и доп. // Lex.uz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/1444777#1445139>. – Дата доступа: 26.01.2020.

7. Примерные Правила внутреннего трудового распорядка предприятия, учреждения, организации независимо от их ведомственной принадлежности, форм собственности и хозяйствования : утв. Министерством труда Республики Узбекистан от 07 мая 1999 г., № 834 // Lex.uz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/582817>. – Дата доступа: 05.02.2021.

Научный руководитель: Е. А. Ковалёва,
канд. юрид. наук, доц.

ПРАВО ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК В СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Длительное время в нашей стране существовала исключительно государственная собственность на землю. Началом формирования института права частной собственности на землю в Республике Беларусь явилось Постановление Верховного Совета Республики Беларусь 1991 г. «О признании права частной собственности на землю на территории Республики Беларусь». Более подробная регламентация отношений частной собственности на землю содержалась в Законе 1993 г. «О праве собственности на землю». Новым этапом в регулировании земельных отношений явилось принятие Кодекса Республики Беларусь о земле 1999 г., в котором законодатель попытался более подробно разрешить вопросы частной собственности на землю. В кодексе были закреплены виды прав на землю для физических лиц: пользование, пожизненное наследуемое владение, право частной собственности, право аренды и земельный сервитут.

Следующий этап развития законодательства Беларуси в сфере прав на землю граждан связан с принятием в 2008 году очередного Кодекса о земле (далее - КоЗ), который провозгласил, что собственность на землю, земельные участки может быть государственной и частной (ч.1 ст. 11) [1]. Кодекс о земле в ч. 6 ст. 12 устанавливает перечень целей, для которых земля может быть передана в частную собственность граждан: ведение личного подсобного хозяйства; строительство и обслуживание жилого дома (квартиры); ведение коллективного садоводства; дачное строительство.

Согласно ч. 2 ст. 12 КоЗ, земельный участок может принадлежать на праве общей (долевой или совместной) собственности нескольким собственникам. Как известно, имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей совместной собственностью независимо от того, на кого из супругов оно приобретено или зарегистрировано (ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее - КоБС) [2]. Право собственности на землю у супругов может возникнуть в силу совместного приобретения земельных участков в частную собственность; в результате сделок с землей, в частности, купли-продажи земельных участков; на основе приобретения в совместную собственность строения или сооружения (его части), расположенного на обособленном земельном участке (при этом автоматического перехода права собственности на земельный участок не происходит); при переходе по наследству обоим супругам и в иных случаях. Однако, согласно ч. 4 ст.12 КоЗ земельные участки могут находиться в частной собственности иностранных граждан лишь при условии, когда они являются родственниками наследодателя, в случае получения ими по наследству земельных участков, предоставленных наследодателю в частную собственность. Можно ли говорить о возникновении совместной собственности супругов на землю при заключении ими сделок, если один из них является иностранцем или лицом без гражданства? Вышеприведенная норма КоЗ дает однозначно отрицательный ответ. Приходится констатировать, что данное положение вещей находится в противоречии с рядом норм белорусского законодательства, регулирующих правовой статус иностранного гражданина. Так, согласно ст. 228 КоБС иностранный гражданин или лицо без гражданства пользуется в Республике Беларусь правами и несет обязанности в брачных и семейных отношениях наравне с гражданами Республики Беларусь. О наличии таких прав также свидетельствуют положения статей 4, 7, 12 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» [3]. Анализируя содержание этих норм, приходим к выводу, что на иностранцев и лиц

без гражданства в полной мере должна распространяться ст. 23 КоБС об общей совместной собственности супругов, что не совсем согласуется с ч. 4 ст. 12 КоЗ.

Все сделки с землей, если она находится в общей собственности, необходимо совершать с согласия всех собственников. При регистрации сделок с землей обязательно требуется согласие второго супруга. Инструкция о порядке совершения нотариальных действий, связанных с общей совместной собственностью граждан, гласит: в связи с тем, что супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения имуществом, нажитым ими во время брака, при отчуждении такого имущества требуется согласие такого супруга [4]. Но можно ли второго супруга, не являющегося гражданином Республики Беларусь, признавать участником общей совместной собственности на землю? Ответ опять отрицательный. В этой ситуации теряется смысл в получении согласия супруга – иностранца, что противоречит принципу равенства супругов в семейных правоотношениях, провозглашенный брачно-семейным законодательством Республики Беларусь.

Земельные участки, а также все то, что прочно связано с землей, отнесено законодательством к недвижимости (ст. 130 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее - ГК), поэтому при осуществлении сделок с землей следует соблюдать все правила, относящиеся к сделкам с недвижимостью [5]. Земля может быть сама по себе объектом купли-продажи. В юридической литературе такую сделку именуют прямой. Но сделка с землей может быть косвенной-опосредованной [6, с. 107]. В этом случае объектом купли-продажи, мены и других договоров будет не столько земельный участок, сколько иные объекты недвижимости, расположенные на нем. Земельный участок может перейти в собственность, если будет специально оговорено в договоре купли-продажи недвижимости.

Сделки с землей подлежат государственной регистрации в соответствии со ст. 131 ГК. Пунктом 2 ст. 1123 ГК установлено, что к защите права собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество применяется право страны, в которой это имущество находится. В отношении имущества, которое зарегистрировано на территории Беларуси, применяется право нашей страны. Если в законодательстве отсутствует регламентация отношений, связанных с возможностью владения, пользования и распоряжения земельным участком иностранцами и лицами без гражданства, то может быть следует в силу аналогии закона к гражданско-правовым сделкам супругов применять нормы, регулирующие право наследования земельных участков иностранными гражданами? Но в таком случае право собственности у супруга, не являющегося гражданином Республики Беларусь, возникнет не на конкретное имущество (например, на дом и земельный участок), а лишь на стоимость части доли совместной собственности, что само по себе противоречит ст. 23 КоБС [7].

На наш взгляд, с целью защиты интересов супруга - иностранца или лица без гражданства необходимо в КоЗ внести норму следующего содержания: земельный участок принадлежит супругам на праве общей совместной собственности, если хотя бы один из супругов является гражданином Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о земле : Кодекс Республики Беларусь, 23 июля 2008 г. № 425-3: Принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: Одобрен Советом Республики 28 июня 2008 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респуб. Беларусь, 24 июня 1999 г., № 278-3: (ред. от 17.07.2018) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь, 4 января 2010 г. № 105-З. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

4. О порядке совершения нотариальных действий, связанных с общей совместной собственностью граждан: Письмо Министерства юстиции Респ. Беларусь, 28 апр. 1995г. № 3-н. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респуб. Беларусь от 07.12.1998 N 218-З (ред. от 04.05.2019) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Станкевич Н.Г. Земельное право Республики Беларусь: Учебное пособие. – Минск: Амалфея, 2000. - 176 с.

7. Копыткова, Н.В. Правовые проблемы реализации супругами прав на имущество и взаимное содержание: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Н. В. Копыткова, БГЭУ. – Минск : [б. и.], 2006 . – 21 с.

И. В. Колодинская

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ПОощРЕНИЕ РАБОТНИКОВ, СОВМЕЩАЮЩИХ РАБОТУ С ПОЛУЧЕНИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Глава 15 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) предусматривает поощрение и гарантии для работников, совмещающих работу с получением образования. При этом поощрение регулируется ст. 205 ТК и заключается в продвижении работников по работе и в установлении им более высокой квалификации по должности служащего (профессии рабочего).

Впервые норма о поощрении работников, совмещающих работу с получением образования, появилась в ст. 191 Кодекса законов о труде Белорусской ССР 1972 г. «Поощрение рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением». В соответствии с указанной нормой при повышении квалификационных разрядов или при продвижении по работе учитывалось успешное прохождение рабочими и служащими производственного обучения, общеобразовательной и профессиональной подготовки, а также получение ими высшего и среднего профессионального образования. При этом производственное обучение включало профессиональную подготовку и повышение квалификации рабочих и служащих.

В ст. 205 ТК (до 2007 года) предусматривалось, что при установлении более высокой квалификации (разряда, класса, категории и др.) по профессии или при продвижении по работе учитываются успешное прохождение работниками профессионального обучения на производстве (вместо предусматриваемого ранее производственного обучения), общее среднее и профессионально-техническое образование, а также получение ими высшего или среднего специального образования, наличие ученой степени, звания.

Таким образом, во внимание принималось успешное прохождение работниками как профессионального обучения на производстве, так и наличие основного образования.

В соответствии с действующей (с 2007 года) редакцией ст. 205 ТК при установлении более высокой квалификации (разряда, класса, категории и др.) по должности служащего (профессии рабочего) или при продвижении по работе наниматель должен учитывать наличие общего среднего, профессионально-технического, среднего

специального и высшего образования, наличие ученой степени и ученого звания, а также успешное прохождение работниками профессиональной подготовки, повышение квалификации, переподготовки и стажировки.

Следовательно, как справедливо отмечает В.В. Подгруша, в ст. 205 ТК с 2007 года профессиональное обучение на производстве расширено до профессиональной подготовки, повышения квалификации, прохождения стажировки и переподготовки [1, с. 52].

Укажем также, что Кодекс Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании) относит профессиональную подготовку, повышение квалификации, переподготовку и стажировку к системе дополнительного образования взрослых.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня при поощрении работников учитывается наличие как основного, так и дополнительного образования.

При этом важно обратить внимание, что в ст. 205 ТК среди перечисленных уровней основного образования отсутствует послевузовское образование. Слова «ученой степени и ученого звания» в данной статье подразумевают наличие послевузовского образования, но вместе с тем указывают на его значение при поощрении работников только в том случае, если после окончания послевузовского образования работником подготовлена и защищена квалификационная научная работа (диссертация) на соискание ученой степени кандидата либо доктора наук и ему присвоена ученая степень и ученое звание. Возникает ситуация, что при получении работником послевузовского образования с получением научной квалификации «Исследователь» без присвоения ученой степени и звания данный уровень образования для поощрения никакого значения не имеет.

Как справедливо отмечал Кривой В.И., смысл ст. 205 ТК заключается не в поощрении за успехи, достигнутые в труде, а в учете обучения, в результате которого приобретаются дополнительные знания, умения и навыки [2, с. 13]. Согласно ст. 218 Кодекса об образовании послевузовское образование направлено на развитие личности обучающегося, реализацию его интеллектуального и творческого потенциала, формирование профессиональных навыков организации и проведения научных исследований. С учетом сказанного отсутствие послевузовского образования среди перечисленных в ст. 205 ТК уровней основного образования мы считаем необоснованным.

Необходимость отражения послевузовского образования в ст. 205 ТК обуславливается также наличием гарантий (ст. 214, 216 и 219 ТК), позволяющих работнику воспользоваться своим правом на получение данного образования. Это важно как для самого работника, повышающего свой профессиональный уровень, так и для нанимателя, получающего высококвалифицированного специалиста.

Одним из недостатков норм ТК, регулирующих поощрение работников, совмещающих работу с получением образования, является также отсутствие единой терминологии.

Еще в 2008 году В.И. Кривой в книге «Работа и учеба: комментарий новейшего законодательства» указывал на отсутствие необходимого единообразия в терминологии ТК. В частности, на том этапе в ст. 205 ТК использовался термин «установление» более высокой квалификации, а ст. 61 ТК, имеющая более общий характер, оперировала термином «присвоение» квалификации [3, с. 9].

В настоящее время в ТК используется только один термин – «установление» более высокой квалификации. Однако, на наш взгляд, использование данного термина является некорректным ввиду того, что как Кодекс об образовании (ст. 242), так и постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2011 г. № 954 «Об отдельных вопросах дополнительного образования взрослых» оперируют термином «присвоение» квалификации.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным в ст. 205 ТК:

- слово «установлении» заменить словом «присвоении»;
- слова «, а также получение ими среднего специального, высшего образования,» заменить словами «, а также получение ими среднего специального, высшего и послевузовского образования,».

Список использованных источников

1. Подгруша, В. Совмещение работы с обучением: утверждены новые подходы / В. Подгруша // Налоговый вестник. – 2007. – № 19 (188). – С. 52–62.
2. Кривой, В. И. Совмещение работы с обучением. Комментарий к ст. 205, 213, 214, 215, 216, 219 Трудового кодекса Республики Беларусь / В. И. Кривой // Кадровая служба. – 2009. – № 10 (98). – С. 13–24.
3. Кривой, В. И. Работа и учеба: комментарий новейшего законодательства / В.И. Кривой. – Гомель : Е.А. Ковалева, 2008. – 416 с.

О. М. Ленцевич

канд. ист. наук., доц.

Белорусский государственный экономический университет

КРИТЕРИИ ПРИЗНАНИЯ ДОЛЖНИКА – ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА БАНКРОТОМ

Эффективность института банкротства физического лица, который многие годы, в кое-где и десятилетия, функционирует в национальном законодательстве ряда государств, не подлежит сомнению. Среди наиболее значимых аргументов в его пользу следует отметить возможность защиты как экономических интересов граждан, так и интересов всего общества в целом, поскольку финансовое благополучие людей влияет на социальную напряженность, уровень преступности, экономическое благосостояние; создание условий для возможного досудебного урегулирования проблем должника; сохранение социальной справедливости, которая необходима «честному должнику», если его несостоятельность наступила по не зависящим от него причинам; соразмерное и пропорциональное удовлетворение требований кредиторов вне зависимости от того, кто является должником. В условиях развивающейся рыночной экономики банкротство физических лиц-непредпринимателей позволяет добросовестному гражданину выбраться из «долговой кабалы», вернуть его к активной экономической жизни. Кроме того, в условиях экономического кризиса, в силу неизбежно возникающих тенденций, количество безнадёжных должников растёт. Отсутствие правового механизма избавления граждан от обязательств перед кредиторами, при котором учитывается баланс интересов должника и кредиторов, может привести к социальной напряжённости и провоцированию возникновения новых кризисов [1, с. 103 – 104]. Институт банкротства физического лица активно действует как в государствах с развитой рыночной экономикой, так и постсоветских государствах, причем его ареал постоянно расширяется [2]. Вышеперечисленные аргументы не ставят под сомнение тот факт, что в правовой системе Республики Беларусь данный институт займет своё место; это вопрос более или менее далёкой перспективы.

В теоретическом плане важным видится вопрос критериев признания должника-физического лица банкротом. В мировой практике сложилось два основных критерия, отражающих экономическую сущность банкротства: неоплатность и неплатёжеспособность. Неоплатность подразумевает, что стоимость имущества должника меньше суммы его обязательств. При этом не учитывается продолжительность неосуществления исполнения обязательств и размер задолженности. Под неплатёжеспособностью авторы подразумевают неспособность должника в установленный срок удовлетворять требования кредиторов на определённую сумму [3, с. 116], либо прекращение должником платежей по денежному обязательству и (или) обязательных платежей в форме прямого отказа платить, уклонения от платежа, других формах [4, с. 13].

При выборе критерия признания гражданина банкротом необходимо учитывать, что имущество должника-гражданина не подлежит обязательному учёту и контролю, в отличие от коммерческих организаций, где ведение бухгалтерского учёта (отчётности) является обязательным. При этом движимое имущество (особенно к моменту возбуждения процедуры банкротства), как правило, оказывается «разбросанным» между родственниками и близкими должнику людьми. Доказать, что данное имущество является собственностью должника, очень трудно. В связи с отсутствием бухгалтерского учёта почти невозможно контролировать приобретение и выбытие имущества из права собственности должника. Документально представляется возможным подтвердить только наличие у лица зарегистрированного автомобиля, ценных бумаг, депозитных и иных счетов, а также недвижимого имущества. Сбор информации об имуществе физического лица нередко граничит с нарушением права личности на частную жизнь.

Учитывая вышеуказанные особенности можно сделать вывод, что критерий неоплатности должника для кредиторов трудно доказуем, а для должника является благоприятным с точки зрения манипулирования нормами права. Поддерживая объём обязательств немного меньше, чем стоимость имущества, по сути, у должника появляется возможность годами не исполнять обязательства, не возбуждая процедуры банкротства. В первоначальной редакции Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)» в отношении физических лиц сохранялся критерий неоплатности [5], однако в новой редакции закона (№ 476-ФЗ) законодатель не ввёл статью, посвящённую признакам банкротства граждан [6]. На практике используется критерий неплатёжеспособности [4, с. 14].

На наш взгляд, действительно корректнее использовать в качестве признака банкротства должника-гражданина критерий неплатёжеспособности: если должник неспособен удовлетворить требования кредиторов в течение чётко оговоренного времени с момента, когда они должны были быть исполнены, можно начинать процедуру банкротства. Например, в Великобритании и Франции банкротство возможно, если просрочка по кредитам превышает 120 дней [7, с. 44], а в Германии и вовсе не более 4–6 недель [8, с. 80]. В Российской Федерации данный срок составляет 3 месяца (ст. 3) [5].

В настоящее время в Беларуси, согласно локальным нормативным банковским актам, как правило, через 90 дней просрочки служба банка по работе с проблемными активами начинает подключать юридическую службу. В частности, подаётся иск в суд, взыскивается залог, привлекаются к ответственности поручители, а также налагаются различные обременения, в том числе с целью обеспечения сохранности имущества должника [9, с. 239].

Для недопущения массового характера банкротств в законодательстве некоторых стран устанавливается минимальный порог, с которого у должника и кредитора возникает право инициирования процедур банкротства. Количественные ограничители размера неисполненных обязательств применяются в Канаде (1 тыс. долл. США), Великобритании (750 ф.ст.), России (7 тыс. долл. США в эквиваленте) [7, с. 57]. В статье экономиста Г.С. Цветковой содержится весьма информативная таблица, составленная автором, в которой содержатся отдельные положения законодательства о банкротстве физических лиц в странах мира, в том числе указан финансовый порог требований к гражданину [10, с. 1733].

В некоторых странах кредитор может подать заявление на банкротство должника независимо от суммы просроченной задолженности. Например, в Австралии, если должник планирует добровольно подать на банкротство, законодательство не оговаривает минимальный порог, с которого возможно инициирование процедуры. Поэтому начать можно с любой суммы задолженности. Достаточно заполнить и подать ходатайство должника и отчет о состоянии его дел в Орган финансовой безопасности. Если должник не в состоянии погасить долги и не смог заключить соглашение с кредиторами, и при этом он добровольно не сделал себя банкротом, кредитор может обратиться в суд, чтобы должника признали банкротом, при условии, если сумма задолженности составила 5 тыс. долл. США и более.

Для Республики Беларусь видится целесообразным установление как финансового порога требований к должнику, так и сроков невыплаты задолженности по кредитам. В статье А. Вагина фигурирует цифра минимального порога задолженности в 500 базовых величин [11, с. 132]. 90-дневный термин просрочки, используемый сейчас белорусскими банками, также довольно корректен, поскольку не позволяет должнику накопить серьезные штрафные суммы. Четкое определение критериев в этом случае – предмет скрупулёзного экономического анализа.

В сумму требований кредиторов, при установлении признаков банкротства, предлагаем включать все требования (включая проценты, штрафы, пени), за исключением требований лиц, за которыми было бы справедливо оставить право требования после завершения процедуры. Учитываться должны все требования, подлежащие списанию после завершения процедуры банкротства гражданина.

Главной идеей процедуры банкротства граждан является не только освобождение должника от непосильного долгового бремени, но и правовое закрепление баланса интересов должника и кредитора в ситуации, когда разрешение конфликта, возникшего между кредитором и должником в результате неисполнения обязательств последним, становится невозможным в рамках существующей системы. Это означает, что заинтересованность в использовании процедур банкротства должна возникнуть у обеих сторон, а право на подачу заявления должно быть предоставлено и должнику, и кредиторам.

Правовой институт несостоятельности (банкротства) физического лица является необходимым элементом развитой правовой системы правового государства с рыночной экономикой и имеет давний опыт функционирования в экономически развитых государствах. Введение данного института в белорусское законодательство позволит оздоровить и стабилизировать социально-экономическую ситуацию. Выполняя свою социальную функцию, государство таким образом поможет своим гражданам разрешить финансовые проблемы. Использование зарубежного опыта безусловно будет содействовать построению оптимальной модели банкротства физического лица в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Говзич, В.Г. Несостоятельность (банкротство) физических лиц: теоретико-правовая характеристика института и перспективы в Республике Беларусь / В.Г. Говзич, О.М. Ленцевич // Вестник БГЭУ. – 2019. – № 6. – С. 100 – 109.
2. Говзич, В.Г. Институт банкротства физического лица: международный опыт и практика применения на постсоветском пространстве / В.Г. Говзич, О.М. Ленцевич // Вестн. Коми респ. акад. гос. службы упр. Сер. теор. и практика упр. – 2019. – № 22 (27). – С. 97 – 105.
3. Михневич, Т. Перспективы развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) физических лиц / Т. Михневич // Хоз-во и право. – 2011. – № 2. – С. 115 – 120.
4. Белых, В.С. Банкротство граждан (Критерии. Статус. Процедуры): учебно-практ. пособие / В.С. Белых, В.М. Богданов, В.А. Запорощенко; под общ. ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2016. – 128 с.
5. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: Федер. закон, 26 окт. 2002 г., № 127-ФЗ: в ред. от 30.12.2020 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.
6. О внесении изменений в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника [Электронный ресурс]: Федер. закон, 29 дек. 2014 г., № 476-ФЗ: в ред. ФЗ от 29.06.2015 № 154-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.
7. Степанов, В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии / В.В. Степанов. – М.: Статут, 1999. – 203 с.

8. Задиран, С.В. Институт несостоятельности физических лиц: опыт Германии / С.В. Задиран // Право Беларуси. – 2003. – № 48. – С. 78–83.

9. Вагин, А.В. О введении института банкротства физических лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью / А.В. Вагин // Инновационное развитие и структурная перестройка экономики: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции, г. Минск, 26 апреля 2012 г. / Частный институт управления и предпринимательства, редкол.: В.К. Матюшевская [и др.]. – Минск: Изд-во ЧИУП, 2012. – С. 238–240.

10. Цветкова, Г.С. Институт банкротства физических лиц: мировой опыт и российская практика / Г.С. Цветкова // Рос. предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 15. – С. 1727–1738.

11. Вагин, А.В. О введении процедуры банкротства граждан / А.В. Вагин // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – № 2. – С. 128–136.

Л. Е. Можалева

Е. Н. Новицкая

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ВИД ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Контроль является самостоятельной функцией управления и одним из важнейших элементов рыночной экономики. Контроль (от франц. – «controle») представляет собой систему наблюдения и проверку соответствия процесса функционирования объекта принятым управленческим решениям, выявления результатов для последующего действия на объект [1, с. 935].

Контроль присущ всем видам деятельности, осуществляется различными субъектами и в различных сферах. В финансовой сфере осуществляется финансовый контроль как специальный вид управленческой деятельности. Также он является особой отраслью экономических знаний, включающей в себя разнообразные методические приемы, которые выработаны взаимодействием смежных областей (бухгалтерского учета, статистики, финансов, государственного бюджета).

Финансовый контроль – это и функция управления, с помощью которой субъект получает полную и достоверную информацию о правильности и эффективности функционирования организации; это контроль за различными направлениями деятельности хозяйствующих субъектов. Любая контрольная деятельность в сфере управления начинается с постановки цели. Главной целью финансового контроля признается обеспечение эффективного и целевого использования финансовых ресурсов государства во всех сферах и звеньях экономики. Также финансовый контроль направлен на содействие реализации финансовой политики субъектов хозяйствования и вместе с этим гарантирование эффективности процесса формирования, распределения и использования финансовых ресурсов организации.

Важным будет отметить, что необходимость качественного финансового контроля определяет эффективное управление, поскольку последнее предполагает обладание рядом знаний результатов управленческого воздействия непосредственно на объект управления.

Теория финансового права выделяет следующие виды финансового контроля: государственный и негосударственный финансовый контроль. Последний, в свою очередь, представлен общественным финансовым контролем, независимым финансовым контролем (аудитом) и внутрихозяйственным финансовым контролем.

Наряду с приведенной классификацией можно выделить и такие виды финансового контроля, как внутренний и внешний. Внутренний финансовый контроль обеспечивается администрацией субъекта хозяйствования или его собственником. Проведение внешнего финансового контроля, прежде всего, стоит относить к компетенции государственных

органов. Данный вид контроля могут также осуществлять финансово-кредитные организации и предприятия.

Таким образом, исходя из приведенных классификаций внутрихозяйственный контроль относится к категории негосударственного и внутреннего финансового контроля.

По своей сути как определенная проверка производственной и хозяйственной деятельности организации как в целом, так и в рамках отдельных структурных подразделений, внутрихозяйственный финансовый осуществляется бухгалтерией, финансовым отделом и некоторыми другими экономическими службами непосредственно субъекта хозяйствования. Особенностью данного вида финансового контроля является то, что осуществление организации и руководства внутрихозяйственного финансового контроля проводится исключительно по решению и за счет самого субъекта хозяйствования для улучшения эффективности его деятельности.

Целью данного вида финансового контроля является обеспечение своевременного и правильного выявления финансового риска, актуальный и благовременный анализ возможных проблем и поиск путей их решений, а также соблюдение законодательства, внутренней политики и процедур, выполнение финансово-хозяйственных планов, эффективное использование ресурсов.

Непосредственными задачами внутрихозяйственного финансового контроля являются:

- обеспечение контроля за наличием и движением имущества субъекта хозяйствования и, как следствие, его рациональным использованием в соответствии с утвержденными нормами и нормативами;

- установление баланса между активами и обязательствами субъекта хозяйствования;

- произведение своевременности и полноты уплаты обязательных платежей в государственный бюджет и государственные внебюджетные фонды;

- правильное выявление внутрипроизводственных резервов роста финансовых ресурсов путем проведения различных экономических операций, которые направлены на увеличение прибыли субъекта хозяйствования.

Внутрихозяйственный контроль за деятельностью цехов, бригад и участков других внутрихозяйственных формирований проводится руководителями и специалистами, а также штатными ревизорами. Особенностью данного контроля является также и то, что ответственность возложена на работников учётной службы и главного бухгалтера, так как их обязанность – это контроль за сохранностью и экономическим использованием ресурсов организации. Так, главный бухгалтер осуществляет предварительный контроль путем визирования договоров и соглашений на получение и отпуск материальных ценностей, выполнение работ и оказание услуг, приказов об установлении должностных окладов, надбавок к заработной плате работников.

Правовой базой данного вида финансового контроля в Республике Беларусь является Закон от 12 июля 2013 г. № 57-3 «О бухгалтерском учете и отчетности», закрепляющий правовые и методологические основы его осуществления.

Основными задачами ведения бухгалтерского учета и отчетности на предприятии являются создание полной и достоверной информации о деятельности организации и ее имущественном положении, о ее доходах и расходах, также предоставление информации о наличии и движении имущества и денежных средств в рамках проведения различных коммерческих операций и т.д.

Внутрихозяйственный контроль во многом зависит от главного бухгалтера, в обязанности которого в том числе входит формирование учетной политики организации, постановка и ведение бухгалтерского учета и составление и своевременное представление отчетности организации.

При осуществлении своих функций главный бухгалтер непосредственно подчиняется руководителю предприятия (учреждения, организации), чьим приказом (распоряжением) он назначается и освобождается от должности. Документы, которыми оформляются

хозяйственные операции с денежными средствами, подписываются руководителем предприятия (учреждения, организации) и главным бухгалтером или уполномоченными ими на то лицами. Денежные и расчетные документы, финансовые и кредитные обязательства без подписи главного бухгалтера (лица, им уполномоченного) считаются недействительными и не должны приниматься к исполнению. В случае возникновения разногласий между руководителем предприятия (учреждения, организации) и главным бухгалтером по вопросам совершения отдельных хозяйственных операций, их оформления документы по ним должны быть приняты к исполнению главным бухгалтером по письменному распоряжению руководителя этого предприятия (учреждения, организации), который несет всю полноту ответственности за последствия таких операций.

Проведение внутривозвратного финансового контроля не исключает нарушений законодательства. Другие виды финансового контроля, например, государственный, помогают выявить допущенные в ходе внутривозвратного контроля ошибки. Государственные органы регулярно анализируют практику контрольной деятельности и информируют субъектов о типичных нарушениях законодательства, в том числе посредством размещения данной информации на официальных сайтах государственных органов.

Таким образом, внутривозвратный финансовый контроль является частью системы финансового контроля, осуществляемой на уровне субъекта хозяйствования и направленной на оптимизацию управленческих решений и соблюдение финансового законодательства. Он носит, прежде всего, предупреждающий характер, дополняя другие виды финансового контроля. От эффективности и правильности его организации зависит своевременное выявление и недопущение нарушений на местах, поиск оптимального и индивидуального решения конкретным субъектом хозяйствования. В конечном счете, внутривозвратный финансовый контроль способствует экономическому росту не только субъекта хозяйствования, но и экономики государства в целом.

Список использованных источников

1. Абушенко, В.Л. Контроль / В.Л. Лобушенко // Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск, 2003. – 936 с.

Л. Е. Можяева

Ю. С. Петроченко

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОШЛИНА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Налоги и сборы играют важнейшую роль в жизнедеятельности любого государства, это обуславливается тем, что в условиях рыночной экономики основным регулятором является государство, проводящее свою политику, в том числе и в области государственного регулирования экономики. От того, насколько правильно этот механизм обеспечивается на законодательном уровне, зависит нормальное функционирование всего общества и государства.

Одним из видов обязательных платежей, взимаемых в государственный бюджет, является государственная пошлина. Наибольший интерес для рассмотрения представляют Республика Беларусь и Республика Казахстан, как независимые государства, входящие в СНГ и ЕАЭС и развивающие своё законодательство параллельно друг с другом.

Нормативное определение государственной пошлины в Республике Беларусь отождествляется с понятием сбора, и закрепляется в пункте 2 статьи 6 Налогового кодекса Республики Беларусь. Под сбором (пошлиной) понимается обязательный платеж в

республиканский и (или) местные бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц, как правило, в виде одного из условий совершения в отношении их государственными органами, в том числе местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, иными уполномоченными организациями и должностными лицами, юридически значимых действий [1, ст. 6]. Вместе с тем, отличие между пошлиной и сбором можно определить исходя из анализа конкретных налоговых норм. При этом, в соответствии с Кодексом Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)», государственной пошлиной является платеж в бюджет, взимаемый за совершение юридически значимых действий, в том числе связанных с выдачей документов (их копий, дубликатов) уполномоченными государственными органами или должностными лицами [2, ст. 607].

Плательщиками государственной пошлины в Республике Беларусь признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с налоговым законодательством возложена обязанность уплачивать государственную пошлину, а в Республике Казахстан – лица, обращающиеся по поводу совершения юридически значимых действий в уполномоченные государственные органы или к должностным лицам. Как видим, круг плательщиков в анализируемых государствах является схожим, схожи также и случаи предоставления льгот при уплате государственной пошлины.

Понятие объекта налогообложения является одинаковым в двух странах. Объектом налогообложения признаются обстоятельства, с наличием которых у плательщика налоговое законодательство или таможенное законодательство связывают возникновение налогового обязательства.

Объектами обложения государственной пошлины в Республике Казахстан являются 24 юридически значимых действия, к которым относятся: подача в суд исковых заявлений; совершение нотариальных действий, а также выдача копий (дубликатов) нотариально удостоверенных документов; регистрация актов гражданского состояния, а также выдача гражданам справок и повторных свидетельств о регистрации актов гражданского состояния и свидетельств в связи с изменением, дополнением, исправлением и восстановлением записей актов гражданского состояния; выдача документов, удостоверяющих личность; выдача разрешений на приобретение, хранение или хранение и ношение, перевозку гражданского, служебного оружия и патронов к нему и другие [2, ст. 609]. Круг объектов уплаты государственной пошлины, предусмотренный в Налоговом кодексе Республики Беларусь, значительно шире и включает в себя более 70 юридически значимых действия. При этом, данный перечень схож с объектами обложения государственной пошлиной, которые предусмотрены Кодексом Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)».

Для уплаты государственной пошлины государство устанавливает определенный срок и порядок.

В соответствии с Налоговым кодексом Республики Беларусь государственная пошлина уплачивается до совершения юридически значимого действия. В этом и состоит главное отличие от налогового законодательства Республики Казахстан. Так, например, в соответствии со статьей 623 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» государственная пошлина уплачивается: за выполнение нотариальных действий, а также за выдачу копий документов, дубликатов – при регистрации совершенного нотариального действия; за государственную регистрацию актов гражданского состояния, за внесение изменений, дополнений, восстановлений и исправлений в записи актов гражданского состояния, а также за выдачу справок и повторных свидетельств – при их выдаче; за государственную регистрацию расторжения брака по взаимному согласию супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, – при регистрации акта [2, ст. 623].

Способ уплаты государственной пошлины является схожим в двух государствах: государственная пошлина может уплачиваться как в наличной, так и в безналичной форме

в банке, местном исполнительном и распорядительном органе, а также через организации, которые могут осуществлять отдельные виды банковских операций. В Республике Беларусь такой организацией будут являться организации связи Министерства связи и информатизации Республики Беларусь.

В Налоговом кодексе Республики Беларусь и в Кодексе Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» предусмотрены механизмы, направленные на возврат полностью или частично средств, заплаченных в счет государственной пошлины.

При этом, случаи возврата государственной пошлины в Республике Казахстан прямо не предусмотрены законодательством, они решаются в каждом конкретном случае налоговым органом, что является неправильным и порождает разночтения в применении норм. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» содержит запрет на проведение зачета уплаченной суммы государственной пошлины [2, ст. 101]. Отмена данного запрета, на наш взгляд, позволит использовать излишне уплаченные суммы государственной пошлины при необходимости совершения иных юридически значимых действий этим плательщиком в более короткие сроки.

Налоговым законодательством двух государств предусмотрен и механизм отсрочки уплаты государственной пошлины. Отсрочка уплаты государственной пошлины в Республике Казахстан предусмотрена лишь Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан: отсрочка предоставляется судом по искам о защите прав потребителей, поданным гражданином, до принятия соответствующего решения, о чем выносится определение [4, ст. 106]. Механизм рассрочки уплаты государственной пошлины в Республике Казахстан прямо не предусмотрен.

Отсрочка или рассрочка в соответствии с Общей частью Налогового кодекса Республики Беларусь по уплате налога, сбора (пошлины) представляет собой изменение срока уплаты налога, сбора (пошлины) при наличии предусмотренных оснований на срок, не превышающий один год, соответственно с единовременной или поэтапной уплатой суммы задолженности [3, ст. 49]. Рассрочка предоставляется в случае причинения ущерба в результате стихийного бедствия, технологической катастрофы или иных обстоятельств непреодолимой силы, угрозы возникновения признаков несостоятельности (банкротства) заинтересованного лица в случае единовременной уплаты им налога, если производство и (или) реализация товаров (работ, услуг) носят сезонный характер, задержки финансирования из бюджета [1, ст. 49].

Таким образом, рассмотрев правовые основы взимания государственной пошлины в Республике Беларусь и в Республике Казахстан можно сделать ряд выводов, свидетельствующих как о схожести, так и о различиях данного правового института в двух государствах. Сходства проявляются в субъектах, обязанных уплачивать государственную пошлину, в объектах обложения государственной пошлиной, льготах, которые предоставляются при уплате государственной пошлины, способе уплаты государственной пошлины. К различий следует отнести механизм рассрочки и отсрочки уплаты государственной пошлины, а также запрет в Республике Казахстан механизма зачета излишне уплаченной государственной пошлины.

В связи с этим, считаем необходимым закрепить в Кодексе Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» норму, касающуюся возможности зачета государственной пошлины. А также дополнить статью 6 Налогового кодекса Республики Беларусь пунктом 2¹, закрепив по примеру Республики Казахстан понятие государственной пошлины как обязательного платежа, взимаемого с физических лиц и организаций при их обращении в суды, государственные органы, органы местного управления и самоуправления, иные государственные органы и (или) к должностным лицам, уполномоченным в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, за совершением юридически значимых действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 29 декабря 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 ноября 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 декабря 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 декабря 2020 г., № 72-3 // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=hk0200166&q_id=660760. – Дата доступа: 11.02.2021.

2. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» [Электронный ресурс] : от 25 декабря 2017 г., №120-VI ЗРК : в ред. Закона от 02.07.2020 г., №354-VI ЗРК // БД «Законодательство стран СНГ». – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=102885. – Дата доступа: 11.02.2021.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 декабря 2009 г., № 71-З : принят Палатой представителей 11 декабря 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 декабря 2020 г., № 72-3, № 159-3 // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=hk0900071&q_id=557514. – Дата доступа: 11.02.2021.

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : от 31 октября 2015 г., №377-V ЗРК : в ред. Закона от 07.07.2020 года №361-VI ЗРК // БД «Законодательство стран СНГ». – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=80160. – Дата доступа: 11.02.2021.

Л. Е. Можсаева

Д. А. Смага

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Роль центральных банков в мире с каждым годом увеличивается. Происходит это за счет тех функций и задач, которые реализуются главным банком страны.

Центральные банки могут именоваться по-разному. Это зависит от различных факторов самой страны. Приведем некоторые примеры наименований главных банков стран мира. В Бельгии, Чехии, Республике Беларусь, Польше, Украине – Национальный Банк, в Черногории, Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Чили, Бразилии – Центральный банк. Также существуют центральные банки называемые банком (с указанием страны), такие как Банк Греции, Банк Эстонии, Банк Англии, Банк Италии, Банк Литвы. Приведенные выше названия центральных банков стран наиболее распространены в мире. Однако существуют и названия центральных банков стран, которые распространены не так широко, что выделяет такие центральные банки на фоне остальных центральных банков мира. К таким центральным банкам относятся: резервные банки – Новой Зеландии, Австралии, Индии; народные банки – Болгарский народный банк, Народный банк Сербии, Центральный банк Корейской Народно-Демократической Республики; государственные банки в Пакистане и Вьетнаме; Немецкий Федеральний банк – в Германии и др. [1, с. 16-17].

Современная банковская система Республики Беларусь состоит из Национального банка Республики Беларусь и иных банков. Национальный банк является государственным органом, регулирующим кредитные отношения, денежное обращение, определяющим порядок расчетов и обладающим исключительным правом эмиссии денег.

До 2012 года датой образования банковской системы в Беларуси принято было считать 3 января 1922 г. – дату начала работы в Минске Белорусской конторы Госбанка при Наркомате финансов БССР. Однако проведенные исследования архивных материалов,

изучение коллекций финансовых документов и ценных бумаг позволили утверждать, что первое банковское учреждение на территории современной Беларуси появилось значительно раньше – 8 января 1870 г., когда был подписан Указ Сената Российской Империи об учреждении в Гомеле городского общественного банка. Именно этот документ положил начало развитию банковской системы Беларуси.

Отметим, что первый банк на территории Беларуси появился не в столице. Дело в том, что во второй половине XIX века в Российской Империи, в том числе и на территории современной Беларуси, было развернуто интенсивное железнодорожное строительство, и регионы, по которым проходила железная дорога, получили мощный стимул для экономического роста. Через Гомель началось строительство Либаво-Роменской железной дороги, соединяющей Украину с Прибалтикой, а также Полесской железной дороги, соединяющей всю южную часть современной Беларуси, Польшу, Украину. Это привело к очень быстрому притоку населения и вызвало необходимость создания финансового учреждения в Гомеле. Впоследствии свои городские банки появились также в Полоцке, Борисове, Могилеве, Витебске.

В 1917 г. банковская система Российской империи перестала существовать. Банковская деятельность стала исключительно государственной монополией. В марте 1919 г. в системе Народного комиссариата финансов Литовско-Белорусской Республики была образована Минская окружная контора созданного в конце 1917 г. Народного банка РСФСР, который в 1920 г. был упразднен. Взамен был создан Народный комиссариат финансов РСФСР. В 1921 г. был учрежден Государственный банк РСФСР и 3 декабря 1921 г. Совет Народных Комиссаров БССР принял постановление об организации в Минске Белорусской конторы Государственного банка. После образования СССР Государственный банк РСФСР был преобразован в Государственный банк СССР, который осуществлял управленческие функции в отношении банков.

Новый этап в развитии банковской системы на территории Беларуси связан с обретением независимости и принятием 27 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь, предусматривающей образование Национального банка. Правовую основу функционирования данного органа заложил принятый 14 декабря 1990 г. Закон Республики Беларусь «О Национальном банке Республики Беларусь». Впоследствии данный закон был отменен вступлением в силу с 1 января 2001 г. Банковского кодекса Республики Беларусь.

Длительная совместная история и тесные экономические связи между Российской Федерацией и Республикой Беларусь определяют важность сравнительного анализа правового статуса Национального банка Республики Беларусь и Центрального банка Российской Федерации на современном этапе развития для выявления их схожих черт и особенностей. Остановимся на сравнительном анализе данных органов по нескольким основным критериям.

Начнем с того, что Национальный банк Республики Беларусь и Центральный банк Российской Федерации имеют собственные нормативно-правовые акты, регулирующие их деятельность. В Республике Беларусь это Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г., Банковский Кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З, Указ Президента Республики Беларусь от 13 июня 2001 г. № 320 «Об утверждении Устава Национального банка Республики Беларусь» и другие. В Российской Федерации – Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон от 2 декабря 1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и другие.

Конституция является основным законом на территории данных государств, поэтому на примере положений конституций мы можем увидеть различия в закреплении финансово-кредитной системы этих государств.

Конституция Республики Беларусь содержит основные положения о финансово-кредитной системе, которые дополняются иными нормативными правовыми актами

Республики Беларусь. В Конституции Российской Федерации характеристика финансово-кредитной системы отражена более детально. К примеру, в ней в качестве основной функции Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти, закреплена защита и обеспечение устойчивости рубля [2, ст. 75]. В отличие от Российской Федерации в Республике Беларусь на конституционном уровне основная функция Национального банка Республики Беларусь не закреплена. Более того, Банковский кодекс Республики Беларусь закрепляет основные цели деятельности Национального банка и его функции, не ранжируя их. Вместе с тем, выделение и закрепление основной функции Национального банка в Конституции Республики Беларусь способствовало бы конкретизации правового регулирования его деятельности на конституционном уровне и определению остальных его функций, руководствуясь главной функцией.

Еще одним различием Национального банка Республики Беларусь и Центрального банка Российской Федерации является разная подотчетность: в Республике Беларусь – Президенту Республики Беларусь, в Российской Федерации – Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Как и в Российской Федерации, Национальный банк Республики Беларусь находится в столице государства - городе Минске.

Цели деятельности главных банков сравниваемых государств во многом схожи и существенно не различаются. В Республике Беларусь - это поддержание ценовой стабильности; обеспечение стабильности банковской системы Республики Беларусь; обеспечение эффективного, надежного и безопасного функционирования платежной системы. В Российской Федерации – защита и обеспечение устойчивости рубля; развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации; обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы; развитие финансового рынка Российской Федерации; обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации. Общим для государств является то, что получение прибыли не является основной целью деятельности ни Национального банка Республики Беларусь, ни Центрального банка Российской Федерации.

Органами управления являются: Правление Национального банка Республики Беларусь – коллегиальный орган, определяющий основные направления деятельности Национального банка Республики Беларусь и осуществляющий руководство и управление им; Совет директоров Банка России – коллегиальный орган управления Банком России. Как мы видим, управление данными органами осуществляется на коллегиальной основе. Вместе с тем, в Банке России создан еще один коллегиальный орган - Национальный финансовый совет. Совет директоров Банка России осуществляет методическое, материальное и контрольное обеспечение решений задач самого Банка России (эти функции аналогичны функциям Правления Национального банка Республики Беларусь). Национальный финансовый совет выполняет наблюдательную функцию и имеет в составе помимо Председателя Банка России представителей Совета Федерации, Государственной Думы, Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации. Как видим, состав этого органа включает представителей различных ветвей власти, что, безусловно, является частью системы сдержек и противовесов в механизме разделения властей и может быть воспринято как положительный опыт в направлении дальнейшего совершенствования деятельности Национального банка Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Смирнова, О. В. Центральные банки зарубежных стран: финансовое состояние и финансовые результаты : монография / О. В. Смирнова. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2014. – 108 с.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.

ОТКАЗ ОТ ЮРИСДИКЦИОННОГО ИММУНИТЕТА КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТОРА

Гарантии прав инвестора и защита инвестиций – это одно из основных направлений инвестиционной политики, призванных содействовать повышению инвестиционной привлекательности и улучшению инвестиционного потенциала и, соответственно, развитию государства в различных и, в первую очередь, приоритетных отраслях экономики. Такие гарантии могут быть выражены в административно-организационных, юридических, технических и финансовых действиях, позволяющих инвестору наиболее эффективно защитить свои вложения.

Республика Беларусь, являясь участником международных правоотношений, обладает особым правовым статусом, которому присущи специфические особенности, к которым, в частности, можно отнести наличие юрисдикционного иммунитета.

В соответствии со статьей 5 Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности «государство пользуется иммунитетом, в отношении себя и своей собственности, от юрисдикции судов другого государства с учетом положений настоящей Конвенции» [1].

Юрисдикционный иммунитет предполагает несколько аспектов: судебный иммунитет, который свидетельствует о невозможности предъявления иска государству, иммунитет от предварительных обеспечительных мер, который выражается в невозможности их совершить без согласия самого государства и иммунитет от принудительного исполнения решения суда, заключающийся в том, что решение любого суда обладает силой только на территории соответствующего государства.

Постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26.06.2013 № 25 закрепляет, что под юрисдикционным иммунитетом следует понимать совокупность судебного иммунитета, иммунитета от исполнения судебного постановления и иммунитета от принятия обеспечительных мер.

В случае отказа государства от иммунитета к нему, как и к иному субъекту внешнеэкономической деятельности могут быть применены любые меры, связанные с защитой субъективного права лица. На практике государства не прибегают к общему отказу от иммунитета (что и невозможно исходя из принципов международного публичного права), а делают это лишь при заключении конкретных сделок, либо в рамках определенных видов международных публично-правовых соглашений.

Закон Республики Беларусь «Об инвестициях» закрепляет, что споры между инвестором и Республикой Беларусь, возникающие при осуществлении инвестиций, разрешаются в досудебном порядке путем проведения переговоров, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь. При этом споры между инвестором и Республикой Беларусь, не урегулированные в досудебном порядке путем проведения переговоров в течение трех месяцев со дня получения письменного предложения об их урегулировании, разрешаются в судебном порядке в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Наличие у Республики Беларусь юрисдикционного иммунитета в соответствии с нормами международного права не говорит о безоговорочности его применения и об отсутствии возможности от него отказаться.

В международной практике существует несколько форм отказа от юрисдикционного иммунитета, которые также характерны для Республики Беларусь:

- отказ непосредственно в ходе судебного разбирательства, например, при рассмотрении конкретного инвестиционного спора;

- отказ в частно-правовом договоре, заключенном Республикой Беларусь с иностранным частным лицом;

- отказ в положениях международных соглашений.

Так в пункте 7 статьи 10 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Народной Республики Бангладеш о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (г. Дакка, 12.11.2012 года) закреплялось, что договаривающаяся сторона, являющаяся стороной в споре, ни при каких условиях не будет прибегать в ходе рассмотрения спора к мерам защиты, основанным на суверенитете и иммунитетах государства. Реализации подобных оговорок призвана содействовать часть 4 статьи 13 Закона Республики Беларусь «Об инвестициях», которая предусматривает, что если международным договором Республики Беларусь и (или) договором, заключенным между инвестором и Республикой Беларусь, установлено иное в отношении разрешения споров между инвестором и Республикой Беларусь, возникающих при осуществлении инвестиций, то применяются положения международного договора и (или) договора, заключенного между инвестором и Республикой Беларусь.

При включении в инвестиционное соглашение, заключаемое Республикой Беларусь с иностранным инвестором, положения об отказе Республики Беларусь от юрисдикционного иммунитета, при возникновении инвестиционного спора признается возможность защиты прав инвесторов в рамках арбитражной процедуры:

- механизма инвестиционного арбитража в виде Международного центра по регулированию инвестиционных споров (Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (г. Вашингтон, 18 марта 1965 г.);

- институциональных, иначе постоянно действующих международных арбитражных (третейских) судов;

- арбитражей *ad hoc*, причем указанные арбитражи могут формироваться и действовать как на основе положений соответствующего соглашения, так и использовать в своей деятельности Арбитражный Регламент UNCITRAL.

Как отмечает Я. Функ, «в связи с приведенными подходами к возможности разрешения интересующего нас спора между Республикой Беларусь и иностранным инвестором в иностранных (международных) судах (арбитражах), безусловно, возникает и проблема «степени отказа Республики Беларусь от юрисдикционных иммунитетов»» [2].

По данному поводу в международном праве и праве соответствующих иностранных государств нет единства: т.е. означает ли, например, ссылка на арбитражный порядок разрешения споров в соответствующем международном публичном договоре, отказ государства, в данном случае Республики Беларусь, от всех своих юрисдикционных иммунитетов, т.е. как от судебного иммунитета, так и от иммунитета по предварительному обеспечению иска и принудительному исполнению судебного решения или указанные действия государства являют собой пример отказа лишь исключительно от судебного иммунитета, а для применения мер обеспечительного характера и для принудительного исполнения решения арбитража требуется дополнительное волеизъявление соответствующего государства, выраженное в особой форме.

Разные правовые системы по-разному подходят к указанному вопросу, так, например:

- право Англии исходит из того, что подчинение государства юрисдикции иностранного суда не включает в себя без особого волеизъявления государства и его подчинение решению суда иностранного государства, т.е. снятие иммунитета из исполнительных действий (аналогично как и действий по применению мер по обеспечению иска);

- право США же базируется на обратном, т.е. исходит из того, что подчинение государства юрисдикции иностранного суда (в данном случае речь идет о юрисдикции американского суда) означает, что государство отказалось и от иммунитетов в сфере исполнения решения и обеспечения иска.

Из приведенных выше нормативных положений видно, что соответствующее государство, снимая с себя в рамках двустороннего международного публичного договора

о взаимной защите инвестиций, судебный иммунитет особо оговаривает свое обязательство по обязательному исполнению решения соответствующего арбитражного суда и обязуется принимать необходимые меры для такого исполнения.

Однако в действующей редакции Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» законодатель напрямую не закрепляет оговорку о возможности отказа от юрисдикционного иммунитета. Для сравнения, в ранее действующем Инвестиционном кодексе (действовал до 25 января 2014 года) содержалось две оговорки об отказе государства от юрисдикционного иммунитета: статья 46 закрепляла, что в инвестиционном договоре с иностранными инвесторами может быть предусмотрен отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении предварительного обеспечения иска и исполнения судебного и (или) арбитражного решения, и статья 75 определяла, что в концессионных договорах, заключаемых с иностранными инвесторами, мог быть предусмотрен отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении предварительного обеспечения иска и исполнения судебного или арбитражного решения. Необходимо все же отметить, что указанные нормы ранее действующего Инвестиционного кодекса нашли свое отражение в действующем Законе Республики Беларусь «О концессиях», где статья 36 устанавливает: «В концессионных договорах, заключаемых с иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными и международными юридическими лицами (организациями, не являющимися юридическими лицами), может быть предусмотрен отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении обеспечения иска и исполнения судебного постановления или арбитражного решения», что свидетельствует о направленности государства на повышение уровня защищенности иностранных инвесторов, создание привлекательного инвестиционного климата и привлечения большего объема иностранных инвестиций.

Отсутствие в национальном законодательстве оговорки о возможности отказа Республики Беларусь от юрисдикционного иммунитета при заключении инвестиционных договоров не исключает возможности такого отказа, который, как рассматривалось выше, может быть осуществлен в различных формах, что подтверждается на практике.

Анализ инвестиционного законодательства ряда стран мира (Российской Федерации, Украины, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и др.) позволяет заключить о приверженности государств к прямому закреплению на законодательном уровне оговорки о возможности отказа от юрисдикционного иммунитета, который и так предполагается ввиду участия большинства стран мира в соответствующих международных соглашениях.

Несмотря на относительность вопроса о значимости и непосредственном влиянии на инвестиционную привлекательность государства данной оговорки, Проектом Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об инвестициях» предполагается дополнить Закон статьей 13.1 «Иммунитет государства», в соответствии с которой «В случаях и порядке, установленных законодательными актами Республики Беларусь, в договорах с Республикой Беларусь, связанных с осуществлением инвестиций, заключаемых с иностранными инвесторами, может быть предусмотрен отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении обеспечения иска и исполнения судебного постановления или арбитражного решения».

Эта норма ни безусловно, ни автоматически не предполагает отказ государства от иммунитета при заключении с иностранными инвесторами договоров, связанных с осуществлением инвестиций, а устанавливает, что в каждом конкретном случае инвестор при заключении договора может предложить внести такую норму в договор, а государство в лице соответствующих органов может, но не обязано согласиться с таким предложением.

Данная норма, закрепляя возможность отказа государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении обеспечения иска и исполнения судебного постановления или арбитражного решения непосредственно в Законе «Об инвестициях», являющегося консолидирующим нормативным правовым актом, регламентирующим правоотношения между Республикой Беларусь и инвестором при осуществлении инвестиций

на основании заключенного инвестиционного договора либо договора об осуществлении инвестиций, должна способствовать повышению инвестиционной привлекательности нашего государства за счет направленности государства на повышение уровня защищенности иностранного инвестора.

Представляется, что наличие в инвестиционном законодательстве Республики Беларусь положений о возможности отказа государства от юрисдикционного иммунитета должно положительным образом сказаться на привлекательности инвестиционного климата. При этом существенные различия между закреплением подобных положений в законодательстве о концессиях и в законодательстве об инвестициях, на первый взгляд, найти проблематично. Соответственно, положение об отказе государства от юрисдикционного иммунитета целесообразно включить и в Закон «Об инвестициях».

Список использованных источников

1. Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property: Status [Electronic resource] // United Nations treaty collection. – Mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ShowMTDSGDetails.aspx?src=UNTSO&tabid=2&mtds_g_no=III-13&chapter=3&lang=en. – Date of access: 29.01.2021.

2. О порядке рассмотрения споров по инвестиционным договорам, совершаемым между иностранными инвесторами и Республикой Беларусь: о снятии юрисдикционных иммунитетов Республикой Беларусь, а также о регламентации Законом Республики Беларусь «Об инвестициях» порядка рассмотрения споров по инвестиционным договорам. URL: <https://zakonrb.com/npa/funk-yai-o-poryadke-rassmotreniya-sporov-po-investicionnym/> (дата обращения: 11.02.2021).

Е. В. Парукова

Ю. Ю. Сакунова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

СУПРУЖЕСКАЯ ДОЛЯ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Рассматривая законодательство Республики Беларусь о наследовании имущественных авторских прав, надо отметить, что существуют определенные правила в процессе выдела доли супруга (-ги) при наследовании объектов авторских прав.

Согласно ст. 987 Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации существует независимо от права собственности на материальный объект, в котором такой результат или средство индивидуализации выражены [1].

В ГК (ст. 128) указано, что к объектам гражданских прав относят: работы и услуги, нематериальные блага, нераскрытую информацию, вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг [1].

Следовательно, произведение – это объект авторского права, как следствие – результат интеллектуальной деятельности. Лицу, в отношении созданного им объекта авторского права принадлежит исключительное право. Исключительное право на произведение означает право автора или иного правообладателя использовать произведение по своему усмотрению в любой форме и любым способом – п. 2, ст. 16 Закона «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) [2].

Доктор юридических наук В.А. Дозорцев писал в своих трудах: «творчество – является выражением личности автора, оно представляет собой элемент прав человека и гражданина. И именно в этом качестве оно является основанием возникновения первоначальных имущественных прав автора [3, с 282]. Следовательно, все исключительные права, перечисленные в ст. 16 Закона, принадлежат только автору произведения.

Известно, что личные неимущественные права обладают характеристикой неотчуждаемости и непередаваемости, следовательно, они не могут входить в наследственную массу и наследоваться. В Законе (п.1 ст. 15) перечисляются личные неимущественные права автора: право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование и право на отзыв. Существует одно исключение: автор может передать по наследству права на обнародование, если обнародование не противоречит воле автора, определенно выраженной им в завещании – п.5 ст. 15 Закона [2].

Если говорить о наследовании имущественных прав на объект интеллектуальной собственности, то нужно учесть несколько особенностей:

1. Срок исключительного права, перешедшего по наследству, ограничен 50 годами после смерти автора, срок начинает исчисляться с 1 января года, следующего за годом смерти;
2. Наследники имеют право на получение авторского вознаграждения за каждый способ использования произведения, если автор имел право на получение такого;
3. При получении свидетельства о праве на наследство, исключительное авторское право указывается в составе наследственного имущества.

Следует помнить, что исключительное право – это самостоятельное право и его следует отличать от права собственности. Главное его отличие в том, что автор сам решает как использовать произведение, давать право на его использование другим лицам либо нет. Супруг (-га) же не имеют такого права, даже если и состоят в браке с лицом-правообладателем. Исключительные случаи – доверенность, поручение. Поэтому, нужно помнить, что исключительное право не является совместной собственностью супругов, следовательно, переживший супруг не имеет привилегий перед другими наследниками.

А вот средства (доходы) от интеллектуальной деятельности (суммы авторского вознаграждения), которые были получены при жизни супругом, можно отнести к общей совместной собственности, если в брачном договоре не прописано иное [4].

Необходимо учитывать, что может произойти ситуация, когда один из супругов является производным правообладателем – приобрел исключительные права в процессе какой-либо возмездной сделки (например, договор об отчуждении). Следовательно, так как исключительные права приобретены не в силу создания, а на основании договора, то речь будет идти о массе совместно нажитого имущества, которое было приобретено за счет общих денежных средств. Тогда возникнет вопрос, каким образом будет происходить раздел имущественных прав, если будет несколько наследников? В данном случае, имущественное право нужно рассматривать как неделимую вещь, раздел в которой в натуре не возможен.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что законодательство в данном вопросе требует доработок, четких комментариев либо научно-практических рекомендаций.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноябр. 1998: текст Кодекса по состоянию на 11 октября 2020 г. // Консультант Плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г., № 262-; с измен. и доп. от 16.07.2019.: текст по состоянию на 11 октября 2020 г. //

Консультант Плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021

3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Кодификация. Сб. статей. – Исследовательский центр частного права. – М, 2003. – 416 с.

4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

А. И. Пенязькова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Согласно статье 8 Конституции Республики Беларусь в республике признается приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивается в соответствии с ними законодательство, из этого следует, что Республика Беларусь должна проводить свою социальную политику на таком уровне, который закреплен в международных актах, ратифицированных государством. Формирование современной государственной системы социального обеспечения в Республике Беларусь основано с учетом положений международных норм.

Источниками международного правового регулирования права социального обеспечения являются акты ООН и МОТ, а также иных объединений государств Европы, Америки, Африки, Ближнего Востока, двусторонние и многосторонние договоры и соглашения стран СНГ [1, с. 605].

Международное правовое регулирование социального обеспечения выражается в создании стандартов в области социального обеспечения, координации национальных законодательств по вопросам, связанным с сохранением приобретаемых прав на различные социальные выплаты, сохранении приобретенных прав на конкретный вид пенсии, пособия при изменении страны постоянного места жительства [2, с.549].

Защита социальных прав и их международная регламентация началась в 1948 году с закреплением их во Всеобщей декларации прав человека, которая оказала положительное влияние в области международной защиты прав и свобод человека.

В статье 22 Декларации закрепляется право каждого человека на социальное обеспечение. Согласно статье 25 Декларации «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния самого себя и своей семьи, а также право на обеспечение в случае болезни, инвалидности, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам».

Таким образом, в вышеуказанном акте закреплен определенный комплекс основных социальных прав, в частности: право на достаточный уровень жизни, включающий пищу, одежду, жилище, медицинский уход, социальное обслуживание, право на обеспечение по болезни, инвалидности и т.д.

В законодательстве Республики Беларусь закреплено понятие «государственная адресная социальная помощь», и определены основные формы и виды Указом Президента Республики Беларусь от 19 января 2012 г. №41 «О государственной адресной социальной помощи» (далее – Указ №41), который направлен на усиление государственной поддержки населения.

Под государственной адресной социальной помощью понимается вид государственной социальной помощи, предоставляемый малообеспеченным гражданам (семьям) для преодоления или смягчения трудной жизненной ситуации.

В международном плане адресная помощь признана наиболее эффективным способом оказания социальной поддержки населению [3, с.140], однако в международных актах понятие «адресная социальная помощь» не содержится.

В Указе № 41 указано, что государственная адресная социальная помощь предоставляется в виде пособий, продуктов питания, которые направлены на определенную нуждающуюся категорию лиц. С точки зрения норм международного права лицам, нуждающимся в одежде, пище, жилище и находящимся в трудном материальном положении такая помощь также предоставляется. Государства, учитывая международные нормы, формируют собственные виды и формы адресной помощи, детализируют их, приводят национальное законодательство в соответствие с международными договорами, соглашениями и конвенциями, которые были ратифицированы на территориях определенных государств, а также обязуются предоставить такую помощь нуждающимся гражданам и семьям.

Международное право обобщает, закрепляет, что каждый человек имеет право на помощь, право на обеспечение, право на тот уровень жизни, который необходим для нормальной жизнедеятельности. Международные нормы не могут определить единый критерий нуждаемости граждан всех государств в целях получения необходимых пособий, продуктов питания и т.д. они лишь вправе установить обязанность их предоставления государствами тем лицам, которые не имеют достаточных средств для существования и которые не могут самостоятельно получить такие средства в рамках системы социального обеспечения, при условии ратификации акта, который это закрепляет.

Каждое отдельное государство имеет свои варианты и способы оценки нуждаемости граждан, с целью получения ими определенной государственной социальной помощи, поэтому виды, формы, средства, которые предоставляются гражданам в качестве поддержки – индивидуальны.

В силу этого, нормы международного права предполагают оказание адресной социальной помощи тем категориям граждан, которые в ней действительно нуждаются, ведь каждый человек имеет право на одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, обеспечение в силу инвалидности, старости, болезни и для реализации этого права государства граждан, которые находятся в нужде, разрабатывают определенные программы поддержки, создают специальные нормативные акты, которые бы регулировали данную деятельность. Всё это в итоге способствует общественному представлению о социальной справедливости в государстве.

Таким образом, в международных актах хоть и не предусмотрено понятия «адресная социальная помощь», оно предполагается, в связи с тем, что оказание определенного вида помощи направлено на соответствующую группу граждан (семей). Государства самостоятельно закрепляют на национальном уровне различные виды и формы адресной социальной помощи. В связи с этим главной социальной задачей государств является создание равноправных условий для всех граждан страны.

Список использованных источников

1. Семенова, Т.В. Право социального обеспечения: электронный учебно-методический комплекс для студентов высших учебных заведений / Т.В. Семенова. – Новополоцк: ПГУ, 2014. – 623 с.
2. Гуцин, И.В. Право социального обеспечения: учебно-методический комплекс по одноименному курсу. В 2 ч. Ч.2: Особенная часть / И.В. Гуцин [и др.]; под общ.ред. И.В. Гуцина. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 667 с.
3. Право социального обеспечения: ответы на экзаменационные вопросы / Н.А.Солянкина. – Минск: Тетралит, 2014. – 160с.

Научный руководитель: Н. П. Ковалева,
старший преподаватель

А. Ю. Рожкова

канд. экон. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОМ ПРОФИЛЕ РАБОТНИКА

В условиях цифровой трансформации рынка труда и реформировании правовых регуляторов требуется пересмотр статуса субъектов трудовых правоотношений в части толкования правового положения цифрового профиля, распоряжения и пользования данными профиля в осуществлении цифровых трудовых сделок и обеспечении цифровой безопасности государственными органами.

Согласно проекту Федерального закона № 747513-7: «Цифровой профиль - это совокупность сведений о гражданах и юридических лицах, которые находятся в различных государственных информационных системах». Однако, в обеспечении законности и критериев доступа к «особым данным» значимо установление согласительного и уведомительного порядка. Такой порядок создаст условия персональной безопасности субъектов правоотношений, защиты частной неприкосновенности субъектов. Поэтому предлагается уточнение дефиниции: «Цифровой профиль – это совокупность персональных сведений, которые находятся в различных государственных информационных системах при обеспечении соблюдения уведомительного и согласительного порядка».

Обозначим несколько правовых регуляторов по установлению правового положения цифрового профиля физических лиц и хозяйствующих субъектов, часть из которых вступило в юридическую силу с 2021 года.

В России проектом Закона № 750699-7 – ФЗ от 16.10.2019 планируется закрепление правового положения цифрового профиля с помощью биометрических данных унифицированной системы, состава персональных данных в целях цифровой правоспособности и дееспособности осуществлять сделки с применением усиленной квалифицированной подписи, защиты прав и гарантий сторон договорных правоотношений. В состав цифрового профиля входит персонификация, идентификация и двойная аутентификация, автоматизированная система проверки сведений субъекта правоотношений.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 29.10.2019 № 1382 в части стандартов безопасности цифровой экономики установлен императив идентификации цифрового профиля. В соответствии с Приказом Минтруда России от 28.05.2019 № 362 в целях установления порядка идентификации предусмотрено следующее:

- трансфер правовой информации субъектам правоотношений на принципе доступа, полноты и достоверности на цифровых государственных платформах;
- единый мониторинг и учет аккаунтов централизованной системой;
- уведомительный и верифицируемый порядок баз данных.

Отдельно для физических лиц, по мнению, Абламейко М. С. персональные данные цифрового профиля включают в состав «физиологические и биологические особенности человека для установления личности и обработки данных с письменного согласия субъекта» [1, с.20], в том числе предоставление персональных ID-карт при запуске Белорусской интегрированной сервисно-расчетной системы (БИСРС).

В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 1311 от 11.10.2019 по персонификации, идентификации физических лиц законодателем закреплен реестр в целях контроля обменного трафика и правомерного состава сведений в части: ID, точки обмена трафиком DataLine-IX ((Internet Exchange Point, IX) пиринга, IP-адреса субъекта.

Правовое положение цифрового профиля обусловлено отслеживанием цифрового следа: при подтверждении согласия усиленной цифровой подписи в осуществлении электронных трудовых сделок, получение трудовых доходов с применением операций быстрых платежей с помощью QR-кода (Указание Банка России от 16.07.2019 № 5209-У).

В условиях цифровой экономики «без границ», где масштабируются IT-технологии и EdTech, цифровой профиль работника может быть раскрыт профилем и формой занятости, уровнем трудовых доходов, трудовым стажем, электронной сертификацией о расширении рамки профессиональных, цифровых и адаптивных компетенций, подтверждением соответствия квалификационным требованиям, портфелем трудовых достижений (в том числе трудовой рейтинг деловой активности). Такой профиль может быть признан и на международном уровне как фактор трудовых ресурсов экосистемы единого цифрового пространства.

В свою очередь, единый цифровой рынок труда создает условия трансформации форм занятости, например в секторе стартапов и фриланса, в том числе переход на дистанционный труд и крипто-доходы [2], где актуализируются цифровые гарантии работников на получение заработной платы. Например, в качестве дополнительного заработка за выработку трудовой услуги в форме сдельной (премиальной) оплаты могут послужить прямые выплаты работодателем, например с помощью сети Lightning Network, как один из инструментов снижения затрат на организационно-правовое обеспечение при условии, что очевидны риски, связанные с высокой волатильностью цифровой валюты. На этот счет, на момент выплаты предусмотрен выход из валютного коридора. Выплаты, например в биткоинах, предусматривают децентрализованную систему блокчейн, основанной на условиях совершенной конкуренции, чистой деловой репутации и корпоративных правоотношений.

Так, имеется зарубежный опыт создания вакансий, оказания профессиональных услуг, которые реализуются как работниками, так и самозанятыми лицами в целях получения альтернативных доходов – «писать материалы для платформ вроде Steemit, выполнять задания в обмен на криптовалюту».

Японские компании GMO Group [3] и Spot.IM, датская SC5 запускают криптосистему выплат работникам, основанной на криптографии. «Ежемесячная зарплата будет конвертироваться в биткоин и перечисляться на цифровой счет сотрудника» при условии предоставленных доказательств о выполненной работе с помощью Proof-of-Work (рис.1). При этом, возникает право у работника выбор валюты с учетом ее стоимости на фондовом рынке, например, выплаты в биткоинах и фиатах 50 на 50. Так, по данным CCN, более 83% опрошенных респондентов готовы получать премиальные в криптовалюте.

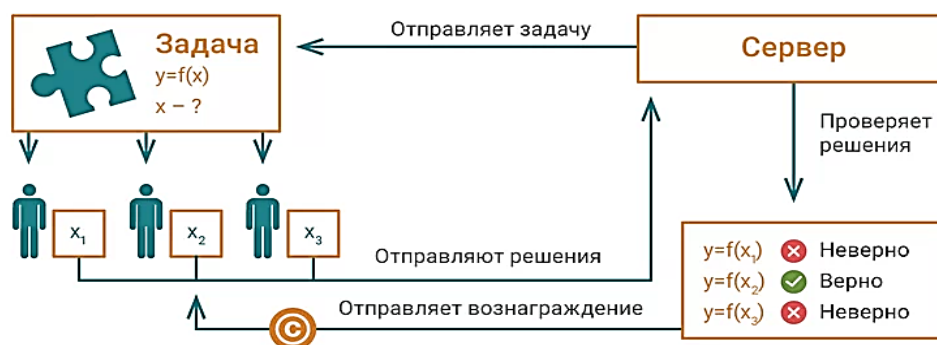

Рисунок 1 – Механизм доказывания о выполненной работе

Ethlance, CryptoJobsList.com, CryptoCurrencyJobs, Coinality, CryptoJobs, Bitwage – это децентрализованные платформенные решения блокчейн, позволяющие «свести работодателей и потенциальных работников для сотрудничества», предусматривают сеть традиционной и альтернативных форм занятости населения, снимающей риски безработицы или незаконных проявлений.

В целом, при таких факторах очевидно преодоление правовой инерционности и инертности норм трудового законодательства, требующие снятие правовых рисков, связанных с нарушением конституционных и трудовых прав, отсутствием цифровых прав у работников при обеспечении условий качества рабочего места и своевременных выплат.

Становление единого рынка труда связано с категорией «единое цифровое пространство», которое закреплено (п. 2.1.) как «единая электронная основа и сервисов «единого окна», а также новых подходов к пространственному развитию» [4]. Такое закрепление может предусматривать признание «цифровых компетенций» на международном уровне в условиях становления системы дистанционной занятости населения.

Так, согласно ч. 1 ст. 1 Закона № 407 – ФЗ [5] «взаимодействия между работодателем и работником» осуществляются на основе информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Трудовые правоотношения формируются с применением ЭП по трудовым и ученическим договорам, а также дополнительным соглашениям (ч. 3 ст. 1 Закона № 407 – ФЗ), связанным с получением образовательных услуг.

Однако, остается не решенным вопрос о правопонимании и правовом закреплении категории «цифровые компетенции» как возможного института электронной сертификации. Есть авторское толкование [6] дефиниции «компетенция» как: «Компетенция – это комплекс индикаторов знаний, умений и способностей, навыков, специальные признаки которых раскрывает свойство трудовых функций и степени соответствия квалификационным требованиям», что не противоречит ч. 3 ст. 28 Закона № 273-ФЗ. В свою очередь, на наш взгляд, «цифровые компетенции» не могут сводиться к компетенциям «softskills», как это отражено в реестре «ключевых компетенций», закрепленных приказом Минэкономразвития России [7]: коммуникация, саморазвитие, творческое и критичное мышление – что вкуче соответствует адаптивным способностям участников рынка труда в переходных условиях (то есть цифровой и кризисной реформации).

В силу ст. 143 Трудового кодекса (далее – ТК РФ), Постановления Правительства [8] РФ № 787, деятельность участников рынка труда осуществляется в соответствии квалификационным требованиям (абз. 8 ст. 57 ТК РФ) и профессиональным стандартам (ч. 1, 2 ст. 195.3 ТК РФ), где установлена взаимосвязь трудовых функций и отраслевых индикаторов профессиональных компетенций (далее – ПК).

Указанный комплекс индикаторов предусматривает обновление и расширение рамки компетенций за счет электронной сертификации о формировании «адаптивных» (или «надпрофессиональных», или «softskills») и «цифровых» компетенций.

На основе Приказа Минтруда России о реестре востребованных профессий, в том числе в рамках Ворлдскиллс [9] норма ч. 3 и 14 ст. 81 ТК РФ, а также в рамках независимой оценки квалификации – п. 3, п. 7 ст. 2, ст. 4 Закона № 238-ФЗ – гласят о достаточности уровня квалификации.

Согласно федеральному проекту «Кадры для цифровой экономики» стратегии развития до 2024 года предусмотрено формирование и реализация «ключевых» компетенций в условиях персонификации трудовой деятельности. Процесс основан на электронном учете с помощью электронного документооборота и введенной в оборот электронной трудовой книжки, идентификации, аутентификации и прослеживаемости занятости работников, как при применении централизованной электронной системы, так и блокчейн, а также иных облачных и IT-решений становления единой цифровой среды рынка труда.

В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 7 Закона № 63 - ФЗ для ведения и признания цифрового профиля работника в других странах необходима электронная подпись, созданная в соответствии с международными договорами и стандартами. На основании ч. 1 ст. 6 Закона № 63-ФЗ [10] закреплено, что электронный документ несет юридическую силу в трудовых правоотношениях при наличии квалифицированной подписи (или простой, или неквалифицированной (ч. 2 ст. 6) в случае дополнительных соглашений или правоустанавливающих документов) по принципу равнозначности с бумажным носителем. Нормы ч. 2, 5, 6, 9 ст. 2 данного закона раскрывает ключ электронной подписи (далее – ЭП) как «уникальная последовательность символов», связанная с сертификатом ключа проверки ЭП на основе криптосистемы. При этом у уполномоченного юридического лица, в том числе аккредитованного центра (ч.7 ст.2) получателем сертификата ключа проверки ЭП (ч. 16 ст. 2) выступают все хозяйствующие субъекты –

работодатели. Указанный регламент закреплён на национальном уровне, российской резиденции, где недостаточно закрепления и толкования цифрового профиля работника на основе цифровых прав и обязанностей по выполнению трудовых функций в целях обеспечения и защиты социально-трудовых гарантий.

Защитой цифровых прав профиля служит гарантированная мера живой подписи письменным заявлением. Так, согласно проекту федерального закона «О внесении изменений Федеральный закон «О персональных данных»» от 18.09.2019 предусмотрено одно письменное согласие лица о пользовании персональных данных, связанных с действиями разных целей. Однако данное обстоятельство носит противоречие в силу «разности целей» действий, что требует установления родовых признаков действий исходя из одной цели во избежание нарушений прав. Так, Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2016 № 09АП-30182/2016-АК по делу N А40-17595/16 установлено: «ООО «Скартел», осуществляя передачу персональных данных работников третьим лицам, использует типовую письменную форму согласия на обработку персональных данных работника, предусматривающую наличие нескольких целей обработки персональных данных, что нарушает требования пункта 4 части 4 статьи 9 Федерального закона от 27.07.2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных».

Иные прецеденты указывают на недостаточную цифровую компетентность должностных лиц в обеспечении и защите традиционных прав.

Так, при оценке состава преступления выявлен факт, который демонстрирует недостающую компетентность правоохранительным органам относительно цифровых незаконных манипуляций с программными продуктами. Так, Постановление № 1-99/2019 от 24 мая 2019 г. по делу № 1-99/2019 определило отсутствие состава преступления по пунктам: «в» ч. 3 ст. 146, ч. 1 ст. 273, ч. 1 ст. 272 УК РФ. При этом оперативными уполномоченными проведены розыскные действия в добыче доказательств на контрафактную продукцию (ст. 271 УК РФ) с целью незаконного сбыта подсудным и получения прибыли. Суду представлены носители компьютерной информации о лицензионных продуктах в целях дальнейшей их незаконной установки (без соглашения с правообладателем) (ст. 273 УК РФ), видеозапись и сведения об использовании программного несанкционированного взлома (без ключа активации или приобретения на то сертификата) (ст. 272 УК РФ). Однако, в ходе «Проверочной закупки» и свидетельских показаний закупщика полученные улики не подтверждены, и государственным обвинителем установлено отсутствие состава преступления, что явилось основанием о прекращении уголовного производства за недоказанностью преступления. Данный факт свидетельствует, что цифровые преступления могут быть раскрыты с помощью законного наделения дополнительных цифровых полномочий, применения цифровых инструментов розыскных мероприятий для получения цифровых доказательств.

В заключение отметим, что обозначена правовая природа цифрового профиля работника, требующая детального толкования при разграничении сведений на персональную частного свойства, и на профессионально-трудовую и социальную информацию публичного свойства. Порядок применения цифрового профиля раскрыт регулами о персонификации, верификации, идентификации и аутентификации – как инструментов обеспечения и защиты цифровых прав работника. Дан авторский взгляд на расширенное понимание цифрового профиля работника с позиции рамки компетенций и сертификации, совокупного дохода, имеющих спрос в условиях становления единого цифрового рынка труда на международном уровне.

Список использованных источников

1. Абламейко М. С. Правовое регулирование персональных данных с учетом введения id-карт и биометрических паспортов. // Конституционное право и административное право. - 2018.- № 1, -С.14–20. - С.20.

2. Сидорова Е. 3 причины получать зарплату в криптовалюте. 17 февраля 2019 г. / URL: <https://ru.ihodl.com/analytics/2019-02-17/3-prichiny-poluchat-zarplatu-v-kriptovalyute/> Дата доступа 21.01.2021

3. Арянова Т. Где работать за биткойны. 04.02.2019. / URL: <https://ru.ihodl.com/investment/2019-02-04/gde-rabotat-za-bitkoiny/> Дата доступа 21.01.2021.

4. «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (утв. Правительством РФ 29.09.2018). СПС Консультант Плюс. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/2a283b4c0c281e546562a7101e7f7e21bd7fcdfa/ - Дата доступа 04.01.2021.

5. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ // СПС Консультант Плюс. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ - дата доступа 04.01.2021.

6. Андреева И.Н., Булгакова И., Рожкова А.Ю. Правовое регулирование результатов высшего образования и EdTech-инструментов в условиях ограничения распространения Covid в Латвии и России. Проект рукописи Международной научно-практической конференции «SOCIETY, INTEGRATION, EDUCATION - SIE2021», 28.05.2021.

7. Приказ Минэкономразвития России от 24.01.2020 № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». СПС Консультант Плюс. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344498/ дата доступа 04.01.2021.

8. Постановление Правительства РФ от 31.10.2002 № 787 (ред. от 20.12.2003) «О порядке утверждения Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих. СПС Консультант Плюс. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ - дата доступа 04.01.2021.

9. Приказ Минтруда России от 26.10.2020 № 744 «Об утверждении списка 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования». СПС - дата доступа 04.01.2021.

10. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). СПС Консультант Плюс. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ - дата доступа 04.01.2021).

Е. Л. Ранько

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА НА КОМПЬЮТЕРНУЮ ПРОГРАММУ В СВЕТЕ ПРИНЯТИЯ НОВОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

С 1 марта 2021 года вступает в силу новый Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), с принятием которого существенно изменяется порядок привлечения к административной ответственности лиц, допускающих нарушение авторских прав, в том числе и на компьютерную программу.

Л.М. Дроздов отмечает, что в новом КоАП административная ответственность по многим правонарушениям смягчена, а порядок привлечения граждан и организаций, а также ИП к административной ответственности упрощен [1].

Согласно Закону Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), компьютерная программа – это представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. Частью компьютерной программы являются включенные в компьютерную программу документы, детально описывающие функционирование компьютерной программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 13 Закона охрана компьютерных программ распространяется на все виды компьютерных программ (в том числе на операционные системы), которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код [1].

В настоящее время КоАП содержит статью 9.21 «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности», которая, относительно нарушения авторских прав на компьютерную программу, содержала в себе два состава административных правонарушений:

- 1) Хранение с целью распространения контрафактных экземпляров произведений;
- 2) Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права [2].

Необходимо отметить, что в новом КоАП изменены подходы ко многим административным правонарушениям, в том числе исключены неактуальные составы. Всего исключено 110 из ныне действующих норм [1]. Это также можно проследить и на примере ст. 9.21 КоАП.

В новом КоАП статья «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности» имеет номер 10.15. В этой статье содержится один состав правонарушения, касающегося нарушения авторских прав на компьютерную программу: незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности [3].

Таким образом, необходимо отметить, что в новом КоАП, исключен такой состав, как хранение с целью распространения контрафактных экземпляров произведений, который применяется и к нарушению авторских прав на компьютерную программу.

Также, относительно сохранившегося в новом КоАП состава правонарушения, необходимо отметить, что в нем изменилась санкция. Рассмотрим данные изменения с учетом субъектов административной ответственности:

1. Размер штрафа на физическое лицо был уменьшен и с 1 марта 2021 года будет составлять от 10 до 30 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации;

2. Размер штрафа на индивидуального предпринимателя, напротив, был увеличен и будет составлять от пятидесяти до ста базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации;

3. Относительно штрафа за совершение указанного правонарушения юридическим лицом, необходимо отметить, что он, как и применительно к индивидуальным предпринимателям, был увеличен и с 1 марта 2021 года будет составлять от ста до трехсот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации.

Подводя итог, мы можем отметить, что в новом КоАП относительно возможности привлечения к административной ответственности за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности (в том числе на компьютерную программу) был исключен один состав административного правонарушения, а именно: хранение с целью распространения контрафактных экземпляров произведений. Данное действие законодателя

логично обосновывает процесс уменьшения состав административных правонарушений в новом КоАП. Также, Л.М. Дроздов отмечает, что в новом КоАП также впервые закреплено правило, что его положения не подлежат расширительному толкованию [1].

Это означает, что при применении норм, изложенных в КоАП, суд и иные правоприменители должны принимать во внимание буквальное значение слов и выражений, содержащихся в них. Также не допускается применение норм КоАП по аналогии.

Помимо этого, применительно к ответственности за нарушение авторских прав на компьютерную программу, нужно отметить, что законодатель изменил размеры штрафов по ст. 10.15 КоАП: для физических лиц нижний и верхний предел штрафа по данной статье был уменьшен, для юридических лиц и ИП, напротив, был увеличен.

Список использованных источников

1. Дроздов, Л.М. Новые КоАП и ПИКоАП с 1 марта 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://illex-private.illex.by/view-document/ ВЕСМВ/32951/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B0%D0%BF?searchKey=bmzy&searchPosition=5#M100010>

2. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З. [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс. - 2020 – Дата доступа: 15.02.2021.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апреля 2003 г. № 194-З: принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г.: в ред. от 2 марта 2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. Дата обращения: 10.09.2020.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 6 января 2021 г. № 91-З: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. Дата обращения: 20.02.2020.

K. G. Svarchevsky

PhD of Law, associate professor

V. V. Lonskaya

The North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

К. Г. Сварчевский

канд. юрид. наук, доц.

В. В. Лонская

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

CONVALIDATION OF NULL AND VOID TRANSACTIONS FOLLOWING THE ESTOPPEL PRINCIPLE

КОНВАЛИДАЦИЯ НИЧТОЖНЫХ СДЕЛОК В СВЕТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА «ЭСТОППЕЛЬ»

В статье рассматривается институт конвалидации сделок и его развитие в гражданско-правовой науке. Также отдельное внимание уделяется возможности исцеления ничтожной сделки посредством применения принципа «эстоппель». Авторами представлена судебная практика по данному вопросу и научные работы выдающихся цивилистов в динамике их развития. В ходе исследования

сделан вывод о несовершенстве российского законодательства в части применения принципа «эстоппель» и поставлен вопрос о необходимости его усовершенствования.

The institution of convalidation is a legal phenomenon whereby a null and void transaction that does not give rise to legal consequences, in addition to its invalidity, is transformed into a legally binding instrument (Petrenko 2017, 303).

The ability to “heal” a null and void transaction causes numerous discussions in the doctrine of civil law. Some authors believe that convalidation contradicts the legal nature of a null and void transaction, comparing the process of “healing” with giving life to a “stillborn organism” (Tuzhilova-Ordanskaya, Nizamova 2017, 65–66). Look at it from a different angle, D.O. Tuzov argues that, in some instances, the application of convalidation to invalid transactions demonstrates the flexibility of legal regulation and favorably affects the “achievement of the necessary practical results” (Tuzov 2007, 346).

In our opinion, the institution of convalidation is a justified exception to the traditional theory of invalidity of transactions that implies the impossibility of healing a transaction with a vice entailing its insignificance. The justification of such an exception is conditioned by the multifaceted economic ties that arise between counterparties and the need to protect bona fide participants' interests in civil commerce.

One of the legal instruments for negotiating invalid transactions (including null and void ones) is the prohibition of inconsistent behavior (estoppel).

Estoppel (*venire contra factum proprium*) is a legal principle implying that a person acting in a contradictory and inconsistent manner is deprived of the right to invoke specific facts to substantiate his claims (Ladonina, Grigor'eva 2017, 334–335).

Since there is no general rule governing this principle's application in domestic civil legislation, it seems necessary to turn to scientific views in this field. Thus, A.G. Karapetov and D.V. Fedorov outlined a list of mandatory conditions for the use of estoppel: the behavior of an unscrupulous party causes the trust of a bona fide party; viable grounds for the bona fide party to have trust; the apparent injustice undermining the trust of a bona fide party (Karapetov, Fedorov 2019).

Simultaneously, the large-scale reform of the Civil Code of the Russian Federation aimed, among other things, to improve the implementation of the principle of good faith predetermined the legislative consolidation of specific estoppel provisions in the form of special norms (subpar. 3, 5 of Art. 166, par. 3 of Art. 432 of the Civil Code of the Russian Federation and so on).

There is a particular interest in the estoppel enshrined in the paragraph 5 of Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation that reads as follows: the statement of an unscrupulous person invoking the invalidity of the transaction does not have legal significance, in particular, if his behavior after the conclusion of the transaction gave grounds for others to rely on the validity of the transaction. In other words, the court has the right to block a person's request to invalidate the transaction, in case of its inconsistent and contradictory behavior.

Based on an expansive interpretation of the rule under consideration, it follows that the court has the right to ignore the objective nullity of the transaction and convalidate the latter by its decision. Meanwhile, the absence of established limits on applying the paragraph 5 of Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation creates legal uncertainty and arbitrariness of judicial discretion.

In our opinion, some criteria determining the possibility to convalidate a null and void transaction are based on the explanations contained in the Review of Judicial Practice on the Disputes Related to Contracts of Carriage of Goods and Freight Forwarding (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 20, 2017). The court determined that the insurer's statement about the nullity of carrier's liability insurance contract does not have legal significance based on the paragraph 5 of Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation and also explained the conditions for applying estoppel to this null and void transaction:

- The contract is concluded on the terms proposed by the unscrupulous party.
- The unscrupulous party is a professional market participant.
- The conclusion of the contract was in the interests of the parties.

- It does not violate the rights of third parties and the public interest.
- Similar contracts are common in international practice.
- Similar contracts are provided for by law for shipping operations by certain modes of transport.

Law enforcement practice is following the path of recognizing the possibility of giving legal effect to null and void transactions is gradually developing criteria that allow for the implementation of convalidation through a court decision.

Nevertheless, the model of applying estoppel to null and void transactions is quite imperfect. For example, the issue of the admissibility of applying the principle under consideration in cases where both parties were aware of the nullity of the transaction remains unresolved. In the context of this challenge, the opinion of A.G. Karapetov looks interesting: that author argues that the parties can use estoppel to circumvent the legislative indication of the nullity of the transaction, in turn, undermines the foundations of the general legal principle of legality (Karapetov, Fedorov 2019).

Thus, the estoppel principle is one of the progressive instruments for negotiating null and void transactions. However, the model of application of the principle in question needs significant improvement; in particular, it seems advisable to strengthen the general provisions on estoppel in the process of further reform of civil legislation. We also believe that a legitimate judicial interpretation of estoppel's specific manifestations will allow avoiding destabilization of civil commerce and errors in the process of implementing enforcement mechanisms.

References

1. Petrenko, N.I. 2017 "Some theoretical and practical aspects of the negotiation of null and void transactions." In *Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii v XXI veke*, 303–305. Rostov-on-Don.
2. Tuzhilova-Ordanskaya, E.M., Nizamova, G.Kh. 2017. "Convalidation of null and void transactions under the laws of Russia and continental Europe." *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 3(52): 64–71.
3. Tuzov, D.O. 2007. *The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition*. Moscow: Statut.
4. Ladonina, V.A., Grigor'eva, K.V. 2017. Estoppel in Russian civil law: problems of application. In *Yunost' Bol'shoi Volgi*, 333–336. Cheboksary.
5. Karapetov, A.G., Fedorov, D.V. "Estoppel." <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10> (Accessed January 1, 2021).

S. B. Serenko

PhD in Law, Associate Professor

North-West Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice", St. Petersburg

С. Б. Серенко

канд. юрид. наук, доц.

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург

THE INFLUENCE OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES DEVELOPMENT ON THE FORM OF A CIVIL LAW TREATY

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМУ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

В статье рассматривается вопрос о влиянии информационно-коммуникационных технологий на процесс взаимодействия участников гражданского оборота при заключении договоров. Автор исследует законодательные нововведения, согласно которым договор в письменной форме может быть заключен путем составления документа

в электронном виде (электронного документа), рассматривает преимущества и недостатки осуществленного правового регулирования. На основе анализа действующего российского и белорусского законодательства автор приходит к выводу о том, что общее правило о возможности заключения договора в электронной форме не применимо к договорам купли-продажи недвижимого имущества.

The order of concluding a civil law treaty has remained unchanged since the time of Roman law: the procedure includes a proposal to conclude a treaty sent by one subject to the other one; and acceptance of this proposal.

In the "Lectures on the Dogma of Roman Law" D. D. Grimm points out: "It is essential for concluding a treaty to make a proposal on the one hand, to accept it on the other hand, or mutual giving a proposal and accepting it by both sides" [1, p. 20]. "In case of commitments from the will expression, a huge number of such ones does not arise at all due to the lack of consent of the opposing party. The exception is when the law itself gives force to the will expression already at the time of its emergence without any participation of the interested person, all other obligations from the will imply acceptance," - says S.A. Belitsky [2, p. 343].

The current Civil Code of the Russian Federation (hereinafter CC RF) [3], in chapter 28 establishes the general rules for concluding a contract, which includes the requirements for the form of the contract: it is determined either by law or by agreement of the parties, and the written form of the treaty is considered to be observed both in the case of one document prepared and in the case of the exchange of documents between the parties (items 1, 2 and 4, Art. 434).

At the same time, the development of informational and communication technologies brings to life the need for legal regulation of new forms of interaction between participants in civil turnover in order to provide them the possibility of remote conclusion of contracts. Federal Law dated March 18, 2019 No. 34-ФЗ [4] in item 2 of Art. 434 of the CC RF made an important addition – treaty in a written form can be concluded by drawing up one electronic document signed by the parties. Similar rules we can find in the Civil Code of the Belarus Republic (hereinafter CC RB): "The treaty in a written form can be signed by drawing up one text document, including the document in electronic form (including the electronic document), or by exchange of text documents, including documents in electronic form (including electronic documents) ..." (Item 2, Art. 404) [5].

We will try to figure out what this new phenomenon means for us - a single electronic document in the aspect of civil legislation. From the point of view of any person, a single document represents the will of the parties in the commitment set out on one medium. The Russian legislator refers to an electronic document as documented information submitted in electronic form, that is, in a form suitable for human perception using computers, as well as for transmission via information and telecommunication networks or processing in informational systems (item 1.1, art. 2 of the Federal Law "On Information, Informational Technologies and on Information Protection" [6]). In Belarusian legislation, we can find the following definition of an electronic document: "... it is an electronic document with requisites that make it possible to establish its integrity and authenticity, which are confirmed by using certified electronic digital signature means with using the opened keys of an organization or an individual when verifying an electronic digital signature of a person(s) who have signed this electronic document" (Art. 1 of the Law of the Republic of Belarus "On Electronic Document and Electronic Digital Signature") [7].

As we can see from the above-mentioned legal definitions, the Belarusian legislator consider the definition of an electronic document concept more detailed. In addition, the advantages of Belarusian legal regulation include a detailed description of the rules for the formation and circling of electronic documents; its structure is described as two integral parts - general (information constituting the content of the document) and special (electronic digital signature and other technical data) (Art. 17); and order of creating a copy of an electronic document is clarified (Art. 20). This state of affairs undoubtedly simplifies the perception of an

electronic document at the domestic level and, accordingly, facilitates electronic interaction when concluding a treaty, which in general should have a positive impact on economic turnover.

Considering the possibility of concluding a civil law treaty in the electronic form in Russia, it should be noted that this is directly provided by Art. 4 of the Federal Law "On Participation in the Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation"[8].. Besides, the Federal Law "On the Contract System in the Sphere of Purchasing Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs"[9] regulates the procedure of concluding contracts, including those based on the result of Electronic Trading Service – i.e., the contract is concluded on an Electronic Trading Platform, exists in the form of an electronic file and is signed by the parties to the contract with an enhanced electronic signature.

Thus, this Federal Law provides an opportunity for the contract parties to make a transaction within the framework of the functioning of a special virtual space - an Electronic Trading Platform (ETP) - if the parties have an accreditation agreement on this platform and an enhanced electronic signature. Therefore, to conclude a contract in electronic form, it is enough to have an electronic digital signature, as well as electronic means of using and checking it with the contract counterparties.

However, it should be noted that besides general requirements for the form of a treaty, the civil legislation of both Russia and Belarus makes special requirements for certain types of contracts – i.e., the conclusion of a contract in a written form only by drawing up one document signed by the parties. And we can find such a case in Art. 550 of the Civil Code of the Russian Federation and Art. 521 of the Civil Code of the Republic of Belarus, containing a requirement for the contract form for the sale of real estate - by virtue of the law, it should be concluded precisely in the form of a single document signed by the parties. At the same time, Art. 550 of the Civil Code of the Russian Federation contains a reference to item 2 of Art. 434 of this Code which has been unchanged since 1996, as we can say, it is archaic in nature. Accordingly, the reference to item 2 of Art. 434 turned us to the old version of the Code, when this item did not provide the possibility of concluding a contract by exchanging electronic documents. At the modern stage, such a reference loses its meaning, since when reforming civil law back in 2015, Art. 434 of the Civil Code of the Russian Federation has undergone changes - item 2 was supplemented by provisions on the possibility of concluding an agreement by exchanging electronic documents, and also item 4 appeared, according to which in cases, provided by law or agreement of the parties, a contract in a written form can be concluded only by drawing up one document signed by the contract parties. There is no reference to the electronic form of the document in this item. It also did not appear in this paragraph in 2019, when such an innovation was introduced in item 2 of this article.

Thus, at present, it is precisely the item 4 of Art. 434 of the Civil Code of the Russian Federation, which does not contain rules on the possibility of concluding an agreement in single electronic document form, when interpreting the substantive law norms is consistent with Art. 550 of this Code.

Of course, as indicated in the scientific literature "... it is not worth putting an equal mark between the document in writing and the document on paper... the second is only one type of objectification of the first..." [10, p. 321]. At the same time, the author admits that "there are transactions for contract concluding where it is necessary to draw up a single document on paper," giving as an example just the contract for the sale of real estate, and concludes, with reference to the Concept for the Development of Civil Law of the Russian Federation [11], that such requirements are not proposed to be refused [3, *ibid.*].

Besides the imperfection of legal regulation, it is necessary to note another drawback that does not allow to take advantage of computerization and informatization innovations in legal space – the absence of a public legal resource in the framework of which the contract parties of real estate sale could conclude transactions by signing a single electronic document, as well as control over the legality of such transactions and their state registration could be exercised. The author believes that such an electronic resource could optimally function within the framework

of a state institution, which has the public function of registering the transfer of ownership of immovable property.

As can be seen from the above, when conducting transactions with real estate, there are a number of unresolved issues related to the law requirements concerning the form of a contract for the sale of real estate. Modern life poses requirements for the prompt conclusion of contracts, and when parties are in conditions of distance from each other, and moreover rapidly developing information and communication technologies provide opportunities for this, therefore, it is necessary to improve the legal mechanisms provided by law. Ideally, it is necessary to create a Single Electronic Platform for concluding contracts in electronic form as a single document, and this, apparently, will have to be done by our legislators in the future.

Literature list

1. Grimm, D. D. Lectures on the Dogma of Roman Law/D.D. Grimm - St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1907. - 495 p.
2. Belitsky, S.A. Private Law in Basic Principles/S.A. Belitsky. - Kaunas: 1928. - 898 p.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FL// SZ RF, 05.12.1994, No. 32, Art. 3301.
4. On amendments to parts 1, 2 and to the article 1124 of part 3 of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ// SZ RF, 25.03.2019, No. 12, Art. 1224.
5. National legal Internet-portal of the Republic of Belarus [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.pravo.by> - Access date: 26.01.2021
6. On information, informational technologies and on information protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-ФЗ// SZ RF, 31.07.2006, No. 31 (part 1), Art. 3448.
7. National legal Internet-portals of the Republic of Belarus [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.pravo.by> - Access date: 26.01.2021.
8. On Participation in the Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2004 No. 214-FZ//SZ RF, 03.01.2005, No. 1 (part 1), Art. 40.
9. On the Contract System in the Field of Purchasing Goods, Works, Services to Meet State And Municipal Needs: Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ//SZ RF, 08.04.2013, No. 14, Art. 1652.
10. Kozlovskaya, S.V. Problems of Civil-Legal Regulation of Transactions Concluded within the Framework of Electronic Interaction/S.V. Kozlovskaya//Experiments of Civilistic Research: a collection of articles/A.E. Ageenko, I.I. Akimova, V.A. Donbass and others; chief and editor A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. - M.: Statute, 2018. Issue. 2. - 368 s.
11. Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation: Approved by the Decision of the Presidential Council on the Codification and Improvement of Civil Legislation of October 7, 2009//Bulletin of the Supreme Council of the Russian Federation, No. 11, November, 2009.

А. Г. Силивончик

Белорусский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ БАНКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Республика Беларусь и Республика Узбекистан являются членами Содружества Независимых Государств (СНГ). Согласно уставу СНГ, целями содружества, в частности, являются:
- осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях, и

- всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция [1].

Одновременно с этим развивается тесное и многоплановое сотрудничество Республики Узбекистан с Евразийским экономическим союзом, одним из участников которого является Республика Беларусь.

Указанными выше обстоятельствами обусловлена целесообразность интеграции ключевых правовых подходов, т.к. существенные различия в правовом регулировании формируют дополнительный барьер на пути к развитию общего экономического пространства.

Повышенная актуальность темы унификации законодательства о банкротстве банков обусловлена, в частности, принятием 18 ноября 2005 г. на двадцать шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ модельного закона «О банкротстве банков».

Модельный закон «О банкротстве банков» устанавливает порядок и условия осуществления мер по финансовому оздоровлению банков, наблюдению, назначению временной администрации банков, их принудительной реорганизации и банкротства в конкурсном производстве.

В Республике Беларусь основным источником правового регулирования банкротства банков является Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. №415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»), которым установлен порядок и условия принятия мер по предупреждению банкротства банков, регламентированы вопросы деятельности временной администрации, особенности порядка признания банков банкротами и их ликвидации.

В Республике Узбекистан отношения, связанные с банкротством банков, регулируются Законом Республики Узбекистан от 24 апреля 2003 г. № 474-П «О банкротстве» (далее – Закон Республики Узбекистан «О банкротстве»).

Комплексный анализ Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» и Закона Республики Узбекистан «О банкротстве» позволяет выделить следующие общие особенности банкротства банков.

1. Особенности возбуждения производства по делу о банкротстве банка.

Начало производства по делу о банкротстве банка возможно только после отзыва лицензии на осуществление банковской деятельности (ст. 200 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», ст. 164 Закона Республики Узбекистан «О банкротстве»), следует отметить, что данная особенность предусмотрена и в п. 1 ст. 50 Модельного закона «О банкротстве банков».

Полагаем, что механизм отзыва лицензии перед возбуждением дела о банкротстве необходим для защиты интересов банка, так как возбуждение судом производства по делу о банкротстве банка может повлечь панику среди вкладчиков и отток денежных средств, что ускорит потерю платёжеспособности банка.

2. Особенности рассмотрение дела о банкротстве банка.

Согласно ст. 172 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» при рассмотрении дела о банкротстве банка применяются конкурсное производство или ликвидационное производство. Мировое соглашение, защитный период и санация в отношении банков не применяются [2].

В соответствии с абз. 2 ст. 165 Закона Республики Узбекистан «О банкротстве» внешнее управление банком не вводится. Следовательно, узбекский законодатель допускает возможность применения в отношении банка мирового соглашения [3].

Следует отметить, что возможность заключения мирового соглашения в рамках дела о банкротстве банка предусмотрена в Модельном законе «О банкротстве банков». Так, в соответствии с п. 1 ст. 68 Модельного закона «О банкротстве банков» в процедуре конкурсного производства банка может быть заключено мировое соглашение [4].

Данная позиция имеет поддержку и в доктрине, так некоторые учёные предлагают применять к банкам процедуру мирового соглашения ввиду того, что применение только процедуры конкурсного и ликвидационного производства ограничивает возможность восстановления платежеспособности банков [5, с. 11].

Вместе с тем, существует и противоположная позиция, согласно которой мировое соглашение не должно применяться в отношении банков. Это объясняется тем, что цели указанной процедуры (восстановление платежеспособности и сохранение банка) недостижимы о чём свидетельствуют отрицательные результаты применения мер по предупреждению банкротства банка [6, с. 358].

Мы согласны с позицией о невозможности применения мирового соглашения в рамках дела о банкротстве банка. Мировое соглашение предполагает возможность для должника продолжать осуществление деятельности, в то время как для банка это невозможно в связи с отзывом лицензии.

Таким образом, считаем целесообразным внести изменения в Закон Республики Узбекистан «О банкротстве», которыми необходимо исключить возможность заключения мирового соглашения в рамках дела о банкротстве банка.

3. Участие Национального банка Республики Беларусь и Центрального банка Республики Узбекистан в процедуре банкротства банков.

В Республике Беларусь Национальный банк обладает правом на подачу в экономический суд заявления о банкротстве банка с последующим участием в деле о банкротстве банка. При подаче заявления о банкротстве банка Национальный банк может представить в экономический суд кандидатуру управляющего.

В соответствии со ст. 202 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» Национальный банк Республики Беларусь является участником дела о банкротстве банка только при возбуждении дела о банкротстве по его заявлению [2].

Согласно абз. 3 ст. 165 Закона Республики Узбекистан «О банкротстве» лицами, участвующими в деле о банкротстве банка, кроме предусмотренных ст. 36 Закона Республики Узбекистан «О банкротстве», также являются Центральный банк Республики Узбекистан [3].

Следовательно, законодательство Республики Узбекистан позволяет Центральному банку Республики Узбекистан участвовать в деле о банкротстве вне зависимости от того, кто обратился с заявлением о банкротстве банка.

В соответствии с п. 4 ст. 46 Модельного закона «О банкротстве банков» лицом, участвующим в деле о банкротстве, является орган банковского регулирования [4].

Полагаем, что орган банковского регулирования должен быть участником дела о банкротстве банка вне зависимости от того, кто обратился с заявлением о банкротстве. Это обусловлено тем, что орган банковского регулирования обладает специальными знаниями в банковской сфере и широкими полномочиями в рамках дела о банкротстве.

В связи с этим, предлагаем внести изменения в ст. 202 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» и предусмотреть возможность Национального банка Республики Беларусь участвовать во всех делах о банкротстве банков.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь и Республики Узбекистан о банкротстве банков нуждается в совершенствовании, целесообразно, в частности:

1. исключить из Закона Республики Узбекистан «О банкротстве» возможность заключения мирового соглашения в рамках дела о банкротстве банка;

2. предусмотреть в Законе Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» возможность участия Национального банка Республики Беларусь во всех делах о банкротстве банков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 года) / Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda> – Дата доступа: 07.02.2021.
2. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З // Консультант Плюс – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.
3. О банкротстве: Закон Республики Узбекистан от 24 апреля 2003 г. № 474-П / Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/955393#958574> – Дата доступа: 07.02.2021.
4. О новой редакции модельного закона «О банкротстве банков: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств № 26-8 // Консультант Плюс – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.
5. Сарнакова, А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих в процессе конкурсного производства при банкротстве кредитных организаций : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.03 / А.В. Сарнакова ; Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов Российской Федерации. – М., 2010. – 23 с.
6. Попондопуло, В.Ф. Банкротство: научно-практическое пособие / В. Ф. Попондопуло. – М.: Проспект, 2014. – 432 с.

Научный руководитель: Р. Р. Томкович,
канд. юрид. наук.

В. Г. Скуратов

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАЛОГА ПРИ ЭМИССИИ ОБЛИГАЦИЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Одним из наиболее важных вопросов для инвестора при приобретении ценных бумаг является ликвидность такого объекта инвестиций. При этом ликвидность ценных бумаг облигационного типа непосредственно зависит от гарантированности исполнения эмитентом своих обязательств, связанных с возвратом их номинальной стоимости и выплатой процентов.

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь допускается эмиссия обеспеченных и необеспеченных облигаций [1, 2]. Среди способов обеспечения исполнения обязательств при эмиссии этих ценных бумаг особое место занимает залог имущества (в том числе ипотека). Такой обеспечительный инструмент может применяться как непосредственно в отношениях между эмитентом облигаций и инвесторами, так и в отношениях, связанных с поступлением эмитенту денежных средств, предназначенных для исполнения обязательств перед инвесторами. В последнем случае речь идет, например, об обеспечении исполнения обязательств по облигациям банков или специальных финансовых организаций при осуществлении операций секьюритизации правом требования (правами (требованиями)) по кредитам на строительство, реконструкцию или приобретение жилья под залог недвижимости [3, 4]. При этом допустимый объем выпуска облигаций в большинстве случаев связан со стоимостью предмета залога. Так, в частности, при обеспечении исполнения обязательств по облигациям непосредственно залогом размер эмиссии не может превышать восьмидесяти процентов стоимости обременяемого залогом имущества [5, п. 65]. Следует также отметить, что сведения о стоимости имущества, выступающего в качестве предмета залога, и способе оценки указываются в решении о выпуске облигаций [5, п. 11.4].

Объем одного выпуска облигаций специальной финансовой организации (СФО), обеспеченных правами (требованиями) с залоговым (в том числе ипотечным) покрытием, кроме связи с основной суммой долга и не уплаченными платежами по таким правам (требованиям) не может превышать стоимости (размера) обеспечения исполнения обязательств по указанным активам [4, п. 1.3]. Следовательно, эмитенту (в том числе СФО при осуществлении операции секьюритизации) для определения объема эмиссии облигаций необходимо оценить стоимость имущества, являющегося предметом залога. Такая обязанность эмитента установлена вне зависимости от предмета залога (отдельные виды ценных бумаг, транспортные средства, недвижимое имущество). При осуществлении оценки допустимых к использованию в качестве предмета залога ценных бумаг облигационного типа (государственных ценных бумаг, ценных бумаг Национального банка, облигаций местных исполнительных и распорядительных органов, облигаций банков) необходимо учитывать отдельные элементы их правовой природы. Так, с одной стороны, должны учитываться доходность (проценты) и срок обращения таких ценных бумаг, а, с другой - возможность и последствия их досрочного погашения. Кроме того, специальный порядок оценки должен применяться в отношении такой ценной бумаги как закладная, которая удостоверяет одновременно право по обязательству, обеспеченному ипотекой, и права залогодержателя по ипотеке, обеспечивающей исполнение такого обязательства [2; 6, ст. 16].

В законодательстве Республики Беларусь закреплен порядок осуществления оценочной деятельности (в том числе оценки стоимости отдельных объектов гражданских прав, находящихся на территории Республики Беларусь). Однако, в таком законодательстве при перечислении случаев, в которых проведение оценки является обязательным, оценка имущества, заложенного при эмиссии облигаций, не указана, а содержится только отсылочная норма - «в иных случаях, предусмотренных законодательством» [7, п. 21]. При этом можно утверждать, что отдельные случаи обязательной оценки соотносятся с вопросами оценки имущества при выпуске облигаций. Так, например, результаты обязательной оценки предмета залога в отношениях, связанных с предоставлением кредита, могут быть учтены при эмиссии облигаций, обеспеченных правами (требованиями) по таким кредитным обязательствам. В отношении иных прав (требований), обеспеченных залогом, за счет которых осуществляется исполнение обязательств по облигациям, обязательность проведения независимой оценки предмета залога закреплена в законодательстве о секьюритизации [4, п. 1.3].

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным закрепить обязательность оценки предмета залога, используемого при эмиссии облигаций, закрепить непосредственно в законодательстве об оценочной деятельности (в частности, внести соответствующее дополнение в пункт 21 Положения об оценке стоимости объектов гражданских прав в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 13.10.2006 № 615 (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 24.04.2020 № 147)).

При использовании конструкции залога при эмиссии облигаций для инвесторов и эмитента важным является сохранение предмета залога. Это обусловлено тем, что утрата (гибель) или существенное повреждение такого имущества относится к основанию прекращения залога (в том числе ипотеки) и, соответственно, влияет, с одной стороны, на интересы инвесторов (владельцев облигаций), а, с другой - возможность появления дополнительных рисков у эмитента, связанных с досрочным исполнением обязательств по выпущенным ценным бумагам. При этом согласно действующему законодательству в указанных случаях эмитент в течение двух месяцев обязан произвести замену обеспечения исполнения своих обязательств по облигациям. Такая замена осуществляется вне зависимости от закрепления условий о ее возможности в решении о выпуске и проспекте эмиссии облигаций. Необходимо также обратить внимание, что залогодатель (в том числе эмитент), по общему правилу, вправе в разумный срок восстановить поврежденный предмет залога или заменить его другим равноценным имуществом, если договором не предусмотрено иное [8, ст. 326]. Такой срок в отношении предмета ипотеки (недвижимого имущества) составляет два месяца с момента утраты (гибели) или

повреждения этого имущества, если больший срок не установлен соглашением между залогодателем и залогодержателем [6, ст. 24]. Следовательно, восстановление предмета залога или замена его равноценным имуществом в отличие от замены обеспечения облигаций является правом, а не обязанностью эмитента-залогодателя, даже при наличии такой возможности. В случае нарушения порядка замены обеспечения исполнения обязательств по облигациям к эмитенту могут быть применены такие меры как приостановление торгов (в том числе совершения и (или) исполнения сделок в открытом акционерном обществе "Белорусская валютно-фондовая биржа") либо обращения ценных бумаг определенного выпуска или всех ценных бумаг эмитента [2, п. 1.2].

В зависимости от степени уменьшения предмета залога (в том числе в результате утраты, повреждения, выбытия по иным основаниям) и других объективных причин эмитент осуществляет полную или частичную замену обеспечения либо принимает решение о досрочном погашении облигаций. Однако, принятие и исполнение решения о досрочном погашении облигаций, с одной стороны, может быть невозможным в связи с финансовым положением эмитента (в том числе отсутствием достаточной суммы денежных средств), а, с другой - может отрицательно повлиять на интересы других кредиторов эмитента. Для сокращения указанных рисков при эмиссии облигаций с использованием ипотеки согласно действующему законодательству предмет залога может быть застрахован. При этом залогодатель обязан страховать такое имущество только в случаях, предусмотренных законодательными актами или договором об ипотеке. Однако, в законодательных актах Республики Беларусь нормы, в которых четко закреплены обязательность и механизм страхования предмета ипотеки в случае использования данного вида залога при эмиссии облигаций, отсутствуют, что может отрицательно повлиять на инвестиционную привлекательность таких ценных бумаг. Для устранения указанного пробела необходимо внести соответствующие изменения в действующее законодательство (в частности, в п. 1.7 Указа Президента Республики Беларусь от 28.04.2006 № 277 и Положение о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 530 (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 14.04.2014 № 165)). Кроме того, в законодательстве должно быть закреплено, что средства страхового возмещения в указанном случае в первоочередном порядке подлежат использованию на исполнение обязательств по облигациям, обеспеченным залогом застрахованного имущества.

Особенностью применения залога как способа обеспечения исполнения обязательств по облигациям является то, что на стороне залогодержателя выступает множество лиц (владельцев облигаций), персональный состав которого неизвестен при принятии решения о выпуске этих ценных бумаг и размещении их путем проведения открытой продажи. Кроме того, за период обращения облигаций может произойти неоднократное изменение состава залогодержателей (владельцев облигаций). Следовательно, к моменту исполнения обязательств по облигациям состав владельцев этих ценных бумаг (а, соответственно, залогодержателей) может существенно отличаться от списка инвесторов, которые приобрели облигации при их размещении. Наличие большого количества залогодержателей (владельцев облигаций), с одной стороны, существенно осложняет получение от них согласия на отчуждение залогодателем имущества, являющего предметом залога, а, с другой - инициирование и порядок обращения взыскания на предмет залога (в том числе, ипотеки). При этом целесообразно законодательно закрепить правило, согласно которому отчуждение предмета ипотеки (недвижимого имущества), являющейся способом обеспечения исполнения обязательств по находящимся в обращении облигациям, возможно без согласия залогодержателей (владельцев облигаций) с одновременной заменой эмитентом обеспечения по таким ценным бумагам. Отчуждение движимого имущества (ценных бумаг, транспортных средств), являющегося предметом залога по облигациям, должно быть возможным при условии замены его на аналогичное имущество, если иное не предусмотрено

законодательством и(или) проспектом эмиссии. Кроме того, если в решении о выпуске облигаций предусмотрена возможность их досрочного погашения, то эмитент должен быть наделен правом с согласия большинства владельцев облигаций реализовать заложенное имущество при условии принятия решения о досрочном погашении облигаций и использовать средства, полученные от продажи такого имущества непосредственно на досрочное исполнение обязательств по облигациям. Закрепление в законодательстве указанных норм будет способствовать защите прав как эмитента, так и инвесторов (владельцев облигаций) при отчуждении предмета залога.

Список использованных источников

1. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 05 янв. 2015 г., № 231-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

2. О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 апр. 2006 г., № 277 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

3. Порядок эмиссии, обращения и погашения облигаций, эмитируемых банками: утв. Пост. Совета Министров Респ. Беларусь, Нац. банка Респ. Беларусь, 29 дек. 2006 г. № 1753/22 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020

4. О некоторых вопросах осуществления операций секьюритизации [Электронный ресурс]: Постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

5. Инструкция о некоторых вопросах эмиссии и государственной регистрации эмиссионных ценных бумаг: утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь, 31 авг. 2016 г., № 78 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

6. Об ипотеке: Закон Респ. Беларусь, 20 июня 2008 г., № 345-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

7. Положение об оценке стоимости объектов гражданских прав в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 13 окт. 2006 г. № 615 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

8. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь от 07 дек. 1998 г., № 218-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

Л. А. Субботина

Д. А. Федорова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В качестве оснований прекращения права собственности выступают юридические факты, т.е. «обстоятельства, с которыми закон связывает какие-либо юридические последствия: возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений» [1, с.104]. Полный перечень оснований прекращения права собственности изложен в ст. 236 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее - ГК). К ним относятся:

отчуждение собственником своего имущества другим лицам; отказ собственника от права собственности; гибель или уничтожение имущества; утрата права собственности на имущество; обращение взыскания на имущество по обязательствам; отчуждение имущества, которое в силу акта законодательства не может принадлежать данному лицу; отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка; выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей; выкуп домашних животных; реквизиция; конфискация; приватизация; национализация; безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией и в иных случаях.

Право собственности может быть также прекращено по другим основаниям, предусмотренным иными нормативно-правовыми актами Республики Беларусь. В силу того, что содержание юридических фактов, являющихся основаниями прекращения права собственности, различается, различен и порядок и момент прекращения права собственности. При этом гражданско-правовое регулирование оснований прекращения права собственности имеет своей целью обеспечение неприкосновенности собственности граждан и юридических лиц.

Особое значение при характеристике оснований прекращения права собственности, имеют юридические последствия наступления обстоятельств, прекращающих право собственности. Субъективное право собственности прекращается лишь в случае лишения собственника навсегда его правомочий [2, с. 48]. То есть, собственник утрачивает статус управомоченного лица в конкретном правоотношении. При этом, право собственности на данное имущество может больше никогда и не возникнуть (в случае уничтожения вещи), либо может возникнуть у другого субъекта (например, при отчуждении имущества). В последнем случае возникает новое правоотношение, в котором управомоченным субъектом будет совсем другое лицо. Из этого следует, что в отношении каждого конкретного собственника и каждого конкретного правоотношения собственности следует говорить об окончательном прекращении права собственности.

Следует отметить, что многие основания прекращения права собственности фактически устанавливают возможность перехода имущества лишь из частной собственности в публичную собственность, но не наоборот. Прежде всего, это относится к основаниям принудительного прекращения права собственности (помимо воли собственника). В тоже время на конституционном и законодательном уровне установлены гарантии прав собственника. В качестве таких гарантий выступают статья 44 Конституции Республики Беларусь и статья 2 Гражданского Кодекса Республики Беларусь. В этих статьях закреплено следующее положение: «право собственности, приобретенной законным способом, охраняется законом и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда» [3, 4].

Таким образом, принудительное прекращение права собственности – это совокупность юридических фактов, с которыми связано прекращение права собственности помимо воли собственника в интересах общества, перечень которых определен в законе, при условии гарантированного государством обеспечения предварительной и равноценной компенсации убытков собственника.

К особенностям принудительного прекращения права собственности можно отнести следующие:

- принудительное изъятие должно осуществляться, как правило, по отношению к недвижимым вещам. А изъятие движимых вещей может осуществляться в исключительных случаях, когда такая вещь представляет особую ценность (например, выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей), незаменима на аналогичную

или удовлетворить преследуемую цель без изъятия движимой вещи невозможно (например, обращение взыскания на имущество должника, реквизиция).

- недвижимое имущество имеет особенности, которые следует учитывать при прекращении права собственности на него помимо воли собственника. Специфические особенности состоят в правовой природе некоторых видов недвижимого имущества, например, земельных участков, которые помимо объекта недвижимого имущества являются также особым природным объектом, а также жилых помещений, представляющих особую социальную ценность. Также следует помнить о высокой стоимости недвижимого имущества, обусловленной его длительным использованием и непотребляемостью в процессе использования, что делает недвижимость имуществом особого рода, требующим повышенного внимания к правовому регулированию и изъятию.

К числу оснований принудительного прекращения права собственности закон относит: отчуждение имущества, которое в силу акта законодательства не может принадлежать данному лицу; отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка; выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей; выкуп домашних животных; реквизицию; национализацию; конфискацию; безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией. Из приведенного перечня оснований принудительного прекращения права собственности подавляющее большинство носит возмездный характер. Только в 3-х случаях речь идет о безвозмездном изъятии у собственника принадлежащего ему имущества: при обращении взыскания на имущество по обязательствам, конфискации и безвозмездном изъятии имущества с коррупцией. Обращает на себя внимание замена термина «закон» термином «законодательные акты», к которым относятся: Конституция Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики. Возможность прекращения права собственности помимо воли собственника, наряду с законодательным закреплением принципа неприкосновенности собственности дает основание для утверждения о «социализации» собственности, обязывающей собственника служить не только своим интересам, но и интересам всего общества [5, с. 42]. В общественных интересах особые правила действуют для таких объектов собственности, как земля, ее недра, воды, а также имущество, имеющее оборонное значение. Однако, в отдельных случаях, законодатель так далеко продвигается в наступлении на право собственности, что в значительной степени нивелируют значение принципа ее неприкосновенности.

Органом, уполномоченным принимать решения о принудительном прекращении права собственности, закон называет суд. Однако принудительное прекращение права собственности также может быть результатом правоприменительной деятельности уполномоченных государственных органов или органов местного самоуправления, реализации ими своих полномочий. Например, прекращение права собственности при реквизиции происходит помимо воли собственника, по решению соответствующих уполномоченных государственных органов [4, ст. 243].

Список использованных источников

1. Гражданское право: Учебник: В 3 т. 6-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК ВЕЛБИ, Проспект, 2004. Т. 1. –776 с.
2. Генкин, Д.М. Право собственности в СССР. – М.: Гос. изд-во Юрид. лит., 1961. – 224 с.
3. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 ноября 2004 г.) // Консультант Плюс: Беларусь, Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Гражданский кодекс Республике Беларусь от 07 дек. 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред.

Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Подгруша, В. К вопросу о принудительном безвозмездном изъятии имущества у собственника /В. Подгруша // Бюл. Нормативно-правовой информации – 2001. – № 40. – С. 41–44.

В. А. Федотов

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

УСЛОВИЕ О ВЫВОЗЕ ТОВАРОВ ЭКСПОРТНОГО ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

До принятия Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) законодательство допускало разделение составляющих содержание договора условий на существенные, обычные и случайные [1, с. 14].

По действующему гражданскому законодательству, все согласованные сторонами условия являются существенными. Такой подход в полной мере соответствует международной практике торговли, где «...традиционно принято считать все условия международного коммерческого контракта существенными и толковать контракт в целом таким образом, чтобы придать действующую силу всем его условиям...» [2, с. 20].

В соответствии с ч. 2 п. 2 ст. 402 ГК существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Из анализа данной нормы следует, что законодатель разделил существенные условия договора на две группы: 1) условия, установленные нормами права для соответствующего вида гражданско-правового договора; 2) условия договора, относительно которых сторонами достигнуто соглашение. При этом все, указанные в договоре условия являются существенными.

Полагаем, что первая группа существенных условий экспортного договора купли-продажи товаров условно может быть названа основными условиями, вторая – дополнительными условиями соглашения.

В силу полисистемного характера правовой регламентации экспортных отношений, содержание совершаемого контракта определяется сторонами – резидентом и нерезидентом Беларуси в соответствии с национальным правом государств участников отношения, а также правом страны(н), имеющих тесную связь с договором. Руководствуясь принципом автономии воли, стороны могут подчинить договор любому, не противоречащему законодательству, правопорядку (п. 1 ст. 1124 ГК). Однако в основе договорного отношения лежат императивные нормы стран, с которыми договор тесным образом связан.

В качестве основных существенных условий внешнеторговое законодательство Республики Беларусь предусматривает следующие условия:

о товаре, количестве и цене либо порядке их определения (п. 1 ст. 14 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.);

о предмете (ч. 2 п. 2 ст. 402 ГК);

о стоимости товаров (ориентировочной стоимости в случае невозможности установить действительную стоимость товаров в силу специфики товарной номенклатуры) (подп. 1.16.4 Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций»; далее – Указ № 178);

расчета, под которыми понимается обязательство осуществления одной стороной расчета до исполнения либо по факту исполнения обязательства другой стороной (подп. 1.16.4 Указа № 178).

Системный анализ подп. 1.4 Указа № 178 позволяет сделать вывод о том, что исполнение обязательств в установленные Указом сроки также является существенным условием экспортного договора купли-продажи.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения норм ГК о заключении, изменении и расторжении договоров постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16, в гражданский оборот введены так называемые «условия, вытекающие из сущности договора данного вида». К сожалению, в данное постановление и другие нормативные правовые акты Беларуси не раскрывают суть таких условий. Полагаем, что такими условиями договора могут быть как условия, установленные законом (основные), так и условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (дополнительные).

Условием, вытекающим из сущности экспортного договора купли-продажи, на наш взгляд, является условие о вывозе товаров из Республики Беларусь, поскольку выражает природу данного международного коммерческого контракта. Этимология слова экспорт, которое происходит от латинского *exportāre* – «вывозить» (*ex* – «из-» и *portāre* – «привозить, доставлять»), от английского *export* – «вывозить за границу» (начало XIX в.) [с. 320]. Критерий вывоза долгое время применялся в отечественном законодательстве как основной квалифицирующий признак экспортных отношений, применяемый в отношении любых объектов гражданских прав. Сегодня такой подход к квалификации экспорта товаров (работ, услуг) сохранился в нормах права лишь по отдельным вопросам (например, в Законе Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. «Об экспортном контроле»).

В нормативных правовых актах, заложивших основу правовой регламентации внешней торговли Республики Беларусь, к сожалению, сложились разные методологические подходы о сущности экспортных отношений, что в известной мере создает препятствия в формировании и применении национального права о внешнеторговой деятельности. Так, в соответствии с подп. 1.1 Указа № 178 экспорт – передача резидентом товаров (в том числе по сделкам, не связанным с перемещением товаров через Государственную границу Республики Беларусь), охраняемой информации, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнение работ, оказание услуг на возмездной основе нерезиденту. Согласно подп. 1.25 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (далее – Закон 2004 г.), экспорт товара – вывоз товара с таможенной территории Республики Беларусь в целях реализации за ее пределами.

Таким образом, согласно Указу № 178, экспортом является передача резидентом товаров на возмездной основе нерезиденту по сделкам, как связанным, так и не связанным с перемещением товаров через Государственную границу Беларуси; в соответствии с Законом экспортом товара признается вывоз товара из Республики Беларусь для его продажи на территории иностранного государства.

Для государства развитие экспортной деятельности означает расширение рынков сбыта белорусской продукции и получение дополнительного дохода в иностранной валюте, которая необходима для решения национальных задач, как в экономической, так и социальной сферах. Если законодатель признает экспортными отношения купли-продажи без реализации товаров за рубежом, то такие отношения можно регламентировать белорусским правом, исключая действие иностранного законодательства для резидента и существенно ограничивая его действие для нерезидента Республики Беларусь (ст. 1100 ГК).

По общему правилу, субъектами внешнеторговых отношений являются лица разной национальной принадлежности, и этот критерий получил закрепление в национальном законодательстве в качестве основного признака. Однако, в отношениях купли-продажи дополнительным критерием, имеющим квалифицирующее значение, является факт вывоза материальных товаров с таможенной территории Республики Беларусь. В этом выражается сущность экономико-правовой природы экспорта, который характеризуется производством национального продукта и его реализацией на зарубежных рынках.

Методологический подход, избранный в дефинитивной норме Закона 2004 г., определяющей сущность экспорта товара в большей мере соответствует правовой природе экспортных отношений купли-продажи, хотя и она не лишена недостатков, поскольку не дает ответа на ряд вопросов:

Кто является сторонами данной операции? Является ли экспортом вывоз товара без его реализации за рубежом? Необходимо ли для совершения данной операции наличие двустороннего договора?

В соответствии нормами законодательства Беларуси о внешней торговле, условие о вывозе товара не является основным существенным условием экспортного договора купли-продажи. Вместе с тем, необходимость указания данного условия в каждом экспортном договоре купли-продажи обусловлена самой природой экспортного отношения и по существу является выражением факта экспорта – одного из признаков контракта. Кроме того, необходимость указания условия о вывозе товаров в экспортном контракте купли-продажи продиктована рядом императивных норм, с которым отношение тесно связано. По нормам белорусского внешнеторгового законодательства это требования о: выполнении ряда таможенных формальностей (маркировке товаров, представлении статистической декларации, оплате таможенной пошлины и др.), получении лицензии на экспорт (для реализации отдельных категорий товаров), регистрации сделки, порядке проведения расчетов по договору, оплате налогов и др.

С учетом изложенного, условие о вывозе товара экспортного договора купли-продажи является условием, вытекающим из правовой природы экспортного отношения, позволяющем квалифицировать отношение на начальной стадии договорного процесса.

Полагаем, что необходимо дополнить подп. 1.16.4. Указа № 178 абзацем четвертым следующего содержания:

«условие о вывозе товаров из Республики Беларусь – для экспортных договоров купли-продажи товаров.»

Реализация данного предложения восполнит существующий пробел в правовой регламентации экспортных отношений купли-продажи товаров, создаст необходимую правовую основу для формирования законодательства об экспортной деятельности.

Список использованных источников

1. Чигир, В.Ф. Гражданско-правовой договор / В.Ф. Чигир // Пром.-торг. право. – 2000. – № 3–4. – С. 3–114.
2. Костюков, М.Е. Международный коммерческий контракт: Понятие. Техника написания. Примерные формы на русском и английском языках: науч.-практ. пособие / М.Е. Костюков, Е.М. Костюкова. – Минск: Асоб. Дах, 2001. – 148 с.
3. Багриновский, Г.Ю. Краткий этимологический словарь: более 5000 слов, их происхождение и датировка / Г.Ю. Багриновский – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 671 с.

Т. М. Халецкая

канд. юрид. наук, доц.

Академии управления при Президенте Республики Беларусь

О РАЗДЕЛЕ СУПРУЖЕСКИХ ДОЛГОВ

Отечественное брачно-семейное законодательство не содержит прямого ответа на вопрос о том, включаются ли в состав общего совместного имущества обязанности по исполнению общих долговых обязательств. Однако положительно ответить на данный вопрос позволяет содержание ч. 5 ст. 24 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), согласно которой при разделе имущества судом учитываются также

общие долги супругов и права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи. Основания для подобного вывода дает и судебная практика. Приведем пример.

В исковом заявлении истец указал, что состоял с ответчицей в браке с 20.09.2003 г. Решением суда от 18.03.2015 г. брак расторгнут. В период брака с использованием льготного кредита и совместно нажитых денежных средств на имя истца была построена трехкомнатная квартира по адресу: г. М., ул. П. На момент расторжения брака остаток долга по кредиту составлял 30 290 300 руб., которые истец уплатил в апреле – мае 2015 г. В соответствии с определением районного суда от 04.09.2015 г. об утверждении мирового соглашения стороны произвели раздел квартиры, в соответствии с которым С. выделены в собственность жилые комнаты, площадью 11,1 кв. м и 15,2 кв. м, что составляет 57/100 долей в праве собственности, Д. выделена жилая комната, площадью 13,6 кв. м, что составляет 43/100 долей в праве собственности. Истец просил суд взыскать с ответчика половину выплаченного остатка долга по кредиту после расторжения брака.

Кроме того, истец, ссылаясь на то, что в период с ноября 2014 г. по май 2015 г. он в квартире не проживал, при этом продолжал оплачивать коммунальные платежи, просил суд взыскать с С. 4 316 600 руб. коммунальных платежей, оплаченных им за период с ноября 2014 г. по май 2015 г., а также расходы по оплате госпошлины.

Суд удовлетворил требования Д. о взыскании с С. 1/2 доли от оплаченных им сумм в досрочное погашение кредита, выделенного на строительство квартиры, поскольку в силу ст. 24 КоБС при разделе имущества судом учитываются также общие долги супругов и права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи. Суд пришел к выводу, что кредит выдавался Д. для строительства квартиры на состав семьи, т.е. в интересах семьи.

Требование истца о взыскании с С. денежных средств по оплате коммунальных и других услуг, связанных с пользованием жилым помещением, суд также удовлетворил, исходя из ст.ст. 29, 31 Жилищного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих обязанность собственника жилого помещения, членов, бывших членов семьи собственника жилого помещения частного жилищного фонда по внесению платы за жилищно-коммунальные услуги [1].

Если формулировка ч. 5 ст. 24 КоБС и судебная практика позволяют утверждать об отнесении долговых обязательств супругов к общей совместной собственности, то ответа на вопрос о том, как распределяются между супругами общие долги, нет. В ч. 5 ст. 24 КоБС законодатель определяет, что долговые обязательства супругов учитываются судом при разделе имущества, при условии, что эти обязательства возникли в интересах семьи. Аналогичный подход отражен и в ч. 6 п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 5 от 22 июня 2000 г. «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». Такое законодательное решение вызывает вопросы. Прежде всего, указанные нормы не содержат указания на то, как именно суд должен учитывать долговые обязательства супругов. В судебной практике также нет однозначного ответа на данный вопрос. Приведем пример.

М. в заявлении суду указал, что в период брака с Н. ими была приобретена двухкомнатная квартира, для оплаты стоимости которой помимо собственных средств ими были привлечены кредитные денежные средства. После расторжения брака указанное жилое помещение ими в добровольном порядке было разделено с признанием за ним права на 45/100 долей, а за Н. – на 55/100 долей в праве собственности на квартиру. Разногласия по вопросу погашения кредита им урегулировать не удалось.

Судом было установлено, что в период с ноября 2015 г. (после фактического распада семьи) и до октября 2016 года (до раздела супругами спорной квартиры) М. выплатил в счет погашения кредита 241,97 руб., а затем еще 2452,73 руб., в то время как Н. за все это время выплатила всего 204,30 руб.

Суд пришел к выводу о взыскании с Н. в пользу М. 1390,13 руб. При вынесении решения суд исходил из того, что изначально после распада семьи супруги были обязаны погашать кредит в равных долях, а после раздела ими квартиры – пропорционально своим долям в праве собственности на нее.

С таким подходом согласилась также судебная коллегия.

В протесте заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь было указано, что определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда подлежит отмене в связи с его незаконностью.

Президиум областного суда определение судебной коллегии отменил, а дело направил на новое рассмотрение в суд второй инстанции, указав при этом следующее: «То, что супруги по взаимному согласию определили неравными свои доли в праве собственности на приобретенную ими в браке квартиру, само по себе не влечет соответствующих изменений размера их долей в исполнении обязательства по погашению кредита. При отсутствии Брачного договора и иного соглашения возникший между сторонами спор подлежал разрешению исходя из общего принципа брачно-семейного законодательства о равенстве долей супругов, что судебными инстанциями не было принято во внимание» [2].

Подобные судебные решения лишь обостряют проблему понимания того, какой смысл придавал законодатель термину «учитываются», формулируя правило о судьбе долговых обязательств супругов. В русском языке термин «учесть» используется в прямом и переносном значении: прямое значение данного термина – «произвести учет, посчитать что-либо, принять в расчет, установить путем расчета, подсчета»; в переносном значении данный термин означает «принять что-то во внимание, соотнести с чем-то при рассуждении» [3].

Исходя из прямого значения указанного термина, суды первой и второй инстанции, в приведенном примере как раз учли долговые обязательства супругов, возникшие в интересах семьи. Указание на незаконность данного решения также вызывает возражение. Ст. 24 КоБС не содержит прямого запрета на отступление от принципа равенства долей при учете долговых обязательств супругов. Сама структура ст. 24 КоБС говорит о том, что использованный в ч. 5 термин «учесть» как раз позволяет суду отступить от общего правила о равенстве долей супругов в общем имуществе, закрепленном в ч. 1 ст. 24 КоБС. Этот вывод следует из предписаний п. 4 ч. 2 ст. 28 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»: «Текст нормативного правового акта излагается от главного положения к второстепенному, от общего к особенному, от общего правила к исключению».

Кроме того, следует помнить, что одним из принципов правоприменения является принцип справедливости, предполагающий, что «вынесенное решение – правоприменительный акт, устанавливающий конкретные права и обязанности <...>, должен быть справедливым» [4]. Еще С. А. Муромцев отмечал, что задача любого судьи заключается в сохранении в каждом отдельном решении полной гармонии между юридической нормой, которая применяется, и случаем, который разрешается – это является признаком развитости права. «Практика, – писал ученый, – представляет крайнее разнообразие случаев, которые поступают на судебное разрешение; но юридическая норма не в состоянии предвидеть всех индивидуальных особенностей субъекта, объекта и самого отношения <...>. Задача судьи состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае определить, в какой степени обнаружены в нем типичные свойства, к которым относится норма, и не изменяется ли в чем-либо их значение вследствие присутствия особенностей, не предусмотренных нормою. Судья осуществит справедливость, если согласует свое решение <...> со всеми особенностями случая, который он разрешает. Он должен применить норму именно в той степени, в которой случай характеризуется типичными свойствами, служащими основанием нормы (индивидуализация решений)» [5].

Удачный способ устранения анализируемой неопределенности отечественного брачно-семейного законодательства, на наш взгляд, предложен российским законодателем.

В частности, в п. 3 ст. 39 Семейного кодекса Российской Федерации закреплено следующее общее правило: общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям. Правда, подобное решение представляется нам неполным, поскольку не дает ответа на вопрос о том, каким образом будут распределены между супругами долговые обязательства в случае отсутствия у них общего имущества, когда невозможно будет «привязать» размер доли в долговом обязательстве к размеру присужденной каждому из супругов доли в общем имуществе. Полагаем, что в подобной ситуации раздел общих долгов должен производиться исходя из общего принципа равенства долей супругов при разделе имущества.

Список использованных источников

1. Решение районного суда, 28 дек. 2015 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Судебная практика Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Тот факт, что супруги по взаимному согласию определили неравными свои доли в праве собственности на приобретенную ими в браке квартиру, сам по себе не влечет соответствующие изменение размера их долей в исполнении обязательства по погашению кредита: Постановление президиума областного суда от 20 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Судебная практика Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: // <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/20/ma454301.htm?cmd=0&istext=1>. – Дата доступа: 02.02.2021.
4. Проблемы теории государства и права : учебник / Т. В. Кашанина [и др.] ; под ред. В. М. Сырых. – М. : Эксмо, 2008. – 525 с.
5. Муромцев, С. А. избранные труды по римскому и гражданскому праву / С. А. Муромцев. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР». 2004. – 765 с.

О. В. Шелков

канд. юрид. наук, доц.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

АУТСОРСИНГ В БЕЛАРУСИ: ЗА И ПРОТИВ

Современные рыночные отношения характеризуются быстрыми изменениями как спроса на выпускаемую продукцию, так и структуры предприятий, их стремлением быстро и адекватно, желательно – без дополнительных издержек реагировать на изменения рынка. В таких условиях все больше предприятий приходит к выводу, что ключом к сохранению конкурентоспособности и успеху на рынке является концентрация на основном бизнесе. Что касается других сфер деятельности, то нередко сторонние фирмы предлагают на рынке подобные услуги по более низкой цене, а в некоторых случаях – и более высокого качества.

Речь в таком случае идет об аутсорсинге – передаче организацией на основании договора определенных видов или функций производственной предпринимательской деятельности другой компании, действующей в нужной области.

Понятие «аутсорсинг» («outsourcing») происходит от английских слов «outer-source-using», в переводе – «использование внешнего источника (ресурса)». Термин «аутсорсинг» появился в бизнес-лексиконе в 70-80 годы XX века и пришел из США, где и зародился аутсорсинг в его современном виде.

Исторически мировой рынок аутсорсинга начинался с предоставления услуг бухгалтерии и юриспруденции, но его интенсивное развитие связано с проникновением во все сферы жизни информационных технологий.

Среди основных причин привлечения услуг аутсорсеров следует выделить следующие:

- 1) необходимость выполнения важного проекта в короткие сроки;
- 2) стремление к использованию передовых технологий, которыми владеют аутсорсеры, и, следовательно, к повышению качества предоставляемых товаров и услуг;
- 3) возможность «оперативно изменить размер и масштаб деятельности, когда некая функция больше не нужна (является сезонной, временной) и необходимо оптимизировать и перераспределить персонал, оборудование, технологии» [1, с. 34];
- 4) нехватка или недостаточная квалификация собственного персонала;
- 5) возможность для компании эффективно и быстро, с соблюдением внутреннего законодательства начать бизнес в другом регионе или в другой стране.

Важно то, что зачастую указанные причины не исключают, а дополняют друг друга.

Необходимо отметить, что при передаче определенных бизнес-процессов аутсорсинговой компании компания-клиент планирует получить ряд преимуществ. Важнейшими среди них являются:

снижение издержек, сокращение затрат на реализацию отдельных программ и выполнение работ;

концентрация усилий на основном, профильном бизнесе, повышение инновационного потенциала, и, следовательно, обеспечение выпуска конкурентоспособной продукции;

получение возможности осуществления перспективных научных и технических проектов;

обеспечение более качественного по сравнению с собственной службой выполнения задач, переданных аутсорсеру, так как к сотрудничеству будут привлечены профильные специалисты самого высокого уровня;

разделение или передача аутсорсеру в соответствии с договором части возможных рисков.

Кроме этого, руководство компании-клиента при пользовании услугами аутсорсера может сохранять «компактность» своей компании, что не только упрощает управление ею, но и позволяет остаться в статусе малого предприятия, и иметь при этом дополнительные налоговые и другие преимущества. При росте или падении спроса на продукцию компания может не сокращать свой персонал, а только изменить условия договора с аутсорсинговой фирмой.

Несмотря на наличие ряда преимуществ, широкое применение аутсорсинга в финансово-хозяйственной и производственной деятельности компаний ограничивается рядом факторов.

Так, в первую очередь, при аутсорсинге возникает полная или частичная зависимость от аутсорсера. Заказчик не имеет возможность эффективно управлять действиями аутсорсера и не может осуществлять полноценный контроль за деятельностью этой компании.

Во-вторых, при передаче аутсорсеру определенных полномочий возникает риск утечки информации, которая является конфиденциальной и может быть использована конкурентами.

Кроме того, важным является то, что при работе с аутсорсерами существует вероятность снижения как мотивации, так и производительности собственных сотрудников, которые могут расценить заключение договора аутсорсинга как недоверие руководства к собственным работникам, предвестник массовых увольнений сотрудников и сокращения объемов выпуска продукции.

Следовательно, применение аутсорсинга имеет как положительные, так и отрицательные аспекты, которые являются весьма значимыми. Они оказывают большое влияние на принятие решений компаний относительно пользования услугами аутсорсера. Вместе с тем, по нашему мнению, преимущества использования аутсорсинга значительно превышают его недостатки.

В результате анализа всех существующих преимуществ и недостатков такой услуги, как аутсорсинг, можно изложить ряд рекомендаций, следуя которым заказчик может получить от использования аутсорсинга наибольшую эффективность:

1. Высококачественное выполнение работы аутсорсинговой компанией зависит в первую очередь от ее обслуживающего персонала, от уровня его квалификации и действующих регламентов по управлению сотрудничеством. Следует учитывать, что заказчик не просто обладает правом на участие в наборе персонала аутсорсера, он в обязательном порядке должен этим заниматься, если хочет получить положительный результат от сотрудничества.

Выбирая аутсорсинговую компанию для сотрудничества, следует собрать максимум информации из различных источников и принять взвешенное решение на основе всех критериев.

2. После предварительного выбора исполнителя следует внимательно изучить предложенный договор, который должен быть составлен грамотно и внимательно. В договоре предоставляемые услуги должны быть четко указаны с точки зрения их объема и срока исполнения. Права и обязанности обеих сторон (особенно – в части расчета платы за услуги и ответственности за нарушения) должны быть прописаны подробно и недвусмысленно.

3. Что касается цены, то она не должна являться главным критерием для выбора.

Конечно, нужно проверять предлагаемые тарифы на соответствие рыночным условиям, но в целом следует понимать, что качественная услуга дешевой быть не может. Поэтому окончательное решение нужно принимать, учитывая цену, но не основывая на ней свой выбор.

4. Компания-заказчик должна разработать эффективный механизм для осуществления контроля за деятельностью компании-исполнителя в рамках той деятельности, которую она обязуется оказывать заказчику. Аутсорсинговая компания, в свою очередь, должна регулярно предоставлять отчет о проделанной работе. Только при осуществлении постоянного контроля за деятельностью компании-исполнителя можно добиться отличных результатов.

5. Конечно, передавая часть своих полномочий специалистам компании-исполнителя, заказчик рискует. С учетом этого на предварительном этапе заключения договора аутсорсинга «необходимо максимально предусмотреть возможность наступления рисков как для заказчика, так и для аутсорсера, выделив и обосновав необходимые инструменты их снижения» [2, с.37]

Таким образом, аутсорсинг – это один из основных трендов развития бизнеса в современном мире. Его использование в Республике Беларусь позволяет повысить эффективность работы компании за счет ее концентрации на основных бизнес-процессах. Следовательно, изучение особенностей практики применения и правового регулирования аутсорсинга в различных странах, выработка предложений по его совершенствованию является весьма актуальными в настоящее время.

Список использованных источников

1. Луцкер, Н. Как с помощью аутсорсинга и инсорсинга сформировать оптимальную организационную структуру предприятия / Н.Луцкер // Финансовый директор. – 2019. – № 9. – С. 33-41.

2. Уфанова, Е, Шехман, Л. Восемь инструментов снижения рисков реализации аутсорсинговой модели бизнеса / Е. Уфанова, Л. Шехман // Финансовый директор. – 2019. – № 10. – С. 37-41.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В МЕДИЦИНСКИХ ЦЕЛЯХ КАК ФАКТОР, ВЫЗЫВАЮЩИЙ НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДАННОЙ СФЕРЕ

На сегодняшний день происходит процесс кристаллизации новых медицинских и биомедицинских явлений, в большей или меньшей степени доступных для пациентов в Российской Федерации, преобразующих и переосмысливающих биосоциальную ткань общественных отношений. Так, не вызывающим сомнения фактом стали новые биомедицинские инновационные технологии, позволяющие говорить о развитии геномной медицины и так называемой 4П-медицины (прогностической, профилактической, персонифицированной, партнерской). Расшифровка генетического материала, редактирование генома человека (в том числе с использованием технологии CRISPR/Cas9), модификация зародышевой линии клеток, активное внедрение методов клеточной и тканевой инженерии, геномики, транскриптомики, протеомики, метаболомики, а также применение биомедицинских клеточных продуктов в процессе оказания медицинской помощи изменяют биосоциальную действительность и позволяют по-новому взглянуть как на существо медицинской помощи и место пациента при ее оказании в отдельности, так и на правоотношения в сфере медицины в целом. Социальная природа и значимость генетических технологий детерминирует необходимость обеспечения оптимального юридического воздействия (выработки механизма(ов) правового регулирования) на новые объективные процессы, происходящие в сфере использования генетических технологий.

Генетические технологии чрезвычайно разнообразны по своей природе, в связи с чем и сфера их использования на сегодняшний день также очень широка и находится в состоянии перманентного расширения. Учитывая отсутствие законодательно закрепленной дефиниции генетических технологий и не умаляя эвристической ценности предложенных различными авторами своих определений [1, с. 92-96], в рамках настоящего исследования мы под *генетическими технологиями будем понимать совокупность методик, инструментов, методов, процессов и тестов, которые разрабатываются на основе знаний о геноме* [2, с. 1-3].

В апреле 2019 г. Россия приступила к реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019-2027 годы (далее – Программа) [3]. В мае 2020 г. на совещании о развитии генетических технологий в России Президент В.В. Путин объявил о создании в рамках национального проекта «Наука» трех геномных центров мирового уровня. В июне 2020 г. Президент В.В. Путин поручил Правительству России создать информационно-аналитическую систему хранения и обработки генетических данных «Национальная база генетической информации» [4].

Все это также свидетельствует о необходимости анализа и формирования наиболее совершенного нормативного правового ландшафта в сфере генетических технологий. Более того, с учетом специфики генетических технологий и высокого рискованного их характера для человека и общества, с целью формирования отвечающих сегодняшним реалиям правовых механизмов необходимо использование риск-ориентированного подхода, который позволяет понять существующие объективные процессы, а затем, исходя из степени риска, ясно определить параметры самого регулирования (в том числе и правового). Не менее важно также и то, что выстраивание механизмов правового регулирования рассматриваемых общественных отношений должно осуществляться с учетом необходимости соблюдения баланса интересов представителей медицинского и научного сообщества, заинтересованных в перманентном развитии новых биотехнологий (включая генетических) и научного знания; лиц, в отношении которых подобные технологии применяются в процессе оказания

медицинской помощи; остальных граждан, стремящихся поддерживать состояние своего здоровья на должном уровне, и общества в целом.

Одним из направлений реализации вышеобозначенной Программы является развитие генетических технологий в медицине, основные разделы которого связаны, среди прочего с биоинформатическим анализом генетических структур, обуславливающих патологические процессы; созданием моделей заболеваний; противодействием инфекциям, в том числе ретровирусным; редактированием генетических вариантов и дефектов генома, которые вызывают заболевания с описанной генетической этиологией; модификацией клеток при мультигенной патологии [3]. Также в Программе закреплено, что проведение работ по переходу к персонализированной медицине позволит обеспечить, среди прочего, нормативно-правовое сопровождение применения генетических технологий в биомедицине.

В соответствии с действующим российским законодательством медицинская помощь с использованием генетических технологий является специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощью, к которой относятся, например, медико-генетическое консультирование, пренатальная диагностика, неонатальный скрининг, преимплантационное генетическое тестирование, генотерапия, молекулярно-генетические исследования для выявления предрасположенности к генетически детерминированным заболеваниям, диагностики (генодиагностика) и лечения заболеваний и т.д. [5, ст. 32, 34, 51].

Вышеобозначенное определяет имплицитно заложенную социальную сущность и высокую социальную значимость использования генетических технологий в процессе оказания медицинской помощи с целью профилактики, диагностики и лечения различных заболеваний и состояний, включая моногенные и полигенные (мультифакториальные) заболевания, что предопределяет выстраивание эффективных правовых механизмов регулирования рассматриваемых общественных отношений на всех этапах оказания медицинской помощи с использованием генетических технологий.

При этом, социальная сущность и значимость генетических технологий в медицинской сфере не ограничивается только их применением для профилактики, диагностики и лечения различных заболеваний и состояний обратившихся за медицинской помощью граждан, а также для реализации гражданами своих прав (например, репродуктивных). Социальная сущность и высокая социальная значимость использования генетических технологий в процессе оказания медицинской помощи проявляется еще и в том, что:

1) Развитие генетических технологий в медицинской сфере позволит повысить качество и продолжительность жизни человека, особенно при активном накоплении знаний о генофонде нации (эпидемиология генома человека [2]).

2) Активное включение последних достижений науки в сфере геномики в практику оказания медицинской помощи позволит не только выстроить динамичное и необходимое в сегодняшнее время взаимодействие между научным и медицинским сообществом, но и будет способствовать эффективному противодействию различным инфекциям, пандемиям (что сейчас особенно актуально) и снижению потерь от заболеваний.

Анализ существующего российского нормативного правового поля, в той или иной степени регулирующего общественные отношения в сфере использования генетических технологий при оказании медицинской помощи, позволяет говорить, к сожалению, об эклектичности и неоднородности существующих механизмов правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений, а также об игнорировании их социальной значимости. Правовые нормы, связанные с генетическими технологиями и их прямым либо опосредованным использованием при оказании медицинской помощи, содержатся в различных нормативных правовых актах, между которыми, к сожалению, взаимосвязь прослеживается слабо, что свидетельствует об отсутствии системного правового регулирования в указанной сфере. В качестве такого примера обратим внимание на тот факт, что в Федеральном законе от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [6, ст. 2], который посвящен в своем абсолютном большинстве вопросам использования генетических технологий в сельском хозяйстве,

промышленности и других иных областях, упоминается генодиагностика и генотерапия при оказании гражданам медицинской помощи. Однако Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5, ст. 2], будучи главным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы оказания медицинской помощи, указанные понятия не содержит.

Подводя итог, отметим, что для целей системного выстраивания правовых механизмов регулирования генетических технологий и их использования в медицинских целях необходимо принятие отдельного федерального закона, посвященного генетическим технологиям, который будет отражать эксплицированную в настоящей работе социальную сущность и значимость генетических технологий, их имманентную специфику, единообразный терминологический аппарат и принципы регулирования и т.д. Данное предложение в полной мере соответствует направлению реализации Программы в части нормативно-правового сопровождения применения генетических технологий в биомедицине.

Список использованных источников

1. Мохов, А.А. Генетические технологии: понятие, сущность, виды / А.А. Мохов // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. – М.: Проспект, 2020. – С. 92-105.
2. Molster, C.M., Bowman, F.L., Bilkey, G.A., Cho, A.S., Burns, B.L., Nowak, K.J. and Dawkins, H.J.S. The Evolution of Public Health Genomics: Exploring Its Past, Present, and Future // *Frontiers in Public Health*. – 2018. Vol. 6. – P. 1-11.
3. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019-2027 годы [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ, 22 апр. 2019 г., № 479 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
4. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития генетических технологий [Электронный ресурс]: поручение Президента РФ, 4 июн. 2020 г., № Пр-920 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон, 21 ноябр. 2011 г., № 323-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
6. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности [Электронный ресурс]: Фед. закон, 5 июл. 1996 г., № 86-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

Научный руководитель: Н. И. Дивеева,
д-р юрид. наук, проф.

Научное электронное издание

**ИННОВАЦИОННАЯ
ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ПРАВА**

Международная научно-практическая конференция

(Гомель, 19 февраля 2021 года)

Сборник материалов

Подписано к использованию 20.04.2021.

Объем издания 3,55 Мб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

<http://www.gsu.by>